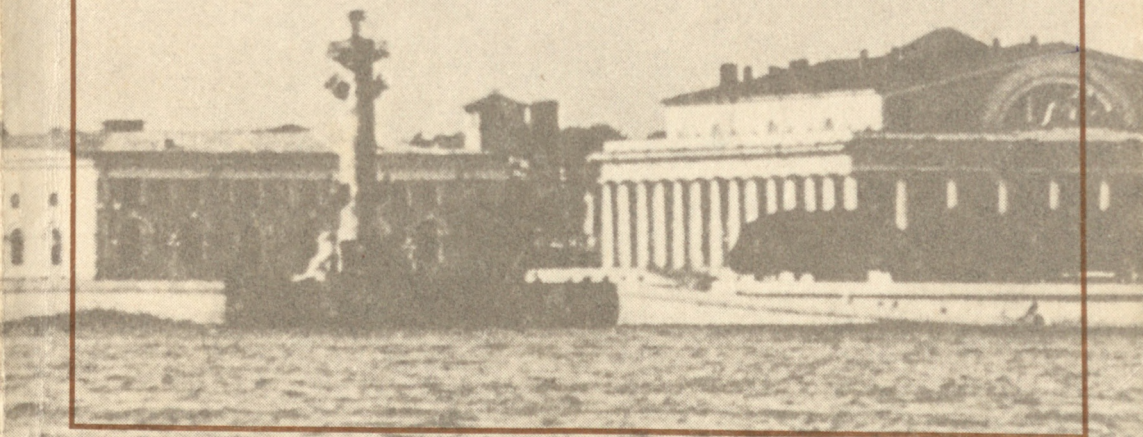

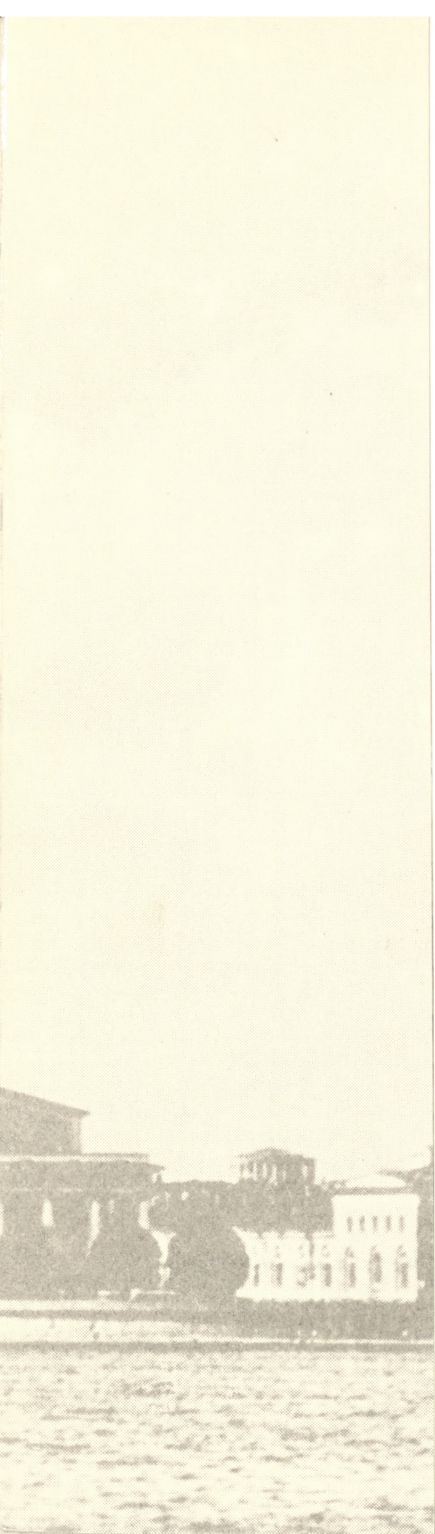
АКАДЕМИЧЕСКОЕ

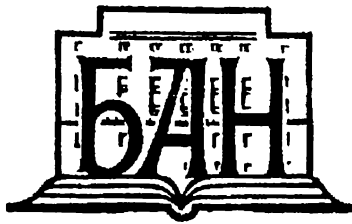
ДЕЛО

1929—1931 гг.

2 (1)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**Академическое дело
1929–1931 гг.**

**Документы и материалы следственного дела,
сфабрикованного ОГПУ**

Санкт-Петербург
1998

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Академическое дело
1929–1931 гг.**

Вып. 2

**Дело по обвинению
академика Е. В. Тарле**

Часть первая

Санкт-Петербург
1998

Редакционная коллегия:

Ж. И. Алферов, Б. В. Ананьич,
В. П. Леонов (*ответственный редактор*), Е. В. Лукин,
В. М. Панеях, С. В. Степашин, А. Н. Цамутали

Издание подготовили:

С. К. Егоров, М. П. Лепехин, Э. А. Фомина

Издание подготовлено при содействии
Российского фонда фундаментальных исследований
(Проект № 95–06–18633)

ISBN 5–201–00216–1

- © Б. В. Ананьич, Б. С. Каганович, В. П. Леонов
М. П. Лепехин, В. М. Панеях, А. Н. Цамутали —
статьи, 1998.
- © М. П. Лепехин — составление, 1998.
- © Библиотека Российской Академии наук, 1998.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Выход в свет первого выпуска материалов «Академического дела 1929–1931 гг.» вызвал значительный интерес читателей. С просьбой более подробно рассказать об этом издании к нам обратилась редакционная коллегия журнала «Библиография». Полагая, что проблема издания подобных документов по истории отечественной науки новейшего времени будет интересна не только читателям журнала — мы сочли целесообразным предварить очередной выпуск материалов «Академического дела» записью этой беседы.

1. Как возник замысел издания «Академического дела» и почему именно Библиотека Российской Академии наук выступила с инициативой его публикации?

Ранее подобных изданий не было¹. Публикация без каких-либо изъятий материалов следственного дела и с максимально возможной полнотой вовлечение в научный оборот сопутствовавших следствию материалов не имеют прецедентов в археографии новейшего периода отечественной истории. Выход в свет первого выпуска материалов одного из самых известных политических дел советской эпохи привлек внимание как средств массовой информации², так и профессиональных историков³, неизменно подчеркивавших роль Библиотеки Российской Академии наук в подготовке данного издания.

Нашу Библиотеку всегда отличал интерес к собственной истории. К 250-летию в 1964 году и 275-летию юбилеям БАН в 1989 году были изданы объемная монография «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1764» (М.; Л.: Наука. — 1964. — 599 с.) и сборник докладов «275 лет Библиотеке Академии наук. Сб. докл. Юбил. науч. конференции. 28 ноября — 1 декабря 1989 г.» (СПб. 1991. — 318 с.). Но следует отметить, что описание периода до 1929 г. обстоятельно изложения событий внутренней жизни БАН существенно отличалось от описания периода последующего. Библиотека Академии наук в 1929 г. первой приняла на себя удар, направленный властью против

Академии наук и российской науки в целом. События 1929–1930 гг., коренным образом изменившие жизнь нашей Библиотеки, (арест 35 ведущих сотрудников, массовые чистки и увольнения, разрушение сложившейся на протяжении двух веков совокупности книжных и рукописных фондов, повлекшие передачу многих из них в иные государственные хранилища или уничтожение), не могли по условиям времени быть отражены на страницах вышедшей в 1964 г. «Истории БАН» — исследования, необычайно ценного во всех других отношениях именно с фактографической стороны за счет использования архивного материала. Конструкции типа «изменения в руководстве Библиотеки», «реорганизация библиотечного дела в Академии наук»⁴ мало что говорили читателю, не представлявшему обстановку в стране в год «великого перелома». По цензурным обстоятельствам первой половины 1960-х гг. позволялось писать лишь о так называемом «большом» терроре 1937–1938 гг.; репрессии более раннего периода, массовые чистки учреждений и населенных мест по сословному и идеологическому признаку, борьба коммунистической партии с академической наукой стали упоминаться на страницах советской печати лишь в конце 1980-х гг. Включенный в план научной работы БАН в середине 1980-х гг. дополнительный том «Истории Библиотеки Академии наук СССР» не был завершен из-за невозможности получить доступ к материалам «Академического дела», что изначально делало подобное издание в значительной степени лишенным ценности как исторического справочника.

Впрочем, проблема невозможности построения достоверной собственной истории советского периода была уделом не только БАН, но и Академии наук в целом. Напомню, что из трехтомной «Истории Академии наук СССР», работа над которой велась Институтом истории естествознания и техники в конце 1950-х — начале 1960-х гг., в свет вышли только первые два тома, где повествование было доведено до 1917 года⁵. Далее этого хронологического рубежа историографический объективизм того времени продвинуться не мог. Об отношении Академии наук к захвату власти большевиками, о ходе академических выборов 1929 г., о деле «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», о репрессиях 1930-х гг. в академических учреждениях, об идеологических кампаниях 1940–1950-х гг. помнили лишь участники этих событий — на страницы печати эти темы проникли лишь в конце 1980-х. Отмечу, что (за исключением отдельных частных реабилитаций по личным заявлениям самих пострадавших, их родственников или учеников) лица, привлеченные по «Академическому

делу», были реабилитированы лишь в 1967 (большинство лиц, включенных в основное производство) и 1989 (все оставшиеся не реабилитированными до этого времени) годах.

Историография «Академического дела» до начала эпохи так называемой «гласности» состояла из двух работ — основанной на личных воспоминаниях статье С. В. Сигриста⁶ и построенном на материале собственных разысканий (в круг которых входили опубликованные источники, устные свидетельства, личные, а также доступные государственные архивы) исследовании Ф. Ф. Перченка⁷. Опубликованные за рубежом, обе эти работы были недоступны большинству отечественных читателей. Само собой разумеется, что следственные материалы по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» использованы в них быть не могли. Только в 1988 г. с ними был ознакомлен историк В. С. Брачев, сообщивший о них в научной периодике⁸, а в 1991 г. в СССР увидело свет и дополненное исследование Ф. Ф. Перченка⁹, где материалы следствия цитировались по статье В. С. Брачева, само же следственное дело продолжало храниться в режиме секретности.

Гриф секретности со следственных материалов по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» был снят лишь в начале июля 1992 г. после соответствующего Указа Президента Российской Федерации, однако еще до данного постановления, в апреле 1992 г. дирекция Библиотеки Российской Академии наук обратилась к руководству Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области с ходатайством о возможности изучить данные материалы в связи с подготовкой ряда работ по истории БАН. Разрешение было получено, и уже в ходе первоначального знакомства со всем корпусом материала «Академического дела» стала очевидной его бесспорная информационная значимость как ценнейшего источника не только по истории БАН и Академии наук в целом, но и по истории страны. Закономерно возник вопрос о способах вовлечения материалов «Академического дела» в научный оборот. Сразу же после снятия с них грифа секретности в здании Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и области («Большой Дом» на Литейном проспекте, 4) состоялось совещание, в котором приняли участие вице-президент РАН, председатель Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН академик Ж. И. Алферов, доктор юридических наук С. В. Степашин (в то время — начальник Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области), начальник пресс-службы данного Управления Е. В. Лукин и автор этих строк. На этом совещании 31

июля 1992 г. было принято решение об издании всех материалов следствия по «Академическому делу» без каких-либо изъятий как ценнейшего исторического памятника; издание должно быть осуществлено силами самой Библиотеки. В состав редакционной коллегии также были приглашены сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН академик Б. В. Ананьич, доктора исторических наук В. М. Панеях и А. Н. Цамутали. Первое заседание редколлегии, на котором шла речь о принципах издания, состоялось 4 августа 1992 г., а уже в декабре 1993 г. первый выпуск «Академического дела», подготовленный издательством БАН, увидел свет.

2. Какие цели преследует данное издание?

Данное издание не преследует никакой иной цели, кроме введения в научный оборот ранее недоступных исследователям материалов.

Какой-либо оттенок публицистики для научного издания редакционная коллегия считает излишним, и поэтому при подготовке материалов «Академического дела» мы всячески старались избежать любых субъективных оценочных суждений об описываемых событиях и людях, предпочитая излагать прошлое достаточно бесстрастным языком документов и фактов. Как справедливо подчеркивает Е. Альбац, «... эти документы, не обработанные рукой литератора, не предназначенные для чужого прочтения, имеют, конечно, совершенно особую силу. Силу материальную, силу разрушительную для тоталитарного государства <...> Эти документы пятидесяти — тридцатилетней давности тщательно охраняли раньше, продолжают охранять и сейчас. Строго говоря, все эти уголовные дела на следователей НКВД — КГБ, реабилитационные дела, надзорные производства, хранящиеся в архивах Главной военной прокуратуры, не говоря уже о следственных делах, припрятанных в КГБ, тюремных делах, гниющих в любой из старых тюрем, — все это надо публиковать в том виде, в каком они сохранились <...> Люди должны знать, что с ними могут сделать в собственной стране собственные граждане. Не „нелюди“, как мы часто себя успокаиваем, — люди. Такие же люди, как и мы. Но главное то, что там, на пыльных архивных полках хранятся крики и стоны тысяч людей — их жалобы, предсмертные письма, прошения о помиловании, просьбы их детей, жен, мужей и матерей, протоколы их допросов, свидетельства глумления над ними и их собственные исповеди — рассказы военным прокурорам <...> Там хранится, гниет, а возможно, и уничтожается трагедия огромного народа, действительная история

этой страны, которую мы до сих пор не знаем, а потому уроки которой мы все еще не восприняли. И повторяем те же ошибки вновь и вновь.»¹⁰

Отмечу мемориальное, в буквальном смысле этого слова, — значение предпринятого нами издания. Мне, как директору Библиотеки Академии наук, пострадавшей 14–15 февраля 1988 г. от одного из самых опустошительных пожаров в истории библиотек, очевидна необходимость сохранения уникальных памятников путем их воспроизведения в любой форме. Рукописи не горят только в известной цитате, но мы никогда не сможем узнать, какого объема исторической памяти лишили нас войны, революции и пожары XX века. Что же касается издаваемых нами материалов, то, как и весь основной массив архивного фонда ФСБ РФ, они существуют в единственном экземпляре.

3. Обсуждался ли нравственный аспект данного издания? В частности, допустима ли публикация показаний, где один заведомо невиновный человек оговаривает другого заведомо невиновного человека?

Этот вопрос обсуждался на самом первом заседании, где и было решено публиковать следственное дело целиком — оба производства без каких-либо изъятий, — в ином случае публикация потеряет значение как исторический источник. Почти все лица, привлеченные по «Академическому делу», были вынуждены давать не соответствующие действительности показания против других лиц и сами были оговариваемы с их стороны. Эта совокупность инспирированной следователями лжи и составляет основу дела. Безнравственно выносить какие-либо суждения по поводу нравственных качеств людей, в экстремальных условиях вынужденных оговаривать своих ближних. «Человека, попавшего в руки дьяволов в человеческом образе, невозможно судить как свободного человека»¹¹. Расчет тех, кто фабриковал «Академическое дело», как раз и строился на уверенности в том, что документально будут отражены лишь «беловые» результаты следствия — «собственноручные показания», зачастую попросту продиктованные допрашивающими, или протоколы допроса, где самые фантастические вымыслы скреплены подписями обвиняемого и следователя, а вся кровавая и грязная «черновая» подготовительная работа навеки останется тайной.

В предисловии к первому выпуску подробно говорится о том, в каких условиях создавались эти тексты, и вряд ли кто из читателей возьмет на себя грех осуждения тех или иных лиц, привлеченных по

«Академическому делу». Напротив, как мне кажется, публикация всех сохранившихся документов как раз и должна положить конец рассуждениям тех лиц, которые понаслышке знакомы с этой трагической страницей нашей истории, — кто кого оговорил и кто из обвиняемых в какой степени виновен в том, что в большей или меньшей мере шел на поводу у следователей. Подобные рассуждения безнравственны. В настоящее время ни одного из участников «Академического дела» — ни палачей, ни их жертв — нет в живых. Более того, по неумолимой логике событий в конце 1930-х гг. палачи сами разделили участь своих жертв.

В заключение ответа на данный вопрос процитирую мнение одного молодого историка, с которым нельзя не согласиться. «В книге „Академическое дело 1929–1931 гг.“, — пишет С. Носов, — читатель может встретить такое утонченное знание человеческой психологии, которое и не снилось ни науке, именуемой психологией, ни психологической прозе, претендовавшей на исчерпывающее знание внутреннего мира человека. Вновь дала о себе знать печальная истина — лишь под страхом смерти человек реализует все свои способности, все свое знание людей и жизни, всю свою мудрость. И тем более печально, что, как правило, это оказывается уже бесполезным. Нельзя не поразиться тому, сколь изощренно, в сущности, фантазируют и обвиняемые, и сами следователи. Кажется, любой рядовой „деятель искусств“ мог бы позавидовать такому богатству фантазии. Причем, фантазия и интеллект мобилизованы вовсе не во имя добра, не во имя прекрасного. „Возбудители“ ума и фантазии либо низки, либо жалки. Без всякого преувеличения „Академическое дело“ являет собой как бы одну из версий „Процесса“ Кафки, хотя создатели подобного „высокохудожественного“ произведения были люди подлые и пустые, функционеры НКВД. Так какова же тогда первооснова творчества? Впрочем, эти вопросы относятся уже ко временам будущим, когда будет признано, что чудовищная лживость „Академического дела“, равно как и ему подобных, вовсе не означает, что оно было организовано бесталанно, бездарно и вообще нелепо. Пока же до этого далеко»¹².

4. Не сможет ли произойти посредством тиражирования материалов следственного дела внедрение давней лжи организаторов «Академического дела» в современное сознание? В частности, есть ли уверенность в том, что неподготовленный читатель сможет отличить правду от вымысла?

Подобное опасение в период подготовки первого выпуска имело место, но, насколько можно судить по рецензиям, ничего подобного не произошло. Редакционная коллегия сочла необходимым поместить на контртитule особый предупредительный подзаголовок. Заглавие выпуска снабжено уточнением «Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ», — «особо важным для неосведомленного читателя, у которого может создаться иллюзия действительного существования контрреволюционного заговора»¹³.

Помимо подзаголовка, о степени соответствия показаний реальным фактам достаточно подробно сказано в предисловиях. После выхода первого выпуска «Академического дела» членам редколлегии и лицам, готовившим издание, пришлось беседовать с самыми разными людьми, прочитавшими эту книгу, — ни у одного из них «иллюзии действительного существования контрреволюционного заговора» не создалось. Нам кажется, что не стоит заранее принижать способности гипотетического «неосведомленного читателя» к критическому суждению. Представляется маловероятным, что современный читатель, в руки которого попадет это малотиражное научное издание, отнесется к нему либо как к занимательному чтению, либо как к достоверному историческому источнику.

«Тут мы невольно вынуждены погрузиться в область устойчивой диалектики исторической науки — есть ли лживый „документ эпохи“ все-таки документ? Имеет ли порочный вымысел познавательное значение? И так далее. Любому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что правды о себе эпоха лжи оставить не может (иначе она не была бы лживой), но это не значит, что документы заведомо лживые не способны быть историческим источником — они много говорят о психологии власти, о психологии ею обвиняемых и истязаемых и, наконец, об облике карательных органов, организовавших „липовые“ политические процессы»¹⁴.

Напомню еще раз: первоначально — еще не имея даже в замыслах подобного издания — к материалам «Академического дела» мы обратились в поисках сведений по истории Библиотеки Академии наук 1920-х гг. и были поражены богатством сведений по данной тематике.

Среди этого интереснейшего и, зачастую, уникального материала особую ценность представляют биографические сведения о ряде наших сотрудников, а также материалы комиссии по обследованию БАН 1929–1930-х гг. Отказаться от вовлечения в научный оборот этих материалов мы не вправе: в этом мы видим наш долг перед памятью ушедших предшественников и перед будущими поколениями сотрудников БАН. Собрать драгоценные крупницы исторических фактов, относящихся к прошлому нашей Библиотеки, ее сотрудники всегда считали своим нравственным долгом. Связь времен прерваться не должна.

5. Необходим ли комментарий к публикуемым материалам и каким он должен быть?

Наиболее полно эта точка зрения выражена академиком Д. С. Лихачевым в письме, которое опубликовано в газете «День». «Мне стало известно, — пишет он, — что предполагается печатание так называемого „академического дела“ 1929–1930 гг. без исследования этого дела и без комментариев. Тем самым будет пропагандироваться точка зрения на „академическое дело“ следователей ОГПУ, дискредитированными окажутся крупнейшие наши ученые — Тарле, Измайлов, подписавшие под сильным давлением не соответствующие действительности протоколы. Известно также, что „академическое дело“ началось по доносу историка М. Покровского и по инициативе политбюро и Сталина в целях „советизации“ Академии наук. Но читателям восьми томов дела это будет неизвестно. Неизвестны будут и материалы, не удовлетворившие цели обвинения и потому не приобщенные к делу. Все документы всегда печатались только с исследованием и комментариями. Это же правило должно соблюдаться и при печатании документов советского времени. Поэтому оптовые допуски к целым собраниям документов иностранных публикаторов необходимо также прекратить. По каждой группе документов нужно отдельное решение и проверка правильности использования, правильности комментариев. Я привел „академическое дело“ лишь в качестве примера. Печатание документов, касающихся советской истории, как иностранными, так и нашими учеными должно делаться только с объективными комментариями и со всеми необходимыми дополнительными материалами, иначе мы будем пропагандировать только следовательскую и партийную точку зрения на нашу науку, культуру, на отдельных людей и пр.»¹⁵

Необходимость комментария к публикуемым документам сомнений не вызывает, но формы его должны быть соотнесены, во-первых,

со здравым смыслом и, во-вторых, с архитектурой издания в целом, а также с объемом и реальными сроками выхода в свет всех его выпусков.

Традиционный комментарий, включающий в себя совокупность примечаний, едва ли возможен для сопровождения каждого документа настоящего издания. Из-за огромного количества общих мест создавать систему взаимных отсылок к показаниям по одному и тому же вопросу многих подследственных до выхода в свет всех выпусков «Академического дела» нецелесообразно, так как окончательное утверждение нумерации документов проводится на заключительной стадии подготовки каждого выпуска к изданию. В последнем выпуске «Академического дела» предполагается дать сводный указатель сюжетов показаний обвиняемых, который в совокупности с хронологическим указателем публикуемых документов и должен явиться аналогом комментария, построенном в наиболее удобной для исследователей форме.

Что же касается комментария реального, то он обусловлен прежде всего степенью фактографической достоверности текста, о чем речь уже шла ранее. Мнения членов редколлегии и рецензентов по данному вопросу совпадают. Вот некоторые примеры:

Б. В. Ананьич, В. М. Панях, А. Н. Цамутали: «Естественно, что степень достоверности показаний обвиняемых в этом случае настолько незначительна, что современный уровень наших знаний о событиях, связанных с организацией процесса, не позволяет в результате научного комментирования выделить из общего потока ложных, а порою и фантастических сведений даже крупинцы правды. Организаторы же процесса хорошо знали о безнаказанности творимого ими и не заботились о том, чтобы хоть как-то отделить фантазию от реальности»¹⁶.

Е. В. Лукин: «Сначала думали о том, чтобы издать „Академическое дело“ с подробными комментариями. Но потом убедились, что откомментировать каждый эпизод сфальсифицированного „дела“ просто невозможно. В таких „делах“ примерно 75 процентов правды, но оставшиеся проценты лжи „выворачивают“ все наизнанку, ставят все на голову. Поэтому издание предваряет большая вступительная статья, написанная историками, где речь идет о том, что публикуемые материалы — документы времени и их ни в коем случае нельзя воспринимать буквально»¹⁷.

С. Н. Носов: «Комментировать материалы, подобные „Академическому делу“, по типу, скажем, комментария к древнерусским летописям, естественно, невозможно. Реальна и имеет смысл лишь общая характеристика издаваемых материалов, их обобщенный анализ. Если бы историческая наука, имея дело с чудовищной горой вымысла и фальсификаций, которую ей оставил ушедший в прошлое „коммунистический век“, пыталась быть столь же верной правде источника, как верна ей, скажем, медиевистика, она превратилась бы в откровенную нелепость»¹⁸.

Отказ от комментирования каждого документа в отдельности вовсе не означает «отказ публикаторов от „святая святых“ всякого научного издания документов — критических комментариев к ним»¹⁹. Речь идет о различных стадиях работы. В данном случае публикация исторического источника предшествует его углубленному изучению. Лишь после того, как весь текст документов «Академического дела» будет нами введен в научный оборот, появится реальная возможность создать в сжатые сроки удобный для пользования комментарий ко всем выпускам, о принципах построения которого говорилось выше.

Отмечу, что по мере продвижения нашей работы по изданию «белового» материала следствия, идет работа и по накоплению необходимого для публикации и комментирования «чернового» материала, сопутствовавшего «Академическому делу». В самом деле, «если не выявить все то, что оказалось не включенным в „чистовой“ вариант „дела“, то публикация дела № 8326 (намечаемая БАНом и ПНЦ РАН) станет публикацией гигантской фальшивки, не более того»²⁰. К сожалению, не сохранились материалы оперативной разработки, об их отсутствии писал еще 18 декабря 1966 г. начальник 10 (архивного) отдела УКГБ по ЛО подполковник А. Г. Лобанов в ответ на запрос Главной военной прокуратуры²¹.

Предпринятые нами поиски в ряде архивов, а том числе в ранее совершенно недоступном для исследователей Архиве Президента Российской Федерации (так называемые «особые папки») позволили в значительной степени расширить представления об истории и методике организации «Академического дела»²². Тем не менее и ведомственные архивы не всегда могут дать исчерпывающий ответ. Так, на запрос редколлегии нашего издания об уточнении дат и обстоятельств пребывания академика Е. В. Тарле в Алма-Ате, получены ответы:

1) из Комитета национальной безопасности Республики Казахстан:

«По данным информационного центра МВД Республики Казахстан Тарле Евгений Викторович заседанием тройки при ПП ОГПУ от 8 августа 1931 года выслан в Казахстан на 5 лет, считая срок с 28.01.1930 г. по статьям 58/3, 58/5-6 и 11 УК РСФСР.

Другими сведениями в отношении Тарле Евгения Викторовича КНБ Республики Казахстан не располагает.

Начальник подразделения Комитета *В. Веретов*».

2) из Архива Президента Республики Казахстан:

«В фонде Казкрайкома ВКП (б) обнаружен список административно-высланных профессоров преподавателей вузов Алма-Аты, где проходит Тарле Е. В., который преподает историю докапиталистической формации в Казахском педагогическом институте (КазПИ).

В сведениях о нагрузке и составе профессорско-преподавательского персонала КазПИ на 1931–32 учебный год профессор Тарле Евгений Викторович, 1875 года рождения, беспартийный, по национальности русский имеет годовую нагрузку 150 часов и совместительствует в газете „Советская степь“.

Других документов не обнаружено.

Основание: ф. 141, оп. 1, д. 4989, лл 7 об, 12 об, 39, 77.

Директор *Г. А. Карпыкова*».

Вот и все, что сохранилось в казахских архивах о более чем годичном пребывании Е. В. Тарле в Алма-Ате.

Ответ на этот вопрос хочу закончить справкой о системе указателей в нашем издании. Составление сводного аннотированного именного указателя, который должен иметь место в завершающем издании справочном выпуске, отнюдь не означает отсутствия необходимости в простом именованном указателе в каждом из выпусков. В данном томе мы помещаем именной указатель к вышедшим двум выпускам; в дальнейшем им будет сопровождаться каждый выпуск.

б. Какова структура каждого тома и издания в целом?

Каждый выпуск состоит из предисловия, биографического очерка, корпуса документов, приложений, именного указателя, оглавления. Всего намечено к изданию около 20 выпусков, куда полностью войдут 28 томов основного и дополнительных следственных произ-

водств «Академического дела». Вышедшие первые два выпуска посвящены С. Ф. Платонову и Е. В. Тарле. Выпуск 3 составят материалы, относящиеся к А. И. Андрееву, выпуск 4 — к Н. В. Измайлову, выпуск 5 — к С. В. Рождественскому, А. А. Петрову и П. П. Аникиеву, выпуск 6 — к Н. П. Лихачеву, выпуск 7 — к В. Н. Бенешевичу, выпуск 8 — к С. В. Бахрушину, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорову, М. К. Любавскому, В. И. Пичете и А. И. Яковлеву, выпуск 9 составят материалы об А. М. Мерварте и членах так называемого «военного ядра», выпуск 10 — к П. П. Бабенчикову, Д. Н. Бенешевичу, Т. И. Блумберг, А. Г. Вульфису, Г. Г. Гульбину, А. А. Зеленецкому, М. А. Клэру, Т. А. Корвин-Круковской, А. Н. Криштофовичу, С. А. Лобанову, Н. М. Окнину и П. И. Полевому. Выпуск 11 будет состоять из обвинительного заключения и материалов реабилитационного производства. Последующие выпуски будут посвящены лицам, проходившим по дополнительному производству «Академического дела»²³. Последний выпуск предполагается в качестве итогового; он будет справочным к изданию в целом — в частности, в нем будет помещен сводный аннотированный именной указатель.

7. Каковы объем и сроки данного издания?

Объем каждого выпуска будет не менее 25 учетно-издательских листов. Что же касается сроков, то с 1998 г. мы постараемся выпускать не менее одного выпуска ежегодно полностью собственными силами БАН. Разумеется, в наше беспокойное время трудно с уверенностью говорить о будущем, но данная исследовательская программа рассчитана примерно на пятнадцать лет. Я хочу поблагодарить всех лиц, подготовивших и издавших первые два выпуска «Академического дела» — это не только сотрудники БАН, но и наши коллеги-историки, архивисты, сотрудники Библиотеки и Архива Академии наук, архивов республики Казахстан, а также те, кто откликнулся рецензиями на выход в свет первого тома «Академического дела». В подобном сотрудничестве мы и склонны видеть конкретное проявление того «общего дела» — воскрешение исторической памяти о предшествующих поколениях, — о котором в свое время мечтал идеальный библиотекарь Николай Федорович Федоров.

Профессор В. П. Леонов

Опубликовано в журнале «Библиография» (1998. № 1. С. 85–94)

Примечания

¹ Не только публикация, но и само обращение историков к следственным делам, хранящихся в архивах органов Госбезопасности до 1988 г. были невозможны. Нам известен лишь один случай работы независимого исследователя (по ходатайству Союза писателей СССР) к следственным материалам с последующим обширным цитированием в книгах, вышедших за пределами СССР. Это сделал М. А. Поповский в своих замечательных книгах об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) и Н. И. Вавилове. См.: *Поповский М. А.*: 1) Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Paris, 1979; 2) Дело академика Вавилова. Анн Арбор, 1983. В настоящее время обе книги переизданы в России.

² *Стаценко Д.* Рассекреченная боль: Т. 1 // Невское время. 1993. № 252. 31 декабря. С. 2; Краюхин С. Памятник жертвам «академического дела» // Известия. 1994. № 1. 4 января. С. 7; Уникальное издание // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. № 1. 4 января. С. 2; *Лисицына А.* Это часть истории российской науки // Смена. 1994. № 1. 4 января. С. 2; *Григорьев Д.* «Дело академиком» рассекречено // Вечерний Петербург. 1994., № 5 (20195). 11 января. С. 2; Он же. Реабилитация академиком и науки // Общая газета. 1994. № 2. (27). 14–20 января. С. 2.

³ *Рахматуллин М. А.* Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова // Отечественная история. 1994. № 6. С. 174–183; *Буганов В. И., Саверушева К. Ц.* (Рец.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 223–225; *Брачев В.* Первые страницы // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 121–122; *Артизов А. Н.* (Рец.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 117–118; *Носов С. Н.* Реанимация исторического познания // Звезда. 1995. № 3. С. 144–148.

⁴ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1764. М.; Л., 1964. С. 380, 381.

⁵ История Академии наук СССР: В 3 т. М.; Л., 1958–1964. Т. 1–2.

⁶ *Ростов А.* [*Сигрист С. В.*] Дело четырех академиком // Память: Ист. сб. Вып. 4. М., 1979; Париж, 1981. С. 469–495.

⁷ *Вознесенский И.* [*Перченко Ф. Ф.*]: 1) Имена и судьбы // Память: Исторический сборник. Вып. 1. М., 1976; Нью-Йорк, 1978. С. 353–410; 2) Материалы к истории Академии наук // Там же. Вып. 4. С. 459–466.

⁸ *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.

⁹ *Перченко Ф. Ф.*: 1) Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163–235; 2) «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.

¹⁰ *Альбац Е.* Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М., 1992. С. 133–135.

¹¹ *Сильверсван Б. П.* Письмо А. В. Амфитеатрову от 27.10.1931 // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 368.

¹² *Носов С. Н.* Реанимация исторического познания. С. 147.

¹³ *Рахматуллин М. А.* Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. С. 174.

¹⁴ *Носов С. Н.* Реанимация исторического познания. С. 147.

¹⁵ *Лихачев Д. С.* Комиссии по культуре Верховного Совета России. С. Ю. Седакову // День. 1993. № 3 (83). С. 8.

¹⁶ [*Ананьич Б. В., Панеях В. М., Цамутали А. Н.*] Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XI.

¹⁷ *Одинцова Н.* Расстрельные списки Большого Дома: Тяжкий разговор об архивах КГБ и не только о них [Беседа с Е. В. Лукиным] // Вечерний Петербург. 1994. № 249. 28 ноября. С. 3.

¹⁸ *Носов С. Н.* Реанимация исторического познания. С. 148.

¹⁹ *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова. С. 121.

²⁰ *Перченко Ф. Ф.* Я решительно настаиваю . . . // In memoriam. С. 12. Автор ссылается на старый архивный номер дела, которому впоследствии был присвоен другой — П–65245.

²¹ Архив ФСБ РФ по СПб и области. № П–65245. Т. 19. Л. 90 об.

²² *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* Принудительное «соавторство»: (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // In memoriam С. 89–91.

²³ Все они перечислены в предисловии к вып. 1. См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1 С. VII–XI.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск издания «Академическое дело 1929–1931 гг.» включает в себя следственные материалы по обвинению академика Е. В. Тарле. Кроме того, публикуются приложения. Как и следственное дело академика С. Ф. Платонова¹, материалы этого выпуска представляют собой фабрикацию ОГПУ. К сожалению, это обстоятельство в некоторых статьях и воспоминаниях, посвященных истории «Академического дела», не принимается во внимание, делаются попытки сравнительной характеристики поведения подследственных, а на их основе часто и поспешные выводы о том, кто лучше или хуже вел себя во время следствия или кто кого «оговорил». В результате, подвергшиеся тяжелому нравственному и физическому испытанию участники «Академического дела» становятся как бы объектом повторного суда, а преступная деятельность организаторов расправы над людьми науки и тем самым над наукой остается в тени. Стравливание невольных участников «Академического дела» как раз входило в задачу тех, кто вел следствие, и было одним из приемов его фабрикации, но разумеется, не единственным. Кроме того, высказана точка зрения, согласно которой сфабрикованные ОГПУ материалы «Академического дела» являются достоверным источником для изучения исторических и общественно-политических взглядов репрессированных ученых². Это мнение свидетельствует о нежелании считаться с тем бесспорным фактом, что про-

¹ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

² См., например: Исповедь узника ОГПУ: (неизвестная рукопись академика С. Ф. Платонова). / Вступительная статья и публикация В. С. Брачева // Вестник РАН. 1992, № 9. С. 119; *Брачев В. С.* 1) Общественно-политические взгляды С. Ф. Платонова // Историческая наука в меняющемся мире: Историография отечественной истории. Казань, 1994. Вып. 2. С. 51–56; 2) Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч. 1–2; 3) «Дело историков». 1929–1931. СПб., 1997.

токолы допросов и собственноручные показания подследственных были результатом их принудительного «соавторства» со следователями.

После издания первого выпуска были опубликованы в основном неизвестные ранее материалы из Архива Президента Российской Федерации: докладные записки, телеграммы, письма и отчеты высших должностных лиц ОГПУ, прокуратуры РСФСР, центральной контрольной комиссии партии и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, а также руководящих работников Ленинградского обкома ВКП(б), адресованные политбюро и руководству партии и советского государства, в первую очередь, И. В. Сталину. Они содержат дополнительные сведения о подготовке и ведении в Ленинграде силами ОГПУ следствия по поводу обнаруженных в архивохранилищах Академии наук документов «политического содержания» и по «Академическому делу». Также опубликованы, хотя и частично, постановления политбюро, санкционирующие действия карательных органов.¹

Из дополнительно выявленных при подготовке настоящего издания документов отметим также докладную записку от 15 сентября 1930 г. председателя ОГПУ В. Р. Менжинского и помощника начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Я. С. Агранова (которым она, по-видимому, непосредственно и была написана) И. В. Сталину и В. М. Молотову, публикуемую в приложении к настоящему выпуску.

В предисловии к изданию следственного дела С. Ф. Платонова нами уже было отмечено, что «Академическое дело» было инспирировано политбюро, и следствие велось под непосредственным его руководством. Теперь это мнение, оспоренное В. С. Брачевым,² получило исчерпывающее документальное подтверждение.

Исходным моментом, приведшим через год к массовым арестам по данному «делу», стали выборы в Академию наук в январе-феврале 1929 г.³ Не случайно в докладной записке «О состоянии следствия по делу о деятельности контрреволюционных группировок в Академии

¹ «Осталось еще немало хлама в людском составе»: Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. Вып. 3. С. 105–126; Вып. 4. С. 103–119. (Далее: Источник. 1997. Вып. 3; Источник. 1997. Вып. 4).

² Брачев В. С. «Дело историков». 1929–1931. С. 4–5, 9, 59–60.

³ О вмешательстве высшего партийного руководства в выборную кампанию 1928–1929 гг. см. подборку документов: «Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. Вып. 3. С. 107–140.

наук СССР» от 9 января 1930 г. зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды и начальника СОУ ОГПУ Г. Е. Евдокимова секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину говорится о «группировке» С. Ф. Платонова, в результате деятельности которой «при довыборах в Академию наук» «провалились кандидатуры т. т. Деборина, Лукина и Фриче и не получили абсолютного большинства голосов кандидатуры т. т. Покровского, Бухарина, Кржижановского и Губкина». ¹ Так называемая «архивная история», то есть получение комиссией РКИ по чистке АН СССР агентурных данных ² о хранении в архивах Академии важных политических документов и их обнаружении вызвала новый кризис в уже и без того обострившихся отношениях между Академией наук и высшими партийными властями. По докладным запискам, адресованным Сталину, Г. К. Орджоникидзе, политбюро, РКИ, видно, что данному частному и по существу второстепенному эпизоду сразу же был придан криминально-политический характер.

Свидетельствами этого являются арест одного из ближайших сотрудников С. Ф. Платонова, ученого секретаря Археографической комиссии А. И. Андреева (ордер был выписан 23 октября 1929 г., арест произведен на следующий день), постановление политбюро от 5 ноября 1929 г., которым Особой следственной комиссии под председательством Фигатнера (в нее входили руководящие работники ОГПУ Агранов и Петерс) «со включением т. Крыленко» (прокурора РСФСР) поручалось «обсудить вопрос о привлечении к суду виновных в укрывательстве документов». ³ Вскоре последовали аресты ряда сотрудников Академии наук, по утверждению следователей ОГПУ, причастных к хранению документов (Ф. И. Покровского, Ф. Ф. Мартинсона, М. Д. Беляева, Н. В. Измайлова, Б. Н. Моласа, С. К. Пилкина, Д. Н. Халтурина, В. Н. Раевского, С. В. Рождественского, А. А. Петрова).

Но хотя пока речь шла о статье 78 УК РСФСР, предусматривавшей лишение свободы на срок до 3-х лет за хищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных и частных документов из государственных учреждений, власти стремились использовать это «дело» для предъявления более тяжких обвинений политического характера и массовых арестов, в том числе группы академиков.

¹ Источник. 1997. Вып. 4. С. 116–117.

² Источник. 1997. Вып. 3. С. 108–109. (Телеграммы С. М. Кирова и Ю. П. Фигатнера И. В. Сталину и Г. К. Орджоникидзе от 20 и 21 октября 1929 г.).

³ Источник. 1997. Вып. 4. С. 103.

Так, уже в первом докладе об обнаружении в академических учреждениях якобы незаконно хранящихся документов — телеграмме С. М. Кирова и Фигатнера Сталину и Орджоникидзе от 20 октября 1929 г. — сообщается: «Изъятие этих материалов может дать некоторые новые нити».¹ На следующий день (21 октября) те же лица докладывали: «... это может помочь нам вскрыть очень многое».¹ 1 ноября Фигатнер и второй секретарь ленинградского обкома партии М. С. Чудов запрашивали Сталина и Орджоникидзе: «Сообщите, кто будет вести следствие, касающееся самих академиков».² И уже в конце ноября — начале декабря 1929 г. на заседании Особой следственной комиссии Фигатнера принимается ряд решений, констатирующих «наличие оснований» не только для привлечения академических работников по ст. 78, но и «для углубленной следственной разработки в направлении выяснения связей отдельных лиц, стоящих во главе Академии наук, с белой эмиграцией за рубежом, с некоторыми иностранными представительствами и миссиями и возможной шпионской (военно-разведывательной) деятельности в интересах иностранных государств», для чего предлагалось продолжить «агентурную разработку».³ Одновременно, 1 декабря 1929 г., Фигатнер в телеграмме Сталину и Орджоникидзе сообщил, что возглавляемая им комиссия «считает необходимым немедленно начать официальное следствие по ст. 78, в первую очередь, в отношении Платонова, Ольденбурга, Срезневского, [Ф. И.] Покровского, Моласа, Дружинина», отметив, что «в процессе следствия не исключена возможность и статьи 58–11», и запрашивал согласия политбюро: «Прошу срочно согласиться на начало официального следствия прокуратурой, фактически ОГПУ».⁴ Такая санкция, как показывает ход архивного «дела», была от политбюро получена. Уже упомянутая докладная записка Ягоды и Евдокимова Сталину от 9 января 1930 г. свидетельствует о том, что в ходе допросов по «делу» о хранении политических документов следователи ОГПУ принудили сотрудников Академии наук А. И. Андреева, Б. Н. Моласа, Н. В. Измайлова, С. В. Рождественского, М. Д. Беляева и других дать показания по вопросам, никакого отношения не имеющим к причинам ареста, согласно которым было «подтверждено» «существование в Академии наук мо-

¹ Источник. Вып. 3. С. 109.

² Там же. С. 117.

³ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисловие. С. XXX–XXXI.

⁴ Источник. 1997. Вып. 4. С. 106.

нархической группировки», «лидером» которой «является академик Платонов, тесно связанный с видными деятелями белоэмигрантского движения»; его поездки «в 1926 и 28 годах за границу носили, почти исключительно, политический характер»; С. Ф. Платонов «неоднократно имел деловые свидания с В. Н. Коковцовым, В. А. Маклаковым, П. Н. Милюковым, П. Б. Струве, бывшим академиком Ростовцевым, Гурлянтю, генералом Марченко и др., с которыми совещался» «на квартире дочери Платонова — Краевич» «о положении в СССР и белой эмиграции». ОГПУ нетрудно было, имея в виду методы, при помощи которых велось следствие, получить показания и о том, что С. Ф. Платонов вел переговоры об организации «антисоветской деятельности, которая должна быть возглавлена определенной группой высшей интеллигенции», «имел личную связь с германским консулом Цейхлиным», через которого «отправлял за границу корреспонденцию и какие-то документы» и даже «имел возможность нелегальной переправы через границу и людей», получал нелегально белоэмигрантскую литературу¹ и т. д. и т. п.

Нетрудно заметить, что ОГПУ с санкции политбюро, воспользовавшись арестом сотрудников академических учреждений по архивному «делу», сразу же, почти одновременно, начало фабрикации «Академического дела», и к началу января наметило общий каркас его сценария. Таким образом архивное «дело» может быть охарактеризовано как первый, подготовительный, этап «академического» и очень быстро фактически оказалось на его периферии, а вскоре было и вовсе поглощено им.

Руководство ОГПУ в своей докладной записке от 9 января 1930 г. Сталину не ограничилось, однако, конструированием организационно оформленной группировки С. Ф. Платонова, но указало на существование другого антисоветского объединения, «главными деятелями» которого были названы академики А. Е. Ферсман, В. И. Вернадский, А. Н. Крылов, С. Ф. Ольденбург.

Суммировав все эти «данные», Ягода и Евдокимов сообщили, что «по обстоятельствам дела ОГПУ считает необходимым немедленный арест академика Сергея Федоровича Платонова и в случае необходимости допрос академиков: Перетца, Крачковского, Никольского и Крылова А. Н. с правом последующего ареста, в случае подтверждения имеющихся на них компрометирующих материалов или обнаружения

¹ Там же. С. 115–116.

новых».¹ Этот документ, последний в подборке, опубликованной в вып. 3 и 4 журнала «Источник» за 1997 г., сформулирован таким образом, что немедленно требовал ответа — санкции на начало новых арестов, прежде всего среди академиков. Она несомненно в той или иной форме была получена от политбюро, и через три дня, 12 января 1930 г., был арестован С. Ф. Платонов, после чего последовали по-вальные аресты, в том числе вскоре были взяты под стражу еще три академика: в конце января — Е. В. Тарле и Н. П. Лихачев, в конце августа — москвич М. К. Любавский. О том, что санкция политбюро была необходима, свидетельствует и то обстоятельство, что другие академики, намеченные Ягодой и Евдокимовым к включению в «Академическое дело», по нему не привлекались, поскольку, как видно, санкции на их арест политбюро не дало.

Всего в ДПЗ Ленинграда было заключено (включая тех, кого по разным причинам освобождали в ходе следствия) около 150 человек. По первому следственному производству проходило 29 человек, в том числе четыре академика и пять членов-корреспондентов АН СССР (В. Н. Бенешевич, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, С. В. Рождественский, А. И. Яковлев); по второму производству — 86 человек, в том числе четверо членов-корреспондентов АН СССР (С. К. Богоявленский, А. И. Бриллиантов, А. А. Бялыницкий-Бируля, В. Г. Дружинин).

В упомянутой выше докладной записке Менжинского и Агранова от 15 сентября 1930 г. Сталину и Молотову отмечается, что предыдущие докладные записки о ходе следствия по «Академическому делу» были направлены 10 и 23 января 1930 г. Не возникла ли здесь путаница с датой первой из них и не идет ли речь о докладной записке, подписанной Ягодой и Евдокимовым 9 января? Ведь Менжинский и Агранов пишут только о двух, а не трех записках. Что же касается следующего доклада ОГПУ, то его в политбюро, вероятно, ждали к 15 января 1930 г., в связи с чем пунктом 9 его повестки дня значится вопрос: «Об Академии наук». Но данный пункт был снят с обсуждения, по всей видимости, потому, что очередная докладная записка ОГПУ еще не была получена.²

23 января 1930 г. доклад ОГПУ, содержание которого нам пока неизвестно, препровождается в политбюро, и уже 25 января состоялось его заседание, на котором со ссылкой на не рассмотренный десять дней тому назад пункт повестки дня принимается решение: «Поручить

¹ Там же. С. 117–118.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Л. 774.

Секретариату ЦК утвердить инструкцию»¹. Полагаем, что ответ на поставленный нами в предисловии к первому выпуску издания вопрос: «Не идет ли здесь речь об инструкции следователям, ведшим „Академическое дело“?»¹, в свете новых материалов может с большей долей вероятности быть утвердительным.

Возвращаясь к архивному «делу», необходимо отметить, что опубликованные новые документы политбюро дают основание для некоторых дополнительных выводов о том, как оно было использовано. В частности, высшим руководителям партии и государства удалось, не считаясь с мнением академиков, решением политбюро и распоряжением правительства заменить в президиуме АН СССР С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана и С. Ф. Платонова своими креатурами, а также фактически передать власть в Академии ее коммунистической фракции, чем предопределить дальнейшее развитие АН СССР.

В отчете председателя коммунистической фракции М. Н. Покровского, направленном в политбюро 1 ноября 1929 г., прямо заявляется, что возникла необходимость «воспользоваться моментом», растерянностью академиков, для «немедленной смены руководства Академией» в качестве первого шага «к радикальному изменению всего характера и всей структуры Академии наук». М. Н. Покровский пришел к радующему его выводу, что она утратила международный авторитет, так как «Академия, в которой руководящий персонал сменяется простым распоряжением советской власти, есть такое же научное учреждение, как и всякое другое учреждение Советского Союза». Автор отчета с удовлетворением отметил, что с осуществлением этой реформы «из жизни нашей страны исчезнут последние остатки ученой касты и возникнет новый, можно надеяться, весьма мощный научный коллектив такого типа, какие нам нужны для осуществления задач, стоящих перед нашей страной».²

Еще дальше в этом направлении пошел недавно избранный, фактически назначенный властями на пост вице-президента АН СССР старый большевик Г. М. Кржижановский. В записке, направленной им 11 декабря 1929 г. в политбюро содержалось предложение «произвести постепенную ликвидацию 2-го отделения Академии наук (отделения гуманитарных наук)».³ Не менее радикальные меры предусматривала докладная записка, направленная в ЦКК ВКП(б) в тот же день,

¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисловие. С. XXXII.

² Источник. 1997. Вып. 3. С. 118–122.

³ Источник. 1997. Вып. 4. С. 107.

11 декабря, Фигатнером, который поставил вопрос о необходимости не только проверки «самых академиков», даже арестов некоторых из них, но и о «перевыборах академиков», предоставлении возможности переизбрать «людей вредных», так как, если «нам приходится мириться с академиками такого типа, как Павлов или менее крупными, но представляющими крупную научную ценность, то в отношении академиков, как Платонов, Лихачев, Ольденбург, Алексеев и т. д., занимающихся гуманитарными науками, людей по своему мировоззрению враждебных советской власти, их надо вышибать из Академии», вследствие чего «советская наука и сама Академия наук только выигрывает». Впрочем, Фигатнер предложил и другую меру — увеличить число академиков с 81-го до 150-ти, что «даст возможность влить в Академию наук новые свежие силы советски настроенных ученых, которые превратят старых академиков-реакционеров в маленькую ничтожную группу».¹ Резюмируя вносимые им предложения, Фигатнер зафиксировал суть произведенного переворота: «Нам сейчас удалось сломать старую Академию наук». Он считал необходимым на этом не останавливаться: «... при достаточном внимании со стороны ЦК партии, Ленинградского обкома ВКП(б) и Совнаркома мы сможем в течение одного — полутора года превратить теперешнюю Академию наук в Советскую Академию».²

Но именно с этой целью — окончательно добить старую Академию и на ее обломках построить новую — и было сфабриковано «Академическое дело».

Докладная записка от 15 сентября 1930 г. Сталину и Молотову, которую подписали председатель ОГПУ Менжинский и начальник СОУ ОГПУ Агранов, подводила итоги девятимесячного следствия по «Академическому делу» и представляет поэтому особый интерес.

Она издана типографским способом и включена в состав сборника в картонном переплете под заглавием «Материалы контрреволюционной монархической организации „Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России“, возглавлявшегося академиком Платоновым и другими (ликвидирована ПП ОГПУ в ЛВО)»³. На картонном переплете сборника, кроме этого заголовка, обозначены место и время издания (Москва, сентябрь 1930 г.) и реквизиты степени секретности: «Экз. № 220. Строго секретно. Хранить наравне с шифром. Только

¹ Там же. С. 110–111.

² Там же. С. 112.

³ Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. 222 л.

лично. Тов». Первый документ сборника — сопроводительное письмо на бланке «ОГПУ. Секретно-оперативное управление. Секретный отдел», подписанное Аграновым и заместителем начальника Секретного отдела ОГПУ Горожаниным: «По распоряжению Зам. пред. ОГПУ тов. Мессинга, посылаем Вам для ориентировки и проработки материалы по делу контрреволюционной монархической организации „Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России“, возглавлявшейся академиком Платоновым и др. Приложение: экз. № . . . на . . . стр.». Над текстом письма также помещены реквизиты секретности, но в сокращенном виде: «Строго секретно. Хранить наравне с шифром, тов. . . .»¹. Лишь после этого письма следует докладная записка ОГПУ Сталину и Молотову², затем фрагменты протоколов уже проведенных допросов, а также данных ранее собственноручных показаний, как ленинградских, так и этапированных в Ленинград московских ученых (С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, М. К. Любавского, Д. Н. Егорова, А. М. Мерварта, Н. В. Измайлова, С. С. Баранова-Гальперсона, В. Н. Бенешевича, А. И. Андреева, С. В. Рождественского, Н. П. Лихачева, А. А. Петрова, Г. Г. Гульбина, М. О. Клэра, П. И. Полевого, Д. Н. Бенешевича), воззвание «К писателям всего мира» (1927 г.), подписанное «Группой русских писателей», авторство которого следствием приписывалось С. С. Баранову-Гальперсону³. Показания датируются промежутком между 13 марта и 13 сентября 1930 г.

Затем следует фраза: «Дополнительно помещаются протоколы допросов < . . >, полученные в последние дни, после окончания печатания сборника»⁴, и далее — фрагменты показаний С. Ф. Платонова, Д. Н. Егорова, М. К. Любавского, Н. С. Платоновой, Л. А. Мерварт, датируемые в промежутке от 13 апреля до 19 сентября 1930 г.⁵ Завершают сборник «Анкетные данные на лиц, привлеченных к следствию по делу „Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России“».⁶

В докладной записке ОГПУ от 15 сентября 1930 г. Сталину и Молотову сообщается, что ПП ОГПУ в ЛВО уже установило (за три меся-

¹ Там же. С. 3 нenum.

² Там же. С. I–IV.

³ Там же. С. 1–24. Воззвание на с. 219–220. Подробно о нем см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисловие. С. X–XI.

⁴ Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. С. 205.

⁵ Там же. С. 205–218.

⁶ Там же. С. 219–220.

ца до окончания следствия!) факт существования антисоветской контрреволюционной организации, поставившей своей целью свержение советской власти и восстановление конституционной монархии при помощи «вооруженного восстания и иностранной военной интервенции». Правда, тут же отмечается, что все обвинения базируются только на показаниях подследственных (даже не свидетелей), но это не смущает ни авторов докладной записки, ни их адресатов, поскольку такой метод «доказательств» для них стал уже повседневной практикой.

Несообразности докладной записки бросаются в глаза даже без углубленного ее изучения. Как, например, мог быть осуществлен десант германских войск со стороны Балтийского моря, если у Германии, согласно Версальскому мирному договору, не было армии? Может ли десант германских войск (несуществующих) даже при помощи 15 000 «вооруженных обученных бойцов» и «повстанческих отрядов» (ни один из участников которых не был арестован) захватить такой огромный город как Ленинград с его большим гарнизоном, крупной военно-морской базой и многотысячным военным округом? Почему немецкий консул в Ленинграде Цейхлин не был выдворен из страны (и даже, по некоторым данным, был приглашен в Москву, где стоял на трибуне Красной площади во время первомайского парада), если он снабжал заговорщиков деньгами? Откуда Н. В. Измайлов, ученый хранитель Пушкинского Дома, мог получить «сведения о состоянии Красной Армии», если в составе арестованных не было ни одного ее командира и государственного деятеля, имеющего доступ к секретным материалам, а якобы существовавшая «немецкая шпионская сеть» состояла, по признанию самих авторов докладной записки, из «инженеров, научных работников, занимавшихся, главным образом, изучением естественных производительных сил СССР»?

Подобные недоуменные вопросы можно было бы умножить. Вместе с тем следует иметь в виду, что докладная записка не была еще итоговым документом. Так, в ней, как и в докладной записке от 9 января 1930 г., упоминается не привлекавшийся по этому «делу» академик И. Ю. Крачковский, которому в правительстве, образованном в результате свержения советской власти, предназначался пост министра труда.

Из материалов «Академического дела» уже известно, что следствие пыталось его связать с другими «делами», рассматриваемыми в то же время, в частности с так называемыми «Промпартией» и «Трудовой крестьянской партией» (см. ниже). В конечном счете, эта линия следствия не получила развития. Но еще в сентябре 1930 г., как следует из докладной записки ОГПУ Сталину и Молотову, от нее не отказались и

продолжали поиски новых «дел», с которыми можно было связать так называемый «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». В ней утверждается, что «следствием выявлена связь» С. Ф. Платонова «с ликвидированной ГПУ Белоруссии контрреволюционной „Спилкой вызволения Белоруссии“».

Важным дополнением к уже известным фактам, касающимся фабрикации «Академического дела», является сообщение, содержащееся в докладной записке ОГПУ от 15 сентября 1930 г., о якобы существующем «Московском центре» «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Членами его названы уже этапированные к этому времени в Ленинград, где шло следствие, М. К. Любавский, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, которые были арестованы в Москве 9 августа 1930 г., и С. В. Бахрушин, арестованный там же 21 августа 1930 г.

Нет ничего необычного, что московская часть подследственных по «Академическому делу» объединена организаторами процесса термином «центр». На проходящем в том же 1930 г. судебном процессе по делу «Промпартии» в обвинительном заключении, подписанном прокурором РСФСР Крыленко, история этой «партии» начинается с образования «Инженерного центра»¹. Различного рода «центры» фигурировали в «делах», которые вели ЧК, затем ОГПУ, а после «Академического дела» — НКВД: «Правый центр» (март 1918 г.), «Национальный центр» (июль 1918 г.), «Тактический центр» (1919–1920 гг.), «Параллельный антисоветский троцкистский центр» (1937 г.) и т. д. Да и в самом «Академическом деле», по первоначальной версии следствия, фигурировал «Центр» («Академический центр»), состоящий из академиков, который противодействовал «всем начинаниям существующего правительства»². Показательно, что в центральном аппарате ОГПУ был специально изготовлен резиновый штамп «ДЕЛО ЦЕНТРА» (об этом см. ниже).

Что же касается всего сборника, содержащего докладную записку ОГПУ Сталину и Молотову и фрагменты показаний подследственных, то, безусловно, поручение приступить к его изданию при строго ограниченном количестве печатаемых экземпляров было получено непосредственно от Сталина. Адресованная ему докладная записка без его

¹ Процесс «Промпартии» (25 ноября–7 декабря 1930 г.): Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 8.

² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Док. 10. С. 57. О «центрах» см. также: *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // *Солженицын А.* Малое собр. соч. М., 1991. Т. 5. С. 278.

санкции не могла быть включена в состав сборника. Предписание «хранить наравне с шифром» свидетельствует об особой его секретности, как и указание: «Только лично». Очевидна и цель тиражирования сборника, сформулированная в сопроводительном письме: «. . . для ориентировки и проработки». Надо думать, что речь идет об ответственных работниках ОГПУ центрального аппарата и областных (республиканских, краевых) управлений.

Можно утверждать, что сборник готовился и печатался в большой спешке. Ее следы обнаруживаются при анализе состава сборника. Последние фрагменты следственных показаний, вошедших в основную часть сборника, датируются первой половиной сентября 1930 г., но не позже 13 сентября, то есть как бы предшествуют дате докладной записки ОГПУ Сталину и Молотову (15 сентября). Дополнительно помещенные фрагменты, о которых говорится, что они получены «в последние дни», датируются в основном второй половиной сентября. Прагматическая цель создания сборника, содержавшего материалы следствия, очевидна: подтвердить «факты», изложенные в записке ОГПУ Сталину и Молотову.

Если обратить внимание на особенности непосредственно экземпляра № 220, то обнаруживается, что именно он никому так и не был послан сразу же после издания сборника, а длительное время оставался в центральном аппарате ОГПУ. Это свидетельствует о том, что число изданных экземпляров немногим превышало эту цифру, поскольку трудно представить, чтобы печаталось большое число избыточных экземпляров.

Впрочем, и ему нашлось применение, но значительно позднее. На обложке стоит овальная печать с текстом: «Владимирская офицерская школа МВД. Спецбиблиотека». Поскольку данная школа была сформирована в декабре 1946 г., можно утверждать, что сборник № 220 попал в спецбиблиотеку после этого. Тем самым степень его секретности была снижена. Теперь он предназначался для обучения офицеров карательного органа методам фабрикации следственных материалов, связанных с политическими «делами». Когда и при каких обстоятельствах экземпляр № 220 оказался в архиве ФСБ (МВД, КГБ?), нам неизвестно. В январе 1952 г. Владимирская офицерская школа МВД СССР была реорганизована во Владимирскую школу офицерского состава МВД.

В Центральном архиве ФСБ, кроме этого, типографским способом изданного для строго ограниченного круга читателей — работников ОГПУ — сборника, хранятся еще четыре сборника в картонном пере-

плете, содержащих также фрагменты следственного «дела», напечатанные на пишущей машинке.

Поскольку докладная записка Сталину и Молотову готовилась не в Ленинграде, где непосредственно велось следствие, а в центральном аппарате ОГПУ, можно предположить, что четыре машинописные тома, присланные из Ленинграда в Москву, служили исходным материалом для ее написания, и из них же были отобраны наиболее существенные показания для издания вместе с нею. Но для этого машинописные тома должны были оказаться в центральном аппарате ОГПУ заранее. Допустимо связать новые аресты в Москве с присылкой сюда этих материалов. Они помимо своей основной роли — подготовки докладной записки для политбюро — могли стать основой для увеличения числа подследственных за счет тех московских историков, которые не были еще арестованы.

И действительно, всего четыре человека, названные в докладной записке, даже вместе с неупомянутым в ней московским историком А. И. Яковлевым, арестованным 12 августа 1930 г., а также С. К. Богоявленским, не могли составлять полноценный «центр». Поэтому естественно предположить, что московских историков, репрессированных по «Академическому делу», было больше. Это предположение корреспондирует с утверждениями ряда наших московских коллег, которые убеждены, что их учителя тоже проходили по нему, хотя их фамилии отсутствуют в списке, приведенном в предисловии к первому выпуску издания «Академического дела».

По утверждению Ф. Ф. Перченка, среди арестованных московских историков были, в частности, С. Б. Веселовский, (в действительности он не привлекался по этому «делу»), И. А. Голубцов и много молодежи, в том числе Л. В. Черепнин. Вся эта группа вместе с теми, кто был доставлен в Ленинград, составляла, как пишет Ф. Ф. Перченков, «Московскую секцию» «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»¹. Однако не имевший, к сожалению, тогда доступа к архивным материалам КГБ Ф. Ф. Перченков документально не обосновал свое утверждение.

Запрос редакционной коллегии издания «Академическое дело 1929–1931 гг.» привел пока к выявлению еще только пяти следственных дел московских историков, арестованных по обвинению в том, что они являлись участниками «Всенародного союза борьбы за возрожде-

¹ Перченков Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 222.

ние свободной России». Л. В. Черепнин (академик с 1972 г.) был задержан 14 сентября с получением санкции на арест 16 сентября 1930 г.¹ В тот же день был задержан (с получением санкции на арест через два дня) И. И. Полосин². И. С. Макарова задержали тоже 14 сентября, а арест был санкционирован 15 сентября 1930 г.³ В те же сроки были задержаны и арестованы Н. М. Дружинин⁴ и М. Н. Тихомиров⁵ (академики с 1953 г.). На обложках всех этих следственных дел оттиснут штамп «ДЕЛО ЦЕНТРА».

Все они содержались под стражей в Москве, там же допрашивались (не более трех раз) и не препровождались в Ленинград. Н. М. Дружинин был освобожден 29 ноября 1930 г.⁶ М. Н. Тихомирова освободили неделей раньше (22 ноября 1930 г.), хотя следствие по его делу было постановлено продолжить. Впрочем, позднее выяснилось, что освободили его «ввиду недоказанности». И. С. Макаров, И. И. Полосин и Л. В. Черепнин уже 13 января 1931 г., то есть еще до начала вынесения приговоров в Ленинграде (февраль 1931 г.), были приговорены Особым совещанием Коллегии ОГПУ: первый — к заключению в концлагерь на 3 года, второй — к той же мере наказания, третий — тоже на 3 года, но к высылке в Северный край. Все они обвинялись в том, что входили в «нелегальный антисоветский и антимарксистский кружок молодых историков, которым руководил С. В. Бахрушин», являвшийся членом «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», и «были близки к этой организации»⁷. Как видим, московские следователи не утруждали себя особой выдумкой и штамповали дела по шаблону, уже созданному в Ленинграде. Если в Ленинграде действительно существовавший неформальный кружок молодых историков квалифицировался следствием как нелегальный, то и в Мо-

¹ Центральный архив ФСБ. Р-35124.

² Там же. Р-34016.

³ Там же. Р-34557.

⁴ Там же. Р-14677.

⁵ Там же. Р-16836.

⁶ Об обстоятельствах ареста и освобождения Н. М. Дружинина см.: *Дружинин Н. М. Мои аресты в 1918–1930 годах // Дружинин Н. М. Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка.* М., 1990. С. 95–102.

⁷ Реабилитация И. С. Макарова, И. И. Полосина и Л. В. Черепнина состоялась в общем порядке в 1989 г., согласно статье 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости по отношению жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

ске семинар С. В. Бахрушина по аналогии был объявлен антисоветским кружком тоже молодых историков¹.

Следственная группа в Ленинграде располагала лишь самым общим, типовым сценарием подготовки процесса, включавшим в себя такие обязательные компоненты, как создание контрреволюционной организации, заговор против советской власти с целью ее свержения, реставрация монархии, связи с эмигрантскими кругами и разведками европейских стран. Этого сценария было достаточно на первом этапе допросов, но следователям предстояло проявить фантазию и «искусство» для того, чтобы развить его и придать ему не только внешнюю достоверность, но и определенную индивидуальность, а также соответствующее оформление. Принудительное «соавторство» арестованных со следователями и полное признание подследственных было единственным способом «оживления» полученного следователями типового сценария.

Сохранившиеся в делах пометы на полях, сделанные лицами, наблюдавшими за следствием, дают возможность представить, как они подстегивали и направляли его ход. Так, на полях протоколов показаний А. И. Яковлева 23 октября 1930 г. было строго указано:

«... т. Стромину. Необходимы полные показания о Кондратьевщине, Промпартии (Рамзин) и его участии»².

В ходе процесса, как мы уже отметили, готовились материалы на случай ареста академиков А. Е. Ферсмана и С. Ф. Ольденбурга. Для этой цели, в частности, были использованы допросы известного географа П. В. Виттенбурга и управляющего делами Академии наук Д. Н. Халтурина. А. Е. Ферсману ОГПУ намеревалось приписать не только участие в «организации», но и вредительскую деятельность в качестве руководителя экспедиционного дела. В показаниях П. В. Виттенбурга уже был выделен специальный раздел «Организация, руководимая Платоновым, и группа Ферсмана»³.

На полях показаний Д. Н. Халтурина также сохранились замечания. Одно из них относится к 5 июня 1930 г.: «... т. Мосевичу. Хитро

¹ Подробно о семинаре С. В. Бахрушина, проходившем у него на квартире, см.: *Черепнин Л. В.* С. В. Бахрушин как учитель: К 65-летию со дня рождения: 1947 г. // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 290.

² Архив Управления Федеральной службы безопасности по СПб. и области (далее — Архив Управления ФСБ по СПб. и области). П–65245. Т. 9. Л. 70.

³ Там же. П–82333. Т. 4. Л. 368.

по форме и робко по существу. Необходимо „копнуть для получения конкретных фактов“¹. Два дня спустя это же лицо вновь выразило неудовлетворение ведением следствия: «... т. Степанов. Халтурин „плывет по воле волн, без руля“. Смазывает значение своих признаний, давая оттенок бессознательности и объективности вредительства со стороны группы Ферсмана. Этим он оставляет лишь „громкие названия“ в своих показаниях вроде: организация вредительства и т. д., выхолащивая по существу. Такое положение недопустимо и требует исправлений»².

Однако ни С. Ф. Ольденбург, ни А. Е. Ферсман, как и И. Ю. Крачковский не были арестованы (хотя первый лишился поста непременно секретаря Академии наук, а второй — вице-президента). Наличные документы пока не дают ответа на вопрос, почему намерение включить их в «Академическое дело» не было реализовано³. Его нужно искать в тех материалах, которые не были включены в само следственное дело, но которые, несомненно, существовали. Имеются в виду отчеты ПП ОГПУ в ЛВО руководителям ОГПУ, и, возможно, прокуратуры, резолюции на них, информативные документы, поступавшие из ОГПУ в высшие партийные инстанции, и инструкции последних, направляемые в ОГПУ. К сожалению, и эта часть «дела» оказалась недоступной для публикаторов. Впрочем, есть свидетельства, согласно которым решение об участии С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана принималось в последний момент. Так, в дневнике Е. Г. Ольденбург (жены С. Ф. Ольденбурга) имеется запись от 17 января 1930 г.:

«Вечером у С. Ф. был Марр. Говорит, что к Сергею отношение в Москве благоприятное, что его хотят выделить из процесса»⁴. В комментариях А. И. Добкина и А. Б. Рогинского к воспоминаниям Н. П. Анциферова цитируются воспоминания В. П. Семенова-Тянь-Шанского, в которых написано, что фамилии С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана первоначально значились в списке лиц, намеченных к аресту по «делу Академии наук», но были вычеркнуты оттуда «жирным красным карандашом»⁵.

¹ Там же. П–82333. Т. 5. Л. 112.

² Там же. Т. 5. Л. 126 (подчеркнуто автором замечаний на полях).

³ Об С. Ф. Ольденбурге см.: *Каганович Б. С.* Начало трагедии: (Академия наук в 1920-е гг. по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // *Звезда*. 1994. № 12. С. 124–144.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ *Звезда*. 1989. № 4. С. 163.

Е. В. Тарле был взят под стражу 28 января 1930 г., согласно некоторым данным — вскоре после приезда из-за границы, где он был в командировке¹. Поэтому, вероятно, ему не было известно о начавшихся массовых арестах. Это обстоятельство было использовано следствием, чтобы создать у Е. В. Тарле впечатление, что оно располагает достаточными данными об его участии в контрреволюционном антисоветском заговоре. Поскольку мы имеем дело с фабрикацией, основанной только на показаниях подследственных, естественно, что те, кто был арестован позднее других, оказывался в более уязвимом положении².

Начавшиеся осенью 1929 г. аресты сотрудников Академии наук сначала, казалось бы, не предвещали того, что среди причастных к «Академическому делу» может оказаться Е. В. Тарле. Первыми арестованными были А. И. Андреев (24 октября 1929 г.), Н. В. Измайлов (13 ноября), С. В. Рождественский (1 декабря). Все трое имели непосредственное отношение к хранению «криминальных» документов в Академии наук. На первых допросах от них требовали показаний прежде всего по этому поводу. Звучали обвинения в том, что в Академии наук было много «бывших людей», чья дореволюционная служба или происхождение стали поводом для подозрения о наличии у них монархических настроений. Е. В. Тарле же был известен своими республиканскими и социалистическими симпатиями, подвергался преследованиям со стороны царского правительства и не имел отношения к хранению «криминальных» документов.

Имя Е. В. Тарле впервые появляется в протоколе допроса С. В. Рождественского (в первых числах декабря 1929 г.). В этом протоколе упоминается «кружок или салон под руководством Тарле», который «функционирует» с 1925 г. «до последнего времени» «по средам с 9 до 12 часов». В числе посетителей этого «салона» названы Платонов, Бутенко, Радлов, Бартольд, Успенский, Щербатской³. С. В. Рождественский также дал показания о «собрании кружка», на котором выступали с информацией о положении эмиграции Тарле и Гринвальд⁴. В

¹ *Ростов Алексей [Сигрист С.В.]*. Дело четырех академиков // Память: Исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4. С. 474.

² В данную связь можно поставить слова Е. В. Тарле в письме к жене от 16 ноября 1932 г., когда он уже вернулся из ссылки: «... свол[очь] Пл[атонов]». (См.: *Казанович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 49).

³ Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П-65245. Т. 5. Л. 37 об.

⁴ Там же. Л. 38 об.

этом же протоколе возникает тема выборов новых членов в Академию наук, в связи с чем упоминаются «совещания во время выборов», участниками которых названы Тарле, Сакулин, Жебелев и др.¹

Второй раз имя Е. В. Тарле появляется в «дополнительных» показаниях Н. В. Измайлова (декабрь 1929 г.), упомянувшего «собрания на квартире Платонова», на которых «бывали его (Платонова. — авт.) близкие, например Богословский, Бузескул, Любавский, Тарле и другие». На этих собраниях названные лица, как сказано в протоколе, вели разговоры на «формальные темы», не исключая текущих политических событий, как в СССР, так и за границей. «Очень часто говорили об академических делах, в особенности во время довыборов академиков, среди которых были коммунисты, против которых велась определенная кампания»². 9 января 1930 г., в отличие от С. В. Рождественского, Н. В. Измайлов показал, что «о настроениях белоэмиграции Е. В. Тарле в историческом кружке не докладывал»³.

Таким образом, к началу января, то есть ко времени, когда еще были на свободе и С. Ф. Платонов, и Е. В. Тарле, от С. В. Рождественского были получены показания о собраниях на квартире Е. В. Тарле, а от Н. В. Измайлова — о посещении Е. В. Тарле квартиры С. Ф. Платонова.

В первом же показании, 13 января 1930 г., в ответ на вопрос о различных группах в среде академиков, С. Ф. Платонов, в частности сказал что была «группа, состоявшая из меня, Тарле, Лихачева, Любавского, Богословского и некоторых других. Политическая направленность этих групп, конечно, не коммунистическая, не советская»⁴. В протоколе допроса от 14 января говорится о том, что С. Ф. Платонов посещал «несколько раз» «кружок молодых историков» и что с ним «бывали» «также Тарле и Рождественский»⁵. Через несколько дней, 17 января, когда Е. В. Тарле еще находился на свободе, от С. В. Рождественского были получены показания, что во время встреч на квартирах С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле обсуждалась «советская политика»⁶. При этом в протоколе допроса С. В. Рождественского утверждается, что С. Ф. Платонов назвал себя монархистом, а предметом разговора было

¹ Там же. Л. 44.

² Там же. Т. 10. Л. 75 об.

³ Там же. Л. 92.

⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 24.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 5. Л. 54.

обсуждение кандидатуры бывшего великого князя Андрея Владимировича как возможного претендента на российский престол. Заметим, что С. В. Рождественский 17 января 1930 г. говорил, что на квартире Е. В. Тарле был всего лишь один раз¹. 18 и 21 января 1930 г. следователи, допрашивая С. В. Рождественского, вновь возвращаются к обсуждению кандидатуры Андрея Владимировича и получают его признание в том, что Е. В. Тарле участвовал в этом разговоре². 19 января от А. И. Андреева были получены показания о том, что «руководящее ядро через Платонова и Тарле имело непосредственную связь с Коковцовым, Маклаковым, Струве, Ростовцевым и др.»³ 18 января 1930 г. в показаниях С. В. Рождественского также упоминается «руководящее ядро», членами которого были названы С. Ф. Платонов, уже арестованный, но еще не признавший наличия антисоветской организации, и Е. В. Тарле, находящийся на свободе. А. И. Андреев 19 января дал показания, что «вероятными руководителями в будущем правительстве по министерству народного просвещения должен был быть Платонов, по иностранным делам — Тарле»⁴. 24 января 1930 г. от С. Ф. Платонова были получены показания, гласившие, что «министрами < . . . > могут быть: Коковцов, Крачковский — министром труда, < . . . > и Тарле — министром иностранных дел, как человек, интересующийся общественно-политическими вопросами и имеющий связь с заграницей»⁵.

К 27 января 1930 г. от А. И. Андреева, Н. В. Измайлова, С. В. Рождественского, а затем и С. Ф. Платонова были получены показания о «салоне или кружке Тарле», о встречах и разговорах на квартирах С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, о «центре в Академии наук», его «руководящем ядре», куда якобы наряду с С. Ф. Платоновым входил и Е. В. Тарле. Е. В. Тарле в этих показаниях фигурировал как участник разговоров о «довыборах академиков», враждебных кандидатам-коммунистам, как возможный министр иностранных дел в будущем правительстве. Правда, как уже отмечалось выше, участие Е. В. Тарле в организации, носившей, по версии следствия, монархическую окраску, выглядело нелогичным на фоне его всем известных республиканских и социалистических симпатий. Так же невероятными были и внешнеполитические симпатии Е. В. Тарле в том виде, как они были представле-

¹ Там же. Л. 53 об.

² Там же. Л. 59, 66.

³ Там же. Л. 375 об.

⁴ Там же.

⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 41–42.

ны в показаниях арестованных. 31 января 1930 г., через три дня после ареста Е. В. Тарле, были получены «признания» С. Ф. Платонова в его «германофильстве». При этом С. Ф. Платонов признавал, что действительно произнес слова «... германская наука — мать, а русская наука — ее дочь», и добавлял: «Также смотрят и являются единомышленниками Тарле, Андреев Александр Игнатъевич». Причисление Е. В. Тарле к германофилам было столь же одиозно, как и объявление его монархистом. Широко было известно, что для Е. В. Тарле было характерно резко критическое отношение к политике Германии, что нашло отражение и в его исторических трудах. Однако пока что это не смущало следователей. В том же протоколе допроса С. Ф. Платонова от 31 января 1930 г. есть уточнение, что разговор об Андрее Владимировиче происходил «в порядке частной беседы <...> за чайным столом у меня на квартире в присутствии Тарле, Измайлова, Лихачева и Рождественского»¹. Попытки следователей добиться у арестованных доказательств причастности Е. В. Тарле к монархической организации, его близости к С. Ф. Платонову привели к тому, что в показаниях, касавшихся Е. В. Тарле, было немало непоследовательности и противоречий.

В феврале 1930 г. от С. В. Рождественского были получены показания, которые должны были подтвердить близость Е. В. Тарле к С. Ф. Платонову: «... считаю также своим долгом отметить роль одного из близких к Платонову академика Евгения Викторовича Тарле. Тарле был кумиром семьи Платоновых, он, можно сказать, очаровал его дочерей, в частности Нину и Наталью, и без его участия редко разрешались какие-либо важные вопросы». Впрочем, все сказанное касалось личных отношений, да и то скорее дочерей С. Ф. Платонова, а не самого Е. В. Тарле. Не подтверждали факт контрреволюционной деятельности Е. В. Тарле и слова С. В. Рождественского: «В моих глазах Тарле был всегда корыстным человеком, большим любителем денег, ради них он всегда был готов на все». Оставляя в стороне вопрос о достоверности этой нелестной характеристики, заметим, что она никак не свидетельствует о контрреволюционности Е. В. Тарле. Более существенным для следователей были слова С. В. Рождественского о том, что «у Платонова» Е. В. Тарле «всегда был ярым монархистом». Правда, он тут же добавлял, «что в других обществах» Е. В. Тарле «мог придерживаться совершенно других политических настроений»². Как видим, показания С. В. Рождественского относительно Е. В. Тарле

¹ Там же. С. 45.

² Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 5. Л. 328 об.

были, по меньшей мере, противоречивы. Причина была в их неправдоподобности.

Однако при фабрикации «Академического дела» за монархистов выдавали не только людей, отличавшихся республиканскими симпатиями, то есть таких как Е. В. Тарле, но и активных участников революционного движения. Так, в числе арестованных по «Академическому делу» оказался Ф. И. Седенко-Витязев, в прошлом деятельный член партии социалистов-революционеров. В мае 1931 г. из ссылки, где Ф. И. Седенко-Витязев оказался после того, как был осужден по «Академическому делу», он писал письма В. Н. Фигнер. Ф. И. Седенко-Витязев в одном из писем так объяснял упорное нежелание следователя подшить к делу его биографию: «Это вполне понятно. Мое революционное прошлое слишком яркое. А из меня сделали участника монархической организации Платонова. Что может быть возмутительнее и нелепее этого дела. Учтите мою психику старого революционера, которого превратили в контрреволюционера. Я весь дрожу, когда думаю об этом»¹. Следователь, который вел дело Ф. И. Седенко-Витязева, по-видимому, прекрасно понимал необоснованность причисления его подследственного к монархистам и сознательно становился на путь фальсификации дела о монархическом заговоре.

Тем же путем шли следователи, допрашивавшие С. В. Рождественского. Получив приведенные выше показания о монархизме Е. В. Тарле, они добивались от С. В. Рождественского сведений о «салоне Тарле», хотя тот на допросе 17 января 1930 г. говорил, что был на квартире Е. В. Тарле лишь один раз.² На вопрос о собраниях у Е. В. Тарле С. В. Рождественский отвечал: как «он знает», «членами» «салона Тарле» «были строго подобранные люди, что собрания проходили регулярно и что постоянным участником их был и сам Платонов».³

На какое-то время следователи, по-видимому, перестали добиваться новых показаний о монархических взглядах Е. В. Тарле. Так, после 31 января и до 3 мая 1930 г. имя Е. В. Тарле отсутствует в показаниях С. Ф. Платонова. 3 мая 1930 г. он упомянут в числе тех, кто обсуждал возможное авторство листовки, написанной от имени бывшего вел. кн. Кирилла Владимировича. После упоминания С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, С. В. Рождественского, Н. В. Измайлова, А. И. Андреева

¹ Незапечатленный труд: Из архива В. Н. Фигнер // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 446.

² Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 5. Л. 328 об.

³ Там же. Л. 54.

сказано: «Возможно, и Тарле»¹. Обратим внимание на слово «возможно». 19 мая 1930 г., по-видимому, в ответ на вопрос о докладе Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов ответил, что «содержание доклада Тарле по возвращении из-за границы в кружке „молодых историков“ ему неизвестно»². После 19 мая 1930 г. в показаниях С. Ф. Платонова опять на долгое время — до 11 августа 1930 г., нет упоминаний о Е. В. Тарле. 11 июля 1930 г. С. Ф. Платонов «признал», что между ним, «Богословским, Любавским, Егоровым, Рождественским, Лихачевым, Андреевым, Бахрушиным, Яковлевым, Готье и Измайловым были обсуждения и обмен мнениями о том, что советская власть является лишь переходной формой государственного строя»³, Е. В. Тарле в этом перечне нет.

Имя Е. В. Тарле появляется вновь в показаниях С. Ф. Платонова лишь 11 августа 1930 г.: «Наличие группы лиц, связанных со мною общностью идейно-политических взглядов и находящихся в постоянном общении, я признаю». В числе таковых С. Ф. Платонов называет М. К. Любавского, М. М. Богословского, Н. П. Лихачева, С. В. Рождественского, А. И. Андреева, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова, С. В. Бахрушина и добавляет: «Можно было бы назвать ак[адемика] Тарле и проф[ессора] А. И. Яковлева, но лишь отчасти по их индивидуальному складу и изменчивости настроений»⁴.

Некоторые из прежде полученных показаний сами следователи, видимо, признавали слишком одиозными. Это, по всей вероятности, касалось показаний С. Ф. Платонова о германофильстве Е. В. Тарле. 9 сентября 1930 г. от С. Ф. Платонова были получены показания, которые могли показаться более правдоподобными. С. Ф. Платонов показал, что «контакт с французами, установленный Тарле, имел для „Всенародного союза. . .“ большое принципиальное значение: Германия, на которую главным образом рассчитывала наша организация в деле свержения советского порядка и восстановления конституционно-монархического режима, ничего не могла предпринять в смысле активного вмешательства в русские дела, не опасаясь Франции». Сделав это «признание», С. Ф. Платонов добавляет, что отчеты Тарле его «не удовлетворяли»⁵. В показаниях С. Ф. Платонова появляется тема

¹ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 75.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 162.

связей с политическими кругами Франции и находившимися во Франции русскими эмигрантами, которая присутствует в протоколах допросов в сентябре-ноябре 1930 г. К ней присоединяется и версия о сношениях с Ватиканом, инициативу которых С. Ф. Платонов также приписывает Е. В. Тарле¹.

Возвращаясь к вопросу о придуманном следствием составе правительства «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (о чем говорилось, в частности, в докладной записке ОГПУ Сталину и Молотову), можно не сомневаться, что фраза в показаниях С. Ф. Платонова 24 января 1930 г. о согласии Е. В. Тарле войти в состав такого правительства была сообщена ему при первом же допросе.

Подобные же «факты» фабриковались при допросах других, изолированных друг от друга арестованных ученых, что позволяло предъявлять каждому из них сфабрикованные «свидетельства» нескольких подследственных. В сочетании с психологическим давлением, угрозами арестовать родных и близких или применить жесткие санкции к уже арестованным родственникам, сознанием безысходности, такого рода «свидетельства» рано или поздно, но в конечном счете приводили к тому, что подследственные давали нужные властям показания и шли на вынужденное, пока неосознанное, «соавторство» со своими следователями. Тем более что следователи их предупреждали, чтобы они не надеялись на открытый суд, поскольку принято решение судить их на Коллегии ОГПУ.

Помимо предъявления взятому под стражу Е. В. Тарле сфабрикованных показаний коллег, арестованных раньше, уличающих его в том, что он якобы участвовал в деятельности антисоветской контрреволюционной монархической организации, следователи ОГПУ, очевидно, применили еще один способ давления для получения нужных им показаний. Они угрожали Е. В. Тарле фабрикацией материалов о том, что он, будучи арестованным в Киеве (1900 г.) за революционную деятельность, стал жандармским агентом. Во всяком случае, вскоре после ареста Е. В. Тарле следователи послали в архив запрос в надежде получить необходимые для этого материалы. Однако полученный не позднее 5 марта 1930 г. ответ не мог их удовлетворить. В докладной записке начальника Киевского жандармского управления от 10 октября 1901 г. Департаменту полиции сообщается об имеющих хождение слухах «будто бы» Е. В. Тарле «выдал в показаниях товарищей и

¹ Там же. С. 212.

состоит будто бы агентом жандармского управления, что совершенно ложно» (см. док. 21–23 и биографический очерк, с. LXI).

Получение следователями такого свидетельства, не исключало возможности шантажа Е. В. Тарле. Так, в сборнике, включающем докладную записку ОГПУ Сталину и Молотову, а также фрагменты следственных материалов, в разделе «Анкетные данные», относительно Е. В. Тарле сообщается; «... бывший социал-демократ, подозревавшийся в революционном подполье как провокатор»¹. Как видно, несмотря на получение отрицательного ответа из архива (который, разумеется, Е. В. Тарле не был предъявлен) ученому продолжали угрожать публикацией компрометирующих документов.

Так как Е. В. Тарле по сценарию ОГПУ отводилось место в «руководящем ядре» контрреволюционной организации, ему нужно было приписать участие во всех важнейших ее действиях, в том числе и в выработке ее названия.

По замыслу следствия важная роль при фабрикации «Академического дела» отводилась Н. В. Измайлову. Его решено было сделать главой военной организации «заговорщиков». В следственном деле Н. В. Измайлов был представлен как «б[ывший] офицер гвардейских войск»². Однако в действительности он не был кадровым офицером и оказался на военной службе лишь во время первой мировой войны. В качестве офицера военного времени Н. В. Измайлов пребывал совсем недолго, так как в первый офицерский чин был произведен только в 1917 г. и вскоре после демобилизации старой армии перешел на положение гражданского лица. Одним из обвинений, выдвинутых против Н. В. Измайлова в ходе следствия, было как раз то, что он скрывал свое недолговременное пребывание в офицерском чине, в связи с чем избежал мобилизации в Красную армию как бывший офицер.

Среди арестованных по «Академическому делу» было несколько человек, являвшихся в прошлом кадровыми офицерами, но никого из них не пытались представить руководителем военной организации. Выбор пал на Н. В. Измайлова, скорее всего ввиду его близости к С. Ф. Платонову, которому он приходился зятем. Именно с Н. В. Измайловым следователи начали разрабатывать в последних числах июня 1930 г. и вопрос о названии «организации».

Н. В. Измайлов еще в начале следствия, 28 февраля 1930 г., заявил, что целиком разделяет взгляды С. Ф. Платонова «по всем вопросам,

¹ Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. Л. 219.

² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 4.

так же как не расходился с ним в своем отношении к советской власти». 8 мая 1930 г., подтвердив свою принадлежность к контрреволюционной организации, возглавляемой С. Ф. Платоновым, он согласился с тем, что «организация эта не имела точно сформулированной и записанной программы, не имела определенного устава, формального членства»¹.

Без того, чтобы фабриковать программу и устав «организации», следствие, очевидно, могло обойтись, да и дело было это слишком хлопотным и сложным, тем более что состав арестованных был весьма разнообразен. Непросто было выработать общий устав для таких разных по своим взглядам и убеждениям лиц, как, например, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев или А. Н. Шебунин. Но оставлять далее без названия «организацию», видимо, было невозможно, и 23 июня 1930 г. следователь начал «работать» с Н. В. Измайловым над вариантами «подходящего названия». Возможно, оно было уже подготовлено в ОГПУ и в ходе следствия только совершенствовалось, а обсуждение с подследственным вариантов названия должно было лишь подтвердить реальность «заговора». Но вполне возможно и другое, что именно в ходе допросов следователи выработали название организации, а соответственно и название для всего «дела».

Следственная версия возникновения названия «организации» утвердилась во время допросов Н. В. Измайлова 23–24 июня 1930 г. 23 июня Н. В. Измайлов показал, что вопрос о названии организации обсуждался между ее членами, и существовали различные варианты названия: «Союз возрождения свободной России», «Союз обновления России», «Союз борьбы за возрождение родины», «Союз возрождения родины и свободы», «Союз возрождения единой России». «Какой из вариантов был принят как окончательный и был ли принят один из них или какой-нибудь еще иной, я не могу сказать определенно», заявил Н. В. Измайлов 23 июня и прибавил, что название организации он «не слышал ни разу в употреблении (по крайней мере, не помню, что слышал когда-либо)»². Эти показания выглядели явно нелепыми. Н. В. Измайлов, один из руководителей «организации», не знал точно ее названия и даже не помнил, чтобы слышал его когда-либо.

Уже на следующий день, 24 июня, следователь позаботился о том, чтобы показания Н. В. Измайлова носили более определенный характер и содержали более или менее логичные объяснения сказанного им

¹ Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 10. Л. 89 и 184.

² Там же. Л. 275.

накануне. Показания Н. В. Измайлова 24 июня делятся на две части. Первая часть содержала объяснение конспирации названия. На этот раз Н. В. Измайлов показал, что «передавать кому-либо это название можно было лишь с ведома и согласия или по указанию С. Ф. Платонова», что как правило, С. Ф. Платонов «сам его сообщал кому считал нужным и в самых необходимых случаях», а за границей «мог сообщать его и Е. В. Тарле». «Я же никому его не сообщал», — добавил о себе Н. В. Измайлов.¹

Первая часть показаний Н. В. Измайлова 24 июня опять поражает своей нелепостью даже с точки зрения элементарной логики. Как мог Н. В. Измайлов сообщать или не сообщать название организации, если он его не знал и не слышал, наконец, какое же название могли сообщить своим собеседникам С. Ф. Платонов или Е. В. Тарле?

Кроме всего прочего, Н. В. Измайлов вдруг упомянул другое название: «Академический центр», как будто бы иногда употреблявшееся «при внутренних сношениях (устных) для обозначения круга членов организации, составленного из академиков и сотрудников Академии наук и других научных учреждений», заметив, что этот «термин имел практическое, так сказать, неофициальное значение»¹. В показаниях С. Ф. Платонова от 17 января 1930 г. уже присутствовало понятие «Центр», применительно к организации. Поскольку и в показаниях Е. В. Тарле от 11 и 14 февраля 1930 г. также говорится о «Центре»², можно предположить, что в сценарии ОГПУ первоначально оно было избрано в качестве «рабочего названия». Возможно, что изобретение «Академического центра» позволило бы «пристегнуть» «Академическое дело» к процессу «Промпартии»³.

Название «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» было «выработано» уже в ходе второго допроса Н. В. Измайлова 24 июня 1930 г. На этот раз показаниям Н. В. Измайлова была придана известная стройность и последовательность. Из протокола допроса следовало, что в начале 1928 г., весной, «по инициативе С. Ф. Платонова» на отчетном совещании руководящих членов «организации», где кроме самого С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, С. В. Рождественского, М. М. Богословского и Н. П. Лихачева присутствовал также Н. В. Измайлов, был поднят вопрос о необходимости присвоить «организации» «определенное название». Этого будто бы требовали «увели-

¹ Там же. Л. 279.

² См. док. 10, 11 настоящего издания.

³ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисловие. С. XXXIV.

чение и расширение организации, создание новых ячеек, привлечение к ней заграничных эмигрантских кругов, сношение с иностранными правительствами». «С. Ф. Платонов первый предложил обсудить и принять название „Союз возрождения единой России“», он же «указал, что существующее название эмигрантской монархической партии „Конституционно-монархическая партия“», хотя и «правильно выражает политическое устремление членов организации», слишком «узко» и «не может объединить в себе широкие круги антисоветских групп населения как внутри, так и вне СССР»¹. «Богословский и Рождественский высказались против названия, предложенного С. Ф. Платоновым», — читаем мы далее в показаниях Н. В. Измайлова. «По их мнению, название „Единой России“ было неприемлемо» как затасканное и скомпрометированное в первые годы гражданской войны. К доводам М. М. Богословского и С. В. Рождественского присоединился Е. В. Тарле. М. М. Богословский «предложил назвать организацию „Союз возрождения Родины и свободы“, а Рождественский „Союз возрождения свободной России“, Тарле, насколько помню (а может, кто-нибудь из последних двух) предложил добавить слово „борьбы“, т. е. „Союз борьбы за возрождение“ и т. д.»¹. Далее из протокола допроса Н. В. Измайлова следовало, что к определенному решению на первом совещании его участники не пришли и состоялось три или четыре совещания, специально посвященные названию «организации». Все они проходили в Ленинграде, и на первом и заключительном присутствовал М. М. Богословский, приезжавший в Ленинград на Общие собрания Академии наук. М. М. Богословский советовался в Москве с М. К. Любавским и Д. Н. Егоровым, причем М. К. Любавский присоединился к предложению С. Ф. Платонова, а Д. Н. Егоров — к предложению С. В. Рождественского. Наконец, на заключительном совещании было принято предложение С. В. Рождественского. Е. В. Тарле предложил внести в название слово «всенародный», оно должно было выражать «надклассовое содержание организации». С. Ф. Платонову было поручено сообщить название «организации» «находившимся в эмиграции политическим деятелям». После возвращения из зарубежной поездки в 1928 г. он будто бы известил членов «организации», что «убедил эмигрантов в целесообразности и необходимости» именно такого названия, хотя П. Б. Струве был не удовлетворен тем, что в

¹ Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 10. Л. 282–283.

названии «отсутствует понятие государственности и нет признака монархического направления организации»¹.

Итак, перед нами один из эпизодов фабрикации следственного дела — образки принудительного «соавторства», чудовищной по своему цинизму фантазии следователя и вынужденной покорности подследственного, обреченного «припоминать» выдуманные следователями идиотические мизансцены и принимать его художества. Показания Н. В. Измайлова 24 июня 1930 г., особенно вторая их часть, отличаются от показаний 23 июня, и, несомненно, это результат «работы» с подследственным, конечно, в отведенные для этого ночные часы.

В показаниях Е. В. Тарле, как и других подследственных, значительное место занимает тема неформальных научных кружков. В сценарии следствия им отводилась роль нелегальных организаций, созданных с целью подготовки кадров для «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России».

Существование таких кружков — не выдумка следствия и подтверждается независимыми источниками. В частности, в воспоминаниях Н. С. Штакельберг, написанных в 1975 г., основное внимание уделено кружку молодых историков². Подавляющее большинство его участников было арестовано по «Академическому делу» и осуждено.

Участие в неформальных кружках было университетской традицией. Так, «Кружок русских историков» возник в Петербургском университете еще в 80-х годах прошлого столетия. С. Ф. Платонов стал фактическим руководителем этого кружка. Он собирался на квартире у В. Г. Дружинина, сына богатого купца-старообрядца, и острословы прозвали кружковцев «платоновскими дружинниками». Как показывал на следствии арестованный по «Академическому делу» академик Н. П. Лихачев, «когда Платонов прочно стал на ноги, в его квартире образовался салон, в котором собирался второй слой „платоновцев“ самого разного состава, а после революции С. Ф. Платонов собрал около себя третий, и последний, слой „платоновцев“, работавших с ним, и которым он покровительствовал»³.

Петербургская школа историков продемонстрировала свою жизнестойкость в трудных условиях начала 1920-х годов и немало способст-

¹ Там же. Л.283 об. — 284.

² См.: Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 19–86.

³ Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П-65245. Т. 7. Л. 362.

вовала развитию отечественной науки. В начале 1920-х годов эта жизнеспособность проявилась, в частности, в создании многочисленных научных кружков, интенсивно работавших в традициях этой школы и чаще всего собиравшихся, как это было и в дореволюционное время, на квартирах их участников.

Особая роль среди этих неформальных научных объединений принадлежала «Кружку молодых историков», возникшему в 1921 г. и состоявшему преимущественно из учеников С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. И. Кареева, А. Г. Вульфуса, А. Е. Преснякова, С. В. Рождественского.

Из профессуры ближе всех к кружковцам был Е. В. Тарле, как это видно и из воспоминаний Н. С. Штакельберг. Значительную роль в культурной и научной жизни города играл также «салон» Е. В. Тарле, возникший после 1920 г. Многие из участников кружков работали в центральных научных учреждениях: в Центрархиве, в Академии наук, университете, Публичной библиотеке, Русском музее. Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков возглавляли научные учреждения и журналы.

Параллельное существование неофициальных научных структур было естественным продолжением традиции петербургской научной школы и способствовало развитию этих традиций и совершенствованию профессионализма. Это была естественная форма научного общения, противоречившая, однако, правительственному курсу на установление жесткого контроля над исторической наукой и введению ее в строгое русло официальной идеологии.

Кружки были тесно связаны с историческими журналами, выходившими в Петрограде-Ленинграде в 1920-е годы, в особенности с такими изданиями, как «Дела и дни», «Русское прошлое», «Анналы», «Русский исторический журнал». В редактировании этих изданий активное участие принимал Е. В. Тарле.

В Петрограде-Ленинграде в 1920-е годы складывалось своеобразное направление в исторической науке, опиравшееся на петербургские академические и университетские традиции. Оно претендовало на особое место в отечественной историографии и уже было представлено не только профессионалами старого поколения, но и многообещающими молодыми учеными.

М. Н. Покровский в середине 1920-х годов начал решительную кампанию за монопольное утверждение в науке государственной идеологии и обрушился с критикой на тех, кто стоял на его пути. В статье «„Новые“ течения в русской исторической литературе» М. Н.

Покровский подверг резкой критике изданную в 1927 г. книгу Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма», обвинив ее автора в антантофильстве и «попытке сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приемов»¹.

Эта критика была только одним из предвестников политического процесса, начатого в октябре 1929 г. против большой группы историков, обвиненных в контрреволюционном заговоре. Не оставлены были ОГПУ без внимания и журналы, где печатались кружковцы. Не без участия М. Н. Покровского консультант ОГПУ «Буревестник» (историк Г. С. Зайдель) подготовил для следствия их пространную характеристику. Особенно резкие обвинения были выдвинуты против «Анналов», редактируемых Е. В. Тарле. «Обозревая все четыре тома журнала, вышедшие за 1922–1924 гг. в свет, — писал Г. С. Зайдель, — можно совершенно определенно констатировать, что журнал стал действительно органом, „обслуживающим русских специалистов“, но специалистов-историков определенного толка — антимарксистов. В нем печатались работы крупных буржуазных историков, начиная от Тарле, Кареева, Бузескула, Гревса и др. и кончая плеядой молодежи, выросшей на дрожжах антимарксистской и реакционной методологии». Зайдель подчеркивал, что «во всех четырех книгах журнала невозможно найти ни одного отклика на вышедшие уже в эти годы исторические работы» М. Н. Покровского и Н. М. Лукина².

В приложении к настоящему тому, наряду с докладной запиской ОГПУ Сталину и Молотову, публикуется также докладная записка Агранова, адресованная Менжинскому и написанная в связи с отказом сосланного в Алма-Ату Е. В. Тарле от своих показаний, данных в ходе следствия по «Академическому делу». Эти документы могут служить примером того, как заведомо ложная информация об «Академическом деле» поступала по официальным каналам ОГПУ к заказчикам из политбюро. Впрочем, иначе не могло и быть. В высших партийных инстанциях прекрасно понимали, что «Академическое дело» сфабриковано и ведется по заранее разработанному сценарию. Участники фабрики, от следователя ОГПУ до самого высокого лица в партийной иерархии, были заинтересованы в том, чтобы придать этому сценарию видимость достоверности и убедить обывателя и всех непосвященных в его правдоподобии.

¹ Покровский М. Н. «Новое» течение в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 10, 17.

² Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 16. Л. 162–163.

Заявление же Е. В. Тарле, возможно, ставшее известным за пределами узкого круга лиц, причастных к фабрикации «Академического дела», подрывало представление о его достоверности. Докладная записка Агранова свидетельствует о его попытке выпутаться из этой неожиданно возникшей ситуации. Поэтому в записке указывается на сомнительность наиболее одиозных показаний, вырванных у Е. В. Тарле во время следствия, — «об оружии, имевшемся якобы в распоряжении организации и хранившемся в Пушкинском Доме Академии наук, Гатчинском дворце-музее и Пушкинском заповеднике (около гор. Пскова)». Эта попытка придать задним числом «Академическому делу» более правдоподобный характер особенно сомнительна в контексте с другим документом, к составлению которого приложил руку тот же Агранов, — сборником, содержащим докладную записку Сталину и Молотову от 15 сентября 1930 г. и фрагменты следственных материалов, предназначенных, как отмечалось выше, «для ориентировки и проработки» сотрудникам ОГПУ. В этом сборнике помещена выдержка из показаний Л. А. Мерварт от 13 сентября 1930 г., в которых сюжет с оружием выглядит еще более неправдоподобно¹, но не оспорен составителями. Можно указать еще на массу несообразностей в докладной записке Агранова. Так, он лжет, заявляя, что никто в процессе следствия, за исключением Е. В. Тарле, своих показаний не менял. В предисловии к первому выпуску издания «Академического дела» было отмечено, что свои показания меняли многие, в частности В. И. Пичета, М. К. Любавский и др.² Сетования Агранова на то, что Е. В. Тарле склонен был давать преувеличенные показания, вообще выглядит смехотворно. Как будто бы все показания всех подследственных не были сплошным вымыслом!

¹ Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. С. 218: «... главную массу оружия для снабжения восставшего для интервенции народа привезут с собой сами интервенты и передадут военной группе для распределения; однако некоторое количество оружия должно быть доставлено в СССР и передано организации вперед (? — *Авт.*). Часть должна прийти из Франции через Польшу и Румынию, а часть из Германии. Оно должно было на автомобиле консульства (германского. — *Авт.*) доставлено куда-то за город <...> в какое-то место между Детским и Слуцком <...>. После этого кто-то из военной группы должен был оружие из этого места взять и где-то укрыть <...>, в том числе по крайней мере два пулемета».

² См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисловие. С. XXXVI–XXXVII.

Конечно, показания Е. В. Тарле отличаются нагромождением нелепых и фантастических подробностей о хранении «заговорщиками» оружия, разговорах в Париже с французскими политическими деятелями и русскими эмигрантами о планах интервенции и т. п. Но возможно это был тактический прием со стороны Е. В. Тарле — намеренное оглушение сценария процесса, превращение его в вызывающий фарс, с тем, чтобы при первой благоприятной возможности было бы проще отказаться от данных показаний. С одной стороны, Е. В. Тарле демонстрировал постоянную готовность дать дополнительные показания, сам сообщал следователю о том, что вспомнил какие-то важные детали, связанные с подготовкой заговора против советской власти, а с другой стороны в это же самое время заявлял тюремному врачу: «... во всей этой истории я виноват столько же, сколько и Вы и другие» (см. док. 120). Поведение Е. В. Тарле явно настораживало и раздражало Агранова.

Что же касается утверждения Агранова о предложении Е. В. Тарле своих услуг ПП ОГПУ в Казахстане, то и оно не подтверждается. На запрос редколлегии издания «Академического дела» в Комитет национальной безопасности Республики Казахстан о материалах, хранящихся в архивах местного бывшего КГБ и касающихся Е. В. Тарле, получен ответ о наличии ряда документов, но среди них нет данных о той инициативе, которую он якобы проявил. Нет никаких оснований верить Агранову, который был одним из организаторов многих сфабрикованных политических процессов.

Как и С. Ф. Платонову, Е. В. Тарле в «Академическом деле» отводилась особая роль. Если С. Ф. Платонов должен был выступать в роли герmanoфила, то Е. В. Тарле — антантофила. Если С. Ф. Платонова предполагалось связать с А. Е. Ферсманом и тем самым ввести в «Академическое дело» наряду с гуманитариями представителей естественных и технических наук, то Е. В. Тарле намечалось следствием использовать для того, чтобы объединить «Академическое дело» с процессом «Промпартии».

Во время следствия над группой инженеров, проходивших по этому «делу», Е. В. Тарле 8 октября 1930 г. был доставлен в Москву (см. док. 108–110). Как уже упоминалось в предисловии к первому выпуску «Академического дела»¹, в Москве была произведена попытка опознания известного теплотехника Л. К. Рамзина по фотографиям, предъявленным Е. В. Тарле. Хотя от обоих были получены «показания» о связи

¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. XXXIV.

между ними¹, следственный эксперимент провалился (почему, вероятно, и не был зафиксирован в «деле»): из десятка фотографий им были выбраны две, ни одна из которых не имела никакого сходства с Рамзиным. Возможно, именно поэтому Е. В. Тарле был этапирован из Москвы в Ленинград 23 ноября 1930 г., за два дня до начала судебного процесса над «Промпартией» (см. док. 111, 112).

Тем не менее в обвинительном заключении по «делу» «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия») Е. В. Тарле был назван кандидатом на пост министра иностранных дел². Согласно обвинительному заключению, Л. К. Рамзин показал 3 ноября 1930 г., что на этот пост в списке проектируемого правительства, датируемом началом 1929 г., намечались Е. В. Тарле или П. Н. Милоков³.

По каким причинам организаторы «Академического дела» и «дела» «Промпартии» отказались от их слияния и почему в одном случае состоялся открытый процесс, а в другом — нет, можно только гадать, пока мы не будем знать определенно, какие задачи ставились перед следствием и как должно было разворачиваться «Академическое дело» согласно первоначальному замыслу.

Процесс «Промпартии» никак не отразился на судьбе Е. В. Тарле. 8 августа 1931 г. он был осужден по «Академическому делу» коллегией ОГПУ к высылке на 5 лет в Алма-Ату.

Реабилитирован Е. В. Тарле был уже посмертно в 1967 г. вместе с большой группой лиц, проходивших по тому же «делу». До этого предпринималось несколько попыток побудить карательные органы к его пересмотру. К сожалению, они не исходили от Академии наук СССР. Однако эти попытки оказались неудачными: в ответах органов госбезопасности и прокуратуры утверждалось, что приговоры не подлежат отмене ввиду их справедливости. Впрочем, после 1956 г. несколько человек были реабилитированы в индивидуальном порядке (в частности, А. И. Андреев, Л. А. Мерварт, Б. А. Романов). Пересмотр «Академического дела» состоялся лишь в результате рассмотрения ходатайств В. М. Ливановой-Любавской в отношении ее отца М. К.

¹ См. показания Е. В. Тарле от 3 октября (док. 103), 4 октября (док. 105), 5 октября (док. 106) и 7 октября 1930 г. (док. 107).

² Процесс «Промпартии» (25 ноября–7 декабря 1930 г.). С. 13, 14.

³ Там же. С. 14.

Любавского, М. Н. Мартынова в отношении С. В. Рождественского и Е. И. Чапкевича в отношении Е. В. Тарле.¹

Началом процесса их реабилитации стало заключение Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области от 4 января 1967 г. о необходимости отмены приговоров ряду лиц, проходивших по «Академическому делу». В нем констатированы очевидные и до того факты — принятие внесудебных решений исключительно на основании самооговоров, не подкрепленных никакими иными доказательствами, и противоречивость показаний. Поэтому и в заключении анализу подвергнуты те же показания, сфабрикованные следователями ПП ОГПУ в ЛВО в 1929–1931 гг.

Данное заключение послужило основанием главному военному прокурору для внесения 16 июня 1967 г. протеста (в порядке надзора) в Военную коллегия Верховного суда СССР.² Ее решение стало последним этапом в реабилитации Е. В. Тарле.

* * *

Издание материалов, относящихся к академику Е. В. Тарле, Библиотека Российской Академии наук продолжает публикацию следственных документов так называемого «Академического дела 1929–1931 гг.»; ранее, в 1993 г., в свет вышел 1-й выпуск, посвященный академику С. Ф. Платонову. В предисловии к 1-му выпуску³ со-

¹ К сожалению, в различных изданиях имеют место неточности, относящиеся к фактической стороне «Академического дела 1929–1931 гг.». Это вполне объяснимо: доступ к архивным материалам был закрыт, да и сейчас затруднен. Так, в двух абзацах книги А. Н. Яковлева (многолетнего руководителя различных комиссий по реабилитации жертв репрессий, имевших место в 30–40-е гг. и начале 50-х годов), посвященных характеристике этого «дела», допущены три ошибки: организация, сфабрикованная ОГПУ, названа не «Всенародным союзом. . .», а «Всесоюзным. . .», М. К. Любавский превратился в М. К. Любарского, наконец, в число репрессированных попал А. Е. Пресняков, который умер от рака в сентябре 1929 г., еще до начала следствия по этому «делу» и арестов (*Яковлев А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация в России. Ярославль, 1994. С. 165*).

² Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 19. Л. 308–320.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XLIX–XLII.

держатся общие сведения о сохранившихся документах следственного дела и о принципах предпринятого БАН издания. Публикуемые во 2-м выпуске материалы находятся в томах 2, 3, 7 и 12 следственного дела № П–65245, хранящегося в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области. Материалы основного производства прекращенного следственного дела «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» являются частью Общего следственного фонда Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ)¹. Принятый в апреле 1995 г. Закон об органах Федеральной службы безопасности закрепил за ФСБ «право самостоятельного хранения ведомственных документов и контроля над процессом рассекречивания материалов, имеющих историческую и научную ценность» (ст. 5). Тома 2 и 3 данного следственного дела целиком посвящены Е. В. Тарле. Единичный случай вкрапления посторонних материалов составляет ошибочно подшитый в 3-й том заключительный лист 412 — выписка из протокола № 38 Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 16 сентября 1944 г. об отказе Л. А. Мерварт в снятии судимости. Это подтверждает высказанное ранее составителем предположение об окончательном оформлении материалов следственного дела не сразу же по его завершении, а лишь в конце 1950-х гг. Том 7 содержит материалы о Е. В. Тарле (окончание) и Н. П. Лихачеве. Том 12 разнороден по составу: в нем содержатся материалы об А. М. Мерварте (начало следствия), адресованные следователям заявления Е. В. Тарле и Н. В. Измайлова, выписки из показаний С. Ф. Платонова и других лиц. Кроме перечисленного выше в следственном деле имеются другие материалы, относящиеся к Е. В. Тарле, — в томе 12 содержится протокол очной ставки Е. В. Тарле с С. Ф. Платоновым (копия, подлинник находится в т. 7), в томе 6 — с В. Н. Бенешевичем; в томах 18 и 19 находятся документы реабилитации Е. В. Тарле; эти материалы будут помещены в выпусках, посвященных соответственно В. Н. Бенешевичу и реабилитационному производству.

¹ Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. Справочник, обзорение и библиографический указатель / Гл. ред. В. П. Козлов, П. К. Гримстед. Отв. сост. А. В. Репуло. М., 1997. Сведения о ЦА ФСБ — с. 236–239; об Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области — с. 335–337.

Состав публикуемых следственных документов традиционен в жанровом отношении, хотя и отличается большим разнообразием по сравнению с 1-м выпуском. В состав 127 документов следственного дела Е. В. Тарле помимо официальных документов следственных органов и администрации мест заключения, а также анкет, входят прежде всего протоколы допроса и собственноручные показания подследственного, протокол очной ставки, заявления подследственного с сопроводительными документами, а также материалы нетрадиционного состава — выписки из дореволюционных архивных дел (относящиеся к Тарле материалы Особого отдела Департамента полиции МВД), врачебное свидетельство (которое должно было бы храниться в наблюдательном деле заключенного, а не в следственном) и приобщенная к делу записка, которую Тарле нелегально пытался передать из тюрьмы жене. Расположение материалов внутри переплета следственного дела, как правило, находится в хронологической последовательности, за исключением материалов, точная датировка которых в заголовке отсутствует и которые приблизительно можно датировать лишь по содержанию. Подобную задачу лица, проводившие переоформление материалов следственного дела во второй половине 1950-х гг., перед собой не ставили. Нумерация листов каждого тома произведена механическим нумератором.

Все материалы, упоминаемые «описью документов дела», которой открывается каждый том, находятся в наличии. В нашем издании данная опись не приводится, так как в соответствии с планом издания, публикуются все документы без какого-либо отбора, а оглавление данного выпуска дает более точное наименование документа, чем «опись документов дела». Составитель не всегда следовал порядку расположения документов в деле, указанному в «описи» (местонахождение в деле указано в легенде каждого документа); в основу расположения документов был положен хронологический принцип.

Физическое состояние документов в целом удовлетворительное, хотя, в отличие от большинства материалов данного архивохранилища, они несут на себе следы многолетнего пользования читателями, а именно столь характерный вид усталости, которым отмечены в центральных архивах материалы, постоянно выдаваемые исследователям в подлиннике. Степень зачитанности (если употребить это слово в буквальном смысле) у посвященных Тарле томов гораздо бóльшая, чем у предыдущего тома, посвященного Платонову, и несравнимо бóльшая, чем всех остальных томов данного следственного дела. Отметим, что, как и подавляющее большинство материалов Общего следственного

фонда ЦА ФСБ РФ, он существует в архиве в единственном экземпляре, так как в силу специфики архива и его закрытости для исследователей создание страхового фонда в нем предусмотрено не было. Бумажный блок тома 3 носит следы механических повреждений, внешний вид которых свидетельствует о том, что после незначительного поедания верхнего правого угла грызунами края листов 1–8 со следами зубов были обрезаны ножницами. Учитывая, что поврежденными оказались бумажные листы с нанесенными типографской краской номерами страниц, но изобиловавший притягательным для грызунов клеем переплет остался целым, можно приблизительно установить время, когда это событие произошло — не ранее середины 1930-х (формирование дел с их полистной нумерацией) и не позднее второй половины 1950-х (переплет) годов. Вполне вероятно, что это случилось в годы блокады.

Состав документов, публикуемых в основном разделе выпуска, обусловлен их находением в материалах следственного дела. Так, например, в один из томов, посвященных Е. В. Тарле, была включена копия недатированного протокола показаний Ю. Г. Оксмана, однако показания последнего от 27 января 1930 г., на которые сам Оксман ссылается в тексте, в состав публикуемых документов не включены. Это обусловлено тем, что в противном случае выпуск оказался бы перегруженным второстепенными текстами, имеющими вспомогательный характер по отношению к основному корпусу документов, а также тем, что неминуемо произошло бы дублирование публикуемых текстов, и структура издания оказалась бы нарушенной. Ряд следственных материалов, относящихся к Тарле, в настоящее время выявить не удалось — в первую очередь, протоколы допросов и собственноручные показания во время его пребывания в Москве осенью 1930 г., а также упоминаемая им в документе № 116 «записка на сорока полулистах». «Записки» Тарле, возможно, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ, о которых со слов бывшего начальника Отдела регистрации и хранения архивных фондов А. А. Краюшкина сообщал В. И. Шенталинский¹, сам с ними не работавший, выявить не удалось, несмотря на неоднократные обращения редколлегии издания в архив данного ведомства. Вполне вероятно, что в данном случае речь могла идти о материалах основного и дополнительного производств следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», неоднократно посылавшихся в конце 1980-х — начале 1990-х годов во

¹ Шенталинский В. И. Рабы свободы в литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 19.

временное пользование из ленинградского ведомственного архива в московский.

Типы документов, публикуемых в данном выпуске, не имеют существенных отличий от предыдущего. По-прежнему наибольшее количество публикуемых документов составляют протоколы допросов и собственноручные показания подследственных. Если в материалах С. Ф. Платонова жанровое различие между этими документами прослеживается достаточно четко (за исключением тех случаев собственноручных показаний, которые являются ответами на несохранившиеся вопросные пункты), то в материалах Е. В. Тарле различие оказалось в значительной степени условным: едва ли не половина текстов протоколов допросов и собственноручных показаний носит промежуточный между ними характер. Собственноручные показания Тарле в ряде случаев написаны на бланке допроса, еще чаще они скреплены подписью «Допросил Стромин». Несмотря на монологический характер изложения, композиция текста, в которой явно видны как поставленные следователем вопросы, так и данные подследственным ответы, а также категоричность употребляемых формулировок, весьма отличная от оборотов речи Тарле, побуждает рассматривать эту разновидность документов как типичный случай так называемого «принудительного „соавторства“» (термин, введенный Б. В. Ананьичем и В. М. Панеяхом при характеристике степени достоверности показаний, полученных путем подобного совместного творчества). «Обращает на себя внимание значительное отличие показаний от протоколов — по лексике, оборотам речи, построению фраз. Уже одно это свидетельствует о неадекватности записей в протоколах действительным ответам < . . . > Необходимо отметить также, что протоколы носили характер произвольно скомпонованных достаточно кратких резюме допросов подследственного в форме его монологов, без записи задаваемых вопросов, содержание которых, впрочем, иногда можно восстановить. Само собой разумеется, что протоколы писались после, а не во время допросов. Такая форма протоколирования позволяла следователям фальсифицировать суть сказанного, исказить ответы. Да и сама лапидарность протоколов не могла отразить всех нюансов сказанного»¹. Возможностей «принудительного „соавторства“» собственноручные показания предоставляли гораздо больше, чем протокол допроса, особенно если

¹ Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка*. М.; СПб., 1995. С. 93.

речь шла о столь несхожих по умению владеть пером лицах, как Стромин и Тарле. Для более точного обозначения подобной разновидности документа его следовало бы озаглавить «Собственноручные показания (имярек), данные в ходе допроса, произведенного (имярек)». Если в 1-м выпуске данная разновидность документа встречалась один раз (№ 24) (для сравнения: протокол допроса — 35 и собственноручные показания — 20), то во 2-м выпуске она становится преобладающей — 37 раз (протоколов допроса — 11 и собственноручных показаний — 11). Тем не менее во 2-м выпуске в целях единообразия в подобных случаях продолжает употребляться, как и в 1-м выпуске, наименование «собственноручные показания», а упоминание о «соавторе» этих показаний можно видеть в подписи под документом. Что же касается многочисленных «заявлений» Тарле, то таковыми они являются по своему содержанию; по внешнему виду они являются записками, написанными, как правило, на четвертушках обычного листа писчей бумаги. В отличие от 1-го выпуска, в заголовок подобных «заявлений» не вынесено их содержание — это привело бы к дублированию текста записок ввиду их немногословия и однообразия.

По свидетельству современницы, «Стромин был подлый и, кроме того, поразительно бездарный»¹. Написанное Строминым не подвергалось составителем редактированию, за исключением исправления орфографических ошибок и необходимых грамматических согласований: по уровню малограмотности Стромин выделялся не в лучшую сторону среди своих коллег и красоты слога типа «характеристика . . . оставила на меня большое впечатление» или «обличенным полнотою власти», «ставила себе целью осторожного вовлечения», «министр исповедания», «с первых времен революции», «поприще просвещения», «производилось достоянием гласности», «сильно облегчило в их стремлении», «влиянием НКВД к германскому послу», «незадолго после», «евразизм», «Галипопольский», «стал за лучшее пассивное сопротивление», «учебных обществ» не должны рассматриваться читателем как огрехи работы составителя и редактора; многочисленность же подобных случаев вынуждает воздерживаться от употребления в подстрочных примечаниях указания «так в подлиннике» — в противном случае она бы заполнила собой большую часть примечаний. Подобное указание делается в случае разрыва последовательности изло-

¹ Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Пред., послесл. и публ. Б. В. Ананьича. Примеч. Е. А. Правиловой // Там же. С. 49.

жения, что могло бы восприниматься как пропуск при публикации; случаи нарушения последовательности изложения встречаются неоднократно, особенно в текстах Стромина.

Датировка документа соответствует обозначенной на нем дате, — которая может приниматься с определенной долей условности. Позднее Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. отмечало «. . . нередко показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время . . . составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование . . . о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях».¹

Имена собственные, как правило, давались в современной транскрипции без специальной о том оговорки. Так, в текстах Тарле и Стромина употребляются формы: *Боайе*, *Буденый*, *Данну*, *Канчаловский*, *Карташов*, *Коковцев*, *Оденец*, *Орбелли*, *Пуанкарэ*, *Пэнго*, склоняемый по женскому роду *Тома* (только у Стромина), *Церетелли*, *Шереметьев*, *Эрио* (правильные формы см. в именном указателе), отчество *Ануфриевич*. Впрочем, отметим и то, что сам Тарле далеко не всегда был последователен в транскрипции имен собственных: в одном и том же документе у него встречаются *Ламуанон* и *Лемуанон*. Реальный комментарий к именам собственным дается в текстологических примечаниях лишь в самых необходимых случаях — когда его отсутствие затрудняет понимание текста. Так, например, упоминаемый в записи Стромина *Алеби Луи* является *Эли Галеви*.

В текстологических примечаниях приводятся только разночтения, не имеющие характера орфографической правки. Правописание приведено в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. При воспроизведении собственноручных показаний Е. В. Тарле публикатор стремился с максимальной точностью воспроизвести текст документа со всеми присущими ему особенностями. Тем не менее употребляемое Тарле неполногласие в словах *пред*, *середина*, *через* — не сохраняется. Сохранено характерное для эпохи написание *конфекты*, употребляемое Тарле. В соответствии с нормами современной орфографии пишутся слова *пансионер* (в значении лица, получающего пенсию), *сантиментальность*, *эксплоатировать*, *дессант*, *незначущий*. Сокращенное название учреждения *Центроархив* приводится без со-

¹ Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 213

единительной гласной. Современники отмечали соответствие устных выступлений Тарле его опубликованным работам. «Лишь очень немногие деятели литературы и науки „говорят как пишут“, и их стенограммы могут идти в печать с незначительной правкой, — такими были, например, А. В. Луначарский и Е. В. Тарле.»¹

При пропуске букв и сокращении слов текст дополнялся в квадратных скобках. Это относилось даже к тем словам, которые обычно не раскрываются, — например, упоминаемое перед фамилией *ген[ерал]* или *акад[емик]*. Последнее сделано для удобства автомагического перевода текста на иностранные языки. Перечень сокращений и аббревиатур дан в приложении. Не раскрывались очевидные сокращения сложных слов, как-то *соввласть* (всегда со строчной буквы, несмотря на различие, зачастую даже в пределах одного документа), *Госдума*, *Политбюро*. В единичных случаях давался предельно краткий необходимый комментарий, например *Осваг* — Освободительное агентство Добровольческой армии. Унификация сокращений в публикуемых текстах не производилась, так, члены партии социалистов-революционеров обозначены как *с.-р.*, *эс-эры* и *эсеры*.

На протяжении всего текста унифицировано употребление прописных и строчных букв, как-то: *Белая армия*, *Красная армия*, *Добровольческая армия*, *Германская националистическая партия*, *Генеральный штаб*, *Лига Наций*, *Академия наук*, *Университет* (в значении конкретного учебного заведения), но: *белое движение*, *белая эмиграция*, *живая церковь*, *соввласть*, *славянство*, *германское правительство*, *французское Министерство иностранных дел*. Не сохранялось современное эпохе написание географических названий: *Гатчино*, *Донбас*, *Чехо-Словакия*, а также употребляемого Строминным *Манджурия*. Сложные слова пишутся по современным орфографическим правилам: *Южно-германский*, *староцерковный*, но *Северо-Американские Соединенные штаты*. Сохранено употребляемое Тарле написание партии *Дашнак-Цутюн*, а также своей специальности *Всемирная История* (единичное в анкете).

Подстрочные примечания имеют двойную нумерацию. Звездочкой отмечены авторские примечания, к которым составителем сделано указание — *примечание Тарле*. Все примечания, не имеющие указания на авторство, принадлежат составителю; это обстоятельство особо не оговаривается. Звездочкой отмечены переводы иностранных текстов. В примечаниях, отмеченных арабскими цифрами, учтены все исправле-

¹ *Рейсер С. А.* Русская палеография нового времени. М., 1982. С. 55.

ния, вставки, зачеркнутые места, которые были сделаны Тарле и его «соавторами», а также все пометы на страницах материалов следственного дела, сделанные лицами, его читавшими. В том случае, если автор помет мог быть установлен, это отмечалось; в противном случае их авторство не оговаривалось. Учтены даже пометы сравнительно позднего времени, сделанные на копии шариковой ручкой (т. е. заведомо не ранее 1951 г. — времени начала их массового производства за рубежом); они относятся, вероятно, ко второй половине 1960-х гг., когда шариковые ручки вошли в обиход советских людей, и связаны с обращением к следственным материалам в связи с реабилитацией лиц, привлеченных по основному производству «Академического дела» (1967 г.).

При характеристике помет следует учитывать, что слово *подчеркнуто* относится к линии горизонтальной (под строкой), *отчеркнуто* — к вертикальной (на левом поле), а *выделен* — к обведению по периметру данного фрагмента текста. Все отмеченные подобным образом фрагменты приводятся в подстрочных примечаниях. При характеристике опущенного фрагмента текста различаются понятия *зачеркнуто* и *вымаран*, в первом случае речь идет о зачеркивании текста горизонтальной чертой при сохранении возможности прочитать зачеркнутый фрагмент; при вымарывании же чернила нанесены столь плотно, что текст не поддается прочтению, лишь в некоторых случаях удалось установить количество вымаранных слов. Принадлежность Тарле зачеркнутого и вымаранного текста и самой правки определяется по цвету чернил и наклону пера, которые, как правило, идентичны и для текста показаний. Отмечается наличие в документе отметок, свидетельствующих о принадлежности исправлений. Внутренняя нумерация листов протоколов воспроизводится только в том случае, если она представляет интерес для истории публикуемого текста. Не сохраняются пометки «верно» в конце машинописных копий, а также разметка машинистки на подлиннике. Подписи воспроизводятся именно так, как они имеются в подлиннике, иногда даже в пределах одного документа подпись отличается: Евг. Тарле и Е. Тарле. Случаи невписывания в машинописные копии иноязычных слов особо не оговариваются. Указание на цвет чернил приводится только в том случае, если это имеет значение для характеристики документа. Так, в документе № 85 цвет чернил различен, что может свидетельствовать о некотором временном разрыве во времени между началом и окончанием работы Тарле над показаниями. Отметим, что ни в одном из протоколов допросов нет указания на время его проведения и его длительность. Цвет чернил

позволяет установить стадии работы «соавторов» над текстом — так, в документе № 52 можно видеть чернила трех цветов: лиловые (собственноручные показания Тарле), черные (написанные им дополнения, а также сделанные им вставки в ранее написанный текст) и зеленые (заглавие, разметка листов и редактирование показаний Тарле, сделанные Строминым).

Помимо основного корпуса материалов следственного дела в данном выпуске публикуются три приложения.

Первое приложение представляет собой напечатанную в качестве вступления к изданной типографским способом для служебного пользования книге (о ней см. Предисловие, с. XXVI–XXX) докладную записку председателя ОГПУ В. Р. Менжинского и помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Я. С. Агранова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову от 15 сентября 1930 г., содержащая информацию о ходе следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России».

Второе приложение содержит докладную записку Я. С. Агранова В. Р. Менжинскому от 2 августа 1932 г. по поводу отказа Е. В. Тарле от ранее данных показаний. Данная записка известна лишь в машинописной копии, приобщенной к следственному делу (включена в состав 12-го тома основного производства). В этом же томе содержатся некоторые материалы, поименованные в списке приложений данной записки.

Третье приложение состоит из 117 писем Е. В. Тарле из Дома предварительного заключения (№№ 1–95) и из ссылки в Алма-Ате (№№ 96–117). Все они адресованы жене — О. Г. Тарле; лишь два из них адресованы сестре — М. В. Тарновской (Е. В. Тарле не сразу узнал, что она была арестована вскоре после него). Е. В. Тарле имел обыкновение во всех своих многочисленных поездках ежедневно писать О. Г. Тарле, бережно хранившей этот своеобразный дневник за многие годы. В Архиве РАН имеется более 400 писем Е. В. Тарле за 1924–1938 гг. (Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 146–154); в 1924–1929 гг. они посылались из Парижа и Виши, куда Тарле имел привычку ежегодно уезжать на несколько месяцев для работы; в 1930–1931 гг. адрес отправителя на них не указывался — они шли из Дома предварительного заключения и из Алма-Аты, куда Тарле был сослан. Начиная с 1932 г. количество писем уменьшилось, как правило, они были связаны с командировками в Москву. Своему правилу — во время разлуки с женой ежедневно посылать ей если не обстоятельное письмо, то хотя бы почтовую карточку, — Тарле не изменил и в Доме предварительного

заклучения, откуда им было послано О. Г. Тарле около ста писем. До нашего времени их сохранилось 95; о том, что писем было больше, свидетельствуют пометы О. Г. Тарле на письмах №№ 5, 6 и 8 — соответственно 10, 11 и 13 письма. Письма О. Г. Тарле не сохранились; вероятно, после кончины Е. В. Тарле при передаче его бумаг в Архив РАН она не сочла необходимым передавать на государственное хранение свои письма. Все письма имеют один адрес *Ленинград, Набережная 9 января, д. 30, кв. 4, Ольге Григорьевне Тарле*; этот адрес не воспроизводится. В ряде случаев адрес дублируется — на случай повреждения в пути. Почти все письма написаны на почтовых карточках стандартного формата; текст на них расположен только с оборотной стороны. В легенде отмечаются даты почтовых штемпелей и пометы О. Г. Тарле о времени получения письма. В том случае, если почтовый штемпель или помета отсутствует, это обстоятельство особо не оговаривается.

На большинстве писем, отправленных из Дома предварительного заключения, указывается не только дата, но и время отправления письма почтой — указание на часы содержится в почтовом штемпеле либо до (№№ 3, 4, 6, 7, 9–17, 20, 31, 33–35, 37–51, 61, 72, 78–82), либо после (№№ 1, 2, 5, 8, 19, 21, 23–30, 32, 36, 53, 56–60, 62–65, 67, 71, 73–76, 83–91, 93–95) даты. После даты указано время получения в Ленинграде писем, отправленных из Алма-Ата (№№ 101–103, 105, 107). В двух случаях дата на штемпеле неразборчива (№№ 22, 68); еще в двух случаях штемпель не имеет даты — так называемая «сетка» (№№ 18, 52). Пять писем (№№ 54, 55, 66, 69, 70) вообще не имеют следов прохождения почты, и о способе их передачи адресату можно лишь высказывать предположение — было ли оно передано самим Е. В. Тарле при еженедельном свидании, или же через следователя. Как правило, между написанием письма Е. В. Тарле и его получением О. Г. Тарле проходил не один день — иногда письма приходили с большой задержкой. Так, письмо № 20 дошло до О. Г. Тарле через 23 дня после написания, № 17 — через 22 дня, № 24 — через 18 дней, № 7 — через 14 дней, № 10 — через 12 дней. Нередки были случаи одновременного получения большого количества писем — так, 20 июля 1930 О. Г. Тарле получила 8 писем (№№ 24, 26–30, 32, 36), затем 6 августа — 19 писем (№№ 31, 33–35, 37–51), 13 августа — 5 писем (№№ 52–56), затем 20 августа 4 письма (№№ 57–60). Подобный случай был и позднее — 1 октября О. Г. Тарле получила 6 писем (№№ 77–82). Письма Е. В. Тарле писал почти ежедневно, иногда — по 2–3 письма в день. Судя по содержанию его писем, О. Г. Тарле также старалась отправ-

лять одно письмо ежедневно. И в том, и в другом случае эти письма — с июня по октябрь 1930 г. — доходили до адресатов, как правило, один раз в неделю. Зачастую письма приходили с нарушением последовательности — так, отправленные 26 и 30 апреля письма №№ 3 и 4 были получены соответственно 9 и 8 мая; отправленные 1 и 4 июля письма №№ 23 и 25 дошли до адресата соответственно 19 и 6 июля; отправленные 15 и 17 сентября письма №№ 72 и 73 были получены соответственно 1 октября и 24 сентября. Совокупность сведений (проставленные Е. В. Тарле название дня недели или число; почтовый штемпель; помета О. Г. Тарле о дате получения; внешний вид почтовых карточек — изменение рисунка на лицевой стороне и почтовых тарифов) позволяет с относительной точностью датировать все письма Е. В. Тарле. Предложенная датировка не соответствует расположению открыток внутри архивных единиц хранения, куда оказались ошибочно включены также письма, относящиеся к другому времени. Так, в ед. хр. 152 (письма 1930 г.) находятся письма Е. В. Тарле из Парижа за 1927 г. (л. 58), 1929 (л. 50) и б/д (л. 51); здесь же находится телеграмма О. Г. Тарле от 19 сентября 1931 (л. 69) и талон к почтовому переводу от 13 июня 1930 г. (л. 78). Текст телеграммы: «Т[е]л[е]г[рам]ма 398 Ленинграда 15/160 5 17 9 = Алмаата востребования Тарле = Целую благодарю = 19го 9 ч[асов] 52 м[инуты]». Текст талона: «Финансовый п[од]отдел ЦАУ РСФСР препровождает 21 р[убль] 97 к[опеек] авторского гонорара за ст[атью] «Положение архивного дела в Швеции», помещ[енной] в IV(21) вып[уске] журнала «Архивное дело» / Завед[ующий] финансовым п[од]отделом Мешков 13/VI–30 г.». В ед. хр. 153 (письма 1931 г.) ошибочно включено письмо из Москвы от 18 мая 1938 г. (л. 13).

С приездом О. Г. Тарле к мужу в Алма-Ата переписка прекратилась. Последнее свидетельство эпистолярного диалога супругов периода ссылки — отправленная Е. В. Тарле 9 октября 1932 г. из Москвы телеграмма: «9/X 15 ч[асов] 30 м[инут] Алма-Ата почта востребования Тарле 571 Москвы 45/7702 10 9 13 30 Прекрасно устроился доме ученых целую» (Ед. хр. 153. Л. 38).

В конце данного выпуска помещены именной указатель к 1 и 2 выпускам, а также список сокращений и оглавление выпуска.

Предисловие к настоящему выпуску было написано Б. В. Ананьичем, В. М. Панеяхом, А. Н. Цамутали (исторический раздел) и М. П. Лепехиным (археографический раздел). Биографический очерк о Е. В. Тарле написан Б. С. Кагановичем. Составление тома осуществлено М. П. Лепехиным, археографическая подготовка текстов — им же

совместно с С. К. Егоровым. Текстологические примечания написаны М. П. Лепехиным. Компьютерная верстка и создание оригинал-макета выполнены С. К. Егоровым. Перевод писем Е. В. Тарле с французского языка осуществлен Н. М. Степановой; редактирование перевода М. П. Лепехиным. Контрольная вычитка и редактирование выпуска производились М. П. Лепехиным и Э. А. Фоминой. Общее руководство подготовкой данного выпуска осуществлялось редакционной коллегией, непосредственное — ответственным редактором В. П. Леоновым. Редакционная коллегия благодарит директора Архива РАН Б. В. Лёвшина за предоставление для публикации писем Е. В. Тарле. Работа по подготовке издания и его печатанию осуществлялась при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 95–06–18633). Редакционная коллегия и Библиотека РАН выражает благодарность президенту РФФИ академику В. Е. Фортову и заведующему издательской программой РФФИ В. Д. Новикову за содействие в работе.

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ ТАРЛЕ

Биографический очерк

Евгений Викторович Тарле был, пожалуй, самым знаменитым и популярным историком, жившим в советское время. При этом, как ни странно, многие элементарные факты его биографии остаются не до конца выясненными, начиная с года рождения.¹

¹ См. о Е. В. Тарле: *Молок А. И.* Е. В. Тарле. Краткая характеристика научной и общественной деятельности // Е. В. Тарле. Библиография. М. – Л., 1949. С. 5–15; *Он же.* Е. В. Тарле. Очерк жизни и деятельности // Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 3–23; *Манфред А. З.* Евгений Викторович Тарле // Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. ст. в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957. С. 3–17; *Ерусалимский А. С.* Евгений Викторович Тарле. 1875–1955 // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1957. Т. I. С. V–XXXV; *Чапкевич Е. И.* Жизнь и деятельность Е. В. Тарле в дореволюционный период // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1966. № 249. С. 140–169; *Он же.* О жизни и деятельности Е. В. Тарле в советский период // Там же. М., 1967. № 286. С. 246–296; *Рутенбург В. И.* Тарле — ученый и общественный деятель // Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 5–17; *Троицкий Н. А.* Евгений Викторович Тарле. 1875–1955 // Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 3–57; *Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977. 128 с.; Из литературного наследия академика Е. В. Тарле / Сост. В. А. Дунаевский, В. И. Дурновцев, Е. И. Чапкевич. М., 1981. 392 с.; *Чапкевич Е. И.* Страницы биографии академика Е. И. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37–54; *Дунаевский В. А., Чапкевич Е. И.* Е. В. Тарле и его книга о Наполеоне // Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 556–680; *Каганович Б. С.* К биографии Е. В. Тарле (Конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 89–99; *Чапкевич Е. И.* Пока из рук не выпало перо. Жизнь и деятельность академика Е. В. Тарле. Орел, 1994. 192 с.; *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков СПб., 1995. 138 с. Из зарубежных работ о Тарле наиболее важны: *Venturi F.* Evgenij Victorovič Tarlé // *Venturi F. Historiens du XXe siècle.* Genève, 1966. P. 186–219 (На итал. яз. статья была опубликована в 1956 г.); *Hösch E.* E. V. Tarle und seine Stellung in der sowjetrussischen Geschichtswissenschaft. Wiesbaden, 1964. 172 S.; *Wiśniewski S.* Eugeniusz Tarle historik epoki napoleońskiej. Warszawa, 1983. 332 s.

Евгений Викторович Тарле родился в Киеве в еврейской семье. Датой рождения до 1930 г. считалось 27 октября (8 ноября по новому стилю) 1874 г., позднее то же число, но в 1875 г. Как сообщает Е. И. Чапкевич, в Киевском городском архиве он нашел метрическое свидетельство, подтверждающее первую дату.¹ Отец Тарле Виктор Григорьевич был торговым служащим, мать Розалия Арнольдовна вела хозяйство. В семье было пятеро детей. В начале 80-х гг. семья переехала в Херсон, где и прошли детские годы будущего академика. Среди немногих автобиографических свидетельств Тарле сохранились краткие воспоминания 1950 г. о гимназических годах, «проведенных в Херсоне в большом доме на углу Суворовской и Потемкинской, над большой чьей-то аптекой, помещавшейся в первом этаже, а моя семья жила во втором».² Он увлекся историей в третьем классе гимназии, когда том за томом поглощал взятые в городской библиотеке сочинения Маколея и Костомарова. Затем наступила очередь «Истории России» С. М. Соловьева. «Если в гимназии жилось в общем неплохо (или не вполне плохо), то лишь постольку, поскольку и ученики и подавляющее большинство преподавателей уклонялось от выполнения бюрократических предначертаний, сплошь и рядом наглых и гнусных по своему полицейско-шпионскому мракобесному замыслу, но, к счастью, во многом просто неосуществимых и неудобоконтролируемых. А к еще большему счастью, многие из нас, в том числе и я, росли под решающим влиянием не гимназии, но семьи. Культурная, дружная, любящая семья приучила к чтению, приобрела к великой русской литературе, заботилась об общем развитии, об основательном ознакомлении детей с иностранными языками. . . В Херсоне же в конце своего пребывания в гимназии встретился я с гимназисткой гимназии Газединовых Лелей Михайловой, которая вскоре (когда я уже стал студентом) сделалась моей женой», — вспоминал Е. В. Тарле.³

В аттестате зрелости об окончании Херсонской гимназии значится, что он «дан сыну купца Григорию Тарле, родившемуся 27 октября 1874 г.».⁴ Сохранился также документ следующего содержания: «Означенная в сем дочь дворянина Ольга Григорьевна Михайлова, православного вероисповедания, обвенчана первым законным браком

¹ Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977. С. 7.

² Тарле Е. В. Воспоминания об учебе в Херсонской гимназии // Украинский исторический журнал. 1957. № 1. С. 131.

³ Там же. С. 132.

⁴ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 31. Л. 1.

19 лет в Свято-Георгиевской церкви с. Егоровки Одесского уезда сентября 5 дня 1893 года со студентом Новороссийского Императорского университета Евгением Викторовичем Тарле, православного вероисповедания, первобрачным 19 лет. Акт бракосочетания их удостоверяю. Августа 5 дня 1896 года. Села Егоровки Свято-Георгиевской церкви священник Иеремия Юсипенко».¹ По-видимому, Тарле перешел в православие в связи с женитьбой на православной (ни о каком религиозном обращении говорить не приходится: верующим он никогда не был). При этом он поменял имя на «Евгений». Единственный сын Е. В. и О. Г. Тарле Виктор умер в 1899 г. в возрасте 3 лет.

В 1892 г. по окончании гимназии Тарле поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета, но уже в следующем году перевелся в Киевский университет. Здесь его учителем стал профессор И. В. Лучицкий (1845–1918), крупнейший русский специалист по истории религиозных войн во Франции XVI в. и по французской аграрной истории XVIII в., либерал с умеренными народническими и украинофильскими симпатиями. Тарле, выделявшийся блестящими способностями (в частности, лингвистическими) и необыкновенной памятью, не мог не обратить на себя внимания. Согласно воспоминаниям дочери И. В. Лучицкого, «из новой плеяды своих учеников И. В. особенно ценил и восхищался редким талантом Е. В. Тарле».² Тарле позднее писал: «Вспоминается тот киевский кружок, который в годы моего студенчества привязан был к И. В., вспоминается, как нас всех более близких к нему, тянуло кстати и некстати, по приглашению и без приглашения в ту сердечную и искреннюю атмосферу, которая всегда царила в доме И. В.».³ Что касается педагогических принципов Лучицкого, то, по словам Тарле, «он вообще всегда держался того мнения, что следует давать возможно больший простор научной индивидуальности начинающего и с удовольствием вспоминал слова, сказанные ему еще в бытность его в молодые годы в Париже директором Ecole des Chartes известным Кишера (Quichera) о том, что чем меньше руководства, переходящего часто в

¹ Там же. Л. 2.

² Рукописные воспоминания О. И. Лучицкой. Любезно предоставлены С. И. Лучицкой.

³ Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. К 50-летию его научно-литературной деятельности (1914) // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1961. Т. XI. С. 393.

опекание, тем более шансов имеет начинающий оставить свой след в науке».¹

В 1896 г. по окончании университета Е. В. Тарле, получивший золотую медаль за сочинение об итальянском авторе XVI в. Пьетро Помпонаци, был оставлен И. В. Лучицким при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорской деятельности. Тогда же он приступил к преподаванию в частных женских гимназиях Киева. Вскоре молодой ученый стал известным человеком в среде киевской демократической интеллигенции. «В Киеве собралась тогда очень интересная публика, и [. . .] можно было слышать Н. Бердяева, еще не замышлявшего о переходе от марксизма к идеализму, и Е. В. Тарле, читавшего увлекательные лекции, и В. В. Водовозова, и А. В. Луначарского», — вспоминал журналист Д. Заславский.³ Наиболее близкие отношения сложились у Тарле с публицистом и общественным деятелем В. В. Водовозовым.³ К 1896 г. относится и начало литературной деятельности Тарле. Писал он легко и много, и его статьи на разные темы охотно печатали либеральные и демократические издания. Одновременно Тарле готовил магистерскую диссертацию, в 1898 и 1899 г. он ездил за границу для работы в архивах.

Успешно начатая научная и литературная деятельность Е. В. Тарле была прервана полицейскими репрессиями. 29 апреля 1900 г. в Киеве должен был читаться доклад А. В. Луначарского «Генрик Ибсен как моралист», сбор от продажи билетов предназначался в помощь политзаключенным.³ Оппонентами докладчика должны были выступать Тарле и Водовозов. Предполагалось также участие Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, но они почему-то не пришли. Не успел Луначарский начать доклад, как появились жандармы во главе с начальником Киевского жандармского управления генералом В. Д. Новицким и арестовали всех присутствующих. На квартирах задержанных были произведены обыски и изъята нелегальная литература. В тюрьме Тарле оказал-

¹ Тарле Е. В. И. В. Лучицкий как университетский преподаватель (1914) // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1961. Т. XI. С. 409.

² Заславский Д. О. Предрассветное // Русское прошлое. Пг., 1923. Кн. 4. С. 74–75.

³ В. В. Водовозов (1864–1933) был сыном известного русского педагога В. И. Водовозова и пасынком историка В. И. Семевского. В молодости примыкал к народническому движению, позднее был близок к партии трудовиков. Сотрудник многих демократических и либеральных изданий. С 1922 г. жил в эмиграции в Праге, покончил самоубийством.

⁴ См.: Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 58.

сы в одной камере с Водовозовым. Согласно воспоминаниям Водовозова, написанным в эмиграции в конце 20-х — начале 30-х гг., Тарле был очень подавлен и оплакивал конец своей ученой карьеры: потерю заграничной командировки и изгнание из университета. По свидетельству Водовозова, Тарле даже пытался повеситься, но потом изменил решение и просил соседа сообщить об этом тюремному начальству. Жандармы по-видимому всполошились, Тарле был вызван на допрос и через два дня освобожден.¹ Водовозов и большинство арестованных, не замеченных в других криминалах, были выпущены через несколько дней, хотя и оставались все под следствием. «Замечательна сложность и противоречивость человеческой психики, — добавлял Водовозов. — Этот самый Тарле, который так трусливо вел себя в заключении в молодости, впоследствии при большевиках в 1918–1922 гг. обнаружил большое мужество, читая публичные лекции, на которых довольно решительно критиковал советскую политику».²

По выходе из тюрьмы, где он провел немногим более месяца, Е. В. Тарле действительно получил запрет на преподавательскую деятельность, был отчислен из университета и выслан на хутор тестя в Херсонскую губернию. В течение двух лет он находился под следствием. В августе 1900 г. Тарле было разрешено поселиться в Варшаве, где он с женой прожил около года. Он мог заниматься только литературной деятельностью и занимался ею очень интенсивно. За один только 1901 г. он напечатал три книги: магистерскую диссертацию «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени»³ и два учебных пособия по истории Италии.⁴

Работа Е. В. Тарле о Томасе Море в значительной мере представляла собой сводку и популяризацию собранного западной наукой материала. В ней живо излагалась биография Мора и в довольно общем виде его воззрения, описывалось экономическое и социально-политическое положение Англии в начале XVI в. Более подробно характеризовал Тарле источники моровской «Утопии», каковыми он считал прежде всего диалоги Платона и трактат блаженного Августина «О граде

¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3195. Л. 143–144.

² Там же. Л. 144 об.

³ Тарле Е. В. *Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени*. СПб., 1901. 225, 127 с. Цит. по изд.: Тарле Е. В. *Сочинения*. М., 1957. Т. 1.

⁴ Тарле Е. В. *История Италии в средние века*. СПб., 1901. 197 с; *Он же*. *История Италии в новое время*. СПб., 1901. 190 с.

Божием». По мнению Тарле, «Томас Мор совсем не верил в осуществимость своей „Утопии“». ¹ «В „Утопии“ и только в ней одной Томас Мор является пролагателем новых путей, творцом хозяйственного и политического идеала», в остальных же своих сочинениях и в жизни «он может быть назван английским гуманистом» и «верующим католиком». ²

По совету И. В. Лучицкого, Тарле, переехавший летом 1901 г. в Петербург, решил защищать диссертацию в своем «родном» Киевском университете. На 48 часов ему было разрешено приехать для этого в Киев. Защита состоялась 14 октября 1901 г. Она вылилась в скандал, очень неприятный для Тарле и вредный для его научной репутации. Официальные оппоненты И. В. Лучицкий и профессор западноевропейской литературы Н. П. Дашкевич дали о диссертации краткие, но положительные отзывы. Дашкевич, правда, указал на недостаточно тщательную отделку работы и на ряд серьезных ошибок в переводе «Утопии». Выступивший затем профессор философии Г. И. Челпанов заявил, что перевод «Утопии» сделан Тарле не с латинского оригинала, а со старого и полного ошибок немецкого перевода. К Челпанову присоединились латинист А. И. Сонни и специалист по средневековому источниковедению Н. М. Бубнов. Попытка профессора юридического факультета Е. Н. Трубецкого смягчить ситуацию не имела успеха. Из публики совершенно неожиданно выступил В. В. Водовозов, заявивший, что «во всей „Утопии“ г. Тарле нет ни одной страницы, на которой нельзя было бы найти подобных грубых ошибок» ³ и назвавший Тарле «непорядочным даже переводчиком». Диспут продолжался около пяти часов. В конце концов, магистерская степень была присвоена Тарле шестью голосами против трех исключительно благодаря авторитету и влиянию Лучицкого. В правой печати появились издевательские заметки ⁴, в левой указывалось, что «на диспуте сводились какие-то личные счёты». ⁵

¹ Тарле Е. В. Сочинения. Т. 1. С. 122.

² Там же. С. 265.

³ См: Водовозов В. В. Новое исследование по социальной истории Англии (Е. В. Тарле Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени) // Народное хозяйство. 1901. № 10. С. 161–176.

⁴ Киевлянин. 1901. 15.X. № 285; Волянь. 1901. 23 и 25.X. №№ 231, 233.

⁵ Русские ведомости. 1901.18.XI.

В своих позднейших воспоминаниях В. В. Водовозов утверждал, что его поразила небрежность работы Тарле («кажется, он дал перевод своей жене»), и он решил выступить, несмотря ни на что, не боясь упреков в союзе с правой профессурой. «После диспута я очень ясно почувствовал, что общие симпатии не на моей стороне», — писал он.¹ Разумеется, дружеским отношениям Водовозова и Тарле пришел конец, хотя впоследствии им приходилось встречаться. Водовозов вспоминал, как при одной из таких встреч в Петербурге Тарле говорил ему: «Вот вы, я вас всегда считал вполне порядочным человеком, а вы не погнушались вступить в заговор с этим мракобесом и ханжой Челпановым, более того, не погнушались поддержать юдофоба и реакционера Сонни». «О новых его трудах, в высшей степени серьезных, мне несколько раз приходилось говорить в печати. . . — добавлял Водовозов — и я всегда признавал Тарле выдающимся историком».²

Объясняет поведение В. Водовозова в 1901 г. секретное письмо генерала Новицкого директору Департамента полиции от 15 октября 1901 г. Новицкий сообщал об ожидаемых беспорядках в университете на диспуте Тарле ввиду распространения слухов о том, что Тарле «будто бы во время содержания под стражею в тюрьме по политическому делу не оказывал солидарности другим политическим арестантам, отстал от них, выдал в показаниях товарищей и состоит будто бы агентом жандармского управления, что совершенно ложно».³ Повидимому, Водовозов поверил этой инсинуации, а впоследствии, убедившись в том, что это неправда, изменил свое отношение к Тарле, но в мемуарах этого момента предпочел не касаться. О том, что это была именно инсинуация, не имевшая под собой почвы, свидетельствует, между прочим, отношение к Тарле Новицкого. Генерал всячески пытается опорочить его, убеждает Министерство внутренних дел запретить Тарле проживание в Петербурге, характеризует его как «человека совершенно распропагандированного и убежденного социал-демократа» (что, бесспорно, являлось преувеличением), усиленно подчеркивает его еврейское происхождение и критикует легально

¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 39.

² Там же. Л. 43–45.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. Д. 228. Л. 18. (Дело Особого отдела Департамента полиции о магистранте Университета св. Владимира Евгении Викторове Тарле).

опубликованные статьи Тарле о Ницше и Дж. Ванини за проповедь атеизма и анархии.¹

Свою диссертацию Тарле послал Л. Н. Толстому и получил от него благодарственное письмо: «Милостивый государь. Очень благодарю Вас за присылку Вашей прекрасной книги „Общественные воззрения Томаса Мора“, которую прочел с величайшим удовольствием и пользой. Лев Толстой».²

Оценивая книгу о Томасе Море объективно, приходится признать, что она не принадлежит к лучшим работам Тарле: написана она была слишком быстро и не давала достаточно углубленной трактовки темы. Но для своего времени она была полезным трудом, вводила в русскую научную литературу новый материал и, во всяком случае, не содержала в себе ничего компрометирующего автора и университет. Перевод «Утопии», приложенный к диссертации, справедливо признан неудачным и никогда не переиздавался.

История с диссертацией, несомненно, травмировала Е. В. Тарле, но не сломила его. Он продолжал много печататься, с успехом выступал с публичными лекциями, пытался восстановиться в высшей школе. Еще 5 декабря 1900 г. Тарле написал из Варшавы письмо А. Г. Достоевской, вдове великого писателя, с горячим объяснением в любви к Достоевскому и послал ей программу своей публичной лекции «Шекспир и Достоевский».³ Достоевский действительно был любимым писателем Тарле в течение всей жизни. Но, кроме того, А. Г. Достоевская была близкой знакомой К. П. Победоносцева и, установив отношения с ней, Тарле мог написать 24 октября 1901 г. Достоевской о том, что ему грозит высылка из Петербурга: «Мне сказали, что на Зволянского (директор Департамента полиции. — Б. К.) имеют огромное влияние два лица — министр юстиции Муравьев и обер-прокурор Победоносцев. Была у меня мысль прямо пойти к кому-нибудь из них и просить справедливости, но потом махнул рукою. Пусть что хотят, то и делают».⁴ Возможно, что сообщая об этом, Тарле косвенным образом просил Достоевскую походатайствовать за него у Победоносцева. Не известно, имело ли это место, но, во всяком случае, выслан из Петербурга он не был. К этому времени Киевской судебной палатой дело

¹ Там же. Л. 2, 7–8, 10, 19, 24–26.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 73. С. 155. (Письмо от 27 октября 1901 г.).

³ См: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 174.

⁴ Там же. С. 185.

Тарле было прекращено с вменением ему в наказание предварительного заключения.

В 1902 г. министром народного просвещения стал варшавский профессор классической филологии Г. Э. Зенгер, хороший знакомый И. В. Лучицкого. В том же году Тарле просил Лучицкого походатайствовать перед Зенгером о разрешении ему педагогической деятельности.¹ Очевидно этот вопрос был решен в скором времени, и осенью 1903 г. Тарле стал приват-доцентом Петербургского университета.

В конце XIX — начале XX в. Е. В. Тарле печатался в большинстве тогдашних либерально-демократических журналов: в «Новом слове», «Начале», «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Русской мысли», и особенно часто в «Мире Божием». Некоторые из этих журналов были народническими, другие склонялись к легальному марксизму, третьи представляли классический «буржуазный» либерализм. Многочисленные статьи и очерки Тарле посвящены европейским политическим деятелям XIX в. и различным проблемам политической и духовной жизни Европы. Эти статьи в большинстве своем носили научно-популярный характер. Часть их вошла в книгу «Очерки и характеристики по истории европейского общественного движения в XIX в».² В общем Тарле скептически относился к различным социологическим и философским теориям своего времени, претендующим на универсальность, и выступал в защиту конкретного историзма. «Ни Маркс, ни Спенсер, ни Михайловский, ни Лестер Уорд, ни Шеффле, никто из них и их разнообразных последователей, никто из их врагов и друзей не сделал социологию наукою, — писал он. — Мы думаем, что если суждено обществоведению стать наукою — это случится не так скоро».³ В области экономической истории Тарле считал большими достижениями как работы Маркса, Энгельса, Каутского, так и труды «буржуазных» авторов Роджерса, Сибома, Флака, Фюстель де Куланжа и др.

Особенно важна для понимания теоретических (а отчасти и политических) позиций Е. В. Тарле начала XX в. статья «К вопросу о границах исторического предвидения». Маркс в 1848 г. и позднее неоднократно предсказывал близкое крушение буржуазного строя. «Коренная ошибка заключалась в том, что *научного права* ставить такой прогноз

¹ Там же. С. 187.

² Тарле Е. В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. СПб., 1903. 367 с.

³ Тарле Е. В. Из истории обществоведения в России. Социологические воззрения Н. К. Михайловского // Литературное дело. Сб. ст. СПб., 1902. С. 37.

Маркс не имел», — утверждал Тарле.¹ «Теория все усугубляющегося обнищания и отчаяния людей, число которых будет расти в быстрой прогрессии с каждым годом, эта Verendelungstheorie [теория обнищания. — Б. К.] лежала в основе первой части прогноза, сплетаясь с логическим своим дополнением — теорией концентрации орудий производства в немногих руках», — писал историк.² Первая часть прогноза, по его мнению, опровергнута жизнью, вторая не уцелела в своем первоначальном виде. «Границы исторического предвидения все еще до последней крайности узки и условны», — заключал Тарле.³ Очевидно, он солидаризовался с критикой ортодоксального марксизма в сочинениях Э. Бернштейна. Как справедливо пишет о теоретической основе ранних работ Тарле итальянский историк Ф. Вентури, «это была история, инспиризованная ревизионизмом конца XIX в.»⁴ Можно также отметить, что ставя во главу угла вопрос о возможности предвидения будущего, Тарле в какой-то степени предварил критику марксизма К. Поппера, развитую последним спустя много лет.

В предисловии к сборнику своих статей 1903 г. Тарле указывал, что в книгу не вошла написанная им статья об исторических взглядах П. Б. Струве. «Статья во многом полемическая, вовсе не панегирическая, а только беспристрастная, посвященная оценке ученого, кончалась неизбежным для всякого непредубежденного критика выводом, что вышеприведенное выражение одной старой итальянской хроники [„человек строгого дела, острой мысли, веского слова“ — Б. К.] всецело приложимо к нашему русскому историку».⁵ Струве в это время переходил от легального марксизма к либерализму, и марксизм в сущности был для него доказательством неизбежности капиталистического развития России. Позднее Тарле придерживался далеко не столь лестного мнения о сильно поправившем Струве, хотя и печатался изредка в редактируемой им «Русской мысли». 27.XII.1908 г. он писал своему приятелю В. Н. Сперанскому на открытке с портретом П. Б. Струве: «Посылаю Вам автора „Великой России“ в видах оживления в Вас патриотических чувств, которые могли легко задремать на чужбине. Не удивляйтесь его согбенному виду: нелегко в одно и то же время изда-

¹ Тарле Е. В. Очерки и характеристики... С. 155.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 157.

⁴ Venturi F. Evgenij Victorovič Tarlé // Venturi F. Historiens du XXe siècle. Genève, 1966. P. 118.

⁵ Тарле Е. В. Очерки и характеристики. . . С. 11.

вать „Русскую мысль“, усыплять дважды в неделю бестужевок и доделывать историческое дело России на Балканском полуострове».¹

Е. В. Тарле быстро приобрел известность и стал своим человеком в кругах левой петербургской интеллигенции. Примечательно, что вращаясь в среде, раздираемой острыми идейными и политическими спорами, он никогда не идентифицировался полностью ни с одной политической группировкой и политической программой. Никогда Тарле не провозглашал себя ни марксистом, ни либералом-конституционалистом, ни тем более народником. По-видимому, он не был членом ни одной партии, а по своим политическим взглядам стоял где-то между левыми кадетами и правыми меньшевиками. Разумеется, Тарле был противником царского режима. В 1904–1905 гг. он читал в актовом зале Петербургского университета лекции о Французской революции, собиравшие огромную аудиторию. Тогда же он читал публичные лекции о падении абсолютизма в Западной Европе, изданные вскоре отдельной книгой.² 17 октября 1905 г., на следующий день после издания «Манифеста 17 октября» Тарле был тяжело ранен во время многолюдной демонстрации у Технологического института. Мчавшийся во главе кавалерийского взвода корнет Фролов нанес ему удар шашкой по голове; несколько дней молодой ученый находился в критическом состоянии.³ Этот случай приобрел большую огласку, и была даже выпущена специальная открытка с фотографией Тарле, лежащего в больнице с забинтованной головой. Тогдашний председатель Совета министров С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал: «Признаться, я тогда Тарле не пожалел, так как он все смутное время в университете читал тенденциозные лекции о Французской революции и не считал приличным хотя бы после 17 октября держать себя спокойно, как подобало бы уважающему себя профессору».⁴

Очень скоро после своего переезда в Петербург Е. В. Тарле стал одним из самых блестящих и популярных лекторов Петербургского университета. Помимо университета Тарле был также профессором Бестужевских курсов, Психоневрологического института и курсов Лесгафта. Секрет успеха Тарле-профессора помогает понять свиде-

¹ ИРЛИ. Ф. 292. Д. 83. Л. 22.

² Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. СПб.; М., 1906. 207 с.

³ См.: Богданович Т. А. Повесть моей жизни. Воспоминания (1880–1910) — РГБ. Ф. 218. Д. 383. С. 291–293.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. III. М., 1960. С. 102.

тельство К. И. Чуковского, который познакомился с Тарле летом 1910 г. на даче в Куоккала: «Однажды, воротившись к Анненским вместе с детьми после далекой прогулки, я увидел на террасе за чайным столом молоджавого, красивого, полного, необыкновенно учтивого гостя. . . Это был профессор Евгений Викторович Тарле, и не прошло получаса, как я был окончательно пленен и им самим, и его разговором, и его прямо-таки сверхчеловеческой памятью. . . Я слушал его зачарованный. . . Я никогда не видел такого мастерства исторической живописи». ¹ Благодаря этому мастерству Тарле и позднее всегда и везде имел огромный успех как лектор и профессор.

Вскоре после переезда в Петербург Е. В. Тарле приступил к углубленному изучению экономической и социальной истории Франции конца XVIII — начала XIX в. С 1903 по 1914 г. он почти ежегодно ездил за границу для работы в архивах. Особенно много и плодотворно Тарле занимался в Парижском Национальном архиве. К этому времени восходят его контакты со многими французскими историками: с А. Оларом, Ф. Саньяком, А. Сэ, А. Озе, Ш. Шмидтом, К. Блоком и др.

Вслед за небольшой книгой «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789–1799)» ² появилось капитальное исследование Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799)». ³ В то время эти темы были почти совсем не изучены, и русский историк Н. И. Кареев писал, что «своими исследованиями Тарле проложил в экономической истории Франции конца XVIII в. совершенно новые пути». ⁴ Говоря о французской экономике того времени, Тарле подчеркивал, что Франция не пережила еще промышленной революции и что французская индустрия носила по преимуществу кустарный и домашний характер, а промышленная техника находилась на очень низком уровне. Эти выводы Тарле, вызвавшие в свое время много споров, в основном поддерживаются современными исследователями. Рабочие, по мнению Тарле, не играли самостоятельной роли во Французской революции. Большие споры вызвала впоследствии трак-

¹ Чуковский К. И. Собрание сочинений. М., 1965. Т. 2. С. 109–110.

² Тарле Е. В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789–1799). СПб., 1907. 201 с. В 1908 в Лейпциге вышло немецкое издание книги.

³ Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799). СПб., 1909–1911. Ч. 1–2. 317; 581 с. Переизд. в кн.: Тарле Е. В. Сочинения. М., 1957. Т. II.

⁴ Кареев Н. И. Историки Французской революции. Л., 1925. Т. III. С. 221.

товка Тарле проблемы максимума. Максимум, то есть фиксированный потолок цен на основные продукты питания и предметы потребления, был введен якобинцами в 1793 г. под давлением плебейских масс. Подробно изучив этот вопрос, Тарле пришел к выводу, что максимум не улучшил, а ухудшил положение масс, и отмена его после падения Робеспьера не вызвала никаких протестов.¹ «Начиная с 1789 г., — пишет Тарле, — рабочие ждали улучшения своей участи от всяких надвигающихся политических перемен и, не беря на себя никакой политической инициативы, они всегда с новой готовностью поддерживали людей, стремившихся к более и более радикальным переменам в государственном строе. 14.VII.1789 г. они брали Бастилию, 10.VIII.1792 г. — дворец, 3.IV.1793 г. поддержали Марата и способствовали аресту и гибели жирондистов».² Разочарованные экономической политикой якобинцев рабочие массы еще меньше, конечно, могли быть довольны властью нуворишей и всеобщей коррупцией в эпоху Термидора и Директории. Накануне 18 брюмера «дружественный нейтралитет рабочего населения столицы был обеспечен всякому, кто покончит с существующим положением вещей».³ Эти выводы Тарле подверглись ожесточенным нападкам в советской печати конца 20-х — начала 30-х гг., когда в них, по-видимому, усматривали выпад против государственного регулирования экономики и социалистического хозяйства. Однако объективный и работавший независимо от Тарле историк К. П. Добролюбский пришел к тем же выводам, что и он.⁴

27 апреля 1911 г. работа Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» была защищена в Петербургском университете в качестве докторской диссертации. На этот раз защита прошла вполне успешно. Оппонентами были профессор Н. И. Кареев, Э. Д. Гримм и И. В. Лучицкий. Впрочем, репортер газеты «Речь» отмечал: «С утра еще задолго до начала диспута на университетский двор был приведен значительный наряд полиции. Другой наряд дежурил в одной из комнат при главном подъезде».⁵

В 1913 г. вышло новое большое исследование Э. В. Тарле «Континентальная блокада», посвященное экономической истории Франции

¹ Тарле Е. В. Сочинения. Т. II. С. 407–556.

² Там же. С. 531.

³ Там же. С. 556.

⁴ См.: Добролюбский К. П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.; Л., 1930. С. 74.

⁵ Речь. 1911. 25.IV. № 111. С. 1.

наполеоновской эпохи.¹ Работа была основана на разысканиях автора в архивах Франции, Англии, Германии, Голландии и Италии. Прежде всего Тарле рассматривал экономическое мировоззрение Наполеона и методы его экономической политики. Эстатист до мозга костей, Наполеон был безоговорочным протекционистом, противником свободы торговли и не любил экономических теорий. На первом месте для него стояли интересы земледелия, на втором — промышленности и только на третьем — торговли. «Промышленность более национальна, чем торговля», — говорил он. Другой аксиомой для Наполеона был безусловный приоритет экономических интересов собственно Франции («старых департаментов») над интересами всех остальных земель, включенных в состав Империи. Континентальная блокада, провозглашенная в 1806 г., запрещала любую торговлю с Англией и должна была подорвать промышленное и торговое могущество Англии. Наполеон также рассчитывал, что она стимулирует развитие французской промышленности, избавив ее от английской конкуренции. Тарле детально описывает состояние французской промышленности и торговли в начале XIX в. и влияние на них континентальной блокады. Выиграли некоторые отрасли промышленности, не зависевшие от импортного сырья, большинство же отраслей промышленности и морская торговля сильно страдали от блокады. Уже с 1809 г. сам Наполеон вынужден был давать лицензии, разрешавшие закупку определенного количества тех или иных товаров в Англии. В общем процесс экономического и технического развития во Франции в наполеоновскую эпоху проходил довольно медленно, что было связано не только с непрерывными войнами, но и с экономической политикой Наполеона, — заключал Тарле. Континентальная блокада оказалась утопией.²

Тарле намеревался дать серию монографий о влиянии континентальной блокады на экономику различных стран Европы. Написана и опубликована была только книга «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I».³ Подробное исследование итальянской экономики этого периода привело Тарле к выводу, что и здесь преобладала мелкая и домашняя промышленность. Италия была для

¹ Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913. 739 с. Переизд. в кн.: Тарле Е. В. Сочинения. М., 1958. Т. III.

² Тарле Е. В. Сочинения. Т. III. С. 506.

³ Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. Юрьев, 1916. 532 с.

Наполеона объектом экономической эксплуатации, — считает он, — и отрицательные последствия французского владычества (войны, рекрутские наборы, последствия блокады) перевешивали то положительное, что оно могло принести: новое законодательство, хорошие дороги, улучшение административных порядков.

Выход в свет исследований Тарле о континентальной блокаде утвердил его репутацию одного из крупных русских экономических историков. В 1913 г. он выступил с докладом об экономических последствиях континентальной блокады на Международном историческом конгрессе в Лондоне, и доклад его имел успех. В 1928 г. вторая книга Тарле о континентальной блокаде была опубликована во Франции¹ и имела хорошую прессу: ее высоко оценили в печати А. Олар, А. Матъез, Ж. Лефевр, А. Сэ, А. Пенго. В 1950 г. вышел итальянский перевод этой книги. Во Франции Тарле в 1912 г. стал членом редакционного совета журнала «*Revue des études napoléoniennes*».

После защиты докторской диссертации Е. В. Тарле имел все основания для получения профессорской кафедры в университете. Но Министерство народного просвещения ни в коем случае не хотело утверждать Тарле профессором Петербургского университета из-за его репутации открытого противника царского режима. Министром народного просвещения в 1910–1914 гг. был ультрареакционер Л. А. Кассо, прославившийся разгромом Московского университета и преследованием либеральных профессоров в других университетах. В этих обстоятельствах многим могло показаться удивительным назначение Тарле весной 1913 г. профессором Юрьевского (Тартуского) университета. В этой связи не лишено интереса письмо Е. В. Тарле к известному петербургскому медиевисту И. М. Гревсу 19 сентября 1913 г. Тарле писал: «Глубокоуважаемый Иван Михайлович. По приезде в Петербург я узнал, что в академических сферах распространяется кем-то слух, что я „отрекся от своих убеждений“ и т. п. злостные клеветы. Даются и объяснения этому „отречению“, их два: согласно первому, я „отрекся“ во имя получения кафедры в Юрьеве, согласно другому, с целью быть назначенным на ту кафедру, которую Вы покидаете или покинете. Все эти гнусности, от которых никто впрочем не застрахован, т. к. клевета не щадит никого, конечно, раздражают и волнуют меня одинаково, но несмотря на это я не мог удержаться от смеха, когда мне сообщили о том, что я желаю, по слухам, занять Вашу кафедру. Подлый клеветник

¹ *Tarlé E. Le blocus continental et le royaume d'Italie sous Napoleon I. Paris. 1928. XII+377 p.*

тут перешел все границы глупости и наглости; кто он, впервые пустивший этот слух, я, к сожалению, не знаю. Преданный Вам Евг. Тарле».¹

Интересный комментарий к этому письму и к аналогичному письму Тарле к Н. И. Карееву² находим в дневнике профессора Московского университета А. Н. Савина. В записи от 21 октября 1913 г. рассказывается о вечере у ректора М. К. Любавского. Присутствовали М. М. Богословский, Савин и другие профессора, а также петербургский гость С. Ф. Платонов. «Заговорили о бывших опальных ученых, ныне получающих места по ведомству просвещения, вспомнили о Тарле. Платонов сообщил, что в петербургских профессорских кругах распространился слух, будто для получения кафедры в Юрьеве Тарле принес начальству какое-то особое покаяние. Кареев и Лучицкий нашли нужным проверить этот слух, и Тарле будто бы дал письменное заверение в том, что он ни в чем не каялся начальству».³

К преподаванию в Юрьевском университете Тарле приступил осенью 1913 г. С Петербургом он не порвал, сохранил за собой петербургскую квартиру и места в петербургских учебных заведениях. «В Юрьеве он бывал не более двух дней в неделю».⁴ Окончательно он ушел из Юрьевского университета весной 1918 г.

Первую мировую войну Е. В. Тарле встретил как большая часть русской либеральной интеллигенции: он занял оборонческие позиции, но отнюдь не стал при этом апологетом царизма. Несколько статей Тарле этого времени посвящены международным отношениям накануне войны, формированию борющихся коалиций.⁵ Они выдержаны в антантофильском духе, но при этом Тарле рассматривает войну как борьбу реальных политических интересов, а не как столкновение сил света и тьмы, гуманизма и варварства и т. п., что было в духе того времени. Мы не находим подписи Тарле под «Ответом германским ученым», подписанном многими светилами русской науки.⁶ 13 марта 1915 г. Тарле

¹ СПб. филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 304. Л. 5.

² См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 200.

³ ОР РГБ. Ф. 263 (Дневник А. Н. Савина. Тетрадь 2. С. 51).

⁴ *Лосиевский И. Я.* Деятельность Е. В. Тарле в Тартуском университете // История и историки. 1978. М., 1981. С. 202.

⁵ *Тарле Е. В.* Эльзас-лотарингский вопрос накануне великой европейской войны // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 118–134; *Он же.* Франко-русский союз // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М., 1916. Т. I. С. 73–105.

⁶ См.: День. 1914.21.XII. № 347.

писал редактору «Голоса минувшего» С. П. Мельгунову: «Я смотрю (или смотрел) на „Голос минувшего“ как на трезвый и беспристрастный орган, где можно указать этой слащавой мямле Корнилову, что 1) не следует фактически врать и 2) не следует подделывать историю под фасон воззвания Верховного главнокомандующего, как бы это воззвание само по себе ни нравилось историку».¹ Имелась в виду книга историка и кадетского деятеля А. А. Корнилова, который в очень смягченном виде трактовал польскую политику царизма и утверждал, что новая эра в русско-польских отношениях начинается с воззвания великого князя Николая Николаевича в августе 1914 г.²

Вместе с тем статья Тарле «К истории русско-германских отношений в новейшее время (Без маски)» о прибалтийском немце Викторе Гене, не любившем русских и оставившем об этом записи, составившие книгу «*De moribus Ruthenorum*», была, конечно, данью антинемецкой пропаганде.³ Тарле, правда, не желает, чтобы его смешивали с вульгарными шовинистами, и спешит добавить: «Мы знаем, что кроме Гена (и в том же XIX в.) в России жили и увековечены художественной литературой и другие немцы: и тургеневский Лемм, и доктор Герценшутбе из „Братьев Карамазовых“, и доктор Веймар, до последнего издыхания облегчавший беды страдальцев и страдалиц в далекой Сибири, и доктор Гааз, одной жизни которого хватило бы на несколько канонизаций, и несчастный, благородный Кюхельбекер; и только те, кто сами внутренне похожи на Гена, могут отождествлять с Геном всех людей его национальности или даже большинство их».⁴ Столь же двусмысленное впечатление производит статья Тарле «Герцен и германская государственность».⁵

Хорошо охарактеризовал позицию Тарле в годы мировой войны Ф. Вентури: «Судя по его тогдашним статьям, он одобрял союз России с западными державами и войну с вильгельмовской Германией, одобрял с глубокой убежденностью и даже с некоторой — умеренной,

¹ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1315. Л. 61–62.

² См.: *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Пг., 1915.

³ *Тарле Е. В.* К истории русско-германских отношений в новейшее время. Без маски // *Русская мысль*. 1914. № 11. С. 83–93. Переизд. в кн.: *Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1961. Т. XI.

⁴ *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. XI. С. 420.

⁵ *Тарле Е. В.* Герцен и германская государственность // *Русские записки*. 1915. № 2. С. 13–43.

впрочем, — дозой того профессорского национализма, который, по правде сказать, не принадлежал к высшим проявлениям европейской культуры того времени».¹

Февральскую революцию 1917 г. Е. В. Тарле встретил с радостью и энтузиазмом. Она была осуществлением его многолетних чаяний. С многими членами Временного правительства (Милюковым, Керенским и др.) он был давно и хорошо знаком. Возможно, он выполнял и какие-то их полуофициальные поручения: так май и часть июня 1917 г. Тарле провел в Стокгольме, где вел беседы с шведскими общественными деятелями по вопросу о Финляндии. Летом 1917 г. он был введен в состав редакционной коллегии Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима и присутствовал при допросах царских министров и сановников.

Политические позиции Е. В. Тарле в 1917 г. ярче всего проявились в его статьях в петроградской газете «День», близкой к правым меньшевикам-оборонцам. После Февральской революции Тарле стал одним из ведущих авторов этой газеты и опубликовал в ней около пятидесяти статей. Одна из первых статей содержит интересное свидетельство о довольно близком знакомстве Тарле с Г. В. Плехановым, которого он встречал в Финляндии перед его возвращением в Петроград. «„Е. В., здравствуйте!“ Его глаза оказались зорче, я не мог разыскать его в столпотворении финляндской станции. Знакомое, живое, тонкое лицо со смеющимися молодыми глазами, худощавая изящная фигура, быстрые жесты, все тоже всегдашнее остроумие < . . > День железнодорожного пути пролетел как мгновение. . . Я вспоминал последнюю встречу с ним в страшные августовские дни 1914 г. в Париже, когда армия фон Клука стремительно шла к столице < . . > Много с тех пор крови утекло < . . > Революция, по словам Г. В., явилась совсем неожиданно для Европы (точнее такой быстрый успех революции) < . . > Потом пошли сборы. . . „Пришла моя мобилизация!“ и начался тяжкий трехнедельный путь. < . . > Как кстати он приехал!».²

После Февральской революции Тарле стал гораздо большим оборонцем и антантофилом, чем был при старом режиме. Наряду с этим он выступал против территориального распада России, даже против отделения Финляндии, считая, что наилучшим выходом для обеих

¹ *Venturi F.* Op. cit. P. 123–124.

² *Тарле Е.* Плеханов // *День.* 1917.5.IV. № 25. С. 2.

сторон была бы ее широчайшая автономия.¹ Тарле горячо выступал против сепаратного мира России с Германией: «Измена России и мир ее с Германией означали бы для Англии, Франции, Америки, Японии только то, что Россия отныне явится такою же германскою экономическою колониєю, как Турция. . . Изменились бы условия войны, но война была бы — только с другим неприятелем, вернее, с другой коалицией, с коалицией вчерашних союзников. . . Мы не знаем, когда и как кончатся для человечества бедствия, терзающие его уже скоро три года. Знаем только, что попытка сепаратного избавления России от этих бедствий прежде всего нецелесообразна и заведомо останется бесплодною».² Тарле не защищал войну как таковую, называл ее «бешеным самоистреблением», писал: «Подавляющее большинство населения во всех воюющих странах жаждет мира и — прибавим — верным инстинктом понимает, что уже никто не может выиграть эту войну, ибо ее уже все проиграли»³. Но одновременно он доказывал, что для немцев «речь идет о совершенно определенно поставленной задаче расчленения России, об уничтожении ее как прибалтийской державы (да и как державы черноморской, ибо предусмотрена суверенная Украина) . . . Освобождая Россию от Курляндии, Литвы и Украины, он [канцлер Бетман-Гольвег — Б. К.] создает государство как две капли воды похожее на вотчину Алексея Михайловича. . . Думаю, что не осуществится и предложенное нынешним канцлером секретное превращение революционной России в Московию».⁴

После выступления большевиков в июле 1917 г. Тарле начинает бить тревогу. В статье «Союзникам» он писал: «Россию постигло несчастье, но такое, которое вовсе еще не губит ее. Россию вообще погубить очень трудно: немецкие шпионы не должны обольщать себя своими успехами в Петрограде, Бржезанах и Тарнополе. Эти дни поставили вопрос весьма ясно: или беспощадная энергия революции защитит Россию от предателей, расхитителей и вражеского нашествия,

¹ Тарле Е. Финляндский манифест Временного правительства и Швеция // Там же. 1917.17.III. № 11. С. 1; Он же. Опасная игра // Там же. 1917.21.IV. № 39. С. 1; Он же. Наши союзники и Финляндия // Там же. 1917.4.VII. № 100. С. 1.

² Тарле Е. Сепаратный мир или новая война? // Там же. 1917. 4.IV. № 33. С. 1.

³ Тарле Е. Ближайшие задачи нашей дипломатии // Там же. 1917.28.IX. № 175. С. 1.

⁴ Тарле Е. Германская программа и интересы рабочего класса // Там же. 1917.30.IV. № 47. С. 3.

или эти беспощадные меры будут проведены позже и не революцией, а, может быть, ее принципиальными врагами. Но что эти меры будут пущены в ход, в этом никакого сомнения нет. . . Правительство взяло в свои руки диктаторскую власть. Значит Россию будет спасать революция!».¹ В другой статье Тарле ставил вопрос: «Кто гибнет — Россия или революция? Конечно, революция. Россия погибнуть в точном смысле слова < . . > не может, хотя ей и грозит превращение из перво-степенной державы в третьестепенную. . . Но если что в самом деле гибнет — это надежды на демократическое обновление России. Наступает действительно двенадцатый час, последние минуты, когда еще, может быть, можно спасти самую идею русской революции от окончательной гибели. . . Справится ли правительство? . . . Великая Французская революция справилась. . . Гильотина была поставлена, чтобы казнить роялистов, но когда оказалось, что не менее роялистов контр-революционны все, грабящие свою родину, — то эта же гильотина заработала с удесятеренной энергией. . . . Пали тысячи голов. . . Не рубить головы тысячами, не покрыть Россию виселицами и гильотинами мы рекомендуем: и без того слишком многие начинают об этом мечтать. . . Возможно суровая и действенная судебная репрессия и без повсеместной гильотины. . . Хватит ли энергии у нового правительства? Есть ли у него для этого нужные средства? Не окончательно ли испорчен весь механизм власти управления? Мы скоро узнаем. И наша участь и историческая репутация нашего поколения зависят от ответа на эти вопросы».²

Непосредственно о большевистском перевороте Тарле в «Дне» не писал. Последняя его статья в этой газете появилась 21 декабря 1917 г. В ней читаем: «Проигранная нами война, более чем вероятно, является первой в серии тех конфликтов, тех в лучшем случае таможенно-экономических, а в худшем случае кровавых состязаний, которые будут продолжаться между германскою и английскою группою держав. . . В ближайшие годы в России будут неизбежно происходить еще более или менее серьезные потрясения, толчки и конвульсии будут сотрясать жестоко ампутированный, но все еще колоссальный организм — пока наладится тот или иной порядок вещей сколько-нибудь прочно. . . Что случилось — то случилось: эта война нами проиграна. Но будем же иметь в виду, что нам придется уже в недалеком, быть может, будущем встретиться с вымогательствами, с требовательными

¹ Тарле Е. Союзникам // Там же. 1917.11.VII. № 106. С. 1.

² Тарле Е. Двенадцатый час // Там же. 1917.26.VII. № 119. С. 1.

нотами, с покушениями на нашу экономическую независимость. Страна, которая захочет долго оставаться с такою организацией и такою армиею, с такими финансами и такою хозяйственною политикою, как наблюдаемые в настоящий момент в России — подобной стране не позволят удерживать для себя свои природные богатства. . . Нам нужен покой, нам будет нужен долгий нейтралитет. Но ни то, ни другое, к сожалению, с неба не падает; и то, и другое придется с трудом зарабатывать. Только дети (или прикидывающиеся детьми) могут думать, что достаточно съездить за этими благами в Брест-Литовск, чтобы привезти их оттуда. . . И мы, и вся Европа стоим не пред лучезарной весной, а пред долгою полярною ночью».¹

Этим статьям Тарле нельзя, как нам кажется, отказать ни в проницательности, ни в искренней боли за судьбу России.

Первые послеоктябрьские месяцы Е. В. Тарле провел в Юрьеве и вернулся в Петроград весной 1918 г., после занятия немцами Лифляндии. Свою книгу «Запад и Россия» он посвятил «Мученической памяти А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина»², кадетских министров Временного правительства, убитых в больнице в январе 1918 г. Филолог В. Г. Адмони вспоминает, что в 1918 г. его отец, адвокат и гебраист Г. Я. Адмони-Красный встречался с Тарле у общих знакомых. «Тарле и папа иногда спорили часами. . . Тарле, кажется, предсказывал скорый крах Советской России, а отец отодвигал этот крах в более далекое будущее».³ В одной из своих немногих политических статей 1918 г. Тарле предостерегал ту часть либеральной интеллигенции, которая рассчитывала на помощь Германии в ликвидации большевизма.⁴

В общем, однако, с 1918 г. Тарле активной политической деятельностью не занимался, сохраняя выжидательную позицию. В 1918 г. по инициативе Н. И. Кареева, И. М. Гревса, Л. П. Карсавина и А. Е. Преснякова он был избран профессором всеобщей истории Петроградского университета. Лекции Тарле в университете на темы новейшей истории (в частности, истории мировой войны) собирали огромные аудитории. Он также часто выступал в Доме литераторов, Доме ученых и других учреждениях с публичными лекциями и докладами, имевшими

¹ Тарле Е. Перспективы // Там же. 1917.21.XII. № 227. С. 1.

² Тарле Е. В. Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII–XX вв. Пг., 1918.

³ Адмони В. Г., Сильман Т. И. Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 75–76.

⁴ Тарле Е. В. Германская ориентация? // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. № 7. С. 3–10.

большой успех у «буржуазной» интеллигенции Петрограда. Тарле печатался едва ли не в большинстве «буржуазных» журналов, выходивших в Петрограде в первой половине 20-х гг. — в «Вестнике литературы», «Былом», «Делах и днях», «Экономисте» и, разумеется, в своем журнале «Анналы» (см. ниже). Он был также связан с архивными учреждениями: летом 1918 г. по предложению С. Ф. Платонова Тарле возглавил историко-экономическую секцию Петроградского отделения Центра архива.

В первые послереволюционные годы Е. В. Тарле сближается с группой петербургских ученых, которые до революции принадлежали к другому политическому лагерю. Имеется в виду прежде всего С. Ф. Платонов, в прошлом лояльный монархист и октябрист, избранный в 1920 г. академиком. С престарелым византинистом-академиком Ф. И. Успенским у Тарле сложились настоящие дружеские отношения. В декабре 1921 г. по представлению Ф. И. Успенского и С. Ф. Платонова Е. В. Тарле был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.¹

В 1922 г. под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле начал выходить журнал всеобщей истории «Анналы». Фактически редактором был Тарле, «редакция» помещалась в его квартире; издавало журнал, выходивший под грифом Академии наук, частное издательство «Петроград». Состав авторов был исключительным: в «Анналах» печатались и старые, заслуженные патриархи науки Ф. И. Успенский, Н. И. Кареев, В. П. Бузескул, И. М. Гревс, Ф. Ф. Зелинский, и ученые, находившиеся в расцвете сил: сам Тарле, А. Е. Пресняков, О. А. Добиаш-Рожественская, А. Н. Савин, Д. Н. Егоров, С. А. Жебелев, В. Н. Бенешевич, и тогдашняя ученая молодежь Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, Г. П. Федотов, А. И. Хоментовская, В. В. Струве и др. «Анналы» представляются ныне чем-то вроде блистательного смотра русской исторической науки накануне ее разгрома «покровщиной» — науки, не растерявшей еще своих лучших традиций, обогащенной историческим опытом революции и открытой новым темам и методам (в том числе «умеренному марксизму»). В 1922–1924 гг. вышло четыре номера «Анналов», затем издание приостановилось, что, несомненно, было связано с наступлением М. Н. Покровского на «буржуазную историческую науку», начавшимся в эти годы.

¹ См.: Успенский Ф. И., Платонов С. Ф. Записка об ученых трудах проф. Е. В. Тарле // Известия РАН. VI серия. 1921. Т. XV. С. 67–72.

В первом номере «Анналов» Е. В. Тарле поместил статью «Очередная задача», которая принадлежит к числу его самых глубоких и искренних высказываний по общим вопросам истории. Многие почтенные старые схемы рухнули в наши дни, заявляет он: «Фрэнсис Бэкон был прав: XVII век был на семнадцать веков старше, а поэтому осведомленнее и „умнее“ Цицерона, но и XVIII век был по аналогичным причинам умнее XVII-го, XIX-й умнее XVIII-го, XX-й умнее XIX-го».¹ Историческая наука редко приходит к окончательным выводам, замечает Тарле: «О Французской революции стали писать в сколько-нибудь спокойном тоне только через тридцать лет после ее начала, да и то в виде редчайшего исключения. О ней и сейчас еще часто пишут не так, как нужно и должно писать о прошлом... До сих пор Робеспьер ссорится с Дантоном (хотя теперь первый называется Матьезом, второй Оларом и оба состоят профессорами истории), до сих пор Бабеф требует отчета за свою пролитую кровь, до сих пор Мирабо гневно настаивает на своей реабилитации, до сих пор грозят и жалуются голодающие предместья».² «Эпохи, подобные нашей, — продолжает Тарле, — обостряют способность к пониманию многого. . . Как хорошо понимают Макьявелли и Гвиччардини историю междоусобных войн! Как много почерпнул у маленького Кларендона великий Ранке, потому что этот Кларендон был умнее Ранке своим революционным опытом, хотя во всех других отношениях их даже смешно было бы и сравнивать! Насколько пресен и поверхностен в качестве историка блестящий Вольтер сравнительно с самыми скромными и маленькими историческими писателями, пережившими революцию!»³

Далее следуют слова редкой силы и выразительности, заставляющие вспомнить Шопенгауэра: «Рвется старая ткань, обнажаются концы и начала, выступает стихия, которую в другое время не видишь, а только подразумеваешь ее присутствие. . . Государства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожною пленкою, первоначальный хаос окутывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом. Это только кажется некоторым слабонервным людям, попавшим в такой циклон, что они сходят с ума и бредят; нет, это они до сих пор бредили, убаюкиваемые искусственным спокойствием, забывши, что в нескольких аршинах под изящным ковром их каюты темная и бездон-

¹ Тарле Е. В. Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. С. 8.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15.

ная пучина, готовая их поглотить, и что пучина есть извечная природная реальность, а их каюта хрупкая и искусственная выдумка; что пучина была до каюты — и останется после каюты, а сами они еще могут изучать пучину, да и то изучают ее плохо, но управлять ею не могут никак; самое большее — могут попытаться отсрочить гибель своей скорлупки». ¹ «Будем надеяться, — заключает свою статью Тарле, — что начало XX века окажется похожим на начало XIX-го не только истреблением в международном масштабе нескольких миллионов людей, но и появлением плеяды синтезирующих умов и талантов! Время для жатвы давно наступило, может быть, недалеко уже и жнецы». ²

В последующих трех номерах «Анналов» опубликованы большие статьи Тарле «Три катастрофы (Версальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир)» ³, «Англия и Турция» ⁴ и «Гегемония Франции на континенте в прошлом и настоящем». ⁵ Тарле в них отнюдь не является апологетом Версальского мира и считает, что политика Пуанкаре повторяет ошибки Наполеона. Рассматривая метаморфозы английской политики по отношению к Турции, Тарле одобрял курс Советской России в отношении новой Турции: «Нельзя . . . придумать никакой русской точки зрения, с которой следовало бы ссориться с Кемалем». ⁶ Очевидно, к 1923 г. Тарле убедился в прочности советской власти и стремился найти какой-то способ сосуществования с нею как с реальной властью, выражавшей в области внешней политики, хотя бы отчасти национальные интересы России. ⁷ Не исключено, что первые годы НЭПа с их относительным либерализмом порождали у него и какие-то надежды на возможность внутренней эволюции режима.

Отметим также, что издательство Брокгауз-Ефрон объявило в 1923–1924 гг. о предстоящем выходе в биографической серии «Образы человечества» книг Е. В. Тарле «Наполеон» и «Бисмарк», но они не были тогда написаны и не увидели света.

¹ Там же. С. 15

² Там же. С. 20.

³ Тарле Е. В. Три катастрофы (Версальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир) // *Анналы*. 1922. № 2. С. 59–94.

⁴ Тарле Е. В. Англия и Турция // *Анналы*. 1923. № 3. С. 21–71.

⁵ Тарле Е. В. Гегемония Франция на континенте в прошлом и настоящем // *Анналы*. 1924. № 4. С. 34–92.

⁶ Тарле Е. В. Англия и Турция. С. 40.

⁷ Ср.: Тарле Е. В. Генуя // *Экономист*. 1922. № 3. С. 11–20.

В 1924 г. впервые после 1914 г. Тарле получил возможность поехать во Францию и затем ежегодно до конца 1929 г. по несколько месяцев в году проводил в заграничных командировках, главным образом во Франции. Он много занимался в архивах и возобновил связи с французскими учеными. В письмах к жене из Франции он упоминает о встречах и беседах с историками А. Оларом, А. Матъезом, Ф. Саньяком, Ш. Сеньобосом, А. Озе, К. Блоком, Ш. Шмидтом, Э. Дрио, Л. Эзенманом, филологами С. Леви и А. Мазоном.¹ 22 октября 1926 г. Тарле сообщал жене из Парижа: «Очень торжественный завтрак в Institut des études slaves. Был цвет французской науки. Председательствовал почетный гость военный министр Пенлеве (знаменитый математик). Меня посадили рядом с ним и весь завтрак и полтора часа после завтрака он мне рассказывал об обстоятельствах падения своего кабинета в 1917 г., о роли Клемансо etc. „Я с Вами откровенен, как с историком«, — заявил он в конце. Поразительно интересно все, что он говорил. Массу рассказал о Самба, о Жоресе, войне, Вильгельме II, etc.»² В письме от 13 октября 1926 г. читаем: «Только что вернулся с заседания Comité franco-russe. Принимали нас с почетом. Председателем был знаменитый физик Ланжевен, вице-председателями — Пеллио (китаист) и Мазон. Рядом с Пеллио — Ольденбург, рядом с Мазоном — я. Таков президиум. А на креслах напротив — Шарль Диль, Henri Hauser (знаменитый историк-экономист), Луи Эзенман, Буайе и т. д. Цвет здешней профессуры и Institut».³ В другом письме, отправленном в тот же день, Тарле описывал банкет, данный в честь него и С. Ф. Ольденбурга: «Было человек 50 французских ученых. Из русских, всегда живущих в Париже, филологи Елисеев и Минорский. Был посол Раковский. . . Ланжевен после обеда долго со мной говорил, сказал, что я grand historien, словом, были французские тра-та-та, но очень все мило и любезно, а, главное, все было умно и практично».⁴ В одном из самых поздних писем из Парижа от 11 декабря 1929 г. читаем: «Вчера на приеме в мою честь был милый полпред Довгалеvский. Присутствовал весь филологический факультет. Довгалеvский и я сидели напротив друг друга в середине большого стола, рядом со

¹ См. в частности: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 210–215, 220–223.

² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 148. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

мной — декан факультета Делакура и старейший профессор Торну, рядом с полпредом — Анри Озе и Сильвен Леви».¹

В 20-е гг. Е. В. Тарле был избран членом французских научных обществ: Общества истории Французской революции, Общества новой истории, Общества истории Великой войны, а также членом Академии политических наук при Колумбийском университете. Из выступлений Тарле в Париже особый резонанс приобрел его доклад в Сорбонне 30 сентября 1929 г. «Экономический союз европейского континента при Наполеоне I», в котором излагались основные выводы «Континентальной блокады», но в несколько ином стиле и с иными акцентами.²

В Париже Тарле встречался также с рядом старых русских знакомых. Посетив академика В. И. Вернадского, он писал жене 14 октября 1924 г.: «Сын Вернадских в Праге, кровать у него продырявлена, стульев два, один без спинки, другой без сидения. . . Выбор предоставляется гостям сообразно с их вкусами и привычками».³ В 1925 г. Тарле встречался в Париже со своим юрьевским и петроградским коллегой византинистом А. А. Васильевым и с дочерью С. Ф. Платонова Н. С. Краевич, жившей с семьей в эмиграции. 17 августа 1925 г. он сообщал жене: «Ал[ександр] Ал[ександрович] Васильев был у Над[ежды] Серг [еевны], но не добрался: улица — говорит он — страшная: вонь, гвалт, в ее домишке бар с вопящими (и это будни) пьяницами, а выйти нельзя иначе, как чрез ноги пьяниц и все заперто наглухо < . . > Васильев удручен, а ведь он жестоковыйный».⁴ 5 сентября 1925 г. Тарле просил жену передать Платонову, что «я был опять у Нади, у них все благополучно, были гости, было весело, etc. и Надя очень всем довольна, а мне лично Луи Эзенман обещал все возможное сделать для мальчишки, а он там попечитель».⁵ Можно думать, что не обо всех встречах с эмигрантами он упоминал в письмах.

7 мая 1927 г. Е. В. Тарле по представлению академиков Ф. И. Успенского, В. П. Бузескула, М. М. Богословского и С. Ф. Платонова был

¹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 226–227.

² *Tarlé E. L'Union économique du continent européen sous Napoleon I. Idée et réalisation // Revue historique. 1931. Т. 166. N 2. P. 239–255.*

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 122. Г. В. Вернадский (1887–1973) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета, с 1922 г. работал в Праге, с 1927 г. в США.

⁴ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 147. Л. 154.

⁵ Там же. Л. 32.

избран действительным членом АН СССР.¹ В историко-филологическом отделении он прошел единогласно, «девятью голосами всех присутствующих», в Общем собрании получил 20 голосов из 29.² Впрочем, вполне «своим» для С. Ф. Платонова и консервативной части академиков Тарле, по-видимому, так и не стал. Любопытно свидетельство историка И. И. Любименко в письме к члену-корреспонденту АН СССР С. И. Архангельскому от 30 октября 1957 г.: «С Евг[ением] Викт[оровичем] мы были знакомы давно <...> Помню празднование в Доме ученых по поводу его избрания в академики. С. Ф. Платонов, с которым я сидела рядом, напирал на общественные услуги, которые он может оказать Академии при новой ситуации, как будто ставя его научные заслуги под сомнение (это в частном разговоре, конечно). Но я всегда считала Е. В. Тарле интересным и талантливым историком».³

Одновременно с утверждением в академической среде Е. В. Тарле в 20-е гг. стремился установить отношения с ведущими марксистскими историками Д. Б. Рязановым и М. Н. Покровским. С первым ему это вполне удалось, поскольку Рязанов, крупный исследователь истории марксизма, был очень умеренным и либеральным коммунистом и помогал многим ученым независимо от их политических взглядов. Иначе обстояло дело с Покровским, не гнушавшимся применять административные меры для утверждения своей монополии. Первоначально отношения Покровского и Тарле были, по-видимому, довольно терпимыми. Но положение совершенно изменилось после выхода в свет книги Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871–1919».⁴

Эта книга, самое крупное и известное произведение Тарле 20-х гг.,⁵ выросла из его университетских курсов по новейшей истории. При чтении ее бросается в глаза усвоение автором до известной степени марксистской терминологии и тона. Впрочем, «марксистский слой» в

¹ См.: Успенский Ф. И., Бузескул В. П., Богословский М. М., Платонов С. Ф. Записка об ученых трудах проф. Е. В. Тарле // Известия АН СССР. VI серия. 1927. Т. 21. № 18. С. 1557–1561.

² СПб. филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 176. Л. 84.

³ Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 69. Л. 37–38.

⁴ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927. 484 с. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1928. 511 с.

⁵ Другие книги Тарле этого периода: Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М.; Л., 1928. 279 с.; Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927. 96 с.

«Европе в эпоху империализма» остается довольно поверхностным. В первой главе Тарле, ссылаясь на Р. Гильфердинга, говорит о роли финансового капитала, оказывавшего огромное влияние на политику великих держав (имя Ленина в первом издании книги не упомянуто ни разу). В дальнейшем автор не углубляется в теоретические дефиниции и, по существу, употребляет слово «империализм» в значении «экспансионизм». Дав краткий обзор внутривосточного развития Франции, Англии и Германии к началу XX в., Тарле переходит затем к истории образования Антанты, противостоянию борющихся коалиций и подробно описывает развязывание и ход первой мировой войны. Завершается книга главой о Версальском мире и итогах войны. В то время все это были события самого недавнего прошлого, полные животрепещущего интереса. Обширный и хорошо организованный фактический материал, яркое и живое изложение, великолепные характеристики Бисмарка, Вильгельма II, Клемансо, Пуанкаре, Эдуарда VII и др. не могли не привлечь внимание читателей и обеспечили большой успех книги. Шаг за шагом проследживает Тарле сползание Европы к войне, и повествование его захватывает даже сегодня. Что касается вопроса о виновниках войны, то Тарле считал его в такой форме мало интересным. «Виновны были обе стороны, но вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее начать, „losschlagen«, должен был неминуемо охватить в 1913 г. (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту. . . Мораль и человеколюбие дипломатов и правителей обеих враждебных политических комбинаций стояли на одинаковом уровне».¹ В то же время Тарле утверждал, что «никогда и никем не было доказано, что в заговоре [против Франца-Фердинанда. — Б. К.] принимали прямое участие сербские власти».² Тарле подчеркивал тяжелейший, беспощадный характер Версальского мира, делавший его источником новых конфликтов. Однако он не согласен с рассуждениями о «конце Европы», «гибели Запада», даже «конце человеческой цивилизации». «Ни „гибели“, ни „спасения“, продолжающаяся непрерывная, часто бурная и болезненная эволюция, продолжающаяся характерная для социологической природы капитализма одновременная внешняя (международная) и внутренняя (классовая) борьба за его существование и преобладание», — таким видится Тарле непосредственное будущее.³ Вероятно, здесь содержится полемика не толь-

¹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л., 1927. С. 238.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 469.

ко с «историософами» типа О. Шпенглера, но и — в скрытом виде — с ленинскими предсказаниями близкой гибели империалистического капитализма.

«Европа в эпоху империализма» вызвала яростную атаку Покровского. Он заклеил эту книгу как «псевдомарксистскую» и «антантофильскую». «По существу дела мы имеем перед собою один из образчиков до сих пор ведущейся Антантою полемики против Германии», — заявлял он.¹ Тарле ответил статьей «К вопросу о начале войны», в которой отвергал обвинение в антантофильстве. «Я много раз повторяю, что Антанта и Германия вполне друг друга стоили. . . — писал он. — Это по существу. Отвечать в печати в том тоне, в каком счел уместным писать Покровский, я не имею ни охоты, ни возможности».² Ответ Тарле был снабжен редакционным примечанием, в котором заявлялось: «Это тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками».³

В вышедшее одновременно с этим ответом второе издание «Европы в эпоху империализма» Тарле внес некоторые дополнения. «Война была подготовлена сложнеею игрою противоречивых экономических интересов, порожденных капитализмом в Европе. . . — подчеркивал он. — Неизбежное произошло. Если в истории этой величайшей катастрофы есть что-либо сравнительно крайне мало интересное, то это пресловутый вопрос о том, кто „виновен“ в войне. . . Провоцировали ли Сербия и Россия Австрию целый ряд лет? Да. Была ли в Германии и Австрии агрессивная военная партия, опиравшаяся на могущественные капиталистические силы? Да. Стремилось ли русское правительство завладеть Константинополем, не останавливаясь, если понадобится, пред войной? Да. Были ли в Англии и во Франции широчайше распространенные по целому ряду экономических причин антигерманские настроения? Да. . . Воздерживалась ли от крупных и мелких провокаций хоть одна из великих держав в последние годы пред войною? Нет».⁴

¹ Покровский М. Н. «Новые течения» в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 12.

² Тарле Е. В. К вопросу о начале войны. (Ответ М. Н. Покровскому) // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 102, 106–107.

³ От редакции // Там же. С. 108–109.

⁴ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1870–1919. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1928. С. 260–261.

Все было напрасно. 19 сентября 1928 г. Покровский писал в редакцию «Историка-марксиста»: «Посылаю Вам „Ответ“ Тарле на мою статью об „Европе в эпоху империализма“ с проектом примечания от редакции. Вступать с Т[арле] в полемику, как Вы увидите, нет никакого смысла < . . > Вообще после его выходки в Осло в особенности его песенка как „советского историка“ спета. Между ним, Ростовцевым и Платоновым по существу нет никакой разницы, а формальная разница, что один эмигрант „внешний“, а другие „внутренние“ касается не нашего идеологического фронта, а совсем другой сферы отношений, где решать мы не призваны и не обязаны».¹ «Выходкой в Осло» Покровский называет следующий инцидент. На VI Международном конгрессе историков, состоявшемся в Осло в 1928 г., М. И. Ростовцев, входивший в состав американской делегации, обрушился с нападками на главу советской делегации Покровского, обвинив его в насильственном насаждении марксизма, гонениях на ученых и т. п. Тарле, включенный в состав советской делегации, очевидно, предвидел возможность таких ситуаций и, не желая выступать в одной компании с Покровским, отказался приехать в Осло под предлогом болезни, о чем сообщил в последний момент телеграммой из Парижа.² Покровский, по-видимому, был очень уязвлен всей этой историей и развязал против Тарле, в котором видел опасного соперника, разгромную кампанию в печати.

Курьезным, но достаточно зловещим эпизодом этой кампании была статья в «Большевике» А. Слепкова, который, упомянув вышедшую под редакцией Тарле в 1918–1919 гг. книгу «Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции», заявлял: «Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтобы о нем

¹ Горин П. О. М. Н. Покровский — большевик-историк. С приложением неопубликованных писем М. Н. Покровского. Минск, 1933. С. 97.

² Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 287. Л. 1. (Письмо Е. В. Тарле М. Н. Покровскому от 6.X.1928 г.). Ср.: Покровский М. Н. О поездке в Осло // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 6 (30). С. 233–237. Перед Конгрессом, докладывая в секретариат ЦК ВКП(б) о предполагаемом составе советской делегации, Покровский писал: «Некоторое количество немарксистов нужно было допустить, ибо иначе состав делегации косвенно подтверждал бы белогвардейскую сплетню, будто в СССР немарксистам запрещено заниматься историей» (Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 175. Л. 25).

нужно было говорить».¹ Тарле ответил «Письмом в редакцию», в котором, процитировав приведенные слова Слепкова, писал: «Категорически заявляю, что это вымысел. Никто меня не высылал, от начала революции я преподавал и преподаю в Государственном университете и других советских учебных заведениях, неоднократно бывал приглашаем преподавать и читал лекции в партшколе, в научно-исследовательском институте Коммунистического университета и т. д., писал и пишу в „Историке-марксисте“, „Архиве Маркса и Энгельса“, книги мои издаются Госиздатом, „Прибоем“, Институтом Маркса и Энгельса. . . Все это показывает, что заинтересовавший Слепкова вопрос о моем „политическом лице“ решается несколько не так определенно, как это ему, по-видимому, представляется».²

В том же номере журнала Слепков (член редколлегии «Большевика») заявлял: «В ответ на письмо Е. Тарле считаю долгом сообщить следующее: 1. Утверждение, что Е. Тарле высылался ГПУ за границу, приводившееся в моей статье „Орудие победы“, является неверным, в силу чего приношу Е. Тарле свои извинения. 2. Сборник „Революционный трибунал“, редактировавшийся Е. Тарле, и с точки зрения подбора материала и с точки зрения характера редакционных примечаний, вне всякого сомнения, не свидетельствует о симпатиях автора к марксизму и революции < . . > 3. Автор настоящих строк должен сообщить о том обстоятельстве, которое подтолкнуло его сделать допущенную ошибку. При переходе к НЭПу группой антисоветских ученых и журналистов стал издаваться орган „Экономист“, в числе сотрудников которого вместе с Н. Бердяевым, Б. Бруцкусом, С. Булгаковым, А. Изгоевым, П. Пальчинским, А. Пешехоновым, П. Сорокиным и др. мы встречаем и Е. Тарле. Как известно, журнал „Экономист“ был закрыт за контрреволюционность, а его руководители были высланы ГПУ за границу».³

На книгу Тарле откликнулся в парижских «Современных записках» и его старый друг-враг В. Водовозов. Несмотря на ряд серьезных замечаний общая его оценка была вполне положительной: «Этот труд без всякого сомнения является плодом большой и вдумчивой работы над очень обширным материалом. Это не компиляция, а, действительно, серьезное исследование и, безусловно, очень долго еще все, изучаю-

¹ Слепков А. Орудие победы. (К истории чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией) // Большевик. 1928. № 1. С. 49.

² Тарле Е. Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Большевик. 1928. № 5. С. 95–96.

³ Слепков А. Ответ академику Тарле // Там же. С. 96.

щие причины, возникновение, ход и исход мировой войны, будут обращаться к нему. Это будут делать далеко не только те, кто согласен с основными идеями Тарле, но и те, кто склонен считать их односторонними».¹

28 января 1930 г. Е. В. Тарле был арестован по так называемому «Академическому делу». Ход следствия по этому сфабрикованному ОГПУ «делу» и роль в нем Тарле проанализированы в предисловии к настоящему выпуску Б. В. Ананьича, В. М. Панеяха и А. Н. Цамутали. Дополнить картину могут письма Е. В. Тарле к жене, написанные за полтора года его пребывания в Доме предварительного заключения.² В тюрьме была неплохая библиотека (в том числе на иностранных языках) и кое-что передавала О. Г. Тарле, так что часть писем посвящена, как всегда у Тарле, литературным впечатлениям. «Много читаю. Лежу подолгу, пользуюсь врачебными советами (насчет камней etc.) < . . > тут тепло и вообще гигиенично» (14 марта 1930).³ «Мне сильно кажется, что скоро конец нашим бедствиям» (15 июня 1930).⁴ «Таня Б. мне писала и Манина Таня. Первой из них телеграфируй следующее: «Спасибо, Таничка, за Вашу приписку и за память. Авось скоро увидимся» (получено 13 августа 1930).⁵ «Многих на своем веку видел, у многих имел успех — а любил и люблю по-настоящему только одну тебя всегда и неизменно. И это — с 18 лет, когда встретил тебя» (получено 1 октября 1930).⁶ «Когда мы будем вместе, все это покажется бредом злого психопата — то, что судьба со мною сделала» (получено 1 октября 1930; в этот день О. Г. Тарле было передано сразу несколько писем мужа).⁷ «Мне бы хотелось написать, не торопясь, между делом, по ночам, у меня в кабинете одну книжку, которая затрагивает теорию вероятностей. Жаль, что математик-то я неважный. Но это будет нечто новое, кажется» (получено 1 октября 1930).⁸ «Жизнь — это злая обезьяна, которая мучает нас с перерывами от колыбели до

¹ *Водовозов В.* Рец. на кн.: Акад. Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. М.; Л., 1927 // *Современные записки.* Париж. 1928. № 36. С. 555.

² См. подробнее: *Каганович Б. С.* К биографии Е. В. Тарле (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // *Отечественная история.* 1993. № 4. С. 86–87.

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 152. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 95. Имеются в виду старые друзья Тарле писательницы Т. А. Богданович и Т. Л. Щелкина-Куперник.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 49.

⁸ Там же. Л. 48.

могилы. Это еще Шекспир сказал. А нас с тобой она мучила последние годы очень мало: все шло хорошо. Вот и взяла реванш» (получено 1 октября 1930).¹ «Мне все надоело и опротивело до черта. Я живу только мыслью о тебе, моя золотенькая. . . Этот проклятый год окончится и не повторится — и будет нами забыт» (16 декабря 1930).² «Живу я только из-за тебя — так мне все надоело, так я раздражен нервами. Мне все время не только казалось, но мне и говорили, что такие люди, как я, нужны советской власти, что им еще предстоит работа в будущем и ученая и общественная. . . И освобождение не приходит и не приходит. Плевать на меня! И если бы я, например, умер от нервного удущья, то этим только избавил бы казну от расходов на мой обед» (получено 18 февраля 1931).³ «Все вспоминаю Шопенгауэра» (29 апреля 1931).⁴ Шопенгауэр, как известно, был создателем мрачайшей пессимистической философии.

Добавим, что почти одновременно с Е. В. Тарле была арестована его сестра М. В. Тарновская, несколько раньше — ее муж А. И. Тарновский, по-видимому, обвиненный во «вредительстве».

Еще до вынесения формального приговора в Ленинграде и Москве состоялись заседания, посвященные разгрому «буржуазных историков-вредителей». Стенограмма ленинградского заседания была издана под красноречивым названием «Классовый враг на историческом фронте». Пространный доклад о «Тарле и его школе» сделал в Ленинграде Г. С. Зайдель, делавший «экспертизы» следствию. «Тарле с первых же дней своей научно-литературной деятельности являлся буржуазным историком, фальсифицировавшим в угоду классовым интересам капитализма исторический процесс, — заявлял Зайдель. — Окрепшая пролетарская историография СССР раз и навсегда покончит с вредительством Тарле и его друзей на историческом фронте».⁵ Его поддержали А. И. Молок, Х. Г. Лурье, Я. М. Захер, П. П. Щеголев и другие. В Москве на заседании в Обществе историков-марксистов тон задал Н. М. Лукин. Молодой историк Ф. В. Потемкин заметил: «Нас от Тарле отделяют теперь не только теоретические разногласия, но, говоря без метафор, — отде-

¹ Там же. Л. 45.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 153. Л. 12.

⁵ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их «школы». М.; Л., 1931. С. 65–66.

ляет толстая стена с крепкой решеткой».¹ Другой молодой историк В. М. Далин говорил: «Кафедру Ленинградского университета Тарле использовал для подготовки к функциям министра иностранных дел. . . 9 ноября 1929 г. Бриан выступил в палате с предложением о создании Пан-Европы, а меньше чем через месяц Тарле выступил в качестве кандидата на пост министра иностранных дел с кафедры Сорбоннского университета на тему о континентальной блокаде как попытке создания пан-европейского союза. . . Все его работы в области международной политики — это защита Антанты для подготовки капиталистической реставрации».²

1 февраля 1931 г. Общее собрание АН СССР исключило Е. В. Тарле (наряду с С. Ф. Платоновым, Н. П. Лихачевым и М. К. Любавским) из числа действительных членов Академии³ (несмотря на возражения президента Академии наук А. П. Карпинского). Процесс по «Академическому делу», как известно, не состоялся. Постановлением коллегии ОГПУ от 5 августа 1931 г. Тарле был выслан в Алма-Ату сроком на 5 лет (аналогичная кара постигла других «руководителей организации», высланных в различные города Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии). Во Франции против ареста Тарле протестовали видные французские ученые, хорошо его знавшие: С. Леви, К. Блок, А. Матьез, Ф. Саньяк, А. Озе, Л. Эзенман, П. Ренувен, Ш. Сеньобос, А. Сэ, Ш. Шмидт и др.⁴

В начале сентября 1931 г. Е. В. Тарле прибыл в Алма-Ату. 7 сентября 1931 г. он писал жене: «Алма-Ата городишко деревенско-нищенского типа, „удобства“ примитивные и во дворе, зимой — грязь на улицах, большие расстояния, лавки есть, но, например, бумаги совсем нельзя достать нигде, ни конвертов, ничего этого нет. Я думаю устроиться на год. . . Комнату в Ленинграде нужно сохранить. Вещи, если можно, — не продавать. Что же Вам писать, котенок? О звериной харе судьбы, которая не может дать человеческому существованию окончиться, не содрав с человека шкуру живьем? Но это скучно и общеизвестно».⁵ Тарле сразу же начал хлопоты о работе. В частности, он

¹ Буржуазные историки Запада в СССР // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 53.

² Там же. С. 60.

³ Вестник АН СССР. 1931. № 3. С. 50. Согласно «Отчету АН СССР за 1931 г.» (Л., 1932. С. 47), постановление было принято 2 февраля 1931 г.

⁴ См.: Annales Historiques de la Révolution Française. 1931. Т. 44. № 2. P. 157–158.

⁵ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 154. Л. 110–111.

просил о содействии М. Н. Покровского. Сохранился ответ последнего от середины сентября 1931 г., бросающий дополнительный свет на его роль в «Академическом деле». «Когда Вы писали Ваше письмо, Евгений Викторович, Вы очевидно не знали, что я читал Ваши показания в оригинале и что передо мною просто как перед историком стоит такая дилемма: или Вы психически расстроены (но тогда о какой же научной работе может идти речь?) или Ваше пребывание в Алма-Ате свидетельствует только о необыкновенной мягкости Советской власти: если бы Вы были французским гражданином и совершили все, о чем Вы рассказываете в Ваших показаниях, по отношению к Франции, Вы были бы теперь на Чертовом острове. Остается, значит, только вопрос об использовании Вас как научного работника независимо от Вашего политического прошлого. Поскольку заключенные в Соловках занимаются научно-исследовательской работой и исследования их печатаются, я не вижу оснований думать, чтобы это было невозможно для человека, интернированного в Алма-Ате, но я очень боюсь, что появление работ с Вашим именем благодаря той печальной известности, которую это имя получило в СССР, встретит на своем пути очень большие трудности»¹. Письмо Тарле вместе с другими обращениями к нему репрессированных ученых Покровский переслал в секретный отдел ОГПУ.

Через некоторое время Тарле был утвержден профессором Казахского университета (по другим сведениям пединститута) к нему приехала жена, а затем и сестра, также отправленная в ссылку в Алма-Ату. Местное издательство заключило с ним договор на книгу о колониальной политике царизма в Средней Азии. Но Тарле не хотел смириться с судьбой и непрестанно хлопотал о своем освобождении из ссылки и пересмотре дела, обращаясь с заявлениями во всевозможные инстанции. В апреле 1932 г. он писал своему старому знакомому Л. Г. Дейчу: «Был тут на днях Сольц (пока об этом между нами) и пригласил меня к себе. Я ему рассказал о своем деле, о всем том презренном вранье, бреде сумасшедших, который на меня был всклепан арестованными. Я ему сказал, что узнал о „факте“ (!) существования какой-то „организации Платонова“ от следователя, что понятия не имел о дурацкой бессмыслице „монархического заговора“ (которого, конечно, никогда не было на свете и который всклепали на себя несчастные больные старики) и т. д. Он выслушал меня внимательно, ничего не возразил

¹ «Мне же они совершенно не нужны» (Семь писем из архива М. Н. Покровского) / Публ. А. Б. Есиной // Вестник РАН. 1992. № 6. С. 108–109.

(он не верит в реальность этих гнусных выдумок, это вполне ясно для меня) и на мой вопрос, могу ли я ждать полной реабилитации, ответил: „Да“. Но он ведь не один будет решать мое дело».¹ По-видимому, А. А. Сольц, являвшийся членом Верховного суда СССР, был послан в Алма-Ату для рассмотрения заявлений Тарле. Для уточнения дат и обстоятельств важно письмо М. В. Тарновской к Т. Л. Щепкиной-Куперник от 1 сентября 1932 г.: «Вчера, спрашивая письма, случайно наткнулась на телеграмму Жене от Пешковой от 25.VIII: „Получили разрешение выезда Ленинград лечиться. Телеграфируйте, когда приезжаете“. Можешь себе представить, как я помчалась к ним и как мы все рады. Теперь он поедет вместо Лели, как только получатся деньги».² (Как известно, Е. П. Пешкова была председателем «Политического Красного Креста», через который оказывалась помощь политзаключенным.)

В начале октября 1932 г. Е. В. Тарле выехал в Москву. Хронику его возвращения можно проследить по письмам к жене, которой он писал каждый день, а иногда и по несколько раз в день.³ Очевидно, в ближайшие дни по приезде Тарле был принят секретарем ВЦИК А. С. Енукидзе и узнал от него о своем помиловании. В Москве Тарле оставался почти три месяца, чтобы «довести все свои дела до реальных концов». «Ведь это слишком сложное, громадное, жизненно-колоссальное. Сдвиг страшной, тысячепудовой тяжести, давящей меня сейчас. Если б ты знала, с какими адскими трудностями, равнодушием и косным недоброжелательством приходится мне бороться», — писал он жене 14 ноября 1932 г.

17 ноября 1932 г. Тарле был принят наркомом просвещения А. С. Бубновым. Ночью того же дня он сообщал жене: «Бубнов был сверхлюбезен и мил. Он и вообще милый человек. От него зависит решительно все. Он хочет, чтобы я был 1) профессором в Ленинграде; 2) научным консультантом Эрмитажа; 3) чтобы я работал в Гос. Ученом Совете. Вы не можете себе представить, как это важно и интересно (именно эта последняя работа). Во-первых, туда зовут людей, пользующихся полнейшим доверием. Во-вторых, власть этого ГУС'а

¹ РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 485. Л. 3 Цит. по изд.: Память. Париж, 1981. вып. 4. С. 134 (комментарии А. Добкина и А. Рогинского к «Трем главам из воспоминаний» Н. П. Анциферова).

² РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1053. Л. 1–2.

³ См. подробнее: *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 47–51.

очень велика < . . . > Конечно, эта степень высоты и доверия гарантирует решительно все прочее и les Doundouks (казалось бы)».¹ 21 ноября 1932 г. Тарле писал жене: «Вчера Радек сказал мне, что без предварительной беседы (с кем нужно) никогда бы Б[убнов] этого не сделал. Значит, была беседа. А если так, то все тут для меня открыто, все без исключения да это и видно по всему».² В конце декабря 1932 г. Е. В. Тарле вернулся в Ленинград.

Решающую роль в деле своего освобождения Тарле, как видно из его писем к жене, приписывал женщине, фигурирующей в письмах под именем «Санс». Нам удалось установить, что это была санскритолог и индолог Надежда Осеевна Штейнберг-Щупак (1886–1941), старая знакомая Тарле, в прошлом его ученица по Бестужевским курсам.³ Сестра известного композитора, профессора Ленинградской консерватории М. О. Штейнберга, Н. О. Штейнберг в молодости входила в социал-демократический кружок в Вильно, ее муж С. Д. Щупак был довольно видным меньшевиком и деятелем Бунда. С 1908 г. она постоянно жила в Париже, где получила индологическое образование и стала ученым секретарем Института индийской цивилизации при Сорбонне.⁴ Очевидно, она сохранила какие-то связи с социал-демократическими кругами: в ее переводе с немецкого языка на французский в 20-е гг. вышли полемика К. Каутского против большевизма и письма Р. Люксембург к К. и Л. Каутским. После оккупации Франции немцами в 1940 г. Н. О. Щупак была изгнана из университета на основании антиеврейских законов и, как писал ее старый знакомый В. В. Сухомлин, умерла, «к счастью, до того, как начали работать газовые камеры».⁵ С Е. В. Тарле Н. О. Щупак встретилась после длительного перерыва в 1924 г. в Париже, встречалась с ним во все его последующие приезды во Францию и оживленно с ним переписывалась. В фонде Е. В. Тарле в архиве РАН

¹ Там же. Л. 120. «Les Doundouks» — Дундуки. Тарле имеет в виду свое восстановление в Академии, намекая на известную эпиграмму Пушкина «В Академии наук заседает князь Дундук».

² Там же. Л. 44.

³ См. подробнее: *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле. . . С. 51–54, 119–120.

⁴ См. о ней: Nadine Stchoupak. 1886–1941. In memoriam. Paris, 1945. 38 p. Этот небольшой сб. статей проф. А. Мазона, Л. Рену, К. Блока, Ж. Марузо и др., отсутствующий в библиотеках России и Парижской Национальной библиотеке, был разыскан в Париже в 1993 г. академиком А. А. Фурсенко, которому автор настоящих строк приносит свою глубокую благодарность.

⁵ *Сухомлин В. В.* Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 142.

сохранились письма к нему Н. О. Щупак 1931–1935 гг., фигурирующие в архивной описи как «письма неустановленного лица из Парижа».¹ Все они адресованы до востребования и все не подписаны. Это письма к любимому человеку, написанные, разумеется, с оглядкой на цензуру. В них много говорится о чувствах, содержатся отзывы о прочитанных книгах, кое-что сообщается о научных занятиях автора, но ничего (прямым текстом) — о шагах, предпринятых ею для возвращения Тарле, упоминается только о книгах и продовольственных посылках, отправленных ею в Алма-Ату.

Какими путями Н. О. Щупак могла действовать? Здесь мы вступаем в область предположений и допущений. В западной литературе давно уже промелькнуло сообщение о ходатайствах за Тарле из-за границы. Известный польский литературовед В. Вейнтрауб, бывший в 1941–1942 гг. сотрудником польского посольства в СССР, в статье под характерным названием «Блеск и нищета биографии проф. Тарле» писал, что, находясь в России, он слышал, будто своим освобождением Тарле обязан французскому политическому деятелю Э. Эррио, который во время своего визита в Москву в 1934 г. просил Молотова устроить ему встречу с Тарле, и тот был доставлен на самолете из Алма-Аты и обратно в ссылку не вернулся.² В таком виде это, конечно, легенда с хронологическими неувязками (Тарле вернулся в Ленинград в самом конце 1932 г.) и всеми чертами исторического анекдота.³ Не обязательно, однако, считать этот рассказ «грубым вымыслом» буржуазной историографии, как это делал когда-то Е. И. Чапкевич.⁴ В недавней статье Е. И. Чапкевич сообщает, что о пересмотре дела Тарле ходатайствовали ветераны русской социал-демократии Р. М. Плеханова и Л. Г. Дейч, и придает большое значение их ходатайствам.⁵ Это, однако, не исключает того, что были ходатайства и из-за границы, и очень вероятно, что они исходили из французских политических кругов, выступавших за дружественные отношения с Советским Союзом.

¹ Архив РАН. Ф. 627 Оп. 4. Д. 139, 140.

² *Weintraub W.* Blaski i niedzi dziejów życia Prof. Tarlego // *Teki Historyczne* (London). 1948. № 1. P. 115. Цит. по кн.: *Hösch E. E.* V. Tarle und seine Stellung in der sowjetrussischen Geschichtswissenschaft. Wiesbaden, 1964. S. 118–119.

³ Отголосок этой легенды находим в кн.: *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим, 1982 (переизд. 1995). С. 392–393.

⁴ *Чапкевич Е. И.* Оценка творчества Е. В. Тарле в современной буржуазной историографии // *Ученые записки МГПИ им. Ленина*. 1967. № 275. С. 234.

⁵ *Чапкевич Е. И.* Страницы биографии академика Е. В. Тарле // *Новая и новейшая история*. 1990. № 4. С. 45.

Э. Эррио, с июня по декабрь 1932 возглавлявший французское правительство, был символом и виднейшим представителем этого курса (при нем 29 ноября 1932 г. был подписан договор о ненападении между Францией и СССР). Думается, что к мнению этих кругов Сталин (а распоряжение о возвращении Тарле могло исходить, в конечном счете, только от него) готов был прислушаться больше, чем к ходатайствам обломков меньшевизма. Эти французские круги и были мобилизованы Н. О. Щупак, и она действовала при этом умно и энергично. В частности, за Тарле активно ходатайствовал Ромен Роллан, несомненно инспирированный Н. О. Щупак. Как свидетельствует опубликованная недавно переписка Р. Роллана с Горьким, Роллан в 1931–1932 гг. несколько раз обращался к Горькому по поводу Тарле, прося разобраться в его деле и ссылаясь на возмущение его арестом среди французских историков и вообще «всех социалистов и радикалов среди французской интеллигенции» (письма от 22 апреля 1931 г., 12 мая и 12 июля 1932)¹. Горький первоначально сообщил ему первоначальную версию ОГПУ, но после того, как Роллан продолжал настаивать, ответил ему 5 августа 1932 г.: «По поводу (. . .) Тарле я говорил с кем следует и имел право думать, что эти вопросы разрешены положительно. Немедленно восстановлю хлопоты»². Очевидна хронологическая связь между этим письмом и вызовом Тарле в Москву телеграммой Е. П. Пешковой.

Есть основания полагать, что это был не единственный канал, который использовала Н. О. Щупак. Можно думать, что Сталин в это время уже думал о переориентации советской исторической науки, сворачивании курса незадолго до того умершего М. Н. Покровского и использовании наследия и кадров «буржуазной историографии». В середине 30-х гг. многие историки, репрессированные по «Академическому делу», получили возможность на тех или иных условиях вернуться в Москву и Ленинград.

1933–1935 гг. были для Тарле периодом своеобразной полуреабилитации. Он вернулся в Ленинград и был восстановлен в должности профессора ЛГУ, но положение его оставалось довольно неустойчивым. За эти годы он опубликовал лишь одну статью. Судимость с Тарле снята не была и в Академии наук его не восстановили. Подготовленная им для Соцэргиза книга «Очерки колониальной политики

¹ Correspondance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. 1916–1936. Paris, 1991. P. 232–234, 265, 267.

² Ibid. P. 271. Русский текст письма Горького любезно предоставлен Архивом А. М. Горького.

западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.)» увидела свет через тридцать лет.¹

К середине 30-х гг. относится окончательное оформление книги Е. В. Тарле «Жерминаль и прериаль», которая увидела свет в 1937 г.² Материалы для этой работы Тарле собирал в Париже в 1928–1929 гг. и тогда же, как видно из его переписки, книга в основном была написана. Работа посвящена «последним массовым выступлениям плебейских предместий Парижа в эпоху Французской революции» в мае 1795 г. и содержит детальное описание и анализ этих событий. Положение голодающих предместий и деятельность военных судов после подавления прериальского выступления воссозданы Тарле по архивным документам. Интересны и общая характеристика термидорианского периода, и психологические портреты термидорианцев. Во главе термидорианского правительства стояли бывшие террористы, вчерашние соратники Робеспьера, обличавшие теперь террор и истреблявшие своих недавних товарищей. «Карье был совершенно логичен, когда уже видя ясно свою гибель, сознавая, что находится у подножия гильотины, он бросил в лицо термидорианскому Конвенту свои знаменитые слова: „Тут все виновны, все, вплоть до звонка председателя“», — пишет Тарле.³ «Когда в 11-м часу утра 18 флореаля (7 мая 1795 г.) везли на казнь Фукье-Тенвиля, государственного обвинителя робеспьеровских времен, и бежавшая за телегою толпа осыпала его неистовыми ругательствами и проклятиями — он не молчал. По показанию очевидцев, бледный, с горящими глазами, скрученный веревками и привязанный к телеге человек отвечал толпе. . . Он улыбался и кричал народу: „Ступайте за хлебом“ (Allez chercher du pain). Его гильотинировали последним по порядку из шестнадцати человек, казненных в Париже в это утро, и палач по яростному требованию толпы схватил за волосы его отрубленную голову и показал ее на все четыре стороны, но насмешливый окрик Фукье-Тенвиля остался в памяти. . .».⁴ Все это блестящие страницы зрелой исторической живописи Тарле. Можно представить себе, как читались они в год выхода книги. «В Конвенте, — пишет Тарле, — отлично понимали, что военная комиссия в том виде,

¹ Тарле Е. В. Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.) / Сост. М. К. Гринвальд. М.; Л., 1965. 428 с.

² Тарле Е. В. Жерминаль и прериаль. М., 1937.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 18.

в каком она была организована в прериале, является вовсе не судом, а формальным придатком к гильотине, на которую правительство посылает всех, кого находит нужным».¹

«Жерминаль и прериаль» был переведен на немецкий (1953), французский (1959) и итальянский (1976) языки. Это была последняя крупная работа Тарле, посвященная истории социальной борьбы и массовых движений; после 1936 г. он становится почти исключительно историком войн и международных отношений, или, как говорит Ф. Вентури, «подлинной темой Тарле является теперь не революция, а борьба между государствами».²

Поворотным пунктом в судьбе Е. В. Тарле стал выход в свет его книги «Наполеон». Он начал писать ее в марте 1935 г. по заказу горьковской серии «Жизнь замечательных людей». 2 августа 1935 г. Тарле сообщил жене из Москвы: «Страшно важный (может быть) разговор был, а, может быть, и ерунда. Очень большие *bonnets** заинтересовались. < . . > Утром и днем разговоры, вечером пишу „Наполеона« < . . > В первый раз по такой линии. *Елfin on verга.*** < . . > Думаю, на сей раз еще ничего не выйдет. Но — занятно³». Книга вышла в начале лета 1936 г.⁴ и сразу же имела огромный успех. Известно, что это была последняя книга, которую читал перед смертью М. Горький. Очевидно, она понравилась и Сталину. С этого момента Тарле вновь начали широко печатать, в том числе и в тех изданиях, в которых он раньше никогда не сотрудничал. В июне-сентябре 1936 г. «Известия» напечатали серию статей Тарле о преимуществах новой советской конституции, которая тогда принималась. Согласно данным приводимым В. С. Брачевым, постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1937 г. с Тарле была снята судимость.⁵ В 1937 г. он был назначен старшим научным сотрудником Института истории АН СССР по Ленинградскому отделению.

Но в том же году Тарле пережил страшные дни, когда в самый разгар сталинского террора, 10 июня 1937 г. в «Правде» и «Извес-

* шишки (*фр.*).

** В конце концов будет видно (*фр.*).

¹ Там же. С. 218.

² *Venturi F.* Op. cit. P. 136.

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 157. Л. 1–2.

⁴ *Тарле Е. В.* Наполеон / Под ред. К. Радека. М., 1936. 624 с.

⁵ *Брачев В. С.* Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 129.

тиях» одновременно появились разгромные статьи о «Наполеоне», подписанные псевдонимами «А. Константинов» и «Дм. Кутузов». Книга Тарле именовалась «вражеской вылазкой», сам он — «фальсификатором истории». «За личиной объективного историка видны ослиные уши изолгавшегося контрреволюционного публициста. . . — писала „Правда“. — Практика у этого господина не отставала от теории: стоит лишь вспомнить, что в карикатурном „кабинете“ „Промпартии“ вредителя Рамзина, представшего перед советским судом в 1930 г., за ним был закреплен пост министра иностранных дел. Книга о Наполеоне вышла под редакцией Радека. Враг народа Бухарин усиленно популяризировал Тарле». ¹ Совершенно очевидно, что публикация таких статей одновременно в двух центральных газетах являлась прелюдией к немедленному аресту. Однако Тарле, по-видимому, удалось в тот же день через кого-то обратиться к Сталину и на завтра, несомненно по прямому указанию Сталина, в обеих газетах появились редакционные опровержения напечатанных накануне статей. При этом аргументация опровержений была довольно своеобразна. «Проф. Е. Тарле, как известно, немарксист, книга его „Наполеон“ содержит ряд существенных ошибок, — говорилось в „Известиях“. — Это однако не давало никаких оснований автору статьи называть проф. Тарле фальсификатором истории и связывать его имя с именем редактора его книги — врага народа, троцкистского бандита Радека. Это тем менее допустимо, что книга проф. Тарле о Наполеоне по сравнению с работами других буржуазных историков является, безусловно, одной из лучших». ²

В архиве Тарле сохранилось письмо к нему Сталина от 30 июня 1937 г., о котором позднее ходило много легенд. Вот его текст:

«Тов. Тарле.

Мне казалось, что редакционные замечания „Известий“ и „Правды“, дезавуирующие критику тт. Константинова и Кутузова, уже исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме насчет Вашего права ответить в печати на критику этих товарищей антикритикой. Я узнал, однако, недавно, что редакционные замечания этих газет Вас не удовлетворяют. Если это верно, можно было бы, безусловно, удовлетворить

¹ Правда. 1937.10.VI. С. 4. Ср.: Известия. 1937.10.VI. С. 3.

² Известия. 1937.11.VI. С. 3. Ср.: Правда. 1937.11.VI. С. 4.

Ваше требование насчет антикритики. За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию „Наполеона“).

И. Сталин¹

Этим письмом (как и опровержениями в «Правде» и «Известиях») был окончательно определен статус Тарле: он признавался немарксистом, но ценным для Советской власти «спецом», к которому не следует предъявлять слишком строгих требований в плане ортодоксии. Тем самым было предопределено решение давно поднимавшегося Тарле вопроса о его восстановлении в звании и правах академика. Среди решений Политбюро ЦК ВКП(б), принятых 25 апреля 1938 г., было следующее: «Считать возможным включение проф. Е. В. Тарле в состав членов Академии наук СССР». ² В архиве Тарле сохранилась «Выписка из протокола Общего собрания АН СССР от 29 сентября 1938 г. о восстановлении в правах действительного члена АН СССР проф. Е. В. Тарле», которая гласит: «Общее собрание на основании результатов выборов считает профессора Евгения Викторовича Тарле восстановленным в правах действительного члена АН СССР». ³ При этом обвинения, выдвинутые против Тарле ОГПУ в 1930–1931 гг., не были сняты.

Книга Е. В. Тарле о Наполеоне в 1939–1942 гг. переиздавалась в СССР пять раз. Она была почти единодушно воспринята современниками как шедевр. Тарле написал действительно классическую биографию Наполеона. Он не скрывает своего восхищения Наполеоном, но не приукрашивает его в банально-сентиментальном духе. Наполеон у Тарле и деспот, и тиран, и жестокий угнетатель. Но он же — гениальный полководец всех времен, «первый из первых в этом кровавом искусстве», и одаренный исключительным умом государственный деятель, наложивший свою печать на весь государственный и административный строй Франции вплоть до наших дней. Тарле не раз подчеркивает, что Наполеон — создатель новой буржуазной монархии и что в

¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 85. Л. 1. Опубл.: *Чапкевич Е. И.* Страницы биографии академика Е. В. Тарле. С. 48. Согласно предположению Е. И. Чапкевича, вся эта история была провокацией Сталина, стремившегося таким образом окончательно запугать и приручить знаменитого историка.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 56.

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

конечном счете он утверждал интересы французской буржуазии. Но не в этом пафос его книги. Наполеон для него — это герой-творец истории и собственной судьбы, это, по словам Гегеля, «мировой дух верхом на коне». С первых слов предисловия: «Человек, биографию и характеристику которого я должен дать в предлагаемой книге, представляет собой одно из удивительнейших явлений мировой истории»¹ и до последних слов заключения: «А в памяти человечества навсегда остался образ, который в психологии одних перекликался с образами Аттилы, Тамерлана и Чингис-хана, в душе других — с тенями Александра Македонского и Юлия Цезаря, но который по мере роста исторических исследований все более и более выясняется в его неповторяемом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности»² — вся книга выдержана в этом ключе. «Правильно сказал о Наполеоне поэт Гете: для него власть было то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста», — пишет Тарле.³ Поражение Наполеона он объяснял неосуществимостью поставленной им перед собой задачи завоевания всего мира, а не тем, что противники оказались талантливее его. Один из секретов успеха книги Тарле в том, что пафос ее — подлинный, а не вымученный и не ходульный. К морализированию над историей Тарле относится с нескрываемой иронией и презрением.

Последующие прижизненные издания «Наполеона» мало отличаются от первого. Изменения, внесенные автором в текст, в общем незначительны. По существу, они сводятся к смягчению характеристики Кутузова и изменению акцентов в трактовке «народной войны» 1812 г. Отношение Тарле к Наполеону ничуть не изменилось. Напротив, получив разрешение быть «немарксистом», Тарле в новых изданиях сократил число ссылок на «классиков» и позволил себе писать более откровенно. Некоторые острые места появились именно в изданиях 1939 г. и 1941 г. Так, в издании 1941 г. впервые появилась цитата из Макиавелли: «„Я бываю то лисой, то львом. Весь секрет управления заключается в том, чтобы знать, когда следует быть тем или другим“, — говорил Наполеон.»⁴ В этом же издании читаем: «Наполеон считал, что революция произошла во Франции не потому, что Франция жаждала свободы, а потому что хотела равенства. Под равенством он понимал

¹ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1936. С. 7.

² Там же. С. 599.

³ Там же. С. 121.

⁴ Тарле Е. В. Наполеон. М. 1941. С. 77.

одинаковость гражданских прав, обеспечиваемых законом. . . „Свобода была только предлогом“, — говорил он о революции. И уничтожив политическую свободу, он закрепил и кодифицировал „равенство“, как его понимал.»¹

Выше уже говорилось, что книга Тарле имела огромный успех как у широкой читательской публики, так и у утонченных интеллигентов. Любопытны, в частности, отзывы о ней двух старших современников Тарле — медиевистов И. М. Гревса и Д. М. Петрушевского. 20 июня 1936 г. Гревс писал Петрушевскому: «Видали ли Вы новую книгу Тарле о Наполеоне? Он презентовал ее мне. Это очень интересная работа и написана очень колоритно и без выкрутас, обычные современные ссылки на основоположников марксизма здесь вполне уместны.»² Сам Д. М. Петрушевский, строгий и скупой на похвалы ученый, писал Тарле 13 августа 1939 г.: «Вашего „Наполеона“ прочел с большим увлечением. Это настоящий шедевр исторической науки и искусства, с которым от всей души поздравляю Вас. Это общее мнение всех, кто читал Вашу книгу.»³ Следует иметь в виду, что ни Гревс, ни Петрушевский не были поклонниками советской власти и с давних пор недолюбливали Тарле. С другой стороны, марксисты разных толков могли усматривать в «Наполеоне» образец применения невульгаризованного марксистского метода.

Книга Тарле сразу же была переведена на многие иностранные языки. Во Франции она выходила в 1937 и 1957 гг., в Англии и США — в 1937 г., в Польше — в 1937, 1946, 1950, 1957 и 1967 гг., в Италии — в 1938, 1957, 1964 и 1975 гг., в Швеции и Норвегии — в 1940 г., в Бразилии и Уругвае — в 1945 г., в Финляндии и Болгарии — в 1946 г., в Венгрии — в 1946 и 1957 гг., в Румынии — в 1946, 1947 и 1964 гг., в Чехословакии — в 1948, 1950 и 1959 гг., в Греции — в 1955 г., в ГДР — с 1959 10 изданий, в Албании — в 1965 г., в Дании — в 1969 г. Ни одна другая работа советского историка за все время существования СССР не имела такого успеха за границей. Это самая популярная книга из всех написанных Е. В. Тарле и, по данным польского автора, по настоящее время самая популярная в мире биография Наполеона.⁴

¹ Там же. С. 115.

² Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 49.

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 89. Л. 1.

⁴ *Wiśniewski S. Eugeniusz Tarle historyk epoki napoleońskiej. Warszawa, 1983. S. 105.*

Вслед за «Наполеоном» в скором времени вышла новая книга Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», приуроченная к 125-летию юбилею войны 1812 г.¹ Эта основанная на самостоятельных разысканиях и предназначенная для широкой публики работа по объективности и мастерству изложения по сей день остается лучшим общим очерком войны 1812 г. Русский поход Наполеона для Тарле — это чисто агрессивная, захватническая война, вызвавшая справедливое сопротивление. Тарле убежден, что в русской армии не было полководца, равного Наполеону, но он высоко оценивал стратегию и тактику Барклая де Толли и Кутузова. Характеристики обоих полководцев, далекие от плоской идеализации, принадлежат к самым запоминающимся страницам книги. Тарле учитывает и пространственный, и климатический факторы, и ошибки Наполеона, и — прежде всего — героический порыв армии и народа, сражавшихся за родину. Бородино он оценивал как «великую моральную победу русского народа».² По вопросу о так называемой «народной войне» Тарле высказывался осторожно, но недвусмысленно: «В России народный характер этой войны мог проявиться сразу же в организованных формах, в армии. В Испании народная война приняла совсем иные формы, потому что там долго не налаживалась организация армейских единиц».³ Деятельности партизанских отрядов он не склонен придавать преувеличенное значение. «Нашествие Наполеона на Россию» — патриотическая книга, но она представляла точку зрения «просвещенного патриотизма», чуждого ксенофобии и не переходящего в фальсификацию истории.

Книга Тарле о 1812 г. также имела большой успех в СССР и за границей. В Советском Союзе в 1939–1943 гг. она переиздавалась четыре раза. Как и «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию» было переведено на многие иностранные языки: в 1941 и 1950 гг. книга издавалась во Франции, в 1942–1943 гг. — в Англии и США, в 1944 на немецком языке в Швейцарии, далее последовали венгерский (1944), сербский (1945), голландский (1948), чешский (1948, 1950), румынский (1948), итальянский (1950) и немецкий (1951, ГДР) переводы.

Завершила наполеоновскую трилогию Тарле книга «Талейран». В отличие от «Наполеона» и «Нашествия Наполеона на Россию», написанных «на одном дыхании» и позднее почти не переделывавшихся,

¹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. 284 с.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 183–184.

«Талейран» обрел окончательную форму только в последнем прижизненном издании. Блестящая вступительная статья к переводу «Мемуаров» Талейрана¹ явилась основой книги, вышедшей в 1939 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Позднее автор получил возможность использовать материалы русских архивов и существенно дополнил книгу во 2-м издании.² По «мастерству исторической живописи» это одна из лучших книг Тарле. С большим искусством и видимым увлечением описывает Тарле феерическую карьеру знаменитого дипломата, служившего многим режимам и предававшего их. Автор явно любит умным, циничным и победоносным хищником. Тарле вообще питал слабость к героям такого типа — не случайно его привлекали Екатерина II, Наполеон, Талейран, Бисмарк, Витте. Талейран, выходец из древнейшего французского аристократического рода, делавший блестящую карьеру при старом режиме, рано понял обреченность этого режима и в 1789 г. стал в ряды умеренных деятелей революции. И в дальнейшем, как бы ни складывалась политическая конъюнктура, Талейран, по словам Тарле, был убежден в невозможности реставрации абсолютизма и феодальных порядков — этого никогда не допустили бы выигравшие от революции буржуазия и крестьянство. Оставалось только перейти на сторону победителей. Историк даже несколько преувеличивает степень проницательности Талейрана, заставляя его мыслить чуть ли не в марксистских категориях классового анализа.³ В последнем прижизненном издании Тарле использовал архивы русского Министерства иностранных дел, проливающие дополнительный свет на связи Талейрана с русским правительством в 1808–1812 гг. Но в этом же издании Талейран усиленно моделируется как дипломат именно буржуазного периода, чем якобы объясняются его аморализм, беспринципность и продажность. Этот тезис является, конечно, малоубедительным довеском, облегчавшим издание книги, посвященной столь чуждому и малопривлекательному персонажу.

Наряду с «Наполеоном» и «Нашествием Наполеона на Россию», «Талейран» принадлежит к числу известнейших произведений Тарле, переведенных и изданных на многих языках: польский (1946, 1953, 1957, 1967), венгерский (1949, 1950, 1959, 1963, 1972), чешский (1950, 1956), немецкий (ГДР, 1950 и 1972), румынский (1950, 1960, 1962),

¹ Тарле Е. В. Талейран // Талейран. Мемуары. Пер. Л. и С. Фейгиных. Ред. и статья Е. Тарле. М.; Л., 1934. С. 15–127.

² Тарле Е. В. Талейран. М.; Л., 1948. 304 с.

³ Там же. С. 11, 25–26, 294.

французский (московские изд. 1958, 1963, 1967), итальянский (1958) и португальский (1965).

Наполеоновская трилогия сделала Е. В. Тарле самым популярным советским историком, и он был включен в категорию особенно полезных и привилегированных беспартийных деятелей науки и культуры, украшавших фасад сталинского режима (повторяем: без официальной реабилитации по «Академическому делу»). По решению Политбюро в 1939 г. Тарле был введен в состав комиссии по редактированию «Истории дипломатии»¹ и приглашен читать лекции в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)², а также (по указанию Молотова) в Высшей дипломатической школе при Наркомате иностранных дел. В 1940 г. Тарле вошел в состав новоучрежденного Комитета по Сталинским премиям в области науки и техники³. Начиная с 1936 и особенно с 1937 г. Тарле постоянно выступал как публицист в центральных советских газетах — в «Известиях» (чаще всего), «Правде», «Труде», «Комсомольской правде», «Красной звезде». Специальностью его были исторические комментарии и исторические параллели к современным международным событиям, трактуемым, разумеется, в духе тогдашнего внешнеполитического курса СССР. Припоминались 1812 г., Крымская война, Первая мировая, занятие Берлина русскими в 1760 г. Наряду с этим Тарле иногда печатал в газетах интересные литературные заметки и рецензии.

Следует отметить, что свое новое положение Е. В. Тарле использовал для ходатайств за арестованных и высланных. Известно, что в конце 30-х гг. он пытался помочь историку А. И. Хоментовской, искусствоведу Н. Г. Зенгеру (сыну царского министра просвещения), инженеру Л. Д. Френкелю и ряду других лиц.

Е. В. Тарле был видным публицистом Великой Отечественной войны с первых ее дней. Нет сомнения, что его многочисленные статьи этих лет продиктованы подлинным патриотизмом и ненавистью к фашизму. Основной пафос его военной публицистики — мобилизация русского прошлого на борьбу с новым агрессором. Естественно, что такая установка приводила порой к односторонней стилизации и героизации этого прошлого. Но упрекать за это публициста, писавшего в разгар смертельной борьбы с фашизмом — невозможно. В 1941–1943 гг. Е. В. Тарле с семьей находился в эвакуации в Казани. Он вы-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1012. Л. 12.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 70.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1021. Л. 104.

ступал с многочисленными лекциями в городах Поволжья, Урала и Кавказа. В 1943 г. Тарле была предоставлена квартира в Москве (в знаменитом «Доме на Набережной»). Но он не порывал с Ленинградом и после снятия блокады вновь стал профессором ЛГУ и сотрудником ЛОИИ. Последние десять лет своей жизни Тарле жил фактически на два города, проводя часть года в Москве, часть — в Ленинграде.

Два-три последних предвоенных года и первые годы войны Тарле работал над книгой «Крымская война». Это самое большое по объему сочинение Тарле с самого начала было задумано как монументальный труд в стиле больших классических монографий, сочетающих научность с нарративностью. Первый том «Крымской войны» вышел в 1941 г., второй — в 1943 г.¹ Работа дает очень детальное исследование дипломатической предыстории войны и ее хода. Тарле признает, что инициатором войны был Николай I, но утверждает, что и Англия и Франция питали агрессивные планы и выступили на стороне Турции отнюдь не бескорыстно. Разоблачение коварной политики Пальмерстона — одна из центральных тем первого тома «Крымской войны». Автор вводит в научный оборот большое число архивных документов — в этом основная ценность монографии для специалистов. Украшением книги, как всегда у Тарле, являются портреты-характеристики Николая I, Нессельроде, Паскевича, морского министра Меншикова и ряда других.

Второй том «Крымской войны» писался и печатался в разгар Великой Отечественной войны. «В центре нашего изложения, — писал Тарле в предисловии к изданию 1944 г. — стоит оборона Севастополя — „Русская Троя“. В настоящей Великой Отечественной войне русского народа с гитлеровскими насильниками сталинский Севастополь доказал человечеству, что героизм нахимовских соратников явился качеством наследственным. . . Я кончал свою работу, когда общая победа над врагом стала совсем близка. Хорошо было работать под гром салютов, напоминавший о другой, новой истории, которую золотыми буквами вписывают в русские скрижали Сталин с нашей героической армией.»² Второй том «Крымской войны» представляет собой настоящую героико-патриотическую ораторию во славу русской армии и русского народа. Отрицательные персонажи

¹Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941–1943. Т. I–II. 727; 643 с.; 2-е изд. М.; Л., 1944–1945. Т. I–II. 567; 506 с.

²Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941. Т. I. С. 3–5.

никалаевского режима постепенно отходят на задний план, уступая место героям Корнилову, Нахимову, Тотлебену, Истомину, Хрулеву.

Очень выразительны заключительные слова второго тома в издании 1943 г.: «Все изменилось. Крепостная Россия превратилась в социалистическое государство. Прежний неприятель — Англия — теперь с нами, враг у нас другой. Не изменилось только одно. Прежним остался и по-прежнему умеет презирать смерть великий народ-богатырь. . . Внимательный анализ как военных, так и дипломатических событий, связанных с Крымской войной, приводит нас к непоколебимому убеждению, что о „поражении“ России в этой войне можно говорить лишь в очень и очень условном и крайне ограниченном смысле. . . Буквально на другой день после подписания мира Наполеон III домогается тесного союза с Россией. Проходит десяток лет и Россия окончательно овладевает всем Кавказом и богатыми колоссальными странами — царствами Средней Азии, утверждается на Дальнем Востоке и на Амуре, становится несравненно сильнее и богаче, чем была. . . Великодержавие России не поколебалось. . . Великий колосс выдержал страшные удары в 1854–1855 гг. и не только не пал, но даже и не покачнулся. Таков один из исторических уроков Крымской войны. . . От Крымской войны осталась навеки память немеркнувшей славы, осталась сияющая легенда о героических подвигах русского народа».¹

Первый том «Крымской войны» был встречен одобрительной рецензией Н. М. Дружинина и А. М. Панкратовой² и удостоен Сталинской премии I степени за 1943 г. (ранее, в 1942 г. Тарле получил Сталинскую премию за участие в первом томе «Истории дипломатии», где ему принадлежало около трети текста).

Иной была реакция на второй том «Крымской войны». В своей рецензии Н. М. Дружинин снова отметил многие достоинства книги Тарле, но сделал ряд критических замечаний и поставил под вопрос выводы автора. Прочитав только что приведенные слова из заключения, Дружинин замечал: «Если под „великим колоссом“ разуместь николаевскую империю, которая главенствовала в Европе, подавляла венгерское восстание и стояла на страже крепостничества, то она не выдержала ударов Крымской войны: она не только покачнулась, но потерпела крушение, о чем свидетельствуют и официальные акты и многочисленные мемуары современников».³ В ответе Дружинину Тар-

¹ Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1943. Т. II. С. 571–573.

² Исторический журнал. 1943. № 7. С. 79–84.

³ Исторический журнал. 1944. № 12. С. 68.

ле заявил, что под «великим колоссом» он имел в виду не николаевскую империю, а нечто совсем другое: «В полностью отпечатанном в ноябре, но еще не вышедшем в свет втором томе моей книги (Изд. Акад. наук) я заменил слова „великий колосс“ словами „великий русский народ“». ¹ Однако Дружинин не сдался и в том же номере журнала ответил: «Замена слова „колосс“ словом „народ“ вызывает новое недоумение. С термином „колосс“ у акад. Тарле ассоциировались подписание и аннулирование Парижского трактата, победы на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, „великодержавие России“, прочность ее государственного кредита — словом, явления, характеризующие не самостоятельную жизнь и борьбу русского народа, а положение и деятельность государственной власти. . . Ошибка акад. Тарле заключается в том, что он отождествляет русский народ и царскую власть, сливая их в едином, неразделимом понятии российской государственности».²

В 1950 г. вышло новое издание «Крымской войны»³, в котором Тарле сгладил или устранил наиболее великодержавные места. Общая концепция книги, однако, не изменилась. Лучшую оценку «Крымской войны» дал, как нам кажется, Ф. Вентури. «В 1940 г. он [Тарле — *Б. К.*] обратился к теме, в которой русский патриотизм еще более отделен от всякого идеологического элемента: к „Крымской войне“. . . — писал Вентури. — Разочарован будет тот, кто рассчитывает найти здесь исследование социального, политического и духовного положения России в последние годы Николая I. . . Тщетно искать здесь и исследования глубинных причин конфликта и ситуации в Европе после потрясений 1848 г. Это история целиком и сухо дипломатическая и военная. И здесь налицо увлеченное исследование, которое дает относительно много нового для понимания игры канцелярий и армий. Картина написана умелой рукой, знающей, где надлежит сделать нажим и где — проскользнуть. Но у читателя остается впечатление сухости, которую Тарле тщетно пытается скрыть фанфарами воинственного патриотизма. . . Солдаты — чересчур типичные герои, чтобы быть подлинными, и все проблемы с самого начала решены в пользу

¹ Тарле Е. В. О Крымской войне // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 113.

² Дружинин Н. М. Спорные вопросы истории Крымской войны // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 120.

³ Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. I–II. 568; 656 с.

защитников родины. Это книга полезная, но холодная, пронизанная академическим и неоклассическим холодом».¹

Выступления в печати Н. М. Дружинина отражали не только его собственную точку зрения, но и позицию А. М. Панкратовой. Старая и убежденная коммунистка Панкратова направила несколько писем в ЦК ВКП(б), в которых обращала внимание руководства на оживление антимарксистских и антиленинских тенденций среди советских историков и просила партию о помощи. Ее беспокоила, в частности, реабилитация внешней и колониальной политики царизма. В последнем письме Панкратовой от 12 мая 1944 г.² значительное место уделялось Е. В. Тарле, который в начале 1944 г. на Ученном совете Ленинградского университета, находившегося тогда в эвакуации в Саратове, сделал доклад «О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.» «Если сейчас мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории. . . — говорил Тарле. — Хорошо, Шамиль и его приверженцы геройски сражались за то дело, которое они считали правым, все это так, но уместно ли в 1943–1944 гг. . . оплакивать результаты этой войны? . . Как с точки зрения современности смотреть, что это — хорошо или плохо, что здесь — прогресс или регресс — заключается в том, что кавказские племена живут теперь под сталинской конституцией, а не под теократией Шамиля? . . . Нелепо было бы повторять старые патриотические сказочки, которые во времена империи выставлялись, но диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 г. . . Плюс или минус то, что Хива, Бухара со Средней Азией теперь с нами, а не находятся в прежнем дорусском положении? Двух ответов быть не может. . . Разумеется, у нас, как всегда, перегибают палку. . . Если мы по этому поводу будем изображать Скобелева каким-то филантропом типа доктора Газа, то это было бы неправильно». На вопрос О. Л. Вайнштейна: «Почему Е. В. коснулся расширения границ на востоке и не коснулся расширения границ на западе?», Тарле ответил: «Видите ли, я не коснулся этого без какого бы то ни было умысла. . . Можно сказать многое и о западе. . . Здесь первый вопрос о разделе Польши». Тарле утверждал, что если бы Екатерина II не присоединила Белоруссии и Литвы, то их захватила бы Пруссия. «Финляндия получила конституцию и эту конституцию дал им Александр I — продолжал он. — Государство создал Александр. .

¹ *Venturi F.* Op. cit. P. 137.

² См.: Архив РАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–10.

И он совершил преступление, за которое заплатили наши красноармейцы. Александр пожертвовал им Выборгскую область».¹

Письма А. М. Панкратовой привели к созыву совещания историков в ЦК ВКП(б) в июне — начале июля 1944 г. На совещании председательствовал секретарь ЦК А. С. Щербаков, присутствовали секретари ЦК Г. М. Маленков и А. А. Андреев. Были собраны ведущие советские историки². Панкратова сообщила, в частности, что «Правда» не напечатала ее статью «Великая Русь» по поводу неправильного толкования некоторыми историками начальных строк нового гимна СССР. «Отмечая прогрессивность на определенном этапе борьбы за укрепление своих границ, я, во-первых, нисколько не реабилитировала политики царизма, а, во-вторых, решительно отказывалась трактовать советское государство как продолжение дооктябрьского», — говорила она. — «„Союз нерушимый республик свободных“ явился не продолжением, а отрицанием „единой, неделимой России“, — вернее, прочное единство СССР выросло в результате разрушения царской России как тюрьмы народов».³ «Я считаю, например, не только теоретически ошибочной, но и политически вредной лекцию акад. Тарле на тему „О роли территориального расширения России в XIX в.“ . . . — продолжала Панкратова. — В своей, как всегда, очень простой, но очень глубокой и содержательной статье „О могуществе Советского государства“ М. И. Калинин также отметил фактор пространства. Но как он этот вопрос поставил? — Щербаков: Он прежде всего берет советскую власть. — Панкратова: Совершенно верно. Вот с этого и начинается М. И. Калинин. . . А что делает акад. Тарле? Разве есть хоть один намек во всей его стенограмме на роль советской власти, рабочего класса или партии как организатора наших побед? Этого ничего нет. . . Вот почему мне кажутся не только спорными, но и вредными установки лекции акад. Тарле, особенно в части, касающейся Польши и Финляндии. Я думаю, что такие установки не помогают, а затрудняют нашу

¹ Доклад Е. В. Тарле цит. по стенограмме: Архив РАН. Ф. 574. Оп. 5. Д. 18. Л. 2–5.

² См. подробнее: Письма А. М. Панкратовой / Публ. Ю. Ф. Иванова // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) / Публ. И. В. Ильиной // Там же. 1991. № 1. С. 188–205. Стенограмма совещания была недавно опубликована: Вопросы истории. 1996. № 2–7, 9.

³ Цит. по стенограмме: Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 146. Л. 22.

внешнеполитическую борьбу».¹ А. М. Панкратову поддержал в критике Тарле А. Л. Сидоров и некоторые другие историки.

Тарле в своем выступлении вспомнил 1934 г., положивший конец господству «школы Покровского»: «Это был год в полном смысле слова раскрепощения исследовательской работы». Согласно записям Панкратовой, далее Тарле заявил: «Движение науки вперед требует прогресса мысли, а не попугайского повторения одних и тех же положений. Толкать науку вперед должны новые монографии, которые нужно писать без оглядки на то, что писали 95 лет тому назад» (очевидно, Маркс и Энгельс, некоторые историки немедленно подсчитали, что 95 лет тому назад царская Россия выступила против революционной Венгрии, за что Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин и называли русский царизм жандармом Европы). «Надо отбросить оглядки, — продолжал Тарле, — и раскрепостить науку, как это было в 1934 г.»² Он отвергал обвинение в апологии политики царизма и повторил, что не изучена еще «история территории Советского Союза».

Секретари ЦК на совещании не выступали. В конце Щербаков пообещал, что ЦК обсудит итоги дискуссии и примет решение. «Историки окружают тов. Щербакова. Акад. Тарле оправдывается и говорит, что он постарается исправить свои выступления. Тов. Щербаков ему замечает: „Вы не должны забывать, что если вас слушает только 120 человек, то через два дня все, что вы говорили, становится достоянием аудитории во много десятков раз больше“, — так в описании Панкратовой выглядел конец совещания.»³ Никакого официального решения ЦК по нему принято не было. Вероятно, в высшем руководстве еще не была выработана окончательная точка зрения, борьба продолжалась, свидетельством чего является письмо Тарле к наркому просвещения В. П. Потемкину от 22 августа 1944 г. «Буду откровенен, — писал Тарле, — ведь положение катастрофическое на нашем фронте! Ведь все эти птенцы гнезда Покровского опять взяли засилье, опять ведут кипучую пропаганду (имеющую в своих выводах решительно антипатриотический характер), опять терроризируют ученую молодежь и увы! отпора им не дается. . . Вот скоро мир. Ведь нам, историкам, имеющим ученое имя на Западе и голос в мировой науке, нужно выступать, нужно повести обширную идейную борьбу против воцарившейся в тамошней науке гитлеровщины и квислинговщины,

¹ Там же.

² Письма А. М. Панкратовой. С. 73.

³ Там же. С. 78.

нам нужно авторитетно бороться за настоящую марксистскую мысль в историографии, а с чем и где мы появимся? С тов. Сидоровым? С тов. Волиным? Этого маловато, на Европу и Америку не хватит. И где появимся? В „Историческом журнале“, где историей почти и не пахнет? Без вмешательства Вашего, тов. Молотова, — Иосифа Виссарионовича со временем — дело никак не обойдется, потому что о выступлении 1934 г. все эти эпигоны и последыши Покровского постарались уже забыть».¹

Решение высшей инстанции, очевидно, было принято через год. В июле 1945 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья Н. Н. Яковлева «О книге Е. В. Тарле „Крымская война“». В ней работа Тарле признавалась ценной, но имеющей крупные недостатки. «Е. В. Тарле не дает правильной оценки характера Крымской войны. В его изложении имеется известная идеализация этой войны со стороны России. . . Более того: он дает неправильную оценку исхода войны, считая, что царская Россия в Крымской войне, по существу, не понесла поражения. . . — писал „Большевик“. — Некоторые историки склонны замалчивать коренное различие между народом и царским правительством. . . В оценке Отечественной войны против немецкого фашизма эти историки доходили даже до того, что главным фактором в победе над Германией считали огромные пространства нашей родины, намекая при этом, что пространства завоеваны прежними властями. . . Игнорируется решающий фактор нашей победы — наличие Советской власти».² Еще раньше, осенью 1944 г. Панкратова была обвинена в «антипартийном поведении» за то, что давала читать материалы совещания своим друзьям и была смещена с должности зам. директора Института истории АН СССР.

Современные публикаторы материалов совещания 1944 г. трактуя выступление А. М. Панкратовой как протест честного марксиста-ленинца против идеализации самодержавия и великодержавных тенденций сталинского времени. Вероятно, с субъективной точки зрения так оно и было. Но можно взглянуть на дело и с несколько иной точки зрения. По существу, речь шла о разных способах апологетики и легитимации. Ведь и Тарле, и Панкратова фактически обосновывали Советский Союз в его существующих границах, но только Тарле делал это с чисто «реально-политических» и «империалистических» позиций,

¹ Архив РАН. Ф. 574. Оп. 4. Д. 58. Л. 2–3.

² Яковлев Н. Н. О книге Е. В. Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 67–72.

а Панкратова — с позиций, которые она считала марксистскими. Тарле открыто признавал преемственность в ряде отношений СССР и царской России, Панкратова эту преемственность отрицала, утверждая, что новое объединение народов (в старых границах) было свободным и добровольным. Тарле частично реабилитировал внешнюю политику империи с точки зрения национальных интересов России, но — в отличие от ряда других критикуемых Панкратовой историков — не царизм как таковой. В принципе он предлагал называть вещи своими именами и не заниматься слащавой фальсификацией. Если бы Тарле последовательно придерживался этой линии, его можно было бы назвать «умным либеральным империалистом», как назвал Г. Лукач Макса Вебера.¹ В вопросе о преемственности царской и советской внешней политики Тарле был по существу прав. Но с точки зрения интересов сталинской политики такая откровенность не всегда была уместна. В одних случаях надлежало подчеркивать преемственность, в других — разрыв. Во время войны приветствовалось любое прославление русского военно-державного прошлого. Но создание «социалистического лагеря» в Восточной Европе после 1945 г. нельзя было обосновать идеями русского великодержавия. Коммунисты, поставленные там у власти, нуждались в иной легитимации — в марксизме-ленинизме. Разумеется, требовался марксизм послушный и управляемый. Все это, как нам кажется, и определило отношение Сталина к спору историков. Что касается Тарле, то не следует забывать, что для него «птенцы гнезда Покровского» Панкратова, Сидоров, Минц и др. были политическими комиссарами, приставленными к науке, деятельность которых была ему памятна с давних пор.

С этими колебаниями курса связана судьба работы Е. В. Тарле «Внешняя политика России при Екатерине II», к которой он приступил в 1943 г. сразу после окончания «Крымской войны». Работа эта осталась незавершенной и неопубликованной, за исключением первой главы, которая была прочитана автором в виде двух публичных лекций под названием «Екатерина II и ее дипломатия» 7 и 12 мая 1945 г. и напечатана «на правах рукописи» в 500 экземплярах. «Русская дипломатия времен Екатерины лучше всего может быть нами понята, если мы будем ее рассматривать прежде всего с точки зрения целесообразности или нецелесообразности ее действий, успешности или неуспешности их в деле осуществления тех политических задач, которые она

¹ *Lukács G. Von Nietzsche zu Hitler oder Der Irrationalismus und die deutsche Politik. Fr./M., 1966. S. 17.*

себе ставила», — заявляет Тарле в начале своей работы, обосновывая чисто «реально-политический», «макьявеллический» подход к теме.¹ Он исключительно высоко оценивает результаты, достигнутые Екатериной: «Внешняя политика России в 1762–1796 гг. привела к включению в состав русского государства Белоруссии, Украины, Литвы, Курляндии (нынешней Латвии), Крыма, Таманского полуострова, земель между Днестром и Бугом, нижнего Приднестровья, к основанию портов Севастополя, Одессы, Херсона, Николаева, к завоеванию Очакова, к присоединению и освоению беспредельных, плодороднейших степей Новороссии вплоть до Черноморья, к занятию Кубани, Большой и Малой Кабарды, к созданию Моздокской линии, к установлению протектората над Имеретией, а также Кахетией и Карталинией (т. е. Грузией)»² «При ней в скрижали русской славы были вписаны имена Суворова, Румянцева, Ушакова. . . — пишет историк о Екатерине. — В области внешней политики она создала для русского народа такие возможности, так необъятно раздвинула пределы русского государства, с таким упорством, энергией, талантом, неслышимой волей домогалась и добилась, чтобы русский народ на вечные времена стал державным хозяином огромных территорий и материальных богатств, что ни одна страна в XVIII в. не становилась предметом такой зависти, как Россия.»³

Тарле дает нескрываемо восторженную характеристику Екатерины II как государственного деятеля и особенно как дипломата. Центральными вопросами внешней политики России были, по словам Тарле, польский и турецкий, и с обоими она блестяще справилась. Несмотря на осуждение дворянских и крепостнических тенденций во внутренней политике императрицы и преследования Новикова и Радищева, в целом Тарле оценивает Екатерину гораздо выше, чем классики русской дореволюционной историографии С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Но безудержные гимны могуществу и великодержавию России утомляют своим однообразием и отсутствием критической мысли. Тарле как будто возвращается к концепциям и языку историографии XVIII в. См., например: «Екатерине нужен Крым, нужна Кубань, нужен Северный Кавказ, нужны берега Северного Черноморья и пустынные

¹ Тарле Е. В. Екатерина II и ее дипломатия. I. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г. М., 1945. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Тарле Е. В. Екатерина II и ее дипломатия. II. Стенограмма лекции, читанной 12 мая 1945 г. М., 1945. С. 15.

роскошные степи, которые, начинаясь к югу от Херсона, тянутся до Крыма и, начинаясь не очень далеко от Саратова, бескрайней равниной тянутся до северных отрогов Кавказа».¹ Характерно также патетическое заключение: «Екатерина не теряет времени: Валериан Зубов победоносно движется к Тегерану, Дербент взят, Шемаха занята, Баку в русских руках, русская флотилия хозяин Каспийского моря, Ага-Магомет-Хан, жестокий и трусливый тиран, трепещет в своем тегеранском дворце, готовясь к бегству, грузины и армяне ликуют, избавленные от угроз страшного персидского изверга. Но тут неожиданно пришла всепобеждающая смерть. 6 ноября 1796 г. голос из Петербурга, к которому столько лет и с такими разнохарактерными, но всегда волнующими чувствами прислушивались державы, народы и столицы всего мира, от Вены до Тегерана, от Берлина до Алжира, от Стокгольма до Константинополя, внезапно умолк навсегда.»²

Помимо вступительной главы Тарле были подготовлены к печати, но остались неопубликованными, две главы «Русская дипломатия и первый раздел Речи Посполитой» и «Русская дипломатия и последние два раздела Польши».³ Основной пафос этих глав в том, что Польша сама виновата в своей участи, не будучи в состоянии справиться с внутренней анархией и самовластием магнатов. Тарле также усиленно подчеркивает, что Екатерина не брала коренных польских земель, но только украинские, белорусские и литовские и что если бы Россия их не взяла, то ими неизбежно завладела бы Пруссия. Тарле постоянно преувеличивает и нагнетает немецкую опасность для России, изображая Пруссию каким-то извечным и природным врагом русского государства на всем протяжении их истории. Польское восстание 1794 г. и взятие Варшавы Суворовым в описании Тарле как бы сошли со страниц катковской прессы. Вообще эти работы Тарле поражают не только полным переходом на цинично-великодержавные позиции, но и крайней необъективностью и недостойной софистикой. Автор, очевидно, стремился приноровиться к текущему внешнеполитическому курсу Советского Союза, но не учел того обстоятельства, что именно применительно к Польше не в интересах Сталина после 1945 г. была такая откровенная апология разделов и подчеркивание преемственности царской и советской политики. Этим и объясняется судьба этих глав, так и не увидевших света (хотя первая их них была уже набрана в

¹ Там же. С. 46.

¹ Там же. С. 52.

² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 58а, 58б, 180.

1945 г.). Остальные разделы работы Тарле не были завершены и сохранились в архиве в виде отдельных более или менее оформленных набросков и фрагментов.

В западногерманской печати 50-х гг. Тарле называли «Трейчке сталинизма».¹ В качестве общей оценки Тарле эта формула, на наш взгляд, неверна, но приходится признать, что автор работы «Внешняя политика России при Екатерине II» (и некоторых других) заслужил это злое наименование.

Послевоенные работы Тарле посвящены главным образом дипломатической и военно-морской истории России XVIII–XIX вв.² Они вводили в научный оборот определенное количество новых фактов, но выдержаны в духе специфического «патриотизма» последних сталинских лет. Тарле учел критику 1945 г., и в новых его сочинениях тщательно вытравлены любые намеки на экспансионизм и имперские устремления царской внешней политики. Остаются искусство полководцев и героизм солдат и матросов. При этом всячески выдвигается тема русского приоритета в разных областях и затирания иностранцами русских достижений.

Все послевоенные годы Тарле продолжал выступать в качестве публициста со статьями на внешнеполитические темы. Названия его статей этих лет: «По поводу речи Черчиля», «Об английских радиопередачах на русском языке», «СССР — мировая держава», «Разоблаченные фальсификаторы истории», «Поджигателям войны не удастся запугать свободолюбивые народы», «Против американской кровавой авантюры в Корее», «Заокеанские гитлеровцы», «Советский Союз во главе прогрессивного человечества», «Философы атомной бомбы на распутье», «Фальсификаторы истории — пособники поджигателей войны», «Наша дипломатия» и т. д. и т. д. По своему уровню статьи эти почти ничем не отличаются от шаблонной пропагандистской продукции тех лет. К 75-летию Тарле, отмечавшемуся в 1950 г., С. Я. Маршак написал стихотворение:

¹ *Hösch E.* Op. cit. Генрих Трейчке (1834–1896) — немецкий историк и публицист, апологет прусской монархии и милитаризма.

² *Тарле Е. В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). М.; Л., 1945. 110 с.; *Он же.* Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800). М., 1948. 238 с.; *Он же.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. 129 с.; *Он же.* Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море (1805–1807). М., 1954. 169 с.

Не только тем прославлен Тарле,
Что о Людовике и Карле
Нам рассказать умеет он.
Нет, объяснил его анализ,
Как от Фуше родился Даллес,
Как Талейраны вырождались —
И получился Ачесон.
Так, изучая время оно,
Бурбона и Наполеона,
Он показал и доказал,
Что всех бурбонов Вашингтона
Ждет неминуемый провал.¹

Действительно, его «анализ» тех лет мог «доказать» и «показать» все, что угодно. . .

Между семидесятым и семьдесят пятым годами жизни Тарле получил максимально число советских и зарубежных наград и отличий. Он был удостоен почетных докторских степеней Алжирского университета (1944), Сорбонны (1945), университетов Осло (1946), Праги (1948) и Брно (1948), избран членом-корреспондентом Британской Академии (1944) и членом Норвежской Академии наук (1946). А в 1946 г. он получил третью Сталинскую премию (за участие во 2-м и 3-м тт. «Истории дипломатии»). В 1944 г. Тарле был награжден орденом Ленина, в 1945 г. двумя орденами Трудового Красного Знамени, в 1950 г. еще одним орденом Ленина. В 1949 г. он был включен в состав Советского комитета защиты мира.

В 1948 г. Тарле было передано поручение Сталина написать трилогию «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII–XX вв.». Первая книга должна была быть посвящена Северной войне, вторая — 812 г., третья — Отечественной войне 1941–1945 гг. 8 сентября 1951 г. Тарле писал историку А. С. Ерусалимскому: «Иосиф Виссарионович хорошо знал мою книгу [„Нашествие Наполеона на Россию“ — Б. К.], когда решил в 1948 г., что именно Тарле должен написать об „агрессорах и их участии в России“». Полагаю, что моя новая книга, которая так широко использует новые материалы и даст установки, полнее, ярче выясняя личность народного героя (и до и во время и после 1812 г.), не заставит того, кто нашел меня достойным такого поручения, особенно в своем выборе раскаиваться».² Написана была

¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 2. Д. 69. Л. 1.

² Архив РАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 460. Л. 3.

к началу 50-х гг. только первая часть трилогии «Северная война и шведское нашествие на Россию», последняя крупная монография Тарле, опубликованная уже посмертно.¹ Она стоит в одном ряду с другими послевоенными работами Тарле, посвященными русскому военному прошлому. Северная война взята здесь в самом, пожалуй, неинтересном аспекте — как героический апофеоз. «Украина ответила изменникам и агрессорам не междоусобицей, которую они ждали и желали, а народной войной, направленной прямо против шведов и против мазепинцев», — доказывал Тарле.² Работа изобилует патристическими фразами и не ставит никаких серьезных исторических проблем. На ней лежит густая тень позднего сталинизма.

Последующие части трилогии Тарле написаны не были. Сохранилась довольно устойчивая устная традиция о том, что Тарле и не хотел писать эти книги. Так, проф. А. С. Кан передавал нам со слов хорошо знавшей Тарле историка С. А. Фейгиной, будто он говорил: «Сталин хочет, чтобы я о нем написал, а я раньше умру». Трудно сказать, насколько обоснована эта версия, поскольку Тарле много раз восхвалял Сталина и его внешнюю политику — правда, не в форме больших монографий.

Во всяком случае, с конца 1940-х гг. становится заметной относительная «опала» Тарле у Сталина. Самые известные его книги о наполеоновской эпохе никак не соответствовали «патриотизму» образца 1949–1952 гг. При всей своей «гибкости» Тарле оказался неудобной фигурой для этой эпохи откровенного национализма и ксенофобии. Кампания против космополитизма 1949 г. непосредственно не коснулась Тарле, но затронула многих близких ему людей. Из разных источников известно, что в эти годы он так или иначе старался помочь литературоведу Б. М. Эйхенбауму, историкам В. С. Люблинскому, С. А. Фейгиной, С. Б. Кану, М. Б. Рабиновичу. Личное окружение Тарле, как видно из его переписки, в значительной мере состояло из людей, пострадавших в разное время от советского режима.

В августе 1951 г. в журнале «Большевик» появилась статья директора Бородинского музея С. Кожухова, обвинявшая книгу Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» в антипатриотизме и преклонении перед иностранцами. Тарле инкриминировалось превознесение Наполеона, преувеличение роли Баркляя де Толли, недооценка полководче-

¹ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. 480 с.

² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 10. Л. 468.

ского гения Кутузова, неправильное освещение Бородинской битвы, пожара Москвы и других важнейших событий войны 1812 г.¹ Разумеется, публикация в центральном органе партии такой статьи безвестного автора против знаменитого академика могла произойти только с одобрения высших инстанций. Статья была воспринята как директива и дала сигнал к развязыванию кампании против Тарле. По свидетельству современника, «развернувшаяся в 1951–1952 гг. полемика по вопросам Отечественной войны 1812 г., в которой именно его труды стали главным объектом критики и критики далеко не объективной, очень сильно сказалась на его научном тоне».² 12 сентября 1951 г. Тарле обратился с письмом к Сталину, в котором просил помочь ему напечатать ответ Кожухову. «Для меня ясно, что без Вашего содействия это очень краткое, чисто деловое мое письмо в редакцию журнала „Большевик“ напечатано там не будет», — писал он.³ Сталин, очевидно, дал соответствующее указание и в октябре 1951 г. «Большевик» опубликовал «Письмо в редакцию», в котором Тарле, отвергая обвинения в антипатриотизме и фальсификаторстве, признавал ряд замечаний справедливыми и обещал в скором времени написать новую книгу о 1812 г. в рамках трилогии.⁴

Обещанная книга написана не была, но в следующем, 1952 году в «Вопросах истории» появилась большая статья Тарле «М. И. Кутузов — полководец и дипломат», выдержанная в сугубо апологетическом тоне. «Кутузов — патриот, Кутузов — гениальный слуга [sic! — Б. К.] России стал любимцем народа задолго до 1812 г., — утверждал Тарле. — Все лучшие, бесценные черты русского национального характера отличают натуру этой необыкновенной личности».⁵ «Подобно трем другим замечательным русским полководцам — Петру I, Румянцеву и Суворову — Кутузов обнаружил свои богатые природные дарования решительно вне какой-либо зависимости от влияния военных теорий и образцов полководческого искусства Запа-

¹ Кожухов С. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15. С. 21–35.

² Носов Н. Е. Из воспоминаний об акад. Е. В. Тарле // Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 51.

³ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 145. Л. 1.

⁴ Тарле Е. Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Большевик. 1951. № 19. С. 71–77.

⁵ Тарле Е. В. М. И. Кутузов — полководец и дипломат (1952) — Цит. по изд.: Тарле Е. В. Сочинения. Т. VII. М., 1959. С. 830–831.

да», — заявлял Тарле вопреки историческим фактам и своим прежним утверждениям.¹ Статья эта, зачеркивающая блестящие характеристики Кутузова в «Наполеоне» и «Нашествии Наполеона на Россию», должна была удовлетворить критиков Тарле, но она носила столь вымученный характер и настолько не шла в сравнение с его прежними работами, что не могла, к счастью, вытеснить их из сознания историков и читателей.

Последние 10–15 лет творчества Тарле трудно оценить иначе, как период упадка большого таланта в удушающей атмосфере сталинского режима. До конца жизни Тарле оставался человеком блестящего, острого и иронического ума, но теперь он раскрывался полностью только в разговорах и письмах.

Для понимания личности Е. В. Тарле очень важны его письма и некоторые мемуарные свидетельства современников. Среди мемуаров первое место занимают воспоминания «Евгений Викторович Тарле» переводчика и автора романов из английской истории Е. Л. Ланна, который в течение многих лет записывал свои разговоры с Тарле и разные его высказывания и мог использовать более ста писем к нему историка.²

По-видимому, о своем пребывании в тюрьме и следствии Тарле никому, кроме жены и сестры, не рассказывал. Л. Е. Белозерская, выполнявшая с середины 30-х гг. некоторые литературные поручения Тарле, писала в своих воспоминаниях о нем: «Никогда не рассказывал и никогда не упоминал о годах ссылки. Также никогда не упоминал о сыне, умершем в самом раннем детстве».³ Когда филолог и философ М. М. Бахтин, осужденный в 1929 г. по делу религиозно-философского кружка «Воскресение», в 1946 г. защищал диссертацию о Рабле, Тарле по просьбе их общей знакомой пианистки М. В. Юдиной дал отзыв о работе. В связи с этим они обменялись несколькими письмами. Много позже 22.XI.1974 г. С. Г. Бочаров записал слова Бахтина: «Помню, Тарле мне написал с торжеством: „А знаете, наших-то ликвидировали“.

¹ Там же. С. 822.

² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 53. Лл. 35–105. Опубликованы с очень большими сокращениями в кн.: Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 56–78.

³ *Белозерская Л. Е.* Так было (Воспоминания об академике Е. В. Тарле) // Вестник АН СССР. 1989. № 9. С. 87.

Но я не мог разделить это торжество».¹ Имелись в виду, конечно, работники ОГПУ, которые сфабриковали и «дело Воскресения» и «Академическое дело».

Из переписки Тарле мы узнаем, что в течение всей своей жизни он был жадным читателем Паскаля, Шопенгауэра и Достоевского, в начале 50-х гг. читал В. Розанова и Вл. Соловьева и много думал над ними. В печатных трудах Тарле эти его интересы — в отличие от постоянного интереса к Пушкину, Лермонтову, Л. Толстому, Герцену, Салтыкову-Щедрину — не нашли никакого отражения. Эпистолярные его суждения об этих «трагических мыслителях» глубоки и интересны. 12 апреля 1934 г. Тарле писал своей московской приятельнице М. Н. Зелениной: «Весь вечер буду с Вами говорить о Шопенгауэре (я наизусть знаю „Parega и Paralipomena“). . . Но Вы знаете, в чем Ваш грех? Что Вы не любите Паскаля! Паскаль — это Шопенгауэр, спасшийся от ужаса своих конечных выводов *sous la calotte* и, видя, что там задохнешься, а не спасешься, поскорее убравшийся (в 42 года) на тот свет. А потенции в нем были шопенгауэровские».² Шопенгауэра Тарле цитировал в письмах жене из тюрьмы. О Паскале он писал 6 июня 1947 г. А. Д. Люблинской: «Вы не думали никогда, что Паскаль и Гоголь свихнулись и погибли на одном и то же? Испугались собственного гения, метались и хотели себя уверить, что нашли, и знали, что ничего не нашли. . . И оба к 40–42 годам себя ухаживали».³

К Розанову и Вл. Соловьеву Тарле относился далеко не с таким безоговорочным признанием. 26 июня 1950 г. он писал Е. Л. Ланну: «Читаю В. Розанова, который есть (когда еще не окошел) арифметическое среднее из: 1) юродивого настоящего, 2) юродивого прикидывающегося, 3) платного мерзавца, 4) эротомана-ханжи, 5) лжеца, клеветника и труса и 6) *sui generis* мыслителя. И все это с какими-то нарочитыми смягчениями».⁴ Но это не мешало Тарле цитировать иногда в письмах Розанова. Напротив, Вл. Соловьева он считал

¹ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 84.

² Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 230–231; *Sous la calotte* — «под скуфью», здесь: «в попы, в религию» (*фр.*).

³ Письма Е. В. Тарле к А. Д. Люблинской. Возможность ознакомиться с этими письмами и использовать их в своей работе мы обязаны Е. Д. Стефанович и Е. В. Бернадской, которым выражаем свою глубокую благодарность.

⁴ Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 70.

«умным, ученейшим, талантливым, благородным», но 3 февраля 1950 г. писал сестре: «Со стыдом признаюсь, что я прочел статьи Вл. Соловьева о Достоевском. И чего можно было ожидать от этой великопостной старой бабы в брюках? У него (Соловьева) удочка для ловли карасей для постной вечери, а он опускает ее в Атлантический океан и самодовольно хочет выловить со дна неведомых, таинственных чудищ, которые там обитают. Ни уха, ни рыла в Достоевском он не смыслит. Достоевский — Мефистофель, показывающий язык всякой колокольной дребедени».¹

Поражает в Тарле его глубокая на протяжении всей жизни любовь к Достоевскому, хотя ему были чужды и религиозная иступленность Достоевского, и его политическая философия, да и к «надрывам» как таковым Тарле в жизни, как кажется, не питал особой склонности. Гармонические финалы Достоевского его не убеждали, и он склонен был считать, что и сам Достоевский не очень-то в них верил. Но темные и мрачные «бездны человеческой души», раскрытые Достоевским, ее бесконечные противоречия и «кукиши в кармане» глубоко интересовали и волновали Тарле. Рискнем предположить, что 1930–1931 гг. — тюрьма, допросы, безвыходность, самооговоры, предательства, страстная жажда вырваться из этого кошмара любой ценой — обнажили перед ним «тайны человеческой природы» и заставили по-новому оценить Достоевского. 11 декабря 1946 г. Тарле писал А. Д. Люблинской: «Вы знаете, что присланная Вами вырезка совсем не так глупа? Конечно, ответы Достоевский давал слабые, ибо сильные все в боковом кармане пиджака у автора, все без исключений».²

Чаще всего Тарле обращался к фантастическому рассказу Достоевского «Бобок», в котором изображены разговоры на кладбище мертвецов, «обнажающихся и оголяющихся» друг перед другом «в самой бесстыдной правде». Е. Л. Ланн воспроизводит следующий свой диалог с Тарле: «„А я, когда буду околевать, то с ‘Бобком’. Ведь сколько я ни думаю, я не могу объяснить, как мог Достоевский написать ‘Бобка’. Ну скажите как он мог? Как могло ему придти в голову написать эти строки, если он верил в Бога? Подумайте и скажите!“ — Я видел, что общими формулами не отделаться и сказал примерно так: „В ‘Бобке’ Достоевский отплясывал на собственной могиле и показал самому себе язык. Это изощреннейшее кошунство, и Достоевский в ‘Бобке’ перверсирован

¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 79. Л. 5.

² Письма Е. В. Тарле к А. Д. Люблинской.

больше, чем где бы то ни было. В этом смысле я и полагаю, что 'Бобок' — самая 'достоевская' из всех его вещей." — „Но он-то верил в Бога?“ — спросил Е. В. так же настойчиво. — „Мне кажется, что 'Бобок' доказывает обратное“. Е. В. долго молчал, затем сказал: „Пожалуй, это так. Разве тот, кто написал 'Бобок', мог верить в Бога? Ах, какая это вещь! Чем больше я думаю, тем больше не могу от нее оторваться“. И он долго смотрел вдаль, не мигая.¹

19 августа 1946 г. Тарле писал М. М. Бахтину: «Очень рад был узнать из Вашего письма, что Вы собираетесь со временем снова приняться за Федора Михайловича. Если будете работать не в хронологическом порядке — разберите „Бобок“. Это замечательнейшая мефистофельская вещь — и никто решительно ее не касался — и поскорее напечатайте, чтобы я успел еще прочитать раньше, чем сам стану материалом для подобных беллетристических произведений».²

Сохранилось несколько замечательных писем Тарле к Е. Ланну, в которых он, пользуясь его выражением о Достоевском, «сам себе показывает язык». Во время 2-ой мировой войны Ланн начал писать роман об американской войне за независимость. Вскоре после 1945 г. стало ясно, что опубликовать такой роман будет невозможно, и, очевидно, Ланн пожаловался своему знаменитому другу. Ответом было письмо Тарле от 4.IV.1948 г.: «Что же делать — если Франклин не ко двору, то и к шутам его. Возьмите Линкольна, дайте его, сравнив en regard* с нынешними Бутсами. Введите какого-нибудь русского великодушного юношу добровольца в армии северян, в него влюбляется и перебегает от южан черноокая донна Чепухита (genge Андрия в юбке — см. „Тараса Бульбу“). Словом: „Дядя Сам, скажи-ка мне, отчего бьют нервов больно в просвещеннейшей стране Вашингтона и Линкольна?“ etc. etc. Тут же благодарственная экспедиция Фокса, муж Чепухиты и она едут при Фоксе в Россию, сближаются с революционерами („Затлантический брат! Бог его тоже ведь доллар?“ — „Бог его доллар, добытый трудом, но не украденный доллар“ etc.) А потом Герцен — или же еще раньше Герцен у Бьюкенена в Лондоне — в „Былом и думах“. Книга Малкина — его диссертация — о русско-американских отношениях в 1860–1866 гг. — газеты — материала уйма. И побольше о подлостях Джефферсона Дэвиса, генерала Ли, Бутса, сукинсыньстве шерстяных саквояжников при Джонсоне и Гранте etc. etc. Из Чепухиты

* рядом, параллельно (фр.).

** смешанный компот (фр.).

¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 53. Л. 86–87.

² Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 84.

можно сделать *compote macedoine*** из Ибаррури и Кармен и Виардо-Гарсиа (встреча у Тургенева, поездка в Буживаль etc.). Согласитесь, *mon cher*, что „судьба меня вела иным путем“, но при благоприятных обстоятельствах я мог бы возвыситься до Пьера Бобо!¹ Минимум! Чепухиту в конце концов подстреливает из-за угла рабовладелец, и она умирает, шепча пророчества о светлом будущем обоих полушарий etc.»²

В следующем письме, от 15 апреля 1948 г. Тарле предлагает другой сюжет. «Я согласен < . . . > чтобы Вы не брались за Линкольна и Чепухиту (*A nice child, is n't it?**). Не моргнув глазом, *sans sourciller je vous en offre un autre sujet***. 1811–1814 годы. Байрон. Речь в защиту рабочих в палате лордов. Слава — опала — ракалья-жена и нежная сестра и опять жена („Страдала ты и я не был с тобою! Болела ты, а я бродил вдаль!“) Италия, Греция, бестии инглишмены, отказ в Вестминстерской могиле etc. Семен Воронцов *sur le retour d'age****, Николай I (наследником) и его известный разговор с Робертом Оуэном — воскресшая (после гибели на 1-й стр. настоящего письма моего к Вам) *signora* Чепухита — на сей раз в образе русской девушки в Миссолунги (приехала от Ипсиланти помогать греческим повстанцам — и, кстати, была при кончине Байрона), зовут Валя Дубинина etc. etc. Прорицание о будущем etc. . . (P. S. Валя Дубинина — уроженка Ижоры близ Петербурга: „твоя чухоночка, ей-ей, гречанок Байрона милей“)³.

Тема находит завершение в письме от 22 апреля 1948 г.: «Мое творческое воображение уже иссякло, и нового сюжета уже не могу выдумать для Вашего романа. Разве Ченслер путешественник у Ивана Грозного? (и Чепухита есть — боярышня Забава Путятишна: „Нет, не замай! Не покину Русь! Еще вам 400 лет аглицким собакам куражиться! А потом как дадим вам под микитки!“ etc.). Вообще эпоха интересная».⁴

Что это, как не издевательская пародия не только на технику шаблонного исторического романа, но и на ту историю, которой сам Тарле последние 10–15 лет своей жизни занимался вполне серьезно и часто с натужным пафосом?

Вероятно, в нем было несколько больше цинизма и житейского

* прелестное дитя, не правда ли? (англ.).

** я предлагаю Вам другой сюжет (фр.).

*** в старости (фр.).

¹ Прозвище П. Д. Боборыкина.

² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 53. Л. 62–63.

³ Там же. Л. 63–64.

⁴ Там же. Л. 64.

оппортунизма, чем их хотелось бы видеть в таком человеке. Фольклорист и литературовед М. К. Азадовский писал 22 октября 1954 г. И. С. Зильберштейну: «Приезжала одна знакомая из Москвы и рассказывала со слов врача, лечащего Тарле, что у него осталось на три копейки сердца, а мозгу на тысячу рублей».¹ Думается, что эта формула была справедлива не только в буквальном смысле. Но мы не должны забывать и о том, что этот блестящий человек жил в страшное время, с которым он никогда все-таки полностью не сливается, и он сумел многое сделать в науке.

Евгений Викторович Тарле умер в Москве 6 января 1955 г.

Б. С. Каганович

¹ Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 264.

ДЕЛО

по обвинению
Евгения Викторовича
Тарле

Часть первая

**Постановление о производстве обыска у Е. В. Тарле
и его задержании в качестве подозреваемого по делу № 1803**

28 января 1930 г.

1930 года января месяца 28 дня, я, уполномоченный II отд[еления] СО СОУ (такого-то отдела) Стромин, (такой-то) усматривая из обстоятельств дела, что гр. Тарле Евгений Викторович подозревается в том, что он принадлежит к контрреволюционной организации и руководствуясь ст. 74, 99 и 100 УПК, постановил:

- 1) произвести обыск в квартире № 4 дома № 30 по улице наб. 9 Января*
- 2) подвергнуть задержанию гр. Тарле Евгения Виктор<овича>, проживающего*

<i>Уполномоченный</i>		<i>Стромин</i>
<i>Согласен: начальник СО</i>		<i>...¹</i>
<i>Утверждаю: начальник СОУ</i>		<i>...¹</i>
<i>Копия постановления препровождена</i>	<i>< ></i>	<i>193 г.</i>
<i>Уполномоченный</i>		<i>...¹</i>

Подлинник; рукопись (на бланке № 9); текст почерком Стромин; адрес почерком неустановленного лица; подписи-автографы. Т. 2. Л. 1.

¹ Подпись неразборчива.

**Ордер, выданный ПП ОГПУ ЛВО на производство обыска
у Е. В. Тарле и его арест**

28 января 1930 г.

№ 1626

*Выдан сотруднику Мосевичу
на производство обыска и ареста
у гр-н[а] Тарле Евгения Викторовича
по адресу наб. 9 Января, 30, кв. 4*

Примечание: Все должностные лица обязаны оказывать указанному сотруднику полное содействие.

М. П.

*Полномочный Представитель
Госполитуправления в ЛВО:*

В. Медведь

Начальник отдела

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком неустановленного лица; подпись-автограф; печать круглая гербовая со следующим текстом Полномочное Представительство в Ленинградском Военном Округе Объединенного государственного политического управления. Т. 2. Л. 2.

**Протокол о производстве обыска в квартире Е. В. Тарле
и его задержании**

28 января 1930 г.

На основании ордера Полномочного Представительства ОГПУ в ЛВО за № 1626 от 28 января мес[яца] 19<2>30 года произведен обыск в доме № 30 кв. № 4 по просп. ул. пер. набер. 9 января 1905 г. у гражданина Тарле Евгения Викторовича

Согласно <данным> ордера задержаны: гр-н Тарле Евгений Викторович

Взято для доставления в ПП ОГПУ в ЛВО следующее (подробная опись) Разная переписка и записные книжки

Что опечатано Два шкафа с книгами, принадлежащие, по словам гр-на Тарле, гр-ке Ельциной Зинаиде Яковлевне

Сотрудник ПП ОГПУ в ЛВО

Мосевич

- 1. Заявления на неправильные действия, допущенные при обыске: нет*
- 2. Все заявления, не отмеченные при составлении протокола, а сделанные после, ПП ОГПУ в ЛВО во внимание приниматься не будут.*

Все указанное в протоколе удостоверяем:

Сотрудник, производивший обыск:

Мосевич

Присутствовали при обыске:

Е. Тарле

Управдом или представитель ЖАКТа

С. Крупанков

ПРИМЕЧАНИЕ: Протокол составляется в 3-х экземплярах, один экземпляр должен быть оставлен под расписку управдомом.

Копию означенного протокола получил:

С. Крупанков

Подлинник в 2-х экземплярах; рукопись (на бланке); текст подчерком неустановленного лица; подписи-автографы; на 2-м экземпляре другими чернилами расписка Переписку принял Мосевич (л. 4). Т. 2. Л. 3-4 об.

Анкета арестованного Е. В. Тарле

28 января 1930 г.

Анкета №

для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ.
Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты
строжайшей ответственности

Вопросы

Ответы

1-я часть (заполняется арестованным)

<p>1) <i>Фамилия</i></p> <p>2) <i>Имя и отчество</i></p> <p>3) <i>Гражданин(ка) какого государства</i></p> <p>4) <i>Национальность</i></p> <p>5) <i>Место рождения:</i> губ., уезд, вол. село (город)</p> <p>6) <i>Возраст (год рождения)</i></p> <p>7) <i>Образование:</i> а) грамотный ли б) какую школу окончил в) если не оконч[ил] то ск[олько] класс[ов] (курс[ов]) школы прош[ел]</p>	<p>Тарле</p> <p>Евгений Викторович</p> <p>Гражданин СССР</p> <p>Русский</p> <p>Киев</p> <p>1875 <лет> родился в октябре месяце 27 1. . . г.</p> <p>а) б) окончил Университет в)</p>
--	---

8) <i>Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).</i>	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
	1. Жена	Тарле О[льга] Григ[орьевна]	54	домохозяйка	Набер. 9 Января 30, кв. 4
	2. Тетка	Михайлова Вар[вара] Ал[екс?]	81	инвалид	

9) <i>Партийная принадлежность:</i> а) <i>в какой партии состоит и</i> б) <i>с какого времени</i>	Беспартийный
10) <i>Профессия</i>	Академик
11) <i>Место работы (службы):</i> <i>Название предприятия или учреждения,</i> <i>профессия или должность</i> а) <i>с начала войны до 1/III 1917 г.</i> б) <i>с 1/III–17 г. по день ареста</i>	а) Академия Наук с 1927 г. Академик б) Университет с 1903 г. Профессор по 1927 г.
12) <i>Если состоял на государственной</i> <i>службе, то в каком чине</i>	Был профессором Юрьевского университета
13) <i>Если не служил и не работал по</i> <i>найму, то на какие средства жил</i>	Служба
14) <i>Владел ли недвижимым имуществом,</i> <i>каким и где</i>	Нет
15) <i>Привлекался ли к ответственности по</i> <i>суду или в админ[истративном] по-</i> <i>рядке</i>	Нет
16) <i>Отношение к воинской повинности:</i> а) <i>воинское звание, род оружия или специ-</i> <i>альность; б) если освобожден, то на ка-</i> <i>ком основании</i>	Был освобожден как ос- тавленный для прохожде- ния учения при универси- тете
17) <i>Когда арестован</i>	28 января месяца 19<2>30 г.
18) <i>Кем арестован, по чьему ордеру и №</i> <i>ордера</i>	
19) <i>Где арестован: а) губ., уезд, вол., село,</i> <i>гор., улица и № дома и б) при каких</i> <i>обстоятельствах арестован (на своей</i> <i>квартире, в засаде, на собрании и пр.)</i>	В Ленинграде, на своей квартире
20) <i>Когда и кем допрошен</i>	

21) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	
22) Место жительства перед арестом	Набережн[ая] 9 Янв[аря],
30, кв. 4

Примечания арестованного:

Подпись арестованного:

Е. Тарле

29/1-19<2>30 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения).

23) Официальное название места заключения	ДПЗ
24) По чьему ордеру арестован и № ордера	ГПУ орд[ер] № 1626
25) За кем зачислен	II Отд. СОУ
26) Приметы заключенного	

Примечание:

Подпись заведующего местом заключения: ...¹

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом) четко, разборчиво, полностью выписывая слова, по возможности без помарок и поправок.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст 1-й части документа почерком Тарле; текст 2-й части почерком неустановленного лица; подписи-автографы. Т. 2. Л. 5 и об.

² Подпись неразборчива.

Дубликат квитанции о принятии в доме предварительного заключения ценностей от арестованного Е. В. Тарле

28 января 1930 г.

№ 1966

Принято согласно ордера № со II корпуса по делу арестованного Тарле Евгений Виктор[ович]

№№ по порядку	Наименование ценностей	Количество.		Инвалюта и прочие ценные бумаги в номинале
		Счетом.	Весом	
		кг	гр	
1	Чемодан	1		
2	Часы ручные ... ¹	1		
3	Книги	5		
4	Кашне	1		
5	Брючный ремень	1		
6	Подтяжки	1		
7	Чашка	1		
8	... ¹	1		
9	Тарелочка	1		

(подпись) ...¹

Все поименованные ценности опечатаны « » печатями.

(подпись) ...¹

(подпись) ...¹

Указанные в сей квитанции ценности занесены правильно, квитанцию получил на руки.

(подпись арестованного)

Опечатанные места в количестве « » за печатями. получил

(подпись)

Подлинник; рукопись (на бланке); 2-й экземпляр (под копірку), текст почерком неустановленного лица; подпись-автограф; подпись Тарле отсутствует. Т. 2. Л. 6.

¹ Неразборчиво.

**Анкета и протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного
начальником СО ПП ОГПУ ЛВО М. А. Степановым**

30–31 января 1930 г.

гор. Ленинград 30–31 января 1930 г.

*ПРОТОКОЛ №
допроса, произведенного в ОГПУ
по делу за №*

Я, нижеподписавшийся, допрошенный в качестве обвиняемого <свидетеля> показываю:

1. <i>Фамилия</i>	Тарле
2. <i>Имя, отчество</i>	Евгений Викторович
3. <i>Возраст</i>	55 лет
4. <i>Происхождение</i>	Сын служащего (из мещан)
5. <i>Местожительство</i>	Ленинград, наб. 9 Января, 30
6. <i>Род занятий</i>	Академик, специальность — Всеобщая
История
7. <i>Семейное положение</i>	Женат, на иждивении — жена и тетка
8. <i>Имущественное положение</i>	Личный заработок
9. <i>Партийность</i>	Беспартийный. Ни в каких партиях не
состоял
10. <i>Отношение к военной службе</i>	—
11. <i>Политические убеждения</i>	Социал-демократические
12. <i>Образование общее специальное</i>	Высшее
13. <i>Чем занимался до Революции (подробно)</i>	—
14. <i>Сведения о прежней судимости</i>	Не судился

Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний (в случае допроса свидетеля), по существу дела показываю:

По окончании Киевского универ[ситета] в 1896 г. был оставлен при университете для подготовки к проф[ессорскому] званию. Состоял там до 1900 г., когда был арестован за участие в организации рефератной компании (тогда же читал там реферат Луначарский). После ареста мне было предложено избрать новое местожительство, и я был выслан из Киева. Избрал Варшаву. Жил там около года, после чего переехал в Петербург, где был зачислен приват-доцентом С[анкт-П[етер]б[ургского] университета по кафедре всеобщей истории. Во время участия в демонстрации в 1905 г. (около Технологического института) был ранен. Приват-доцентом С[анкт-]П[етер]б[ургского] универ[ситета] я оставался до 1913 г., когда получил звание профессора и был избран профессором в Юрьевский университет. В этот же период (1910 г.) был избран проф[ессором] Высших женских курсов (Бестужевских) и преподавал на курсах Лесгафта. В 1918 г. переехал в Петроград, где занял кафедру всеобщей истории Петр[оградского] университета, профессором которого состоял все последнее время. В 1923 г. был избран членом-корреспондентом А[кадемии] н[аук] и в 1927 г. действительным членом Академии наук. Кроме того, с 1926 г. являюсь академиком Колумбийской Акад[емии] наук. Состою консультантом Центрархива и членом Института марксизма в Ленинграде. Из иностран[ных] обществ состою членом: 1) Общ[ества] истории Франц[узской] революции, 2) Общества новой истории и 3) Общества истории войны, 4) вице-президентом Общества сближения Великобритании и СССР.¹

Во Францию я ездил последние годы ежегодно, начиная с 1924 г. Цель поездки — научная командировка от Университета и затем от Академии наук. Эта командировка выражалась в том, что я работал в Национальном архиве в Париже и в Национальной библиотеке (там же). Работал над архивными материалами по истории рабочего класса во Франции в эпоху машинного производства и по истории рабочего класса в эпоху Людовика-Филиппа. Как результат этой работы, в издании Института Маркса-Энгельса появилась моя книга, посвященная истории рабочего класса во Франции и т. д., и книга «Европа в эпоху империализма» (изд. Госиздата). Некоторые мои книги были изданы на франц[узском] языке во Франции, книгоиздательствами — 1) Феликс Алькин, 2) Фермен Дидо. Первой книгой издательство

¹ В подлиннике последующий текст написан чернилами иного цвета.

издало — книгу «Континент[альная] блокада в Италии в эпоху Наполеона I»; другая книга «Раб[очий] класс во Франции в эпоху Великой революции» еще не издана. По роду своей деятельности я сталкивался и знаком со следующими французскими учеными: 1) Альбер Матьез — проф[ессор] Сорбонны — считает себя социалистом; 2) Камилл Блок — директор Музея и Библиотеки по истории войны. С ним я вел переговоры по вопросу об обмене книгами с Центрархивом; 3) Шарлети — ректор Сорбонны; 4) Анри Озе — проф[ессор] Сорбонны экономической истории и почти все сорбонские профессора по историческому факультету. Из французских политических¹ деятелей знаком со следующими лицами: 1) Андре Мазон — проф[ессор] русск[ой] литературы в Коледж де Франс; 2) Густав Шетти (умер) — журналист, сотрудничавший в газете «Эвр»; 3) Пенлеве² — с ним познакомился на банкете Общества Франко-советского сближения в 1926 г. Из представителей официальной Франции встречался с чиновником Министерства народ[ного] просвещ[ения] по вопросу о высылке нам документов Комиссии экономической истории Великой революции. Больше ни с кем из политических деятелей и официальных представителей Франции не встречался, не знакомился и не имел общения. Что касается моих связей с эмигрантами, то они сводятся к следующему: 1) Струве П. Б., встретился с ним один раз в Нац[иональной] библиотеке, ни о чем не разговаривал с ним; 2) барон Нольде, б[ывший] проф[ессор] Политехникума — встретился там же в биб[лиоте]ке, знал его ранее по Вольно-экономическому обществу. С ним не разговаривал;³ 3) Агафонов, эмигрант, с[оциал-]р[еволюционер], живет во Франции с 1905 г. Встречался с ним в 1925–26 гг. несколько раз, он был у меня на квартире, я заходил к нему. Последние годы ввиду того, что он болел, я с ним не встречался; 4) Сватиков, быв[ший] эмиссар Врем[енного] правительства. Видел его несколько раз, последний раз встретился на улице, перебросился несколькими словами. Никаких политич[еских] разговоров не вел; 5) Шупак Надежда Сергеевна⁴ — во Франции живет с 1906 г., переводчица моей книги. Ее знает хорошо Н. В. Крыленко.

¹ В копии политических заменено на исторических.

² В копии вместо Пенлеве напечатано Неклеве.

³ В копии текст от слова Струве до слов не разговаривал подчеркнут красным карандашом.

⁴ Так в подлиннике; правильно Осеевна.

Кроме перечисленных мною лиц, ни с кем из эмигрантов не сталкивался и не общался. Это совершенно точно. Может быть, сталкивался случайно с кем-нибудь из эмигрантов, которые меня узнавали, но которых я не знал. За время своего пребывания во Франции я сотрудничал в след[ующих] органах: 1) Ревю Марксист, 2) Анналы Франц[узской] революции — возгл[авляет] Матьез, 3) Обзорение истории наполеон[овских] времен, — писал в 1926–27 гг., после чего вышел из состава сотрудников. Сотрудничество мое в этих органах было случайным, не систематическим. С докладом мне пришлось выступить один раз в 1929 г. в Сорбонне на тему «Экономическое единство европейского континента при Наполеоне». Больше докладов нигде не читал.

Переходя к моим встречам с Платоновым во Франции, должен сказать, что встречался с ним один раз в 1926 г., когда он приезжал с женой, и в 1928 г., когда приезжал с дочерью (кажется, т. к. я дочь не видел). В 1926 г. я встретился с ним в семье Краевич, где он остановился с женой. Он передавал мне о цели своей поездки, сказал, что очень трудно продвигается дело с Онегинским музеем, упираются душеприказч[ики], которые не хотят выдавать и что-то затевают. Издан Пушкин. О своих встречах с эмигрантами он мне не говорил, за исключением встречи с С. С. Ольденбургом и встречи с Коковцовым. Первого он, по его словам, встретил <случайно> у Краевич. Очень резко отзывался о нем, о его умственных способностях. О встрече с Коковцовым говорил лишь, что разговаривал с ним по вопросу об Онегинском музее, что Коковцов всячески препятствовал передаче музея и что это чуть не заставило Платонова поехать непосредственно к Бриану за содействием. Где происходило свидание Платонова с Коковцовым, он мне не говорил.

Е. Тарле

Допрос производил: нач. СО

Степанов

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Степанова; подписи-автографы. Т. 2. Л. 7–10.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 11–12 об.

Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного М. А. Степановым

3 февраля 1930 г.

С Платоновым я знаком еще со времени, когда я был приват-доцентом С[анкт-]П[етер]б[ургского] университета. За это время наши взаимоотношения с ним пережили и периоды больших сближений, и, наоборот, иногда мы расходились. Я знал и знаю Платонова как убежденного монархиста. Вспоминаю, что и в прошлом, и в последнее время заявлял о своих симпатиях к монархии. Однако к царю Николаю II он относился плохо, считал его дегенератом; так же плохо относился к его детям, считал их плохо воспитанными, по его словам, «как дети армейского офицера». Хорошо относился Платонов к Константину Константиновичу, но в такой же примерно степени он не терпел Николая Михайловича и чрезвычайно резко отзывался о распутинской клике. В вопросах международной политики Платонов являлся германофилом. Это свое германомоскальство Платонов часто проявлял и подчеркивал. Т[ак], например, он считал большой ошибкой русско-германскую войну 1914–1917 гг.; подчеркивал большое трудолюбие, организованность и культуру немцев; утверждал, что немцы, хотя разбиты, но дадут себя знать, т. к. у них силы есть и т. д. Он был большим сторонником русско-германского союза в прошлом. Был ли он таким же сторонником союза Германии с Россией в настоящем и будущем, я сказать не могу, т. к. не помню, чтобы мне Платонов об этом говорил. В этих вопросах я с Платоновым расходился. Правда, я заявлял, что Германия экономически себя восстановит быстро, но что касается восстановления и в международной политике, я считал, что это едва ли будет в ближайшем будущем.

Об отношении Платонова к сов[етской] власти могу сказать, что он советскую власть признавал, но, конечно, с ней во многом расходился, я его считал монархистом в прошлом, но оппортунистом в настоящем.¹ Я никогда не думал, что он ведет такую большую политическую игру. Может быть, это объясняется тем, что я с ним не был интимно связан и

¹ В копии данное предложение отчеркнуто синим карандашом.

в его отношениях ко мне проявлялась всегда какая-то двойственность. Это выражалось, в частности, в том, что, поддерживая со мной дружественные отношения, он вместе с тем, как об этом еще передавали другие, отзывался обо мне иронически¹.

О себе могу сказать, что я ориентировался всегда на левую группу ученых и никогда не был особенно близок с монархистами типа Платонова, Лаврова, Истрина и другими². Я не помню, чтобы я когда-нибудь выступал против левой группы ученых, в частности, не помню, чтобы выступал против левых при обсуждении доклада профессора Берлинского университета Вестфальда. Такого профессора я не знаю. Допускаю, что я просто забыл этот случай. Должен сказать, что я был всегда сторонником левого направления среди ученых, сотрудничал в разных коммунистических или близких к коммунистическим изданиях³. Журнал «Экономист», который редактировал Лутохин, был соц[иал]-демократического направления. Приглашен к сотрудничеству в нем я был Лутохиным. Поместил всего одну статью на тему о Генуе.

Возвращаясь к Платонову, должен сказать, что у него были большие связи с немецкими учеными. О содержании этих связей я ничего не знаю, и он мне об этом не говорил. Знаю, что к нему заходил, когда приезжал в СССР, немецкий профессор Гетч, Шмидт-Отт и другие. При визитах к Платонову Гетча и Шмидт-Отта я не присутствовал. Присутствовал при посещении его каким-то другим иностранным ученым, фамилию коего не помню.⁴ Я лично ни с Гетчем, ни с Шмидт-Оттом не знаком. Не знаком я также с Брауном. Совершенно не помню, чтобы Браун приглашал меня читать лекции в Лейпцигском университете и чтобы я по этому вопросу имел разговор с кем-либо из официальных чиновников германского посольства или консульства. Из последних я знаком только с герм[анским] консулом Цейхлин[ым].

¹ В копии слова передавали другие, отзывался обо мне иронически подчеркнуты синим карандашом.

² В копии текст ученых и никогда не был особенно близок с монархистами типа Платонова, Лаврова, Истрина и другими подчеркнут синим карандашом.

³ В копии слова сторонником левого направления среди ученых, сотрудничал в разных коммунистических или близких к коммунистическим изданиях подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В подлиннике почерком Тарле вписано Мазоном без особой отметки.

Познакомил меня с ним А. М. Мерварт, в то время когда я жил с ним вместе на одной даче в Детском Селе. Больше я никогда с Цейхлиным не встречался. Он у меня на квартире не был, так же как не был и еще кто-либо из сотрудников германского или других консульств. Два раза я был на официальных раутах в германском консульстве: один раут был связан с приездом в Ленинград германского посла Дирксена, другой не помню в связи с чем. В другое время я никогда германское консульство не посещал, в частности не заходил в консульство 9/III-с. г., как Вы об этом говорите.

Был ли у меня с Платоновым разговор относительно претендентов на российский престол, а также относительно возможного состава росс[ийского] правительства на случай падения советской власти. Разговор о претендентах, может быть, и был, но если он был, то, вероятно, в юмористических тонах¹. Я знаю, что Платонов очень резко отрицательно отзывался о Кирилле, называя его пьяницей. Я не помню, чтобы был специальный разговор, посвященный вопросу о претендентах, на квартире Платонова, так же как и отрицаю какой-либо разговор, связанный с нашим обсуждением состава будущего правительства. Платонов и другие, говорящие об этом, самым явным и наглым образом лгут и клеветуют на меня, по совершенно непонятным для меня побуждениям.

9 марта 1929 г. я был в Стокгольме и уж потому не мог быть в их консульстве у Цейхлина.

С Брауном я знаком, но никакого письма от него не получал.

Тарле

Нач. СО:

Степанов

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Степанова кроме двух последних предложений, написанных Тарле; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 2. Л. 13-15 (л. 16 — чистый).

Копия — машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 17-18 об.

¹ В копии слова вероятно, в юмористических тонах отчеркнуты и подчеркнуты синим карандашом.

**Заявление Е. В. Тарле
заместителю начальника СОУ ПП ОГПУ ЛВО
С. Г. Жупахину**

4 февраля 1930 г.

ТОВ. НАЧАЛЬНИКУ СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ОГПУ

Уважаемый Сергей Георгиевич, очень прошу Вас вызвать меня, когда Вы будете в ДПЗ, — на личную беседу по одному вопросу.

С почтением — ак[адемик] Е. Тарле.

4 февраля 1930 г.

Копия; машинопись (2 экз.). Т. 12. Л. 144 (1-й экз.), 445 (отпуск).

**Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного
С. Г. Жупахиным и М. А. Степановым**

8 февраля 1930 г.

Признаю, что в Ленинграде в академической и научной среде существовала контрреволюционная¹ организация во главе с академиком С. Ф. Платоновым. По своим программным установкам, по политическим взглядам организация была конституционно-монархической. Будущий государственный строй России представлялся членам организации как конституционно-монархический. В своей внутренней политике организация ориентировалась на зажиточное, собственническое крестьянство как социальную базу конституционной монархии <России>. В международной политике организация ориентировалась на тесный военно-политический союз будущей монархической России и будущей монархической Германии, судя по тому, что именно таковы убеждения Отто Гетча, который всегда это пропагандировал. В этом направлении лидером организации С. Ф. Платоновым велись разговоры с лидерами германских националистов, в частности с лидерами националистов Шмидт-Оттом, Отто Гетчем и др[угими]. В качестве

¹ Слово контрреволюционная вписано Тарле с отметкой в протоколе.

претендента на российский престол организация ориентировалась на Андрея Владимировича¹, ученика Платонова, и о котором последний весьма хорошо отзывался. Подробно о характере бесед мне неизвестно. Как мне известно, немецкие монархисты к кандидатуре Андрея Владимировича относились положительно. В своей практической деятельности внутри СССР организация ставила задачи пропаганды конституционной монархии и подготовку кадров. Это осуществлялось путем организации соответствующих кружков: кружок «молодых историков» и кружок Заозерского. Из состава этих кружков мне известны лишь отдельные лица, например Тхоржевский, Гринвальд, Насонов, Степанов и др[угие]. Наиболее близкими Платонову людьми были Рождественский, Лихачев, Васенко. Все эти показания являются основными, но требуют детальной обработки с моей стороны в смысле их развития и полноты, что обязуюсь с полной откровенностью сделать на следующих моих допросах.

8/II–30 г.

Допрашивали:² зам нач. СОУ

нач. СО

Тарле

Жупахин

Степанов

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Степанова; дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 19–20.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 21 и об.

10

Собственноручные показания Е. В. Тарле

11 февраля 1930 г.

В развитие своих совершенно точных и откровенных показаний сообщаю, что существовавшая организация, в которой Платонов играл одну из руководящих ролей, по моим данным состояла из след[ующих] лиц: Рождественского, Лихачева, Радлова Э.; близко были к Платоно-

¹ В копии текст от слов В международной политике до слов Андрея Владимировича отчеркнут простым карандашом.

² В копии вместо допрашивали напечатано допросили.

ву, как к одному из руководителей организации, Любавский и Егоров. Программа организации была конституционно-монархическая. Практическая деятельность выражалась в пропаганде конституционно-монархических идей и в выращивании кадров путем организации различного рода нелегальных кружков и объединений, которыми руководил Академический центр, являющийся составной частью организации. Будущее Советского Союза представлялось большинству членов организации так, что советская власть, чтобы укрепиться, должна эволюционировать в направлении буржуазно-демократическом, что завершится конституционной монархией, что будущая конституционно-монархическая Россия должна пребывать в тесном союзе с конституционно-монархической Германией. Это будет могущественный союз, влияющий на весь мир. К этому стремятся Отто Гетч и Шмидт-Отт, связанные с организацией через посредство Платонова. Организация пользовалась пересылкой для себя литературы через БЮК, а также через оказии. Организация имела разветвление в Москве. К Платонову близко стояли — Любавский, Егоров.

Показание это мною собственноручно написано, в чем и подписываюсь.

Академик Е. Тарле

11/II—1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле, подписи-автографы. Т. 2. Л. 22 и об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 23 и об.

11

Собственноручные показания Е. В. Тарле

14 февраля 1930 г.

В дополнение моих предыдущих показаний о существовавшей контрреволюционной организации сообщаю, что ее связь с заграницей, именно немцами националистами¹, завязалась во время празднования

¹ Слово националистами вписано Тарле без особой отметки.

200-летия Академии наук. Отмечается тост Лихачева¹ за Германию, ответ Эдуарда Мейера о союзе монархической Германии и России. Эдуард Мейер² — величайший историк и воинствующий националист, на него пребывание в Ленинграде произвело такое впечатление (переданное им секретарю Комитета историч[еских] съездов Мишелю Леритье³), что он очень обрадован сильным течением в пользу немецких националистов, которое он встретил среди ученых. Он имел в виду Лихачева и группу⁴, к которой тот принадлежал. О Платонове, как⁵ о выразителе русской национальной идеи, говорил Карсавин на юбилее Платонова⁶ в 1920 г. С Карсавиным⁷, по словам Платонова⁸, он виделся в 1926 г. В настоящее время Карсавин⁹ читает лекции в Богословском институте в Париже. К фактам связи организации с германскими националистами можно отнести посещение Платонова Шмидт-Оттом¹⁰. На этом обеде Э. Л. Радлов произнес речь, где говорил о положении науки в Германии и России и о желательности и необходимости союза в настоящем и будущем между Германией и Россией. Организация собиралась у Платонова по его приглашению.¹¹ Помню след[ующих] лиц: Лихачев, Рождественский, Андреев, Богословский¹², иногда Любавский, изредка я, иногда Васенко. Говорилось о след[ующих] вопросах: о реформе Академии наук, об университетах, об обществе помощи науке, иногда общественно-политические вопросы, напр[имер] — вопрос о деревне, связанный с эволюцией внутри страны. Во время

¹ В копии фамилия Лихачева подчеркнута фиолетовым карандашом.

² В копии фамилия Мейер подчеркнута фиолетовым карандашом.

³ В копии слова Мишелю Леритье подчеркнуты фиолетовым карандашом.

⁴ В копии слова Лихачева и группу подчеркнуты фиолетовым карандашом.

⁵ В копии слова о Платонове, как подчеркнуты фиолетовым карандашом.

⁶ В копии слова Карсавин на юбилее Платонова подчеркнуты фиолетовым карандашом.

⁷ В копии слова С Карсавиным подчеркнуты фиолетовым карандашом.

⁸ В копии фамилия Платонова подчеркнута фиолетовым карандашом.

⁹ В копии фамилия Карсавин подчеркнута фиолетовым карандашом.

¹⁰ В копии фамилии Платонова Шмидт-Оттом подчеркнуты фиолетовым карандашом.

¹¹ В копии слова у Платонова по его приглашению подчеркнуты фиолетовым карандашом.

¹² В копии фамилии Лихачев, Рождественский, Андреев, Богословский подчеркнуты фиолетовым карандашом.

выработки проекта устава велись разговоры и критиковались некоторые пункты, напр[имер] — участие представителей автономных республик, пункт об увольнении академиков, приветствовали другие пункты (отсутствие утверждения)¹, решили отстаивать бюджетные пункты для сохранения финансовой самостоятельности Академии. Разбирали вопрос о необходимости двух вице-президентов (один — коммунист, другой — из старых академиков). Говорилось об академич[еских] учреждениях, где необходимо сохранить руководство в руках академиков, а не назначенных со стороны президиума и правительства. Богословский характеризовал этот устав как «наилучший из худшего». Об университете говорили, что он безнадежно плох и разрушен, неподготовленность студенч[еских] кадров объясняли как отбором студентов по классовому признаку, что считали за отрицательное явление, а также дурным состоянием средней школы: учительство не обеспечено, и его швыряют с места на место, подбирая их лишь по политич[ескому] признаку. Говорили против крайней украинизации. Обсуждали политику Рыкова² против большинства партии правильной и более соответствующей интересам развития страны.³ Интересовались судьбой Троцкого.⁴ Невыдача Платоновым архивных⁵ материалов, имеющих политико-общественное значение, Центрархиву и правительству нужно объяснить и нежеланием дать в руки правительства политическое орудие борьбы, и, как он прибавлял, неудовлетворительностью постановки дела в Центрархиве. Между Ферсманом и Платоновым⁶ существует органическая связь, в Академии они шли рука об руку и фактически влияли на всю академ[ическую] жизнь в лице Ольденбурга⁷, с которым часто делали, что хотели. Экспедиционная комиссия Ферсмана⁸, со стороны тематич[еских] заданий и затрат, вызывала в

¹ В копии четыре предложения от слова Организация до слова учреждения отчеркнуты красным карандашом.

² В копии фамилия Рыкова подчеркнута синим карандашом.

³ Так в подлиннике.

⁴ В копии фамилия Троцкого подчеркнута синим карандашом. Данное и предыдущее предложения отчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии слова Невыдача Платоновым архивных подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии слова Между Ферсманом и Платоновым подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии слова в лице Ольденбурга подчеркнуты синим карандашом.

⁸ В копии слова комиссия Ферсмана подчеркнуты синим карандашом.

Академии нарекания, которых Платонов¹, по-видимому, не разделял. По моим данным, Акад[емический] центр, отображающий и политич[ескую] физиономию Академии наук, состоял из след[ующих] академиков: Платонова, Ольденбурга, Карского, Крачковского, Ферсмана, Иоффе, Левинсон-Лессинга.² Предполагалось выдвинуть кандидатуру в президенты Академии наук — Платонова³, к чему лично он стремился. Я встречался (с л у ч а й н о , на улице, в магазинах, в биб[лио]теках и т. п.) в Париже со след[ующими] эмигрантами: П. В. Сватиковой, Н. Е. Штейнберг, Португаловым, Эйзенбергом, Церетели⁴ — один раз раскланялся с Рыссом⁵, не заговаривая с ним, Е. И. Нечаевой⁶ и нек[оторыми] др[угими], кот[орых] постараюсь вспомнить, а также беседы с таковыми, с теми, с кот[орыми] вообще говорил. Протокол написан собственноручно.

Акад[емик] Е. Тарле

14/II-30 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 24-25 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 26-27 об.

12

Собственноручные показания Е. В. Тарле

15 февраля 1930 г.

В дополнение к своим показаниям сообщаю, что основными связями Платонова⁷ по Германии при его поездках туда были Браун и

¹ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

² В копии фамилии Платонова, Ольденбурга, Карского, Крачковского, Ферсмана, Иоффе, Левинсон-Лессинга подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Платонова подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии фамилии П. В. Сватиковой, Н. Е. Штейнберг, Португаловым, Эйзенбергом, Церетели подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Рыссом подчеркнута синим карандашом.

⁶ В копии фамилия Нечаевой подчеркнута синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Платонова подчеркнута синим карандашом.

Карсавин¹, которые играли значительную роль в установлении связей Платонова² с националистическими немецкими кругами. В деле свидания Платонова² с Андреем Владимировичем мог играть роль друг Отто Гетча, Фрейтаг фон Лоринговен³, быв[ший] профессор Юрьевского у[ниверсите]та, переехавший во время войны в Германию и ныне депутат Рейхстага, близкий как к быв[шему] двору, так и германской знати, а также как русским, так и германским профессорам, ныне являющийся ярким расистом и крайне правым. Во время Русской недели в Берлине оказывалось демонстративное сочувствие со стороны немцев историкам-немарксистам во главе с Платоновым⁴, и это рассматривалось как сочувствие немцев гонимой русской профессуре. Со стороны некоторых членов организации вообще это рассматривалось как залог для будущей совместной работы против существующего строя. О разговорах Платонова² я знаю только со слов Агафонова или Герстена⁵, передававших, будто монархисты, ссылаясь на Платонова, утверждают⁶, что в России монархические настроения не погибли, что они существуют в деревне, в провинции. По тем же слухам, шедшим от монархистов, Платонов⁷, при свидании с Коковцовым⁸, интересовался состоянием тогдашней вражды между монархистами в Париже (между Кириллом и Николаем Николаевичем). Все эти разговоры были уже по отъезде Платонова из Парижа⁹ в 1926 году. Из этих же источников имелся другой слух, с которым связывалось также имя Платонова¹⁰. Возник он в связи с появлением статьи Н. С. Тимашева¹¹ в газете «Возрождение», где автор доказывает, что русский крестьянин жаждет при перемене строя уплатить деньги за свою землю. На мое замечание,

¹ В копии слова и Карсавин подчеркнуты синим карандашом.

² В копии фамилия Платонова подчеркнута синим карандашом.

³ В копии фамилия Фрейтаг фон Лоринговен подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии слова с Платоновым подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилии Агафонова или Герстена подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии слова на Платонова, утверждают подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁸ В копии слова с Коковцовым подчеркнуты синим карандашом.

⁹ В копии слова Платонова из Парижа подчеркнуты синим карандашом.

¹⁰ В копии слова имя Платонова подчеркнуты синим карандашом.

¹¹ В копии фамилия Тимашева подчеркнута синим карандашом.

что это вздор, я услышал: «А вот монархисты говорят, что Платонов того же мнения». Тимашев¹ думает, что крестьяне захотят платить для утверждения за ними прав собственности. Объяснение к этим слухам я нахожу в том, что в существовавшей организации было² два течения: одно ориентировалось на национально-монархические круги Германии, другое на русскую монархическую партию во Франции. Оба течения (германофильское и монархическое) отражались Платоновым, как одним из руководителей существовавшей организации³. Лично мне известно от Платонова, что он побывал у С. С. Ольденбурга⁴, к которому привез деньги от отца, и у Коковцова⁵, с которым должен был говорить по делам Онегинского музея.

Показание собственноручно

Акад[емик] Е. Тарле

15/II—1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле, подписи-автографы. Т. 2. Л. 28–29.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 30–31.

13

Собственноручные показания Е. В. Тарле

17 февраля 1930 г.

По поводу эпизода с Андреем Владимировичем (его «намерением») могу сказать следующее. В квартире Платонова постоянно говорили и вспоминали о разных великих князьях и др[угих] членах

¹ В копии фамилия Тимашев подчеркнута синим карандашом.

² В копии вместо было напечатано входило.

³ Фрагмент текста в существовавшей организации было два течения: одно ориентировалось на национально-монархические круги Германии, другое на русскую монархическую партию во Франции. Оба течения (германофильское и монархическое) отражались Платоновым, как одним из руководителей существовавшей организации выделен и отчеркнут красным карандашом.

⁴ В копии фамилия С. С. Ольденбурга подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Коковцова подчеркнута синим карандашом.

б[ывшего] царствующего дома: эпизоды, анекдоты, воспоминания о разных Константиновичах и Владимировичах вечно вторгались в разговор. Это обстоятельство совсем затушевывало и¹ изгнало из моей памяти и тот разговор в кабинете Платонова, участие в котором мне инкриминируется. Очевидно, было так, что я и не придавал никакого значения этому разговору по существу, иронически относясь к самой мысли и считая абсурднейшей глупостью всякие реставрационные вождедения не только в России, но и во всей послевоенной Европе (и прежде всего в Германии). Несомненно, именно органическая моя неспособность серьезно отнестись к подобным фантастическим² вещам и не позволила мне запомнить самый факт. Конечно, моя ошибка в таком случае заключалась в том, что я тогда же и громкогласно не назвал вздорную глупость — вздорной глупостью, но эта манера ограничиваться шуткой вместо резкого спора, махать рукой на высказываемые при мне явные абсурды, не обострять противоречий и т. д. — эта манера, к сожалению, была мне свойственна в излишней мере. В наше время это недопустимо, я эту ошибку охотно признаю и жестоко сейчас плачусь за нее. Ибо наилучшим наказанием для меня является не тюрьма, а то, что меня привлекают по делу, по которому мне совестно и позорно³ быть привлеченным:⁴ по делу о монархистах, тогда как я считаю в настоящее время монархизм доказательством политического слабоумия (что я и выражал и выражаю многократно в своих лекциях) и надеюсь иметь и впредь случаи публично это свое суждение заявлять.⁵ Что касается включения Платоновым меня в какой-то «комитет» или «совет», то это возмутительнейшее с его стороны злоупотребление моим именем. Теперь я вполне объясняю, как он осмелился это сделать:⁶ с одной стороны, я считаюсь знатоком международной политики, а с другой стороны, он, очевидно, считал, что «наметить» меня можно, а дело далекое — сказать, объясниться всегда можно успеть! Ведь и вообще Платонов, смотря на меня как на чужого, никогда меня

¹ В подлиннике слова затушевывало и вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово фантастическим вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова и позорно вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В копии слова мне совестно и позорно быть привлеченным подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии два последних предложения выделены и отчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии фрагмент текста от слов Что касается до слова сделать подчеркнут и отчеркнут карандашом.

не допускал до той близости, как своих друзей, рассчитывая, очевидно, что будучи чужим и мало ему симпатичным человеком, я все же могу при случае пригодиться, а потому не следует со мной порывать на всякий случай. Во всех вопросах, в сущности, о которых заходили разговоры в этой группе, мои мнения расходились с ней. Напр[имер], вопрос о Преснякове¹, которого травили за то, что он пошел в Институт красной профессуры. Я остался по вопросу о нем вообще, и о его кандидатуре в академики в частности, при особом мнении и в комиссии по выборам публично выступил за Преснякова против² Платонова и Богословского³ и голосовал за Преснякова — против⁴ Любавского при баллотировках. Так было и с Грушевским⁵, которого проваливали (или собирались) за «мазепинство» в украинском вопросе⁶, так было в спорах об Университете, где я находил кроме отрицательных, еще кое-какие положительные стороны. При обсуждении нового академического устава нарекания вызывала новая система выборов, а положительное отношение, бюджетные правила. Отрицательное отношение вызывал также пункт об удалении академиков. Любопытно, что в Париже, когда приезжал Платонов⁷, пошли слухи, что Марр, Тарле, Ольденбург⁸ и др[угие] подлаживаются к коммунистам, а Платонов держится⁹ стойко. Передал мне это мой б[ывший] ученик, б[ывший] студент Юрьевского университета Эдуард Герстен¹⁰, тут же прибавивший, что он слышал (тоже в связи с именем Платонова) утверждение, что в России, в деревне, никакой коммунизм не привьется никогда. Впрочем, на мой вопрос, зачем он связывает все эти слухи с именем Платонова, Герстен ответил¹¹, что он слышал это «из пятых рук». Тут могло быть злоупотребление именем Платонова, вроде того, как Платонов многократно во время следствия злоупотреблял моим именем.

¹ В копии слова о Преснякове подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова за Преснякова — против подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Богословского подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии слова за Преснякова — против подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии слова и с Грушевским подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии слова в украинском вопросе подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁸ В копии фамилии Марр, Тарле, Ольденбург и др[угие] подчеркнуты синим карандашом.

⁹ В копии слова а Платонов держится подчеркнуты синим карандашом.

¹⁰ В копии имя и фамилия Эдуард Герстен подчеркнуты синим карандашом.

¹¹ В копии слова Герстен ответил подчеркнуты синим карандашом.

Отдаляться от него я стал уже с 1928 г., видя явную его неискренность и враждебность, плохо прикрытую внешней любезностью. Но истинные чувства свои ко мне он обнаружил теперь, когда я ему уже не нужен и когда, не довольствуясь несчастьем, которое он мне принес, он пытается инсинуировать против меня.

Е. Тарле

17/II—30 г.

Я забыл прибавить, что моя неискоренимая, многократно в печати заявленная, отмеченная всей немецкой прессой враждебность к германскому национализму и империализму — уже сама по себе делала немислимой сколько-нибудь интимные мои отношения к организации, так непосредственно ориентирующейся на Отто Гетча и ему подобных.

Е. Тарле

17/II—1930 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); автограф. Т. 2. Л. 32–33 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 35–36.

14

Собственноручные показания Е. В. Тарле

19 февраля 1930 г.

Бывая в Париже в 1924–1929 гг. и встречаясь с рядом лиц, я могу на предложенные мне вопросы ответить — лишь по разговорам с этими лицами — следующее. Платонов имеет связь с Коковцовым¹ и привез ему интересные сообщения и характеристики. Семья Краевичей² монархическая. Сам Краевич и его сын являются активными монархистами. В организации Ордена каких-то «рыцарей» Краевичи³ принимают деятельное участие. Вождь монархистов генерал Лохвицкий⁴ хвалился, что налажена связь с Россией и они имеют солидную информацию, по словам технолога парижского Косырева⁵. Высшим монар-

¹ В копии фамилия Коковцовым подчеркнута синим карандашом.

² В копии фамилия Краевичей подчеркнута синим карандашом.

³ В копии фамилия Краевичи подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Лохвицкий подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Косырева подчеркнута синим карандашом.

хическим советом было поручено написать Маклакову, как идеологу¹ монархизма, конституцию будущего строя в России. Маклаков² является правой рукой Лохвицкого. Маклаков³ <является> получает большие денежные фонды из Америки на политическую работу против СССР. Консул эмиграции Аитов говорил, что Платонов⁴ единственный интересный человек, от которого можно узнать о России много нужного. Поль Буайе, директор Школы восточных языков, устроил сына Краевичей⁵ бесплатно в лицей, говоря, что его русские друзья очень лестно ему рекомендовали Платонова. В 1927–1928 гг. Чубинский Мих[аил]⁶ Павл[ович], б[ывший] профессор лицея, и б[ывший] министр внут[ренних] дел Скоропадского Игорь Кистяковский⁷ работали над объединением всех монархических организаций, Чубинский был у Краевичей. Сейчас он на⁸ пенсии в Белграде. Платонов⁹ виделся с художником Лукомским¹⁰. Поездка Шульгина¹¹ в СССР была с поручением ген[ерала] Лохвицкого¹². Журнал «Борьба за Россию» издается на деньги английской контрразведки. В 1927 г. велись переговоры через Маклакова¹³ о передаче газеты «Руль» Высшему монархическому совету. Значительную роль среди монархистов играет проф[ессор] Лаппо¹⁴, живущий в Праге, он связывает монархистов Парижа и Праги.

¹ В копии слова Маклакову, как идеологу подчеркнуты синим карандашом.

² В копии фамилия Маклаков подчеркнута синим карандашом.

³ В копии фамилии Лохвицкого. Маклаков подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии слова сына Краевичей подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии фамилия и имя Чубинский Мих[аил] подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Кистяковский подчеркнута синим карандашом.

⁸ В копии слова Чубинский был у Краевичей. Сейчас он на подчеркнуты синим карандашом.

⁹ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

¹⁰ В копии фамилия Лукомским подчеркнута синим карандашом.

¹¹ В копии фамилия Шульгина подчеркнута синим карандашом.

¹² В копии фамилия Лохвицкого подчеркнута синим карандашом.

¹³ В копии фамилия Маклакова подчеркнута синим карандашом.

¹⁴ В копии фамилия Лаппо подчеркнута синим карандашом.

В Белграде вождь монархистов Спекторский¹ профессор госуд[арственного] права. Он связан с Парижем, в частности с Чубинским².

Е. Тарле

19/II–1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке; заглавный лист отсутствует); дата проставлена карандашом; текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 34 и об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 37–38.

15

Собственноручные показания Е. В. Тарле

20 февраля 1930 г.

Организационные связи ликвидированная организация имела по двум линиям: в Германии с национально-монархическими кругами и лидерами Шмидт-Оттом и Отто Гетчем и др[угими] и Парижем — с Коковцовым и Краевичами, которые связаны с Монархическим советом³. Мне известно, что Краевичи сын и отец являются активными монархистами⁴ — при салоне Краевичей концентрируется «Орден молодых рыцарей», в который входит в большинстве монархическая молодежь. В этом Ордене деятельное участие принимает сын Краевичей, который учится в лицее, куда его устроил Поль Буайе на основании заслуг деда, С. Ф. Платонова. Мне известно, что Платонов виделся с Коковцовым и, судя по позднейшим дошедшим до меня сведениям, сообщил интересные сведения и характеристики. По моим предположениям, разговор мог идти о финансовом положении, экономике и

¹ В копии фамилия Спекторский подчеркнута синим карандашом.

² В копии слова с Чубинским подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова которые связаны с Монархическим советом подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии текст от начала до слова монархистами отчеркнут красным карандашом.

политике СССР¹. Виделся он и с Маклаковым, который является правой рукой Лохвицкого, вождя русской монархической партии в Париже. Высшим Монархическим советом, как передавали, было поручено написать Маклакову конституционный проект для будущей России. По дошедшим сведениям, Маклаков является доверенным лицом ген[е-рала] Лохвицкого и получает большие фонды из Америки для политической работы против СССР. Можно предполагать, что на работу в СССР для организации Платонов получал деньги через Маклакова².

Е. Тарле

20/II—1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 39 и об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 40 и об.

16

Собственноручные показания Е. В. Тарле

20 февраля 1930 г.

Признаю, что действительно на одном из собраний ликвидированной организации на квартире у Платонова в кабинете в присутствии моем³, Рождественского, Лихачева, Измайлова и Платонова⁴ обсуждался вопрос о будущем правительстве и кандидате на российский престол. Платонов предложил кандидатуру Андрея Владимировича, так как он его лично знал и к кандидатуре Андрея национально-монархические круги Германии относились положительно. Платонов, со своей стороны, считал, что после смерти Николая Николаевича достойным претендентом является лишь только Андрей Владимирович, так как он имеет военно-юридическое образование.

¹ В подлиннике слова и политике СССР вписаны Тарле с отметкой в протоколе Одна вставка сделана мной. Е. Тарле.

² В копии текст от слов при салоне Краевичей и до конца абзаца подчеркнут красным карандашом.

³ В копии слово моем подчеркнуто красным карандашом.

⁴ В копии фамилии Лихачева, Измайлова и Платонова подчеркнуты синим карандашом.

таким образом кандидатура была фактически принята.¹

Ак[адемик]² Е. Тарле

20/II–1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 41 и об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 42 и об.

17

Собственноручные показания Е. В. Тарле

21 февраля 1930 г.

Признаю, что обсуждался вопрос о будущем правительстве возрожденной России при престолонаследнике на российский престол Андрее Владимировиче (выдвигал Платонов), причем считались подходящими кандидатами для занятия министерских постов — Коковцов (как «премьер-министр» будущего российского правительства), Платонов, первый советник и он же министр просвещения; меня, Тарле, хотели выдвинуть в министры иностран[ных] дел; Габаев³, б[ывший] генерал, друг Платонова, в военные министры; Крачковский⁴ — министр труда; других не знаю. Все перечисленные кандидатуры были приняты членами организации.

Акад[емик] Тарле

21/II–1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

21/II–1930 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты почерками Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 44 и об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 45 и об.

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

² В копии слово акад[емик] подчеркнуто красным карандашом.

³ В копии фамилия Габаев подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Крачковский подчеркнута синим карандашом.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

24 февраля 1930 г.

На поставленные мне вопросы считаю долгом точным и откровенным образом показать следующее: 1) Мои встречи в Париже с эмигрантами были случайны и ограничивались тем, что я перекидывался несколькими словами с ними по научным и бытовым вопросам, не касаясь политики, по весьма простой причине — мои отношения с полпредством, банкеты в мою честь и т. п. раздражали эмиграцию, и в эмигрант[ских] газетах («Посл[едние] новости», «Возрождение») меня грубо ругали за интервью в пользу Бела Куна и др[угих]. Таким образом, затевать политические препирательства не было охоты ни у той, ни у другой стороны. Я помню только разве одну политическую беседу (с Церетели в 1924 г.), когда Церетели при встрече со мной горько жаловался на преступное легкомыслие грузинского восстания. Виделся я чаще с старым (с 1906 г.) эмигрантом Агафоновым, с Над[еждой] Ев[геньевной]¹ Штейнберг, живущей с 1907 г.² в Париже, с Агафоновым вел разговоры не о политике в точном смысле слова, а просто он время от времени говорил мне о парижских русских, об этом я уже сказал следствию. Виделся (встреча на улице) с Е. Н. Нечаевой, говорившей, что муж ее — Федотов — читает³ в Богословском институте и принимает участие в Обществе христианской молодежи, что ей трудно жить, воспитывать дочь и т. д., с Гинзбургом⁴, — о его книге Rome et Judée (встреча в Нац[иональной] биб[лиоте]ке), с д[окто]ром Н. А. Добровольской⁵ (о раке Преснякова⁶, который у нее лечился), с еврейским писателем Шнеуром⁷ (о погроме в Палестине), с проф[ессором] технологии Тираспольским (в Виши⁸, о его болезни), с

¹ Так в подлиннике; правильно Осеевна

² В копии слова Агафоновым, с Над[еждой] Ев[геньевной] Штейнберг, живущей с 1907 г. подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова ее — Федотов — читает подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии слова с Гинзбургом подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Добровольской подчеркнута синим карандашом.

⁶ В копии фамилия Преснякова подчеркнута синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Шнеуром подчеркнута синим карандашом.

⁸ В копии слова Тираспольским (в Виши подчеркнуты синим карандашом.

Полиной Сватиковой¹ (разошедшейся с мужем), тоскует по России и хотела бы получить разрешение вернуться, с Эйзенбергом² (служащим в конторе Найдича) о бытовых условиях Парижа, с б[ывшим] студентом Герстеном³ (о разговорах с ним говорил следствию), раскланивался на улице — с Рыссом, с Португаловым⁴, с б[ывшим] прив[ат]-доц[ентом] Горенбергом. 2) Я не «отказался» дать статью в сборник Общества содействия жертвам интервенции в 1925 г. Я согласился, но просил отсрочить ее представление, ибо ко мне обратились в разгаре учебного сезона. Я бы и написал эту статью, но обнаружилось, что мой ученик П. П. Щеголев⁵ как раз интересуется подходящей темой (из истории франц[узской] революции) и что ему очень хочется получить поскорее деньги за нее. Я тогда сейчас же и предложил эту комбинацию, которую Общество приняло. Если бы оно отказалось взять Щеголева, то, конечно, написал бы я. 3) Отзыв о Покровском⁶ я отказался дать потому, что я специалист не по русской, а по западноевропейской истории, эти специальности⁷ строго разграничены и с моей стороны братья писать отзыв о специалисте по русской истории в Академии было бы, по меньшей мере, развязным, если не нахальным поступком. Это никогда и никем в подобных случаях не делается. 4) Ни на каком чае у Костычева⁸ я не присутствовал и ни о каком немецком профессоре поэтому говорить там не мог. 5) Оксман у меня был⁹, но мы говорили о подготавливаемом им издании Феоктистова¹⁰, и он мне довольно много о нем рассказывал. 6) Я заболел настолько серьезно, что лежал несколько дней в постели. Бухарина¹¹ я считал и считаю настоящим ученым, в первом заседании отборочной комиссии высказался в его пользу¹². 7) Я не только не «сговаривался» с Платоновым по поводу Любавского¹³, но

¹ В копии фамилия Сватиковой подчеркнута синим карандашом.

² В копии слова с Эйзенбергом подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Герстеном подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии слова С Рыссом, с Португаловым подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Щеголев подчеркнута синим карандашом.

⁶ В копии слова о Покровском подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии начало данного предложения отчеркнуто синим карандашом.

⁸ В копии слова у Костычева подчеркнуты синим карандашом.

⁹ В копии слова Оксман у меня подчеркнуты синим карандашом.

¹⁰ В копии фамилия Феоктистова подчеркнута синим карандашом.

¹¹ В копии фамилия Бухарина подчеркнута синим карандашом.

¹² В копии слова в его пользу подчеркнуты синим карандашом.

¹³ В копии фамилия Любавского подчеркнута синим карандашом.

я определенно заявил, что буду за Преснякова против Любавского и никакого¹ «провала трех» я не «предвидел». 8) На обеде и на рауте у консула я был, получив приглашение вместе с другими, в том числе с властями. По делу Жебелева нигде² не выступал (кроме Комм[унистического] универ[ситета], см. дальше) и не говорил ровно ничего. 9) О проведении списка я мог говорить и с Платоновым³, как говорил с другими академиками, но дело Жебелева⁴ было тут ни при чем, и оно, вообще, интересовало меня лишь с точки зрения никчемности самого сборника, в котором печаталась в Праге статья Жебелева. Об этой никчемности сборника я говорил публично в 1929 г. в Коммун[истическом] универ[ситете], давая отчет в качестве члена бюро секции научн[ых] раб[от]. 10) Совсем не помню разговора с Оксманом о Д. А. Толстом⁵, не усматриваю никакой аналогии с Бухаринным. 11) О Беренштейне⁶ я сказал только одно, что его считаю перво-степенным ученым и что у него ум «как прямая линейка», как бывает с математиками, так что и на выборы он смотрит прямолинейно. 12) Я был не против новых перевыборов трех академиков — напротив, я негодовал по поводу провала их и желал исправления дела, — а против обращения к Совнаркому, вместо того, чтобы просто Президиум предложил Конференции назначить новые выборы. Когда мне сказали о формальных к тому затруднениях, я сам поехал в Москву и был на заседании Совнаркома вместе с Иоффе, Марром, Крыловым и друг[ими]. 13) Никогда никакой диппочтой я не пользовался. Ученые, с которыми я вожусь (Мазон, Сильвен Леви, Альбер Матъез, Шарлети, Анри Озе, Жорж Ренар⁷), во-первых, дружественны СССР, а во-вторых, сплошь в оппозиции к своему правительству и, если бы даже хотели, едва ли кто-либо дал им возможность писать своим друзьям дипломатической почтой, не говоря уже о том, что я не согласился бы таким путем получать от них письма. 14) В Юрьеве я был выбран (в

¹ В копии слова за Преснякова против Любавского и никакого *подчеркнуты синим карандашом.*

² В копии слова По делу Жебелева нигде *подчеркнуты синим карандашом.*

³ В копии слова и с Платоновым *подчеркнуты синим карандашом.*

⁴ В копии фамилия Жебелева *подчеркнута синим карандашом.*

⁵ В копии слова с Оксманом о Д. А. Толстом *подчеркнуты синим карандашом.*

⁶ В копии слова о Беренштейне *подчеркнуты синим карандашом.*

⁷ В копии имена и фамилии Мазон, Сильвен Леви, Альбер Матъез, Шарлети, Анри Озе, Жорж Ренар *подчеркнуты синим карандашом.*

1913 г.) против ожесточеннейшего сопротивления правых (Крашенинникова, Невзорова, Красножена и др[угих]¹). 15) Сближение с Платоновым² относится примерно к 1926 г. 16) Я был все время за Преснякова³ и разошелся по этому поводу с Платоновым. И это до такой степени общеизвестный факт, что, когда было юбилейное чествование Преснякова³ в актовом зале Университета, то, по предложению декана тов[арища] Пальвадре⁴, я был единогласно избран председателем юбилейного собрания, это была демонстрация⁵ против Академии, и моя речь с укоризненными намеками против Академии была встречена овациями. О Любавском я говорил всем и всюду, что он величина гораздо меньшая, чем Пресняков. 17) О Социологич[еском] о[бщест]ве имени Ковалевского у меня сохранились очень смутные воспоминания. Там бывали Чернышев, П. Сорокин, И. Андреев, Финн и др[угие]. Был и я там раза два. Помнится доклад о поведенческом направлении в психологии и физиологии (behavior). Это было, кажется, в 1919–1920 или 1921 г.

Е. Тарле

24/II–1930

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

24/II–1930 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты почерком Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 46–49 об.

Копия; машинопись (на бланке; последний лист отсутствует). Т. 2. Л. 50–51 об.

¹ В копии фамилии Крашенинникова, Невзорова, Красножена и др[угих] подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова с Платоновым подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Преснякова подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии слова тов[арища] Пальвадре подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии текст обрывается.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

27 февраля 1930 г.

В дополнение своих точных показаний сообщаю, что обсуждение вопросов членами организации дополнительно к тем, о которых я показывал ранее, было следующее: о крестьянстве, об интеллигенции, со стороны материального ее быта и политической и правовой стороны. Исходили из того, что «интеллигенция приведена к полной покорности», были жалобы на цензуру (необходимость свободы прессы и т. д.), о международном положении СССР, в связи с некоторыми внутренними затруднениями. Точно не знаю, но не исключаю сбора денег для ссыльных лиц, связанных с организацией. Касаясь своей встречи со Сватиковым, связанным с одной организацией в Париже, финансирующей его поездки в другие города с лекциями против СССР, я виделся случайно, два раза, главным образом личная связь у меня была с его женой, по поручению которой я отвозил ее сестре, ныне Галкиной¹ (рожд[енной] Васильевой) несколько вещей женского туалета. За этими вещами Галкина приходила лично ко мне, причём меня не застала дома, я же к ней не ходил. Всего Галкину² видел я один раз, несколько лет тому назад. Со слов жены Сватикова³, Полины Васильевны, <известно> что он связан с Мельгуновым, Жандром⁴, Кульманом Елисеевым и др[угими], фамилии которых⁵ я не помню; также, что он, будучи на съезде ученых в Белграде в 1928 году, добивался свидания с королем. Известно, что Сватиков всячески⁶ добивался обратного получения от Академии наук его книг. На обсуждении тех вопросов, о которых я упомянул, были следующие лица: я, Платонов, Рождественский, кажется, Измайлов и др[угие],

¹ В копии фамилия Галкиной подчеркнута синим карандашом.

² В копии фамилия Галкину подчеркнута синим карандашом.

³ В копии слова жены Сватикова подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии вместо Жандром напечатано Жандровым.

⁵ В копии слова Мельгуновым, Жандровым, Кульманом, Елисеевым и др[угими] фамилии которых подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии слова Сватиков всячески подчеркнуты синим карандашом.

фамилии которых¹ сейчас точно не могу восстановить. Постараюсь припомнить.

Ак[адемик] Тарле

27/II-30 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 52-53.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 54-54 об. (Л. 55 — чистый).

20

Собственноручные показания Е. В. Тарле

2 марта 1930 г.

В дополнение к предыдущим показаниям сообщаю, что при обсуждениях и разговорах по вопросам организации, о которых я упоминал в предыдущих протоколах, бывали следующие лица: Богословский, Егоров, Любавский, Измайлов, Рождественский, Лихачев. В порядке своих политических интересов организация обсуждала следующие вопросы: о крестьянстве в его зажиточной части, на которую фактически организация рассчитывала. Помнится факт рассказа Рождественского, после его поездки в близкую к Ленинграду провинцию, о крестьянских настроениях, в общем антисоветских. Платонов эту точку зрения на деревню разделял, считая ее за положительную для работы организации. Говорилось и о Красной армии, являющейся в большинстве крестьянской, живущей настроениями деревни, а потому могущей оказаться не очень надежной для власти. Говорилось также о молодежи, на которую надеялись иметь соответствующее политическое влияние через посредство легальных и нелегальных возможностей. Богословский неоднократно высказывал самое пессимистическое и непримиримое отношение к современной университетской молодежи. Некоторые члены организации высказывались в том духе, что ни с одной европейской державой совласть войну не выдержит, вследствие

¹ В копии слова Платонов, Рождественский, кажется, Измайлов и др[угие], фамилии которых подчеркнуты синим карандашом.

чего падение ее неизбежно; упоминалось даже о поляках. Таким образом, считалось, что война ускорит падение соввласти. В случае же мирной обстановки выдвигалась теория длительного переходного периода. По мнению Платонова, за этим периодом должно было последовать установление конституционной монархии. В общем и целом организация конечной своей целью ставила способствование устранению существующего строя.¹

Мне известно из разговоров в Париже, что идея объединения всех монархических организаций Франции, Чехословакии и Югославии принадлежит ген[ералу] Лохвицкому² и, кажется, Спекторскому, о которых я упоминал ранее. Филолог Минорский, член Академ[ического] союза в Париже, деятельно помогает, по слухам, монархистам. Русская монархическая партия производит сборы для работы против СССР среди европейской аристократии в Биаррице, сборы производятся регулярно.³ Писатели — З. Гиппиус, Тэффи и Мережковский — связаны с Мельгуновым.

Отвечая на поставленные вопросы, сообщаю. Положение Сватикова таково: сам он тяготеет к правым, связался с Мельгуновым, Кульманом и др[угими], но в то же время не рвет и с милкоковцами. Состоит в Тургеневской библиотеке, в Академич[еском] союзе. Особым авторитетом, по-видимому, не пользуется: правые не могут ему простить, что он в качестве комиссара Временного правительства третирует прежних послов в 1917 г., а левые — его нынешних правых симпатий. У него есть, судя по словам его жены, и французские связи, в лице Жан-дра, члена какого-то банка. Он читает лекции и доклады по заданиям какой-то организации, финансирующей эти поездки. Он, судя по словам моего знакомого Герстена, сохранил связи с Югом, не то с Новочеркасском, не то с Ростовом, не то с Таганрогом, но в чем заключаются эти сношения, мне неизвестно. У него, по словам Герстена, есть связи с Ленинградом, откуда он получает информацию⁴. Бенешевич — тип ученого старого поколения, не принявшего революцию. По своей

¹ В копии текст от слов при обсуждениях до конца абзаца подчеркнут синим карандашом.

² В копии фамилия Лохвицкому подчеркнута простым карандашом.

³ В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто синим карандашом.

⁴ В копии текст от слов сохранил связи до слов получает информацию подчеркнут синим карандашом.

специальности он профессор церковного права и ученик проф[ессора] Горчакова¹. К церковной политике современности он относился отрицательно и не скрывал своих мнений. К Академии он относился враждебно даже еще до нового устава. Он был избран членом-корреспондентом Баварской и Венгерской академий и оскорблялся тем, что его не выбирают в нашу Академию. Последний год перед его арестом я его видал редко и случайно. О Риме и римском своем пребывании говорил с увлечением, говорил о работе в Ватиканской библиотеке. Говорил также, что его хотел[и] устроить где-то на кафедре за границей, но он, Бенешевич, не захотел. Говорил также, что его избрали членом редакции «Визант[ийского] журнала» (в Праге) и что он смотрит на это как на установление научной связи с Европой в его области. Бывали у него также живые связи и с Ватиканом². С Заозерским его соединяло почти полное тождество политических воззрений. Марксизма он не понимал и не принимал, был органически чужд ему, относился холодно и недоверчиво к тем, кто считался марксистом.

Акад[емик] Е. Тарле

2/III–1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

2/III–30 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; дата почерком Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 56–57 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 58–59 об.

¹ В копии слова проф[ессора] Горчакова подчеркнуты простым карандашом.

² В копии данное предложение подчеркнуто синим карандашом.

Выписка из дела № 228—1900 г. Особого отдела
Департамента полиции об Е. В. Тарле

15 октября 1901 г.

К о п и я

из дела № 228—1900 г. Департ[амент] полиц[ии]. Особ[ый]
отдел. О магистранте Университета св[ятого] Владимира
Евгении Викторове Тарле.

НАЧАЛЬНИК
КИЕВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ.
15 октября 1901 г.
№ 6237
г. Киев

Секретно

Господину Директору Департамента
полиции

В телеграмме от 10 числа сего октября месяца я имел честь сообщить Вашему Превосходительству, что 14 октября возможно ожидать в Университете беспорядка против бывшего приват-доцента, учителя, ныне магистранта Евгения ТАРЛЕ, привлеченного в качестве обвиняемого к Киевскому дознанию по 318 и 242 ст. Уложения о наказаниях и находящегося по ныне под особым надзором полиции на основании 416 ст. Уст[ава] Уг[оловного] Суд[опроизводства].

Беспорядок этот в стенах Университета предполагалось произвести выражением, посредством шума и свистов, недовольства названному ТАРЛЕ, во время защиты ТАРЛЕ диссертации для получения степени магистра всеобщей истории, за то, что он, будто бы, во время содержания под стражей в тюрьме по политическому делу не оказывал солидарности другим политическим арестантам, содержавшимся в тюрьме, отстал от них, выдал в показаниях товарищей и состоит, будто бы, агентом Жандармского управления, что совершенно ложно.

Беспорядки против ТАРЛЕ были направляемы извне, при содействии, главным образом, студентов, которые должны были для этого

прибыть в Университет в большом числе в день диспута, что было в интересах вообще агитаторов, желавших во что бы то ни стало нарушить порядок в здании Университета тем или другим способом.

Дабы предупредить беспорядок в Университете через появление в оном ТАРЛЕ, принимая во внимание, что я ему, ТАРЛЕ, как состоящему под особым надзором полиции, не давал разрешения на право жительства и приезда его в Киев и на временное даже пребывание в городе, о чем ко мне ТАРЛЕ даже и не входил с просьбою, тотчас же после появления в газетах о защите диссертации ТАРЛЕ 14 октября, сделал распоряжение о розыске ТАРЛЕ по городу, с целью задержания и возвращения его в г. Гельсингфорс, где ему разрешено было проживание, но ТАРЛЕ разыскан не был и по подворной отчетности проживавшим в Киеве не значился. 13 октября, накануне диссертации, в 5 ч. пополудни, заехал ко мне киевский полицеймейстер Цихоцкий и спрашивал меня, как ему поступить, если полиция будет вызвана или приглашена в Университет университетским начальством во время беспорядков против ТАРЛЕ, так как слухи сильно циркулируют по городу, что без беспорядка диспут в Университете не обойдется; причем г[осподин] полицеймейстер сказал, что ТАРЛЕ разрешено временное пребывание в г. Киеве г[осподином] генерал-губернатором, о чем ему сообщено, но мне ни г[осподин] генерал-губернатор, ни губернатор, которому также об этом разрешении не сообщалось, ни полицеймейстер, не сообщили.

Узнав, таким образом, что ТАРЛЕ разрешил временное пребывание в Киеве г[осподин] начальник края, я уже не считал себя вправе задерживать ТАРЛЕ, хотя он и был 14 октября, до диспута, обнаружен проживавшим в г. Киеве в квартире профессора Университета Лучицкого, где, несомненно, жил без прописки.

ТАРЛЕ проживал в г. Варшаве, откуда мною ему разрешено было выехать в Гельсингфорс, куда он не прибывал, а проездом остановился в г. С.-Петербурге, как он мне объяснил, где и проживал без моего разрешения, которого я бы ему никогда не дал, не считая возможным политических поднадзорных сосредоточивать в столице.

Таким образом, ТАРЛЕ находился в отсутствии с места жительства, ему разрешенного, и где он проживал — неизвестно.

ТАРЛЕ был разрешен приезд в Киев г[осподином] генерал-губернатором по просьбе профессора Университета св[ятого] Владимира Лучицкого, известного покровителя политических деятелей, неблаго-

надежного направления человека, о котором имеются неблагоприятные сведения в делах Департамента полиции и по телеграмме которого ТАРЛЕ прибыл в г. Киев, как объяснил мне последний. Таким образом г[осподин] профессор Лучицкий позволяет себе распоряжаться поднадзорными.

На диспуте в Университет собралось масса народу и студентов со свистками; ТАРЛЕ был освистан, был шум, но беспорядков не произошло в Университете, благодаря только тому, что в числе публики нашлись такие лица, которые воздействовали на молодежь в умиротворяющем направлении. А если бы беспорядок произошел, да еще в вечернее время, ибо диспут затянулся до вечернего времени, то Университет был бы всецело обязан г[осподину] профессору Лучицкому за беспорядок, ибо он знал, что беспорядок готовится студентами, о чем говорили в Университете. Впрочем г[осподин] Лучицкий принадлежит к числу таких людей по направлению, что всякий беспорядок, учиненный молодежью, в его духе и направлении, ибо он осложняет действия правительства.

В подтверждение сего привожу то, что ТАРЛЕ не был совершенно подготовленным к делу и представив совершенно и более чем неудовлетворительное сочинение, все-таки, благодаря профессору Лучицкому, признан достойным степени магистра всеобщей истории.

Насколько ТАРЛЕ был жестоко избалован в незнании предмета и в неудовлетворительности представленного им сочинения и перевода, служат доказательствами выходящие из ряда обыкновенных возражения, делаемые ему профессорами-оппонентами, сопровождавшиеся насмешками и хохотом в публике, в подтверждение чего прилагается вырезка из газеты «Киевлянин» о диспуте ТАРЛЕ, который получит степень магистра только потому, что он политический деятель, пострадавший и жертва администрации.

Приложение заслуживает прочтения.

15 октября ТАРЛЕ, явсья ко мне, подал прошение, в подлиннике при сем прилагаемое, которым просит разрешить ему проживать в С.-Петербурге, куда он выехал из Киева 15 октября. На это я разрешение не дал, объяснив ему, что прошение препровожу на распоряжение и усмотрение Вашего Превосходительства, прося о последующем поставить меня в известность.

На другой же день, после объявления в газете «Киевлянин» результата о диссертации ТАРЛЕ, при сем прилагаемого, мне пришлось слышать разговор, что стоит только за политическое дело посидеть в тюрьме и обратиться с просьбой к профессору Лучицкому, и ученая степень готова для отсидевшего в тюрьме на какой предмет угодно и что после полученного ТАРЛЕ степени магистра, при полном незнании предмета и неудовлетворительного во всех отношениях сочинения и перевода, представленного им, — студенты не могут относиться уважительно к профессорам Университета.

В числе неофициальных оппонентов, кроме шести профессоров местного Университета, был известный Департаменту полиции Василий Васильевич Водовозов, который выразился на диспуте неудобно, назвав ТАРЛЕ «непорядочным» даже переводчиком.

Генерал-майор **НОВИЦКИЙ**

С подлинным верно:

За завед. Архивом Революции и Внешней Политики: (Истомин)
Считал и сверил: (Козлов)

*Копия; машинопись; подписи Истомина и Козлова-автографы.
Т. 2. Л. 62–63.*

22

Письмо и [сполняющего] о [бязанности] заведующего
Архивом революции и внешней политики Истомина
сотруднице 4-го отделения СО ОГПУ СНК Ниткиной
со сведениями об Е. В. Тарле

[не позднее 5 марта 1930 г.]

Секретно.

В СЕКРЕТНЫЙ ОТДЕЛ ОГПУ, IV Отдел

тов[аришу] НИТКИНОЙ

Архив Революции сообщает, что по материалам Архива проходит выкрест из евреев¹, магистрант Университета свят[ого] Владимира ТАРЛЕ, Евгений Викторович.

¹ Слова выкрест из евреев подчеркнуты простым карандашом.

В 1897 году ТАРЛЕ Е. В. вел переписку с проживающей в городе Париже некоею «Дунею», разыскивавшей печатные материалы по рабочему вопросу, и со студенткой Парижского Медицинского факультета Дорой Пескер, состоявшей в связях с эмигрантами Гнатовским, Гуревичем, Антовым и друг[ими], сообщавшей ТАРЛЕ о своем посещении рабочих собраний, праздновании годовщины на могиле Массона и друг[ое].

30/IV–1900 г. во время стачки пекарей и булочников в г. Киеве на сходке, происходившей в квартире студенческой столовой, ген[ерал]-майором Новицким был застигнут в числе 55 человек¹ ТАРЛЕ Е. В. В его квартире производился обыск; при обыске обнаружена революционная брошюра издания «Рабочей мысли» — «Вопросы для собирания сведений о положении рабочего класса в России», после чего привлечался к дознанию в качестве обвиняемого.

По отзыву генер[ала] Новицкого, ТАРЛЕ убежденный социал-демократ, показания во время допросов дает неправдоподобные.²

15/VII–1900 г. министр народного просвещения, на основании сведений, сообщенных Д[епартаментом] п[олиции], воспретил ТАРЛЕ заниматься педагогической деятельностью в учебных заведениях Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения].

В течение 1900 и 1901 года ТАРЛЕ находился под надзором полиции.

В X–1900 года ТАРЛЕ ходатайствовал о разрешении ему быть преподавателем в Белостокском коммерческом училище, «при чем выражал раскаяние и верноподданические чувства».³

14/X–1901 года происходила защита диссертации ТАРЛЕ на степень магистра всеобщей истории, о которой начальник Киевского губернского жандармского управления 10/X–1901 г. сообщил в Деп[артамент] пол[иции] следующее: «. . . по полученным сведениям, враждебную против ТАРЛЕ демонстрацию предполагалось произвести

¹ Слова майором Новицким был застигнут в числе 55 человек *подчеркнуты простым карандашом.*

² Предложение *отчеркнуто синим карандашом.*

³ Слова «при чем выражал раскаяние и верноподданические чувства» *подчеркнуты и отчеркнуты простым карандашом. Все предложение отчеркнуто синим карандашом двойной чертой.*

ввиду того, что будто бы ТАРЛЕ, находясь в тюрьме после задержания его на означенной сходке 29/IV, не был солидарен с другими политическими арестантами, содержащимися в тюрьме, отстал от них, выдал в показаниях товарищей и состоит будто бы агентом Жандармского управления, что совершенно ложно».

В 1901 году ТАРЛЕ Е. В. был привлечен к ответственности в качестве обвиняемого по 4 ч. 252 ст. Уг[оловного] Улож[ения]; по соглашению с Мин[истерством] юстиции дело о нем разрешено вменением ему в наказание предварительного ареста с 29-го апреля по 3 июня 1901 года. На поданное в мае м[еся]це 1902 года ТАРЛЕ Е. В. ходатайство министру внутр[енних] дел о снятии с него запрещения заниматься педагогической деятельностью Деп[артамент] пол[иции] сообщил Управляющему Мин[истерством] нар[одного] проsv[ещения] о том, что никаких формальных оснований к устранению ТАРЛЕ от педагогической деятельности в настоящее время не имеется.

В период с 1900 по 1904 год ТАРЛЕ Е. В. прочел ряд лекций и рефератов, преимущественно на исторические темы.

ОСНОВАНИЕ: Дела Д[епартамента] п[олиции] О[событий] о[тдел] № 228/900 г., Д. VI № 558/903 г. и друг[ие].

Приложение: Копия из дела Д[епартамента] п[олиции] О[событий] о[тдел] № 228/900 г.

За завед. Архивом Революции и Внешней Политики: (Истомин)
Архивист: (Козлов)

Подлинник; машинопись, подписи-автографы. Т. 2. Л. 61 и об. Датировается на основании документа № 23.

**Сопроводительное письмо
начальника 10-го отделения СО ОГПУ СНК Ф. М. Генкина
М. А. Степанову о посылке запрошенных архивных материалов
об Е. В. Тарле**

5 марта 1930 г.

АЧ-3

Лит. Срочно. Сов. Секретно.

*Союз Советских
Социалистических
Республик.*

*Вх. № 273902 на № 51132 от 2/2 1930 г.
При ответах ссылаться на №, число и Отдел*

*Объединенное
Государственное
Политическое
Управление
при Совнаркоме.
Отдел Секретный
5 марта 1930 г.
№ 254538*

Ленинград. Нач. СО ПП ОГПУ ЛВО

Препровождая при этом материал на гр-на
Тарле Евгения Викторовича, сообщаем, что
других сведений о нем в Архиве не обна-
ружено

*МОСКВА. Площадь
Дзержинского, 2.*

Приложение: упомянутое на 3 лист[ах]

*Телефон:
коммутатор О Г П У
Краткое содержание:*

П/Нач. СО ОГПУ: (Генкин)
П/Нач. 4 Отд.: (Черток)

Подлинник; машинопись (на бланке); исходящие дата и № проставлены от руки; подписи-автографы. На документы проставлены каучуковые штампы с рукописными вставками: 1) ПП ОГПУ в ЛВО. Вх. № 11465. 7/III 1930; 2) Получено СОУ ПП ОГПУ 8/III 1930 № 5781, а также резолюции: 1) К след[ственному] делу; 2) Петров. Т. 2. Л. 60.

8 марта 1930 г.

В дополнение своих точных показаний считаю нужным добавить, что среди членов организации были обсуждения и разговоры о необходимости и своевременности интервенции со стороны иностранных держав по отношению СССР. Платонов учитывал возможность внешней войны и ее значение в ускорении перемены существующего строя. В соответствии с основными установками своей внешнеполитической линии Платонов рассчитывал главным образом на Германию. Во время своей поездки по Германии Платонов виделся и беседовал с Отто Гетчем, причем разговор касался также вопроса о своевременности интервенции СССР. Как мне известно, по общему строю своих убеждений Отто Гетч считал интервенцию несвоевременной и признавал ее вообще возможной лишь с разрешения версальских победителей. Одновременно Платонов, будучи во Франции, говорил по вопросу о своевременности интервенции с Коковцовым, который близок со многими лицами из правящих кругов Франции. Мне известно, что доклад Платонов в Париже делал, и что он его читал перед русскими слушателями. Характер доклада Платонова был политический и экономический обзор положения СССР, причем был построен исключительно с отрицательной стороны к общей политике соввласти. Среди слушателей доклада были и эмигранты.

Касаясь московской группы историков, связанной с организацией через Платонова, в которую входили Любавский, Егоров, Яковлев, Готье, Бахрушин, С. Б. Веселовский и др[угие]¹, мне известно, что они собирались у Богословского, являвшегося центральной фигурой этой группы историков, иногда у Яковлева или у Егорова. Собираясь, говорили и обсуждали реформы высшей школы, Академии наук и общественно-политические темы. Из группы б[ывших] военных, связанных с Платоновым и с организацией, мне известны Габаев, Измайлов, Петров, а с Платоновым лично — Пузинский, служивший² в Архиве с 1919 по 1923 г. Возможно, что входили в эту группу и другие, но фамилий я

¹ В копии фамилии Любавский, Егоров, Яковлев, Готье, Бахрушин, С. Б. Веселовский и др[угие] подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова Габаев, Измайлов, Петров, а с Платоновым лично — Пузинский, служивший подчеркнуты синим карандашом.

их не знаю. <Мне> Я узнал в Академии, что Бенешевич имел аудиенцию¹ у Папы в Ватикане, где ему был оказан очень радушный прием, и о том, что Бенешевич беседовал с Папой и в Ватикане о положении церкви в СССР. Лично он мне говорил о Ватиканской библиотеке и о том хорошем приеме, который ему там оказали. Я слышал, что его называли «резидентом Ватикана», но чем это обуславливается, не знаю. Впредь обязуюсь давать следствию тоже точные и откровенные показания.²

Акад[емик] Е. Тарле

8 марта 1930 г.

Центром монархической деятельности по северу Европы является В. Каррик, создавший около себя группу и пишущий в «Руле». До революции я его лично знал. Он являлся карикатуристом и участвовал в петербургских изданиях.

Е. Тарле

8 марта 1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

8/III-30 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты почерком Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 64-65.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 66-67.

25

**Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину
с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову**

12 марта 1930 г.

Н а ч а л ь н и к у Д П З

Прошу Вас не отказать телефонировать Сергею Георгиевичу Жупахину (нач[альнику] секретно-оперативн[ого] отдела ГПУ) следующее:

¹ В копии слова Бенешевич имел аудиенцию подчеркнуты синим карандашом.

² В копии данное предложение отчеркнуто красным карандашом.

Уважаемый Сергей Георгиевич, я желал бы дать дополнительный ответ на оставшиеся вопросы и вполне принимаю Вашу формулировку по первому вопросу¹. Сверх того хотел бы дополнить одно из моих прежних показаний.

Очень обяжете, если сегодня вызовете на допрос.

Академик Е. Тарле

12 марта 1930 года

Копии (А, Б, В): А) Машинопись. Т. 7. Л. Е.; Б, В) Машинопись. Т. 12. Л. 445 (оригинал), 446 (отпуск).

Подлинник в деле отсутствует.

26

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

16 марта 1930 г.

**Начальнику Секретно-оперативного
отдела ГПУ С. Г. Жупахину²**

Уважаемый Сергей Георгиевич!

Я написал дополнение к переданному Вам ответу³ на 1 вопрос и подготовил ответ на остальные.

Очень прошу меня вызвать на допрос, мне крайне необходимо переговорить с Вами.

С почтением Е. Тарле

16/III⁴

Подлинник; рукопись; автограф. В левом верхнем углу резолюция В след[ственное] дело, выполненная красным карандашом; подпись неразборчива. Т. 7. Л. 141.

Копия; машинопись Т. 7. Л. Е.

¹ В копии А слова и вполне принимаю Вашу формулировку по первому вопросу подчеркнуты и отчеркнуты двойной чертой синим карандашом.

² В копии перед фамилией С. Г. Жупахину вставлено тов[арищу].

³ В копии вместо ответу напечатано первому.

⁴ В копии дата дополнена -30 г.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

18 марта 1930 г.

В дополнение своих точных и откровенных показаний признаю, что, действительно, я сочувствовал идее интервенции и в бытность мою в Париже я имел беседу с доверенным лицом Бриана Пенго о необходимости интервенции по отношению СССР со стороны иностр[анных] держав. Директор архива Министерства иностранных дел Пенго со своей стороны был активно настроен по вопросу о необходимости и своевременности интервенции.¹ Моя встреча с Пенго произошла у профессора Луи Эйдельмана на квартире. Для политической характеристики Пенго должен сказать, что он является членом радикальной правительственной партии. Из ряда предложенных мне вопросов со стороны Пенго мне стало очевидным, что он занимается получением различного рода информационных сведений со стороны приезжающих из СССР.² В процессе нашей беседы со стороны Пенго были следующие вопросы: он начал после нескольких незначительных вводных фраз с того, что, мол, как беспартийные ученые могут жить в СССР, когда их преследуют. Затем он выразил мысль, что существование капиталистической Европы и СССР является неестественным и что то или другое должно уступить место, и осторожно поставил вопрос, как в СССР отнеслись бы в случае столкновения этих двух миров. Далее Пенго сказал, [что] если СССР нападет на Польшу или Румынию, то война со всей Европой неизбежна, причем прибавил, что Германия в данный момент тоже ведет политику против СССР. Далее заметил, что без Франции на континенте Европы сейчас совершиться ничего не может и что Франция никогда не забудет коминтерновской агитации во время восстания в Марокко в 1926 году. Затем он опять перешел к СССР и начал говорить, что в компартии идут жестокие раздоры и что партия накануне распада. Коснувшись общего положения внутри СССР, Пенго доказывал, ссылаясь на франц[узский] еженедельник Керенского «La Russie opprimée», что соввласть накануне краха, так как ему достоверно известно, что все крестьянство против соввласти. Пенго ссылаясь, помнится, еще на уверения и показания Вейцмана и других сионистов. Их показания он считал непререкаемыми и говорил, что

¹ В копии текст от слова признаю и до конца следующего предложения подчеркнут красным карандашом.

² В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

они лучше всех знают, что творится в СССР, и все их сведения всегда оказываются точными. Он заметил, что сионисты обвиняют Коминтерн в палестинском погроме, видя в Коминтерне злейшего из своих врагов, а потому будут помогать зависящими от них мерами всякому давлению на правительство СССР во всех странах, где они имеют влияние.

Во всем процессе означенной беседы с Пенго с моей стороны означенный разговор поддерживался, причем по некоторым отдельным пунктам я не возражал, а по другим возражал. В другие поездки мои за границу у меня были беседы и разговоры на тему об интервенции следующие:

1) с беллетристом Жаном Дюмюром¹, который говорил и восхвалял франц[узские] действия в Одессе и на юге в 1919–20 гг., причем добавлял, что это еще повторится, 2) с проф[ессором] Шарлем Сеньобосом, который сказал, что, по его мнению, Европа должна оказать давление на сов[етское] правительство в смысле превращения строя² в более демократический и что пока этого нет Франция должна ограждать Польшу от Советской России, 3) проф[ессор] Алевин говорил, что он на стороне английской оппозиции, требующей разрыва с СССР и интервенции. Отдельно нужно упомянуть еще разговор с проф[ессором] Варшавского университета Марселем Гандельманом, с которым я познакомился у Анри Озе. Гандельман говорил, что интервенция непременно совершится, и ссылался при этом на мнение Философова, известного монархическо[го] деятеля в Варшаве, и всячески доказывал, что в СССР это будут приветствовать. Из всех бесед и отдельных разговоров моих на тему об интервенции я вынес определенное мнение, что некоторая часть научных кругов крайне сочувственно относится к идее интервенции и практически проводит в правит[ельственных] кругах эту идею.

Акад[емик] Е. Тарле

18/III–1930 г.

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

18/III–30 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты по черкам Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 68–69 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 70–71.

¹ В копии вместо Дюмюром напечатано Дюмюран.

² В копии вместо строя напечатано страны.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

[не позднее 30 марта 1930 г.]

Подтверждая все данные мною собственноручно написанные показания, я, пользуясь предоставленной мне возможностью полностью изложить мое политическое кредо, заявляю:

Вскрытое следствием мое участие в ликвидированной контрреволюционной организации, возглавлявшейся Платоновым, заставляет меня нести законную ответственность. Я не в состоянии в полной мере учесть всех последствий¹ работы этой организации, так как далеко не обо всем знал, что она делала, но я уверен, что она принесла <бы> вред советской власти и не только способствовала контрреволюционным проявлениям внутри СССР, но и возбуждала надежды и делалась объектом политических расчетов зарубежной белоэмиграции и враждебных капиталистических стран.

Я знаю, что за политическую деятельность, которую вела организация, я в силу своего, хотя бы кратковременного, участия в ней несу как законную, так и моральную ответственность. В основном политическая программа организации своди<тся>лась к следующему:

1) к замене существующего строя установлением в России конституционной монархии во главе с быв[шим] в[еликим] кн[язем] Андреем² Владимировичем. 2) Организация в своей политике ориентировалась на зажиточные собственнические массы и на тесный военно-политический союз с монархической Германией.

Практически деятельность выражалась: 1) в создании нелегальных и полуполигальных кружков и объединений, руководимых академическим центром; 2) в установлении связи с национально-монархическими организациями Германии (через Платонова с Отто Гетчем и Шмидт-Оттом и Высшим Монархическим Советом русской монархической

¹ В копии вместо всех последствий напечатано все последствия.

² В копии слова В основном политическая программа организации своди<тся>лась к следующему: 1) к замене существующего строя установлением в России конституционной монархии во главе с быв[шим] в[еликим] кн[язем] Андреем *отчеркнуты синим карандашом.*

партии в Париже); 3) в установлении связи как с белоэмигрантскими монархическими организациями, так и с отдельными лидерами белоэмигрантского движения. Те вопросы, которые стояли перед организацией, т. е.: 1) учет настроений крестьянства и вообще провинции, 2) использование крестьянских настроений в Красной армии, 3) создание интеллигентских кадров (изоляция молодежи от коммунистического влияния), 4) объединение антисоветски настроенной интеллигенции, 5) использование организованным порядком всех возможностей в борьбе с мероприятиями соввласти в области науки и техники с целью срыва восстановительного процесса страны, 6) в интересах организации — информация зарубежных центров со стороны отдельных членов организации об экономическом, политическом и военном состоянии СССР, 7) мобилизация антисоветских сил во время войны и интервенции — достаточно определяют деятельность и цели организации.¹

Со стороны членов организации были предприняты шаги к вынесению обсуждения вопроса об интервенции за пределы организации и СССР. По этому вопросу вел переговоры Платонов С. Ф. с германскими национальными кругами в лице Отто Гетча и Шмидт-Отта и представителями белоэмиграции во Франции — Коковцовым, Маклаковым и др[угими]. Что касается меня, то я имел по этому вопросу беседу, будучи во Франции, при случайной встрече с проф[ессором] Пенго, доверенным лицом Бриана, являющимся видным деятелем французской внешней политики и сторонником интервенции.

Не умаляя своей ответственности за участие в организации, я все же считаю нужным объяснить, в силу каких обстоятельств объективно и субъективного порядка я оказался в ее составе.

Я категорически заявляю, что в данный момент желаю быть вполне искренним и последовательным в своем раскаянии.

Беспартийным социал-демократом я считал себя со студенческих времен². В первые годы после Октябрьской революции³ я склонялся к

¹ В копии п. 5, 6 и 7 подчеркнуты красным карандашом. Эти же пункты отчеркнуты тем же карандашом вместе с последующим предложением и словами По этому вопросу вел переговоры Платонов.

² В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

³ В копии слова В первые годы после Октябрьской революции отсутствуют.

Мартову, переходя на интернационалистическую позицию. Потом я перестал пристально следить за текущей политикой соввласти, допуская выводы о неправильности целого ряда мероприятий соввласти, особенно в области внутренней политики.¹

В моем поведении и в степени моего участия в организации, кроме политических ошибок, большую роль сыграли личные черты характера, согласно которым я избегал резких и отчетливых постановок вопросов, а также, в силу неизвинительного оппортунизма, часто избегал возражать другим членам организации в случае своего с ними несогласия. Кроме того, сыграли роль очень большую мои личные взаимоотношения с членами организации. Прошу верить, что меня, на первой стадии моего участия, сблизило с членами организации, в частности с Платоновым, в первую очередь научные взаимные интересы.

В заключение я хочу искренне сказать, что горячо раскаиваюсь в участии в этой организации и прошу соввласть в лице Государственного политического управления — простить мое участие в организации и тот ущерб, который я наносил этим участием. Всю свою дальнейшую жизнь я буду стремиться искупить свою вину творческой научной деятельностью на пользу рабочего класса.²

Зачеркнутые строки — зачеркнуты моей рукой.

Акад[емик] Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию; вероятна дата — 28 марта (см. документ № 31). Т. 2. Л. 152–153.

Копия; машинопись. В верхнем левом углу подпись и дата В. Медведь 30.3.30, написанные простым карандашом. Т. 2. Л. 154–156.

¹ В копии данный абзац и два предшествующих отчеркнуты простым карандашом.

² В копии данный абзац отчеркнут простым карандашом.

29

**Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину
с сопроводительной запиской помощнику начальника ДПЗ**

1 апреля 1930 г.

Помощнику начальника ДПЗ

Прошу Вас телефонировать Сергею Георгиевичу следующее (и не отказать сообщить мне, если можно, об ответе):

**Начальнику Секретно-оперативн[ого]
отдела ОГПУ
Сергею Георгиевичу Жупахину**

Уважаемый Сергей Георгиевич!

Мне крайне необходимо сделать Вам одно заявление и я очень прошу Вас вызвать меня сегодня, если Вы будете в ДПЗ.

Уважающий Вас Е. Тарле

1/IV-1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 143.

30

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

2 апреля 1930 г.

**Начальнику Секретно-оперативно го отдела
Сергею Георгиевичу Жупахину**

Уважаемый Сергей Георгиевич,

убедительно прошу Вас вызвать меня сегодня, у меня крайняя нужда говорить с Вами неотлагательно.

Уважающий Вас Е. Тарле

Среда 2 апреля

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 144.

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

[7 апреля 1930 г. ?]

Уважаемый Сергей Георгиевич,

на допросе 28 марта Вы сказали, что вызовете меня 30-го, — и я готовил некоторые дополнения и пояснения к своим показаниям.

Но в эти восемь последних дней я вызван не был. Идет уже третий месяц моего заключения, и я не буду говорить, как оно отражается не только на моих нервах, но и на жестоко мучающей меня каменной болезни, вызывающей теперь гораздо более резкие явления, чем два месяца тому назад. И помня Ваши слова, что ни одного лишнего¹ дня Вы меня в заключении держать не будете², я естественно переживаю очень мучительно новые и новые недели своего заключения. Я нисколько не сомневаюсь, что после документа, врученного Вам в последний раз, когда мы виделись, и Вас удовлетворившего, достаточно еще очень³ немногого, чтобы совсем устранить все препятствия, которые, по-видимому, еще стоят на пути к моему освобождению. Что касается дополнений и пояснений, о которых я выше говорю, то они относятся преимущественно к моему пребыванию за границей, отчасти же — к к[онтр]р[еволюционной] организации (платоновской). Насколько они могут представить интерес для следствия, я не знаю, но это уж выяснится на допросе, при личной беседе с Вами, писать же в этом письме было бы и длинно и неуместно.

¹ Слова Ваши слова, что ни одного лишнего *подчеркнуты простым карандашом.*

² Слова в заключении держать не будете *подчеркнуты простым карандашом.*

³ Слова и Вас удовлетворившего, достаточно еще очень *подчеркнуты простым карандашом.*

Должен сказать, что все подобные воспоминания приходят на ум лишь очень туго и случайно ввиду тех крайне тяжелых условий, в которых я теперь живу и которые влияют на мою психику.

Выражаю надежду, что Вы меня [вызов]ете¹ с ДПЗ.

Уважающий Вас Е. Тарле

На обороте Личное. Начальнику Секретно-операт[ивного] отдела ГПУ
Сергею Георгиевичу Жупахину
(III корп[ус] кам[ера] 153).

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию. Протокол, упоминаемого в тексте допроса с датой 28 марта, в материалах следственного дела отсутствует; вероятно, речь идет о документе № 28. Т. 7. Л. 145 и об.

32

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

9 апреля 1930 г.

Уважаемый Сергей Георгиевич,

в ожидании беседы с Вами я посылаю Вам то, что написал в последние дни. Я набросал тут кое-какие факты и мысли, которые либо пропустил, либо недостаточно развил в предшествующих показаниях. При личной беседе отвечу на вопросы, которые Вы поставили.²

Есть одна черта, которая оставила меня глубоко неудовлетворенным: ни в протоколах допросов, ни в последнем документе — (credo)³ мною подписанном, н и ч е р о не говорится о факте полного моего отмежевания от Платонова и его компании, т. е. от людей, с которыми я ничего общего не имею, которые впутали меня в свою политическую интригу, или вернее, которым я непростительно дал возможность⁴, позволил себя впутать, и которые так неискренно, фальшиво, предательски с начала до конца вели и ведут себя относи-

¹ Фрагмент текста на сгибе листа утрачен.

² Данное предложение Тарле вписано без особой отметки.

³ Слово (credo) вписано Тарле без особой отметки.

⁴ Слова дал возможность вписаны Тарле без особой отметки.

тельно меня. Я на них смотрю теперь даже не как на противников, а как на врагов, и это чувство все усиливается по мере размышлений над всем этим гнусным делом. Покрывать этих людей в чем бы то ни было у меня нет ни малейшего желания, — и если я чего-нибудь не говорю о них, то исключительно потому, что не знаю очень многого, что они делали и говорили.¹ Думаю, что прилагаемые дополнения об этом² достаточно свидетельствуют. Я считаю по з о р о м для себя привлечение по этому делу — и некоторой³ моральной реабилитацией выделение меня из этого дела. Дальнейшей реабилитацией будет в ся моя дальнейшая деятельность. Очень, очень жду Вашего вызова! Состояние мое и физическое, и психическое превращ [. . .]⁴ здесь в сплошную пытку, кото [. . .]⁴ не превращаясь в инвалида.

Уважающий Вас Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Помета в верхней части листа (Приложено 8 страниц) 9 IV почерком Тарле. Т. 7. Л. 146.

33

Собственноручные показания Е. В. Тарле

11 апреля 1930 г.

В завершение моих совершенно точных и чистосердечных показаний сообщаю, что существовавшая контрреволюционная организация во главе с С. Ф. Платоновым имела свое разветвление по ряду городов (университетских: Москва, Харьков, Минск и др[угие]). Конечной целью организации было, как я уже писал, свержение существующего в СССР государственного строя и установление конституционной монархии во главе с Андреем Владимировичем. Организация вместе с германскими монархическими организациями, в частности со «Стальным шлемом» и вообще с националистическими организациями, по выработанному соглашению имела задачей, после интервенции СССР,

¹ Данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

² Слова прилагаемые дополнения об этом подчеркнуты простым карандашом.

³ Слово некоторой вписано Тарле без особой отметки.

⁴ Фрагмент текста на сгибе листа утрачен.

установить тесный союз между Россией и монархической Германией.¹ Организация план интервенции разработала следующий: принимая во внимание существующее соглашение между союзниками и Германией, что последняя явится фактической исполнительницей интервенции в СССР, германские войска должны быть пропущены через лимитрофные государства в Ленинград, где одновременно будет высажен десант со стороны моря с одновременным появлением воздушного флота. Организация также учитывала внутреннее политическое состояние СССР, которое вследствие крестьянских волнений на почве земельной политики соввласти, крестьянских настроений в Красной армии, а стало быть, неповиновение власти, общий подъем повстанческого движения, в котором активную роль должны принять белые отряды, организованные за границей и переброшенные на территорию СССР для возглавления повстанческого движения в отдельных пунктах Союза. Также со стороны организации учитывались свои внутренние силы, которые должны были быть использованы как руководители отдельных повстанческих и других групп, принимающих участие в деле свержения соввласти по отдельным городам Союза. Этот план со стороны Платонова был согласован с Отто Гетчем, Шмидт-Оттом и Ионасом² в бытность их здесь в Ленинграде и в Москве.

(Я, со своей стороны, говорил, как указано в предыдущем протоколе, с Пенго, доверенным лицом Бриана.) Практическая деятельность организации выражалась в руководстве ячейками и группами, имеющимися в отдельных городах, напр[имер] в Москве, Харькове, Минске и др[угих]. В Москве во главе группы стоял Любавский³, в Харькове Бузескул⁴, в Минске Пичета⁵. В создании нелегальных и полулегальных кружков и объединений и руководстве ими, как напр[имер] в Ленинграде — кружки молодых историков, «Новый Арзамас», кружок Лаппо-Данилевского⁶, кружок Рождественского, кружок Дома ученых и др[угие]. Касаясь объединений, нужно упомянуть

¹ В копии текст от начала абзаца до слова Германией отчеркнут красным карандашом.

² В копии фамилии Отто Гетчем, Шмидт-Оттом и Ионасом подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Любавский подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Бузескул подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Пичета впечатана отдельно; первоначально Печеры с последующим исправлением.

⁶ В копии фамилия Лаппо-Данилевского подчеркнута синим карандашом.

организацию «Воскресение» (ликвидирован[ную]), связанную через своих руководителей Мейера и Половцеву с Платоновым¹, «Братство Серафима Саровского», связанное с Платоновым через Анциферова и Андреевского². В создании в интересах организации интеллигентских кадров посредством перечисленных кружков и объединений и изоляция посредством их молодежи от коммунистического влияния. Использование организованным порядком всех возможностей в борьбе с мероприятиями соввласти в области науки и техники с целью срыва восстановительного процесса страны. В интересах организации — 6) информацией зарубежных центров со стороны отдельных членов организации об экономическом, политическом и военном состоянии СССР и 7) всемерная подготовка к общей мобилизации антисоветских сил во время войны и интервенции. Организация имела руководящий президиум из семи человек, куда зачислил и меня Платонов. Президиум состоял из след[ующих] лиц: председатель Платонов, секретарь на правах члена президиума Измайлов, члены президиума Лихачев, Любавский (Москва), Бузескул (Харьков), Грушевский (Киев), Крачковский и я, Тарле³. Члены организации были следующие лица: Андреев, Измайлов, Рождественский, <Дружинин>, Васенко, Егоров и др[угие]⁴, фамилии которых вспомню. Средства на работу организация, в лице Платонова⁴, получала от Цейхлина⁵. Размер получаемых сумм на работу организацией мне точно неизвестен, но знаю, что в них отчитывался сам Платонов.⁶

Одновременно мне известно, что Платонов посылал регулярные отчеты о работе организации через Мерварта, Цейхлина в Германию, к Отто Гетчу и Шмидт-Отту. В отчетах преимущественно помещались сведения о росте монархических настроений среди интеллигенции, о работе в деревне, о работе среди молодежи, об организации ячеек, объединений и других форм работы организации и о вредительских действиях специалистов, работающих в интересах организации.

¹ В копии фамилии Мейера и Половцеву с Платоновым подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова с Платоновым через Анциферова и Андреевского подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии все фамилии подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Платонова подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Цейхлина подчеркнута синим карандашом.

⁶ В копии четыре последних предложения отчеркнуты красным карандашом.

Программная установка по церковному вопросу со стороны организации была: Собор и выборный Патриарх. Вся работа, произведенная с псевдонаучными целями в Эски-Кермене со стороны Платонова была всецело в интересах германской военной разведки. Это предприятие было искусно замаскировано необходимостью и большим научным интересом к ископаемым «готского города». Результаты, полученные от этого предприятия, с точки зрения научной равны нулю. Добавлю, что к членам организации принадлежал Карский, Жебелев С. А., Ляпунов, Сперанский, Богословский, Вернадский, Крылов, Щербатской, Романов, Шебунин¹, Петров, Коврайский, Раевский, Заозерский, Анциферов, Мария Платонова. Из числа белоэмигрантов входили Краевич, Ростовцев, Струве, Маклаков, ген[ерал] Лохвицкий, Нольде, Вернадский (Г.), Гессен, Изгоев, Васильев.²

Акад[емик] Е.Тарле

11/IV—1930

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

11/IV—30 г.

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты подчеркивания Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 76–79.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 80–81.

34

Собственноручные показания Е. В. Тарле

11 апреля 1930 г.

В дополнение к своим показаниям сообщаю, что действительно в 1923 году приезжала из г. Штутгарта (в Германии) Дора фон Плеттиц с рекомендательным письмом от подруги моей сестры, урожд[енной] Виктории Минчиной, ныне замужем за немецким профессором-физиком, фамилия коего, кажется, Рейнхардт. Письмо было адресовано непосредственно моей сестре М. В. Гарновской. Как я потом узнал, приезжая являлась ученой общественницей, занимающейся вопросами

¹ В копии фамилия Шебунин подчеркнута простым карандашом.

² В копии два последних предложения отчеркнуты простым карандашом.

педагогического характера. Формальные мотивы ее приезда в СССР с ее стороны сводились к желанию якобы ознакомиться с соответствующими учреждениями и постановкой дела в СССР. Мое конечное впечатление о ней свелось к тому, что у нее есть какие-то подозрительные специальные цели, далекие от формальных мотивов. Это впечатление мотивировалось несоответствием трудности и обширных размеров путешествия в те времена — сравнительно скромной цели, которую она выставляла, самый характер маршрута (дальше Москвы), хотя никаких интересующих ее учреждений там она предполагать не могла. Наверное, маршрут этот был выработан вместе с Мервартом в ее специальных целях. Пробыла она в Ленинграде несколько дней. В один из дней она была вечером у меня к чаю, куда были приглашены Радлов, Мерварты, акад[емик] Успенский с женой, сестра (Тарновская) и др[угие] (человек, в общем, 7–8). Говорила она все время с Мервартом на немецком языке. Свое предварительное знакомство с нею Мерварт тщательно скрывал¹, что является фактом, говорящим за то, что Дора фон Плеттиц имела, очевидно, в виду еще получение² специально<е> сведений от меня и через моих гостей об академических кругах. Лично я разговаривал с ней о Рурской оккупации, о девальвации марки, о канцлере Вирте, знакомство свое с которым она подчеркивала. После ее отъезда Мерварт мне сказал, что у нее есть дом или замок недалеко от Штутгарта. Больше мне о Доре фон Плеттиц ничего не известно.

Акад[емик] Тарле

11 апреля 1930

У меня по личным впечатлениям от беседы с нею составилось мнение, что Ленинград является лишь этапом, а что главная ее цель побывать в других городах, причем помнится, что поминался ею <как будто> Донбасс (что и показалось мне странным, так как интересующих ее якобы учреждений там быть не могло).

Ак[адемик] Тарле

11 апреля 1930

Допросил: зам. нач. СОУ

Жупахин

11/IV–30 г.

¹ В копии вместо скрывал напечатано скрывал.

² В подлиннике слово получение вписано Тарле без особой отметки.

В 1927 г. я был по приглашению в гостях у Мервартов, где были тоже акад[емик] Карский с женой, Платонов с дочерью Ниной Сергеевн[ой], д[окто]р Фурман с женой, тесть Мерварта проф[ессор] Левин с женой.

Акад[емик] Тарле

11 апреля 1930

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; даты по черкам Тарле и Жупахина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 72–73.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 74–75.

35

**Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину
с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову**

13 апреля 1930 г.

Н а ч а л ь н и к у Д П З

Очень прошу Вас не отказать в с р о ч н о й отправке Сергею Георгиевичу прилагаемого письма: дело в том, что вчера на моем допросе присутствовали начальствующие лица, — и я желал бы, чтобы Сергей Георгиевич получил мое письмо еще пока они не уехали из Ленинграда.

Крайне обяжете, если прикажете переслать это письмо немедленно!

Уважающий Вас Е. Тарле

13/IV–1930

Уважаемый Сергей Георгиевич,

вчера я очень худо себя чувствовал весь день и вследствие постоянной боли плохо соображал. Я убедительно прошу Вас не только вызвать меня сегодня, но и передать бывшим вчера начальникам мою просьбу присутствовать при допросе. Пусть уделят мне сегодня хоть час времени! Я, отвечая на Ваши вопросы, надеюсь убедить их в полном моем стремлении сказать абсолютно все, что знаю. Не откажите мне в этом, — ведь я понимаю как много для меня зависит от их впечатления. Вчера, уже идя в камеру, я вспомнил кое-что, что, по-моему, нужно было сказать в ответ на вопрос об отчетах,

посылавшихся Платоновым за границу, и что вылетело из головы в момент, когда спрашивали. Сегодня же, кроме того, я хотел бы снова подчеркнуть, что мои показания — вовсе не простое подтверждение чужих показаний, но совершенно добровольно мною даваемые свидетельства, которых я и не думаю брать обратно.

Я сделаю сегодня абсолютно все, что могу, чтобы ответить на Ваши вопросы, и чтобы присутствующие отказались от своих сомнений¹.

Уважающий Вас Е. Тарле

13/IV–1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 152, 157.

36

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

13 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич,

дайте мне возможность сегодня хоть полчаса говорить с Вами и с двумя начальниками! Я скажу абсолютно все, что вспомню и что знаю, — и дайте мне возможность категорически разъяснить, что все мои показания всецело добровольны и ничуть никем не подсказаны!²

Не откажите!

Умоляю Вас!

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Внизу текста карандашная помета почерком неустановленного лица 13.IV.30 г. Т. 7. Л. 155.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. Б.

¹ Слова своих сомнений подчеркнуты черным карандашом.

² В копии слова что все мои показания всецело добровольны и ничуть никем не подсказаны! подчеркнуты и отчеркнуты синим карандашом.

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину
с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову

15 апреля 1930 г.

Н а ч а л ь н и к у Д П З

Не откажите протелефонировать Серг[ею] Георг[иевичу] Жупахину прилагаемое письмо: он сам позавчера¹ просил меня вызвать его этим путем, когда будут готовы ответы на его вопросы.

Очень, конечно, хотелось бы знать, ждате ли вызова, но не решаюсь затруднять Вас просьбой об ответе.

Уважающий Вас Е. Тарле

Р. S. У меня истощились конфеты. Хотелось бы купить в кооперативе килограмм леденцов или конфет: нет сахара (тек[ущий] счет № 1406).

Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич,

у меня уже написаны ответы на Ваши вопросы и затронуты еще некоторые новые, — по поводу тех и других хотелось бы дать Вам устные показания.

Очень прошу Вас вызвать меня сегодня.

Уважающий Вас Е. Тарле

15/IV-1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 153, 154.

¹ Слово позавчера вписано Тарле без особой отметки.

**Постановление начальника 4-го отделения секретного отдела
А. Р. Строминна по делу № 1803 о привлечении Е. В. Тарле
в качестве обвиняемого**

15 апреля 1930 г.

1930 года апреля месяца 15 дня, я, <уполномоченный> нач[альник] 4-го отделения СО (указать отдел) Стромин (такой-то), допросив Тарле Евгения Викторовича и рассмотрев следственный материал дознания на него, по коему гр. Тарле Евгений Викторович достаточно изобличается в том, что он активно участвовал в создании контрреволюционной монархической организации, ставившей себе целью свержение соввласти и установление в СССР конституционно-монархического строя путем склонения иностранных государств к вооруженному вмешательству в дела СССР, руководил и участвовал в организованных организацией нелегальных кружках контрреволюционно настроенной интеллигенции и лично вел переговоры с представителями внешней политики иностранного государства с целью склонения их к разрыву дипломатических сношений с СССР и интервенции, т. е. преступления, предусмотренном ст. 58⁴, 58⁵ и 58¹¹ Уголовного Кодекса, руководствуясь ст. 128 и 129 Уголовно-Процессуального Кодекса, постановил: привлечь гр. Тарле Евгения Викторовича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в вышеозначенном преступлении.

<уполномоченный> Нач[альник] 4-го отделения СО	Стромин
СОГЛАСЕН: Начальник СО	Степанов
УТВЕРЖДАЮ: Начальник СОУ	... ¹

Обвинение мне объявлено < > 192 года

Подпись: Е. Тарле

Копия настоящего постановления препровождена 192 года

Ст. Пом. Обл. Прокурора по надзору за органами ОГПУ²

<уполномоченный> Нач. 4-го отделения СО	Стромин
---	---------

Подлинник; рукопись (на бланке формы № 2); подписи-автографы; в конце текста фиолетовый штамп с подлинным верно. Т. 2. Л. 98 и об.

¹ Подпись неразборчива.

² Подпись отсутствует.

**Постановление А. Р. Стромина об избрании
меры пресечения для Е. В. Тарле**

15 апреля 1930 г.

*Постановление о мере пресечения (изменении меры пресечения)
по делу № 1803–29 г.*

1930 года апреля месяца 15 дня, я, <уполномоченный> нач. 4-го отделения СО Стромин, <указать отдел> рассмотрев дело о гр. Тарле Евгении Викторовиче по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. 58⁴, 58⁵ и 58¹¹ УК, обсудив вопрос в порядке ст. 144 и 158 Уголовно-Процессуального Кодекса об избрании/изменении меры пресечения способов уклонения от суда и следствия и приняв во внимание, что пребывание его на свободе повлияет на дальнейший ход следствия

Постановил:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении обвиняемого гр. Тарле Евгения Викторовича избрать содержание под стражей в ДПЗ до окончания следствия.

<уполномоченный> Нач. 4-го отделения СО

Стромин

СОГЛАСЕН: Начальник СО

Степанов

УТВЕРЖДАЮ: Начальник СОУ

Постановление мне объявлено:

Е. Тарле

Копия настоящего постановления препровождена

Ст. Пом. Обл. Прокурора по надзору за органами ОГПУ.¹

<уполномоченный> Нач. 4-го отделения СО Стромин¹

*Подлинник; рукопись (на бланке формы № 8); подписи-автографы;
Т. 2. Л. 99 и об.*

¹ Подпись отсутствует.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

15 апреля 1930 г.

1. Организация, насколько я могу судить, зародилась в 1926 г., соби-
рались у Платонова, бывали Рождественский, Лихачев, Богослов-
ский¹, Андреев, Васенко, потом Измайлов². Разговор шел и на общеполитические и на университетско-академические темы. Платонов³ гово-
рил о собственническом крестьянстве, которое может стать основой
будущей России, о Красной армии, которая отражает настроение кре-
стьян⁴, о НЭПе как о сдаче коммунистич[еских] позиций⁵. По академи-
ч[еским] делам (о новом уставе, о степени автономии Академии) —
говорили, помнится, все. В общем, новый устав считали приемлемым,
кроме пункта о выборах, так как полагали, что роль академиков при
этом будет сведена к нулю. Лихачев очень опасался пункта о лишении
академиков звания, боясь злоупотребления этим пунктом. Рождествен-
ский как-то делился своими впечатлениями от поездки (кажется, в
Лугу) о крестьянах, которые будто нисколько не изменились по своим
воззрениям сравнительно с прежним временем (по воззрениям на соб-
ственность и т. п.). Но, вообще говоря, своими мыслями и предполо-
жениями члены организации делились непосредственно с Платоновым,
который вообще не любил собраний, обсуждений и т. п., а всегда и во
всех положениях, не только в данном случае, любил действовать ке-
лейно, с глазу на глаз, путем отдельных своих разговоров с отдельны-
ми людьми. Это — интриган и по натуре, и по всем ухваткам. По его
же теории можно зачислять в организацию людей, вообще подходящих
по своим взглядам, антисоветски в общем настроенных, даже не говоря
им об этом, а, так сказать, приберегая их впредь до удобного случая,
когда можно будет их использовать. Когда собирались у Платонова,

¹ В подлиннике фамилия Богословский вписана Тарле без особой от-
метки.

² В копии фамилии Рождественский, Лихачев, Богословский, Андреев, Ва-
сенко, потом Измайлов подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁴ В подлиннике слова о Красной армии, которая отражает настроение кре-
стьян вписаны Тарле без особой отметки.

⁵ В копии вместо позиций напечатано партни.

говорили иногда также о том, что всякая война с Европой непосильна для совласти и повлечет или ускорит ее ликвидацию. Разговоры носили характер такой, что возможность перемен не считалась непосредственно близкой, а относилась все-таки к будущему, и, по мнению некоторых, (напр[имер] Лихачева и Андреева¹), не очень близкому. Говорилось (Богословский, Платонов, Измайлов) об интеллигенции, которая должна быть ограждена от поглощения новыми коммунистическими кадрами, чтобы стать одним из факторов возрождения России в будущем. Когда приезжал Бузескул², говорилось об уродливых сторонах крайней украинизации (преследования русского языка и т. п.). Так как я в последние 1½ года очень редко бывал у Платонова³, то не могу сейчас вспомнить других тем. Повторяю, все скольконибудь деловое по части организации трактовалось Платоновым с глазу на глаз.

2. Моя роль была такова: Платонову я понадобился исключительно вследствие моего имени, известного в Германии, Франции и вообще в европейском ученом мире (в Швеции и т. д.) больше, чем имя кого бы то ни было из людей его компании и больше, чем его собственное имя. Он меня не любил, ехидно и гнусно бранил за глаза, о чем я, к сожалению, узнал слишком поздно, но, конечно, ухватился за возможность меня использовать. Мое имя в глазах, напр[имер] Отто Гетча⁴, должно было служить доказательством, что вот, мол, не только монархисты, но и ученые, гораздо левее стоящие, тоже примкнули к организации. С другой стороны, мои книги и лекции по текущей политике давали мне авторитет в этих вопросах. Словом, конечно, привлекая меня, Платонов спешил, где было нужно, впихнуть мое имя. Я спешу прибавить, что, говоря это, нисколько не желаю умалить свою вину, что я позволил себя привлечь людям, с которыми и по настроениям, и по симпатиям, и по всему прошлому ровно ничего общего не имел. Правда, за последний год я стал очень отходить от них, некоторые (Рождественский, Измайлов⁵) стали мне определенно противны, с самим Платоновым я виделся оч[ень] редко, и, конечно, я бы ушел от них вовсе в

¹ В копии фамилии Лихачева и Андреева подчеркнуты синим карандашом.

² В копии фамилия Бузескул подчеркнута синим карандашом.

³ В копии слова у Платонова подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии имя и фамилия Отто Гетча подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилии Рождественский, Измайлов подчеркнуты синим карандашом.

самом близком будущем.¹ Но, повторяю, я не хочу тут оправдываться. Моим наказанием явится не тюрьма, а сознание (для меня — позорное), что я по такому делу в тюрьме сидел, что я привлекался по делу о монархистах, которые, в случае реставрации, конечно, повесили бы меня одним из первых. Ведь я был им нужен именно для «переходного периода», когда мое имя могло бы сбить кого-нибудь с толку и принести им эту долю пользы². А пока Платонов расспрашивал меня, когда я возвращался из Франции, о настроениях французов относительно СССР, относительно Германии и т. д. А с другой стороны, на меня рассчитывали в смысле подготовки французов к политике, выгодной в целях организации (смягчение отношения их к Германии, чтобы этим развязать руки Германии и т. п.). Но ни разу это не было сказано ясно, это внушалось и намекалось. Платонов считал меня германофобом и не приглашал меня никогда, когда приезжал Отто Гетч, Шмитд-Отт и т. п., так что я с ними остался незнаком. О моем разговоре с Пенго³ я уже показывал. Разговор этот был по инициативе Пенго³, но я и тут не хочу что-нибудь замазывать или умалять свою вину. Он мог составить мнение, что я симпатизирую интервенции, хотя весь разговор больше был о прошлом (1920 г., французы в Одессе) и о Сибири, которой Пенго интересовался, говоря, будто там восстание и т. п.

3. Что Платонов писал какие-то отчеты в Германию, я заключил в 1928 г., когда он раза два сказал, что письма, которые он пишет в Германию, плохо переводятся, что нужно будет дать их перевести немцу природному, напр<имер> Мерварту.⁴ В другой связи он говорил, что Отто Гетч очень интересуется положением ученых и интеллигенции в СССР и общим положением СССР⁵, и из его слов я понял, что он в переписке с ним. Но что именно он писал в отчетах этих, я не знаю, он никогда мне их не показывал. Ему было, впрочем, вовсе не нужно кому бы то ни было их показывать, а он только тогда привлекал кого-либо, когда это было ему необходимо. Он говорил, что Отто Гетч очень мно-

¹ В копии текст с начала абзаца до слова *будущем* отчеркнут красным карандашом.

² В копии данное предложение отчеркнуто красным карандашом.

³ В копии фамилия Пенго подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии данное предложение отчеркнуто красным карандашом.

⁵ В подлиннике слова *и общим положением СССР* вписаны Тарле без особой отметки.

го расспрашивал, когда они с Любавским были в Берлине, об СССР, о положении дел.¹

4. Измайлов, как до меня дошло стороной, сам я этого не слышал от него, говорил о том, как развились гимнастические кружки в Германии и как бы хорошо было создать их и у нас, что это дало бы интеллигенции недостающий ей закал и т. п., насколько я мог уловить, это было нечто вроде идей бой-скаутизма.

5. Об интервенции — в организации говорилось очень мало, редко и бегло. Платонов как-то говорил в том духе, что она будет неизбежным плодом войны. Он в этом смысле возлагал надежды больше всего на Германию. После своей поездки в Германию («Русская неделя» 1928 г.) он стал об этом говорить реже, даже вовсе перестал. Приписываю это тому, что, очевидно, разговор с Отто Гетчем выяснил безнадежность интервенции со стороны кого бы то ни было в данный момент.

6. Разговор с Цейхлиным был летом, на даче у Мерварта (я жил в верхнем этаже). Мерварт однажды зашел со словами: «Приходите чай пить, у меня сидит Цейхлин, немецкий консул, хороший знакомый мой, очень хочет с вами познакомиться». Я пошел. Разговор был о самых разнообразных предметах, о Штреземане, его политике относительно Франции и СССР и т. п. Я не помню подробностей и точных фраз. Но смысл одной части этого разговора сводился к тому, что очень хорошо было бы осуществить союз континента против Англии (Франция — Германия — СССР), что этот союз был бы несокрушим, что французы должны были бы смягчить свою политику относительно Германии. Осторожно, намеками, он высказал мысль, что Германия может оказаться полезной для счастья России, как он выразился (это я запомнил: «für Rußland Glück»), если на Западе Германию хоть немного освободят от ига. Он явно проводил мысль, что я могу в Париже много сделать для улучшения общественного мнения относительно как Германии, так и «германско-русских возможностей», deutsch-rußische Möglichkeiten. Конечно, смысл был тот, что французы должны смягчиться к Германии, а Германия посодействует при случае антисоветской политике. Я силюсь вспомнить то, что я говорил: я сказал, что русская интеллигенция очень далека от враждебных чувств к Германии (моя фраза припомнилась сейчас: «die Erinnerung vor 1914 sind gänzlich

¹ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

vergessen»), что отныне судьбы России и Германии тесно связаны, что Раппальский договор 1922 г. был и остается исторической неизбежностью, что при всех возможных в будущем обстоятельствах обе стороны будут вынуждены к экономическому сотрудничеству. Вот, между прочим, моя мысль, которая могла подать повод к антисоветским истолкованиям: я сказал, что полное восстановление и России, и Германии мыслимо лишь при взаимной поддержке обеих сторон, и слово «восстановление» я выразил за незнанием более точного термина словом «Auferstehen». А между тем «Auferstehen» это сильнее, это означает нечто, вроде воскресения из мертвых, это придавало моим словам такой оттенок, будто я считаю Россию как бы нуждающейся в воскресении из мертвых, и Цейхлин мог отсюда сделать выводы, что я считаю возможным или имею в виду какие-то крутые перевероты и перемены в будущем, какое-то не просто восстановление хозяйственной жизни, а какое-то «воскресение из мертвых». Вследствие связанности и некоторой несвободы моего немецкого языка таких недоразумений могло быть немало. А Цейхлин, пришедший к Мерварту, чтобы видеться со мной (теперь я уж не сомневаюсь, что и его визит, и приглашение меня со стороны Мерварта не были случайными), Цейхлин, конечно, стремился каждое мое слово истолковать в желательном для него смысле. Вспоминая же то, что говорил он, я думаю, что его целью было дать знать своему начальству, что он искусно действует на пользу германского отечества, настраивая известного во Франции академика Тарле в таком смысле, чтобы он во Франции действовал на общественное мнение в нужном для Германии смысле. Помню еще, что я ему сказал, что покойный Олар был в очень хороших со мной отношениях и что он один из немногих французских профессоров, которые хорошо относились к Германии. Цейхлин на это сейчас же ответил несколькими фразами, в которых выразил надежду, что, пользуясь подобными знакомствами, я могу рассеивать французские подозрения об отношениях Германии и России. Эти слова Цейхлина имели, конечно, антисоветский смысл: он хотел бы, чтобы французы не думали, что Германия намерена поддерживать именно советскую власть, а что она поддержит и всякую перемену власти с такой же готовностью.

Теперь, думая о всем этом эпизоде, я останавливаюсь на роли Мерварта. О моей «германофобской» репутации он знал, меня укоряла за мою книгу «Европа в эпоху империализма» немецкая пресса; с консулом Цейхлиным он был близок, жили мы с Мервартом на одной и той же даче Дома ученых; Мерварту и могла прийти мысль познако-

мать меня с Цейхлиным. А Цейхлину не могла быть совсем безынтересной беседа со мной. Платонов, мало говоря со мной о своей организации, конечно, в сношениях с немцами именно и стремился использовать мое имя как все же более им в Европе¹ известное, чем имя любого другого члена организации. Цейхлин поэтому не мог не узнать, что я в платоновской организации. Что на самом деле Платонов так мало доверяет моим чувствам относительно Германии, что даже не знакомит меня лично ни с Отто Гетчем, ни с Шмидт-Оттом и ни с кем из бывающих у него немцев, этого Цейхлин мог не знать. Во всяком случае позондировать почву, как я отношусь к германской ориентации, Цейхлину могло желаться. А Мерварт и устроил эту встречу будто бы «невзначай», т. е. так, чтобы я думал, будто это случайный приезд Цейхлина на дачу. Кстати, по поводу Платонова: во время юбилея Академии наук, когда Платонов и Лихачев так демонстративно тепло принимали именно немецких делегатов, я находился в Париже в командировке, и мне туда писали, что Платонов выражал удовольствие, что меня нет и что я не порчу «ансамбля». Характерно, что Платонов не пытался вести со мной по поводу этих вопросов (о германской ориентации) споры и т. п., это ему было ни к чему. Ему достаточно было пускать в ход мое имя в своих разговорах с немцами, да и с французами, когда он был в Париже, всячески выдвигать мое участие, потому что никто из его близких так известен на Западе не был. Что наговорил обо мне Цейхлину Мерварт — этого я не знаю. При свойственной Мервартам лживости и фантазерству, они (особенно он) могли в данном случае предаться неограниченному полету фантазии. Эта черта у них (особенно у него) бросалась в глаза мне уже давно. Его рассказы о том, что он где-то избил один трех японцев, их рассказы об Индии — все это дает мне уверенность думать, что он мог рассказать Цейхлину обо мне все, что Цейхлину было бы желательно во мне найти. Ложь Мерварта всегда строится так, чтобы она была приятна его собеседнику, если он от собеседника зависит или ждет себе от своих рассказней какой-либо пользы. Его называли в Музее, где он работал, «достоверный лжесвидетель».

Чтобы кончить насчет разговора с Цейхлиным. Это тоже эпизод, о котором я вспоминаю с тяжелым чувством и в котором укорял себя. Мне не следовало, конечно, ни выслушивать Цейхлина, раз я догадывался, куда он гнет, ни тем более отвечать так, что выходило <крайне>

¹ В подлиннике слова в Европе вписаны Тарле без особой отметки.

неопределенное, но все же согласие с его положениями. Эти < . . . >¹ слова Цейхлина², как сказано, выливались в осторожную и затемненную форму, < . . . >¹ и фактически потом³ ни одного звука ни с кем в Париже, ни в других местах я не говорил — о том круге вопросов, который интересовал Цейхлина, но все-таки мне отвратительно теперь вспомнить, что я был в этом < . . . >¹ гнусном⁴ гнезде (тогда, правда, я не знал ничего о Мерварте и характере его деятельности), что говорил и как говорил⁵ с Цейхлиным и т. д. Я до сих пор говорил только о той части разговора с Цейхлиным, которая может ближе интересовать следствие. Упомяну, что разговор шел и о других предметах: о речи Штреземана по поводу плана Дауэса, о личности Штреземана, о степени влияния Гинденбурга на политику Германии, о романе Келлермана «9 ноября», о литературе и т. д. Не пишу подробно, так как едва ли это тут интересно.

7. Раскопки в Эски-Кермене стали мне известны со времени заседания Академии наук, где произошла запальчивая перебранка между акад[емиками] Жебелевым и Платоновым. Жебелев настаивал, что эти раскопки вздор и блеф, выдумка, что никакого «готского города» нет, что Академия не должна тратить денег и особенно не должна ручаться за серьезность этого дела перед германскими учеными учреждениями, которые готовы были финансировать эти раскопки, прислать научную подмогу и т. д. Платонов же (хотя он никакого понятия ни о каких готских раскопках не имел, не имеет и иметь не может и никогда ничем подобным не занимался) с жаром опровергал Жебелева и требовал, чтобы немцам от имени Академии было отвечено в положительном смысле. Так и было в конце концов сделано. Потом (уже летом) я с удивлением узнал, что Мерварт намерен туда поехать для раскопок, хотя и Мерварт никакого отношения к готам и их мнимому или действительному городу не имеет. Оказалось потом, что туда прибыли и какие-то немцы. Я уехал в Париж в начале августа и ничего более точного не знаю об Эски-Кермене, но не скрою, что мне вся эта история,

¹ *Неразборчиво.*

² *В подлиннике текст слова Цейхлина вписан Тарле вместо зачеркнутого (неразборчиво) без особой отметки.*

³ *В подлиннике слово потом вписано Тарле без особой отметки.*

⁴ *В подлиннике слово гнусном вписано Тарле вместо зачеркнутого (неразборчиво) без особой отметки.*

⁵ *В подлиннике слова и как говорил вписаны Тарле без особой отметки.*

при свете фактов сношения с Гетчем, с Notgemeinschaft и т. д. кажется странной и подозрительной.

О даче в Финляндии. Я помню лишь, что об этом как-то сказал Рождественский, т. е. о том, что вот, мол, хорошо бы иметь там общую дачу, на финляндской территории. Рождественский любил говорить эзоповским языком, с шуточками и прибауточками, двусмысленными фразами. В данном случае у меня осталось впечатление, что дело идет не только об общей даче, куда можно было бы отъезжать для отдыха, но и для возможных нужд и целей организации. Но мысль эта последствий не имела и заглохла сама собой. Ни от кого больше я о ней не слышал.

Еще несколько слов о моей личной роли¹. Я признаю свою вину и в том, что вошел в платоновскую организацию, и в том, что принимал участие в обсуждениях и разговорах, которые в этой организации велись, и в том, что в Париже вел разговор с Пенго об интервенции, и в том, что дал Платонову возможность использовать мое имя для своих антисоветских целей. Я горько раскаиваюсь во всем этом и не только в этом, а также во многом, что < . . . >² формально мне не ставится в вину, но что я сам себе ставлю в вину (и уже стал ставить себе в вину до ареста). Вся линия моего отношения к соввласти была неверна. Соввласть хотела со мной работать, а я отклонял одно за другим ответственные и почетные поручения (ректорство в ЛГУ, директорство в Библиотеке и т. п.), соввласть предоставляла мне много возможностей научн[ой] работы, которыми я и пользовался, и в то <же> время с нетерпением и раздражением относился к ней. Та компания, с которой я водился и истинное отношение которой к себе я теперь только уразумел, была моими врагами, а я относился к ней дружески.³ Соввласть, напротив⁴, относилась ко мне предупредительно, я был к ней часто несправедлив. < . . . >² Все это гибельные ошибки. Мой путь выбран теперь твердо и окончательно, правда, и в прошлом, смею думать, у меня есть заслуги перед соввластью, и мои поездки в Европу сопровождались такими выступлениями, которые приносили п р и з н а н н ы е моральные достижения советским представительствам (в Париже, в

¹ В копии слова о моей личной роли подчеркнуты простым карандашом.

² Неразборчиво.

³ В копии текст с начала абзаца до слова дружески отчеркнут красным карандашом.

⁴ В подлиннике слово напротив вписано Тарле без особой отметки.

Стокгольме). Такова была ломаная линия с зигзагами. Но теперь это будет по-другому. Все мое политическое поведение окрасится в другой цвет. Если я по своим силам и своей ученой репутации представляю собой какую-нибудь ценность, я хочу, чтобы эта ценность пошла на пользу трудящихся. Конечно, теперь, после пережитого, мне все это, может, и не удастся. Я хочу работать с соввластью, но захочет ли она работать со мной, я знать не могу. . .

Во всяком случае я чувствую потребность перед собой признать, что далеко не только одно участие в платоновской организации, но и очень многое другое в моей деятельности я считаю тяжелой ошибкой.

Е. Тарле

Платонов, по моему мнению, деньги от немецких деятелей, с которыми был в связи, получал. Он прежде всего поддерживал целый ряд бюджетов лиц, принадлежавших к организации, и для меня было загадкой, откуда он берет деньги для Рождественского, Васенко, Краевичей, которые годами жили на его счет или субсидировались с его стороны. Конечно, о деньгах этих¹ он вообще едва ли кому-либо говорил, даже из самых близких, даже из тех, кому он говорил все другое. (Подавно ничего не говорил мне).² Но наличность больших сумм угадывалась всегда. Отчетов в этих деньгах он никому не давал, по крайней мере, я даже и не слышал о таких отчетах. Тратились эти деньги, насколько могу судить, именно на поддержку нуждающихся лиц, близких Платонову.

Профессор Мадисонского университета А. В. Васильев, близкий человек Платонову, говорил мне в Париже, где мы встретились в 1928 г., что в Берлине Платонова очень ценят, что русская учащаяся молодежь устраивала ему овацию (он сказал «факельцуг») и что Берлин вообще его поддерживает. Но ничего более определенного Васильев не сказал. Платонов лично мне говорил о больших субсидиях, которые готовы ассигновать его немецкие ученые друзья на раскопки в Эски-Кермене. Он был крайне этим делом заинтересован.

Одним из центров, связывавших историков группы Платонова с немцами, был журнал «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte». Французы вроде Леритье и Эзенмана говорили мне, что это затея той фрак-

¹ В подлиннике слово этих вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

ции германского национализма, которая ставит ставку на союз с «будущей» Россией. Они же утверждали, что журнал именно и создан для собирания немецких и русских единомышленников ученых кругов и что этим путем (т. е. путем гонораров за статьи) немцы приходят на помощь русским ученым. Насколько это соответствует действительности — не знаю.

Е. Тарле

15 апр[еля] 1930 г.

Допросил:

А. Стромин

Подлинник; рукопись (л. 82–86, 88, 89 — на бланке); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. Т. 2. Л. 82–91.

Копия; машинопись (на бланке). Подпись Стромина — автограф. Т. 2. Л. 92–97.

41

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

17 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич!

Я в полном смысле слова потрясен тем, что Вы поняли мои слова так, что я только «подтверждаю» чужие показания! Я хотел сказать, что мои показания подтверждаются по существу другими. И я ведь тотчас же поправился и разъяснил. И на другой день, когда снова приехали оба начальника, снова категорически повторил, что мои показания совершенно самостоятельны и ни от каких других показаний независимы. Но если хоть неволью, каким-нибудь неловким построением фразы, я возбудил Ваше неудовольствие, — простите, это значит вышло совершенно помимо моей воли и намерения. Я в тот вечер вообще очень плохо соображал из-за преследовавшей меня весь тот день острой боли от камня, — и минутами еле говорил от боли. Ваше беспристрастное и благородное отношение ко мне было в течение всех этих кошмарных месяцев моей жизни единственным лучом надежды для меня. И теперь вот, когда уже шло к концу, вдруг все рушится, и

Вы не хотите лично допросить меня, хотя я убежден, что теперь Вы оба вполне бы удовлетворились¹.

Прощаясь со мной, один из начальников сказал: «Теперь Ваше дело обстоит так: Сергей Георгиевич вас еще допросит, телефонирует нам в Москву, и тогда все и кончится». Это, конечно, наилучшее, чего я всегда желал, так как дело мое полностью и всецело таким путем отдается на Вашу власть и решение. Но когда Вы лично меня допрашиваете, — я вспоминаю и говорю гораздо больше и яснее улавливаю нить и связь между фактами.²

Я скажу Вам абсолютно все, что знаю. Но — у меня есть теперь все же одна тяжелая проблема, именно как раз и касающаяся нескольких еще остающихся показаний, и эту проблему без Вас, без личного разговора с Вами и без Вашего мнения и совета я никак не могу разрешить окончательно (дело идет о ссылке на источник). И о многом еще хочется с Вами лично переговорить.

Вызовите меня, Сергей Георгиевич, и допросите!

Идут дни за днями, а от ускорения остающихся допросов зависит ведь и то, когда Вы меня освободите. Не сердитесь на меня. Я и без того чувствуя себя так, что целыми часами мечтаю о смерти, как о желательном исходе и избавлении. Это не фраза.

Искренне Вас уважающий Е. Тарле

17-го апреля 1930

Р. С. Вы как-то сказали мне, что Вам часто бывают удобны ночные часы для допросов. Всецело располагайте мною в этом отношении. Все равно, в ожидании Вашего вызова я не раздеваюсь и не ложусь до утра каждую ночь теперь.

Подлинник; рукопись (на бланке); автограф. Т. 7. Л. 156 и об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. 157 и об.

¹ В подлиннике слова Вы оба вполне бы удовлетворились подчеркнуты простым карандашом.

² В копии первые два абзаца отчеркнуты простым и красным карандашами.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

17 апреля 1930 г.

В своих дальнейших показаниях я остановлюсь более подробно на работе контрреволюционной организации, ее планах и целях и степени участия отдельных членов. В первую очередь относительно себя. Меня связал с организацией Платонов в 1926 г., он не переставал говорить о близком падении соввласти, о необходимости живым силам страны быть наготове, о необходимости связаться с Германией. Использование меня предполагалось в области внешней политики, по мысли Платонова, я должен был способствовать делу организации и поддержке этого дела во Франции. Он, не зная Франции, предложил мне действовать, на кого надлежит, в духе смягчения политики репараций и в духе старого людендорфского плана, т. е. Франция обеспечивает безопасность Германии и дает ей разрешение действовать против СССР. Из его слов я понял, что он создал центр какой-то конституц[ионно]-монархич[еской] организации. Роли Платонова и Измайлова были первенствующими. Сношения с Германией, с немцами, переговоры с ними — все это вел исключительно Платонов. Платонов был убежден в необычайной ценности покровительства со стороны Германии, ценности поддержки со стороны германских националистов и т. д. У него в голове образовалось такое представление, что не то одновременно, не то раньше, чем в России, соответствующий переворот совершится в Германии, и национально-монархическое правительство Германии будет иметь возможность помочь целям организации. Платонов, между прочим, был твердо уверен, что Германия скоро сбросит с себя оковы Версальского договора. Как это произойдет, когда, почему — этого он не касался. Верил он исключительно в Германию и считал ее гораздо сильнее Франции. К тому, что я сказал о планах организации, прибавлю, что организация (в лице Платонова) считала, что она может рассчитывать в случае успеха сразу же на большие займы в Германии, Франции, Америке (и тут тоже, как это ни странно, Германия была на первом месте).

О земельном вопросе. Тут предполагалось: 1) земли остаются собственностью тех, кто сейчас ими владеет, на этом только предполагалось возможным воскресить и укрепить принцип частной собственности, на котором должен был базироваться весь строй; 2) кто-то

(кажется, Лихачев) говорил о вознаграждении бывш[их] владельцев, но у меня не осталось воспоминания, как об этом пункте думал Платонов; 3) в городах — возвращение домов владельцам, новые заводы и фабрики разрешается открывать частным лицам, но национализированные заводы остаются в руках государства, так как нужно было бы считаться с обеднением казны.

Относительно лимитрофных государств. Тут предполагалось какое-то тесное единение экономическое и политическое. Исходили из предположения, что Латвия, Литва, Эстония прямо заинтересованы будут чисто экономически в дружбе с Россией и пойдут на уступки политические. Но великодержавная психология в духе «неделимости» все-таки была присуща почти всем им, и поэтому прорывались ноты в духе установления как бы гегемонии России над этими странами. Внутри страны предполагалось равноправие национальностей, хотя националистический дух был очень силен в некоторых членах (Платонов, Измайлов). В высших учебных заведениях предполагалась чистка всех коммунистических элементов и потом установление ограниченной автономии. Вообще большинство членов организации больше интересовалось диктатурой, которая будет вначале, чем последующим «нормальным» конституционным строем. Помнится, Богословский говорил, что диктатором мог бы быть Брусилов, популярный человек и вместе с тем не какой-нибудь эмигрант, не знающий происшедших изменений в психологии воинских масс. Эта черта, недоверие к эмигрантам-монархистам, была отчасти (но в слабой степени) у Платонова. С членами организации Платонов сносился келейно, с глазу на глаз, там, где ему нужно было говорить по делу. Из эмигрантов, с которыми встречался Платонов, больше всего подействовала на него встреча с Коковцовым. Он прямо о ней ничего не рассказывал, но в его планах постоянно встречались разные замечания о займах и т. п. из того круга вопросов, какими занимался Коковцов. Это стало заметно после поездки его за границу в 1926 году. Коковцов стоял за цензовую, очень урезанную конституцию, с длительной диктатурой вначале. Он же уверял, что возможен будет с самого начала большой заем и восстановление паритетной валюты. Что касается роли отдельных членов организации, то здесь, конечно, на первом плане стоит Платонов, за ним Измайлов. Платонов — душа всей затеи, сношения его с Андреем Владимировичем, с Отто Гетчем и т. п., монархическими организациями в Париже, направляющая и инструктирующая его роль несомненна. Что касается Измайлова, то я знаю только, что он имел в виду создание кадров на

случай восстания, говорил о ввозе оружия из Германии и его распределении в Ленинграде и Москве и вообще был представителем как бы офицерского элемента в организации. Бенешевич намечался в качестве устроителя церковных дел, причем у него была идея какого-то соединения католицизма с православием, что очень казалось на руку с точки зрения Платонова, так как сулило поддержку со стороны Рима. Рождественский — очень себе на уме, всю жизнь делал карьеру исключительно через Платонова, да и не мог иначе ее сделать вследствие полной своей бездарности. Лично я убежден, что Платонов ему оказывал и прямую материальную помощь. Рождественский наиболее близкий Платонову человек, и если кто-нибудь знал планы и дела Платонова, то именно он. У него были, конечно, связи и сношения с дворцовыми (послереволюционными) управлениями, музеями и т. д. в Гатчине, Петергофе, Павловске и еще где-то.

На вопрос о Мельгунове¹ могу сказать, что, как я слышал, у него идеология сейчас не н-с-овская², а монархическая. Он в смысле тактики стал убежденным террористом, причем проповедует террор не только внутри СССР, но и против полпредов за границей. В Париже были слухи об образовании при его деятельном участии боевых отрядов или групп молодежи в Праге, Белграде, кажется Люблянах, и еще где-то (в славянских землях). Он же употребляет, по слухам, усилия поместить кого-либо из своих приверженцев в архив ОГПУ, чтобы оттуда получать документы. Он работает в компании с Философовым (в Варшаве), Мережковским, Гипшиус, Меньшиковым, резко разойдясь с с[оциалистами]-р[еволюционер]ами (Марком Вишняком и др[угими]). Террористические кадры молодежи как-то связываются с белградским кадетским корпусом. Все это я знаю по слухам и потому деталей дать не могу. Но самый факт передают как нечто категорически реальное. Создалось это летом или осенью 1929 года. Деятельными идеологами ультрамонархического течения являются сейчас: Спекторский в Белграде, Кистяковский в Париже.

Лохвицкий. Лохвицкий — наиболее деятельная фигура³. Мне говорили о близости Лохвицкого к Коковцову и о близости Кутепова к

¹ В копии слова о Мельгунове подчеркнуты синим карандашом.

² Народно-социалистическая. (Примечание составителя).

³ В копии слова Спекторский в Белграде, Кистяковский в Париже. Лохвицкий. Лохвицкий — наиболее деятельная фигура подчеркнуты синим карандашом.

ним обоим. Платонов знает первых двух. Знает ли он Кутепова — это сказать не берусь. По тем же слухам, Мельгунов имеет сношения и связи с Москвой непосредственно.

О намерении Бенешевича в министры исповеданий¹ я узнал в 1927 г. не от Платонова лично, а от его дочери Нины Сергеевны. От нее же слышал о словах Измайлова насчет ввоза оружия². О платоновском соглашении с Германией я узнал <не> через самого Платонова и узнал в 1927 или 1928 году. Смысл этого соглашения был в тесном экономическом и политическом сотрудничестве России и Германии, в заключении займа в Германии, в заключении русско-германского торгового договора, который предоставлял русское сырье и русский рынок сбыта германской промышленности, а также облегчал транзитный ввоз в Персию (и еще куда-то). Платонов (С. Ф.) передавал мне об этом соглашении и другие подробности, которые я постараюсь вспомнить.

Е. Тарле

17/IV—1930

Допросил:

А. Стромин

Подлинник; рукопись (л. 100–101 на бланке; л. 101 об. чистый); текст и дата почерком Тарле; подписи-автографы. На обороте л. 101 синим карандашом написано На схему Гирс — церковный сектор Петров и Халтурин боевая группа почерком неустановленного лица. Т. 2. Л. 100–103.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 104–106.

43

**Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминным**

18 апреля 1930 г.

При мне Платонов в конце 1926 г. или начале 1927 г. говорил с Измайловым впервые³ о Пузинском, вспоминая о его службе в Архиве,

¹ В копии слова Бенешевича в министры исповеданий подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова Измайлова насчет ввоза оружия подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова с Измайловым впервые подчеркнуты синим карандашом.

говорил как о желательном человеке для работы в организации. Указывал на его скромность, сдержанность, энергию. Я сказал, что тоже помню Пузинского¹ с очень хорошей стороны, что вижу его на улице Халтурина и на набережной нередко, так как где-то там служит или у кого-то бывает, и что, если увижу его, то поговорю с ним и пошлю его к Платонову.

Через два месяца приблизительно после этого разговора я встретил Пузинского на площади² Урицкого и заговорил с ним о Платонове, о собирающемся у него круге лиц, об их идейной и политической окраске (антисоветской — в подробности я не пускался), об Измайлове и кружке офицеров, который он создает, об агитации, которую ведут по разным поводам и в разных местах члены платоновского круга. Пузинский отвечал выражением общего сочувствия деятельности этого круга (слово «организация» я не употреблял по отношению к группировавшимся около Платонова людям). Пузинский, повторяя мою мысль, сказал, между прочим, что прежде всего важно уже то, что можно свободным словом перекинуться о всем происходящем. Он сказал, между прочим, что слышал о больших арестах, даже и сам боялся ареста, но его не арестовали, может быть, арестуют по алфавиту, и до буквы «П» не дошло, добавил он в шутку. Он сказал, что бывает у Платонова, что и вообще к нему собирався и что увидится и с Измайловым. Сказал, что если увидит, что может быть полезен, то будет с ним, Измайловым, работать. Спустя некоторое время из слов Платонова я узнал, что Пузинский работает в военной группе.

Встретившись (опять на улице) с Пузинским спустя несколько месяцев, я говорил с ним очень недолго, несколько минут, и так как дело было на улице, то и вообще много распространяться не приходилось. Он сказал, что был у Платонова и Измайлова, что видится с Измайловым, и из его слов было ясно, что он работает с военной группой.

Наконец, когда по приезде моем из-за границы, Платонов, как я уже показывал в другом месте, заговорил как-то (в декабре 1928 г.) о том, как несколько месяцев тому назад хлопотали с припрятыванием оружия, то помню, что он упомянул вскользь имя Пузинского, к которому тоже обратился Измайлов за помощью в данном случае и который помог.

¹ В копии слова помню Пузинского *подчеркнуты синим карандашом.*

² В копии слова Пузинского на площади *подчеркнуты синим карандашом.*

Сияясь вспомнить, еще в каких случаях приходилось мне слышать имя Пузинского, могу привести еще разговор Платонова о будущей (после переворота) организации армии. Платонов упомянул, что в этом деле могут быть полезны такие опытные, надежные и серьезные люди, как Пузинский.

Евг. Тарле

Допросил:

Стромин

Копия; машинопись (на бланке). Дата на бланке. Т. 2. Л. 110–111.

Подлинник в деле отсутствует.

44

Собственноручные показания Е. В. Тарле

19 апреля 1930 г.

По поручению и от имени организации я виделся и говорил с Пенго, которого встретил у Луи Эзенмана¹. Я излагал до сих пор свидание с Пенго кратко и не оправдывал себя в своем отзыве об этом свидании, я сказал, что только раскаиваюсь в том, что говорил с ним и как говорил. Но если от меня требуется все, что я помню, и иначе не соглашаются верить, что я навсегда и бесповоротно отошел от того болота, куда так непростительно попал, то я и скажу все. Беседа с Пенго была: 1) о всем том, о чем я уже писал в предшествующих показаниях, и 2) часть беседы, о которой я до сих пор не передавал подробно, заключалась в следующем: Пенго спросил меня, как относятся к Франции в СССР и все ли разделяют вражду правительства. Я ответил, что не все, что это — текущая политика власти, а не общее настроение. Я передал ему, что политическое течение (*le courant politique*), которое считает желательной германскую интервенцию, интересуется, как отнесется к этому Франция, без разрешения которой это невозможно. Он сразу же отнесся очень критически, стал говорить, что Франция поможет всегда Польше, но никак не Германии, что Германия не имеет права по Версальскому миру перевозить свои войска куда бы то ни было, что Германия одна воспользуется всеми выгодами подобного вмешательства в дела России. Пенго сказал мне, что говорил с бар[оном] Нольде, что

¹ В копии вместо Эзенмана напечатано Эземана.

тот излагал ему аналогичную точку зрения (Франция прекращает нажим на Германию, дает Германии возможность интервенции в СССР). Зная, что Платонов виделся с бар[оном] Нольде, я не сомневаюсь, что Нольде говорил с Пенго именно по поручению Платонова. Между прочим, Пенго сказал мне, что бар[он] Нольде ему ответил на вопрос о царских долгах, что это составит предмет особых обсуждений, но что точных обещаний дать французам сейчас нельзя. Пенго все сводил к тому, что польской интервенции французы помогли бы, а комбинация с Германией очень сложна, и он ничего сказать тут не может. Что касается царских долгов Франции, то, согласно имевшихся у меня инструкций от Платонова и заверений Цейхлина, уплата долга Франции гарантировалась, то я задел этот вопрос в разговоре с Пенго, но высказался в том смысле, что вопрос об уплате долгов будет разрешен по соглашению обеих сторон, и во всяком случае Франция от этого выиграет.

Я виделся и говорил также с другим деятелем французской внешней политики Луи Алеви (Luis Halevy), доверенное лицо министра Лушера и член Общества держателей русских бумаг. Он начал с вопроса об обязательствах России в случае перемены власти. Я говорил с ним из тех же соображений, как с Пенго, и ответил аналогично, что политическое течение, которое я представляю, если придет к власти, принимает на себя старые обязательства, но сроки и методы уплаты будут определяться по соглашению. Я также говорил по поручению организации с Камиллом Блоком, директором «Библиотеки Войны» в Венсенском¹ замке. Он является друг[ом] сенатора Онора (Honorat), который, в свою очередь, близко стоит к Пуанкаре. Камилл Блок сказал, что больше, чем уплатой долгов, интересуются прекращением пропаганды Коминтерна в Марокко и в Индокитае; наш разговор коснулся и возможности интервенции в СССР, причем Блок сказал, что интервенция будет поддержана Францией, материальная же поддержка будет оказана Польше. Виделся я также с Брианом, Бертело и Эррио — в Сорбонне, на рауте, данным приезжим иностранным ученым, читающим в Сорбонне, со стороны совета Парижского университета, с Пенлеве и Эррио² — на завтраке Франко-русского общества научного сближения, с Пуанкаре и Полем Бонкуром и с сенат[ором]³ Онора —

¹ В копии вместо Венсенском напечатано Венском.

² В подлиннике слова и Эррио вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слово сенат[ором] вписано Тарле без особой отметки.

на рауте по поводу открытия новых отделов в Историч[еском] музее Венсеннского замка. Со всеми ими я познакомился и обменялся несколькими словами об СССР и политических группировках, существующих в СССР. Кроме Бертело, эти небольшие разговоры были не очень существенны. Бертело (очевидно, через Пенго) был в курсе <этой> разговора с Пенго об¹ организации, хоть и не упомянул о ней. Высказался в том духе, что Франция никогда не будет препятствовать делу экономического и политического возрождения (он выразился «*gessurrection*») России. Но что следует рассмотреть, при чем тут Германия, и сказал еще несколько слов в том духе, что специальных льгот Германии, так же, как специальных запретов они в данном случае делать не намерены. Бриан подошел к концу этого краткого разговора, но лично ничего определенного по вопросу не прибавил, сказал только с улыбкой, что держатели русских облигаций не дают покоя Министерству. Он ни разу не употребил в разговоре слова «интервенция», но спросил, большие ли долги у России по отношению к Германии. Я отозвался неведением. Он сказал еще, что Франция занимает наблюдательную позицию во всем, что касается СССР.

Что касается раута в Венсенне, то здесь К. Блок познакомил меня (он был хозяином в качестве директора Музея и Библиотеки истории новейш[ей] международн[ой] политики) с Онора, Полем Бонкуром и Пуанкаре, из которых последние двое несколько минут постояли около сен[атора] Онора и К. Блока, говоривших со мною. Онора сначала жаловался на Коминтерн, потом говорил об опасности нападения СССР на Румынию и т. п. Поль Бонкур стал сначала вспоминать какие-то рассказы о России Альберта Тома, его друга, а затем сразу обратился с вопросом, правда ли, что будет война СССР с Польшей. Я ответил, что не знаю, а Онора сказал, что вот есть слух (он так выразился), что Германия могла бы вмешаться. Поль Бонкур сказал, что это странно (*drôle*) и что он не представляет себе, как это может произойти. Пуанкаре задал мне два-три вопроса (о Сорбонне), а потом, когда Поль Бонкур опять заговорил с Онора о Германии, Пуанкаре сказал (обращаясь к Онора), что-то вроде фразы о невмешательстве Франции, пока не затронуты ее интересы, и еще что-то незначашее и общее. На этом рауте было человек триста, и Пуанкаре окружила сейчас же целая толпа людей и отвлекла его от группы, где я находился. Что касается Эр-

¹ В подлиннике слова разговора с Пенго об *вписаны Тарле без особой отметки.*

рио и Пенлеве, то их я видел в Франко-русском обществе на завтраке и там обменялся с ними только несколькими фразами, не имевшими касательства к вопросам интервенции.

Все эти имена я назвал Платонову, просто рассказавши об этих встречах и о нескольких словах, которые эти лица произнесли. Он же, очевидно, приписал разговор мой с Пенго, имя которого ему ничего не говорит, более ему известным и громким именам, тоже мною названным. Если кто из этих лиц чуть-чуть обстоятельнее говорил о предмете, интересовавшем организацию, то разве только Бертело и¹ сен[атору] Онора, которому рассказал об этом с моих слов Камилл Блок. Онора говорил, что Франции еще важнее, чем получение царских долгов, иметь гарантию, что Германия не усилится от союза с Россией, и что не будет ли все это дело губительно для Польши. Но и он поговорил об этом несколько минут. Единственный обстоятельный разговор был с Пенго, доверенным лицом Бриана и Бертело, директора какого-то департамента в Минист[ерстве] иностр[анных] дел.

Ферсман был с Платоновым заодно во всех² академических делах и в Президиуме Академии они действовали вместе. Платонов сообщил мне, что Ферсман продал³ какие-то секреты и получил за них 50 000 руб[лей] и еще одну сумму поменьше. Из этих денег часть он дал в распоряжение организации. В организации были сильны великодержавные элементы (Платонов, Любавский, Лихачев, Измайлов, Рождественский)⁴. Они признавали из всех отделившихся от России государств жизнеспособными лишь Польшу и Финляндию. Остальные рано или поздно в той или иной форме должны были войти в состав русского государства. Платонов и Измайлов считали⁵ необходимым знакомство с финляндской гражданской гвардией (или чем-то в этом роде, забыл точное название), охраняющей государств[енный] строй. Цель знакомства — подражание этому образцу.

¹ В подлиннике слова Бертело и вписаны Тарле без особой отметки.

² В копии слова Ферсман был с Платоновым заодно во всех подчеркнуты синим карандашом.

³ В подлиннике слово продал вписано Тарле без особой отметки.

⁴ В копии фамилии Платонов, Любавский, Лихачев, Измайлов, Рождественский подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии слова Платонов и Измайлов считали подчеркнуты синим карандашом.

Организация армии представлялась по образцу немецкой: кадровое офицерство, долгие сроки службы, добровольное продолжение службы по найму унтер-офицеров и солдат и т. д. Вообще Германия бралась во многом за образец. Платонов имел в виду развить деятельность по части вспомоществования лицам, прикосновенным к организации или потерпевшим на службе. Вместе с тем членских¹ взносов никаких я не знаю. Несомненно, для всех таких выдач и расходов имелись в виду немецкие фонды, получаемые Платоновым.

Организация собиралась сделать учет преподавателям высшей и средней школы, каких потом можно было бы привлечь к политической работе, начать предполагалось с Ленинграда. Заговорил об этом Рождественский. В дополнение к этому Измайлов предполагал выяснить, кто из бывших офицеров может сочувствовать целям организации, имея в виду Ленинград и Москву. Пропаганда и вербовка главным образом должны были вестись в городах. О деревне говорили, что она и без того будет становиться все более и более враждебной соввласти вследствие новейшей аграрной политики. Из городов опять-таки имелись в виду Ленинград и Москва в первую очередь. Говорили об этом Платонов, Измайлов, Рождественский, Андреев. Я был при одном из этих разговоров. Сказал, что деревни я не знаю вовсе, а в интеллигенции настроение, поддающееся пропаганде и раздраженное.

Организация помогала ссыльным и заключенным. Деньги были в распоряжении Платонова, и он же посылал их. Посылались деньги (называю тех, имена которых запомнил) Бенешевичу, Анциферову, Блинову, Сиверсу, Гринвальд, Соколовскому, Заозерскому, Шебунину², Насонову и др[угим], фамилии которых постараюсь вспомнить.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись (на бланке л. 112–113 об.); текст почерком Тарле; обложка почерком Строминина; дата на бланке; подпись-автограф. Т. 2. Л. 112–115.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 116–118 об.

¹ В подлиннике слово членских вписано Тарле без особой отметки.

² В копии фамилия Шебунину подчеркнута простым карандашом.

20 апреля 1930 г.

Перед Платоновым я отчитывался устно сразу же после возвращения из последних двух командировок. Я сообщил ему о всех своих разговорах с французскими деятелями Эррио, Пенго, Пенлеве, Брианом, Пуанкаре, Бертело, Полем Бонкуром и сен[атором] Онора и о результатах, полученных от них в пользу идей организации и германской интервенции. Когда я ему изложил французскую точку зрения, он был огорчен за немцев, что нельзя посулить им перемену обращения с ними со стороны французов в случае германской интервенции.

Относительно вооружения организации я узнал от Платонова и Измайлова лично. Они рассказывали мне, что оружие прибудет из Германии, когда оно понадобится. Переговоры об этом вел Платонов с Отто Гетчем. Имелось в виду, что оружие будет доставлено в Ленинград морем и будет храниться в Ленинграде, Москве и провинциальных городах с тем расчетом, чтобы в случае восстания вооруженное выступление могло бы произойти одновременно в нескольких пунктах. Платонов был того мнения, что рассчитывать можно только на интервентов, а восстание необходимо для демонстрации общенародных чувств. Сопоставляя теперь все разговоры об оружии, я вспоминаю предположение Платонова купить дачу в Финляндии, которая должна была, очевидно, явиться конспиративной квартирой и для хранения оружия, и для нелегальной литературы. Встретившийся со мною в Швеции в марте 1929 г. гельсингфорский проф[ессор] Миккола, знакомый Платонова, утверждал, что Платонов скоро посетит Финляндию и намерен купить дом около Выборга. Это является лишним подтверждением, что эта дача должна была служить целям организации. Измайлов был в центре круга вопросов об оружии и вооруженном выступлении и т. д. Он говорил, что главной задачей вооруженного восстания является дать толчок, а что затем последуют отпадения красноармейских частей. Он же говорил, что большую ошибку совершают те бывшие офицеры, которые не служат в Красной армии, так как они могли бы помочь. Платонов при мне высказал мысль, что, имея пулеметы, даже не нужно большой массы при восстаниях, Измайлов говорил об организации вооруженных кадров молодежи наподобие «Стального шлема».

Что касается (актов) свидания Платонова с ген[ералом] Лохвицким, должен сообщить, что это свидание состоялось в 1928 г., когда Платонов был в Париже. Об этом свидании Платонов вспоминал с удовлетворением, так как Лохвицкий произвел на него впечатление дельного человека. Лохвицкий, как я уже показывал, в настоящее время является чуть не центром монархической эмиграции. Он связан с Маклаковым, Струве, Семеновым, Гукасовым, Коковцовым, Краевичем, бар[оном] Нольде и Кириллом Владимировичем. Он заведует финансами Монархического совета, раздает подачки и субсидии, и это дает ему большую власть. Официально Лохвицкий числится на службе у Кирилла Владимировича. Об этом он сам заявлял на заседании одного эмигрантского междупартийного общества помощи ссыльным и заключенным.

В отношении актов отречения¹, законно хранившихся в Академии наук, должен сказать, что Платонов, сохранив акты, имел в виду, что отсутствие их в руках соввласти может способствовать легализации позднейшей реставрации. Слово «легализация» не вполне точно выражает здесь мысль Платонова, он считал, что таким путем можно ослабить впечатление от добровольности отречения и представить низвержение династии как чисто революционный, насильственный акт. При отсутствии подлинника и опорочении свидетельств Шульгина и Гучкова и утере кем-то из них копии можно было бы оспаривать факт отречения. Мне эту мысль Платонова разъяснила Надежда С[ергеевна] Краевич в декабре 1929 года в Париже, когда в газетах было опубликовано увольнение Платонова от всех должностей по Академии и об обнаружении подлинников актов отречения Николая и Михаила Романовых. О встречах Платонова с Андреем Владимировичем мне известно, что виделись в 1926 и 1928 гг. в Берлине.

Организация решила прибрать к своим рукам Палестинское общество, имущества которого за границей. Еще Успенский говорил, что он знает, что Платонов хочет внедриться в Палестинское общество и взять его в свои руки. Это общество вначале было закрыто, а потом вновь открыто соввластью, и вопрос шел о том, кто поедет в Турцию и Палестину спасать права на имущество. В конце концов дело перешло в руки Бенешевича (после смерти Успенского), и отчасти к этому делу присоединено было дело об имуществе быв[шего] Русского археологич[еского] института в Константинополе. Для этого, по предложению

¹ В подлиннике слово отречения вписано Тарле без особой отметки.

Платонова, должен был выехать в Турцию М. Д. Беляев, сотрудник Пушкинского Дома, долженствовавший действовать по инструкциям Платонова. Платонов хотел создать такое управление Палестинским обществом и его имуществом, при котором соввласть фактически отстранялась бы, а управляли бы они, Платонов и его люди.

Об издании журнала мыслилось так, что какое-нибудь издательство (Платонов называл «Время», Измайлов, кажется, издательство «Academia») будет издавать ежемесячник общественно-политического и литературного содержания для пропаганды идей организации. Платонов был бы во главе политического и исторического отделов. Измайлов — во главе литературного, я должен был бы писать иностранные обозрения, не помню сейчас, какие еще предполагались отделы и сотрудники. Запомнил я след[ующих] лиц: В. Вернадского, Ольденбурга, Ник[олая] Морозова, Оксмана, Анциферова, Л. Гроссмана¹. При обсуждении программы журнала выдвигался принцип «независимой критики» как в политической, так и в литературной области. Вскоре, однако, все разговоры о журнале прекратились из-за цензурных условий, и Платонов первый заявил, что дальнейшие беседы по вопросу о журнале бесполезные, так как легальная пресса (оппозиционная) сейчас невозможна, с отсутствием свободной прессы можно бороться тайной, а с отсутствием свободы собраний нелегальными кружками.

Е. Тарле

Допросил:

А. Стромин

20 апр. 1930 г.

Подлинник; рукопись (на бланке л. 119–120); текст почерком Тарле; обложка и дата почерком Стромина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 119–121.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 122–123 об.

¹ В копии фамилии Ник[олая] Морозова, Оксмана, Анциферова, Л. Гроссмана подчеркнуты синим карандашом.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

21 апреля 1930 г.

В дополнение своих прошлых показаний сообщаю, что одной из главных задач организации было вобрать как можно больше антисоветски настроенных элементов в свои ряды, как бы ни рознились они по своей положительной программе. Организация стремилась объединить все оппозиционно настроенные группы и заставить их обманом или открыто служить монархическому движению. Организация имела даже в виду использовать раскол в партии и возлагала надежды на троцкистское движение в Красной армии. В моем присутствии Измайлов, говоря о пропаганде идей организации в Красной армии, высказывал мысль, что на этой почве организация может развить и свой успех. Ставя в пример организацию армии в Германии и многочисленные кружки, в которых ведутся военные занятия под покровом мнимых гимнастических организаций, он указывал на необходимость ввести у нас аналогичные занятия для выработки кадров руководителей будущего антисоветского выступления. Мне точно известно, что в этой области уже проводилась практическая работа, у Измайлова были списки лиц, которые числились в качестве участников таких занятий.¹ Лозунгом Измайлова было, что необходимо как можно скорее создать кадр руководителей, а рядовые найдутся, когда понадобится.

Другая сторона деятельности организации выражалась в систематическом захвате наибольшего количества командных высот. Так, Платонов постепенно стал заведовать Пушкинским Домом, Археографической комиссией, Библиотекой Академии наук, Обществом любителей древней письменности. В этих местах работа проводилась в духе, согласном с интересами организации, и подбирался соответствующий личный состав. Во всех этих учреждениях создавались такие условия, при которых советски настроенные служащие постепенно дискредитировались и выживались. Кроме того, Платонов, став членом Президиума, распространил свое влияние и на все другие учреждения Академии наук, преследуя свои политические цели, в одних случаях тормозил, в других ускорял и облегчал начинания и мероприятия, которые

¹ В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

так или иначе были ему выгодны. Бывали случаи, когда Платонов и Ферсман сознательно срывали ассигнования на отдельные мероприятия, которые были нужны с точки зрения интересов советского правительства.¹ Организация вела также свою подрывную работу всюду, где только представлялась возможность: на экскурсионной ли работе, в средней ли или высшей школе, среди молодых ученых и даже в научных обществах и организациях. Работа экскурсионной базы² использовалась организацией для воспитательно политических целей. Проявлялась тенденция показать все старое с самой выгодной стороны, пробудить любовь, и интерес, и сочувствие к минувшему строю. Нужно сказать, что у некоторых членов организации, работавших по средней школе, Шебунина, Анциферова, Гревса, работавших по инструкциям Платонова, были известные достижения в деле обработки молодежи в антисоветском духе. Пропаганда сводилась к противодействию влияний советской школы и таких ее явлений, как комсомол, пионерорганизация, антирелигиозные кружки, антирелигиозные выставки и т. д. Этому противопоставлялось воспитание детей на дому, критика советской системы, комсомольских и пионерских организаций, влияние семьи и домашней обстановки. В высшей школе стремились объединить в кружки антисоветски настроенное студенчество и преподавательский состав (кружок Гревса и Добиаш-Рождественской, кружок³ молодых историков, кружок Заозерского), кроме того, в течение ряда лет, 1925–1926, 1927 и позже, в годовщину основания Импер[аторского] С[анкт-]П[етер]б[ургского] университета, 8 февраля, устраивались собрания близких по духу людей, на которых бывали Рождественский, Платонов, Кареев, Гревс, Заозерский, Приселков, я — Тарле, Романов, Степанов, Насонов, Данини, Шайтан, Добиаш-Рождественская, Тихонова⁴-Клименко и др[угие] члены организации с той целью, чтобы собрать вокруг себя новых единомышленников. На собраниях произносились оппозиционные по отношению к сов[етскому]

¹ В копии слова сознательно срывали ассигнования на отдельные мероприятия, которые были нужны с точки зрения интересов советского правительства *подчеркнуты простым карандашом.*

² В копии слова экскурсионной базы *выделены простым карандашом с пометкой на полях Анциферов!, почерком Стромина тем же карандашом.*

³ В копии слова стремились объединить в кружки антисоветски настроенное студенчество и преподавательский состав (кружок Гревса и Добиаш-Рождественской, кружок *подчеркнуты простым карандашом.*

⁴ Так в подлиннике; правильно Тихонова.

правительству речи и открыто предсказывалось (Шайтаном) падение соввласти. Эти вечера устраивались в складчину в Доме ученых (по ул[ице] Халтурина) и на Мойке, 54. Помимо приобретения новых единомышленников, эти собрания преследовали цель агитации против отсутствия свободы науки и свободы печати. Когда Платонов лично не бывал на этих собраниях, он всегда требовал от нас полного отчета о всем происходившем. Эти вечера были одной из форм влияния организации. Другой формой влияния являлись ежегодные громадные по количеству публики вечера слушательниц б[ывших] Высших женск[их] курсов, ежегодно происходившие чаепития на Мойке, б[ывший] д[ворец] Юсупова. Выступали тогда те же лица, что и 8 февраля, причем речи их носили почти тот же характер. Агитация также велась по поводу отдельных выдающихся моментов текущей жизни, напр[имер] казнь Сакко и Ванцетти, избиение рабочих в Берлине и вообще революционных выступлений за границей. В этих случаях члены организации старались влиять на умы в том смысле, что в СССР существует еще больше темных явлений. Агитация также велась и на антирелигиозных выставках и манифестациях. Помимо перечисленных учреждений, в которых Платонов играл руководящую роль, и Палестинск[ого] общ[ества], которое также должно было войти в сферу его влияния, организация стремилась также забрать в свои руки Академию истории материальной культуры, Об[щест]во древней письменности, Эрмитаж, Об[щест]во истории и древностей российских в Москве (закрыто соввластью в 1929 г.), Русский музей, Университет (если бы ректором оказался проф[ессор] Дерюгин¹) и др[угие]. Центархив был во власти Платонова до 1923 года и весь был предоставлен избранным его последователям, из которых большинство стали позднее членами организации. Были также попытки распространить свое влияние на Белорусскую Академию наук. В этом отношении должен был действовать Богословский, собиравшийся говорить с А. И. Ясинским, пользующийся известностью убежденного монархиста. Все эти учреждения организация намерена была превратить в орудия своей будущей политической деятельности². Рукописное отделение [библиотеки] Академии наук было превращено в хранилище государственных бумаг, скрытых от советской власти. Пушкинский

¹ В копии слова проф[ессор] Дерюгин подчеркнуты простым карандашом.

² В копии слова политической деятельности подчеркнуты простым карандашом.

Дом был превращен в такое же хранилище, причем, помимо архивов, там хранились ценности, принадлежавшие Измайловскому полку и даже отдельным бежавшим из СССР политическим деятелям. О Пушкинском Доме в организации откровенно говорили, что он явится одним из пунктов, с которыми будет связано возрождение России.¹

В организации обсуждался также вопрос относительно спасения старых икон и драгоценной церковной утвари. Инициатором этого вопроса был Богословский. Высказывалась мысль, что под этим прикрытием учреждения, где распоряжаются члены организации, могли бы укрыть вообще много драгоценностей, которые впоследствии пригодились бы для целей организации. Между прочим, организацию очень интересовал вопрос о разрушении старых церквей. По этому вопросу делал сообщение приехавший из Москвы, служивший в Наркомпросе Анисимов². Много говорилось о том, что религиозные чувства не ослабели, а, наоборот, в народе усилились. При этом высказывалась мысль о необходимости проведения большой чистки среди духовенства³ и о создании духовенства нового⁴. Намечалось вовлечение в организацию лиц духовного звания. Был ли членом организации посещавший Платонова молодой священник, я не знаю. Фамилии его не помню.

Большим стремлением Платонова всегда было стать во главе издательства или войти совладельцем и распространителем какого-нибудь уже существующего издательства, напр[имер] «Время», и устроить типографию, которые могли бы служить целям организации. Поряду его намеков я сделал вывод, что только имея типографию, организация может надеяться выйти на путь издания журналов, брошюр и т. п. и проявить свое лицо в полной мере.

Связь Платонова с Ростовцевым, б[ывшим] кадетом и нынешним убежденным монархистом, сотрудником «Возрождения» (газеты Гука-

¹ В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

² В копии вместо Анисимов напечатано Акимов, слова служивший в Наркомпросе Акимов подчеркнуты простым карандашом с пометой на полях установить в Главнауке?, почерком Стромина тем же карандашом.

³ В копии слова большой чистки среди духовенства подчеркнуты простым карандашом.

⁴ В копии слова созданию духовенства нового подчеркнуты простым карандашом.

сова в Париже), была в последнее время постоянной. Через Платонова и Краевичей Ростовцев получал различную информацию о положении СССР и использовал ее в заграничной и белоэмигрантской прессе. Между прочим, его статья о деле Жебелева, об Академии наук были написаны на основании этой информации.¹ Главным мотивом статей Ростовцева в заграничной прессе является, что в СССР все больше пробуждается оппозиционный дух в ученой среде, что ведется борьба против давления на науку и что ученые будут в первых рядах борцов за установление в России нового государственного строя.

В организации обсуждался вопрос о систематических сношениях с учеными славянских стран: Чехословакии, Сербии, Болгарии, Польши. Инициатором в этом отношении были Богословский и Карский. Последний высказывался в том духе, что славянские ученые горячо поддержат русских ученых, оппозиционно настроенных относительно соввласти. Было признано, что такие журналы, как «Журнал восточно-европейской истории» или «Новый византийский журнал», начавший издаваться в 1927 г. в Чехословакии, должны были быть поводом и прикрытием для такого рода сношений. В «Византийском журнале» в Праге одним из редакторов был формально приглашен Бенешевич. Организация должна была взять в свои руки это дело и со временем воскресить Общество славянского научного единения, существовавшее до революции, под председательством Максима Ковалевского². Скрепление этих связей должно было состояться в Польше на съезде историков в Варшаве в ближайшее время.

Места встреч членов организации. Члены организации встречались, пользуясь легальными возможностями, в Обществе любителей древней письменности, в Историко-археографической комиссии, на еженедельных заседаниях Пушкинского Дома (все эти учреждения возглавлялись Платоновым). Кроме того, члены организации посещали мою квартиру, квартиру Гринвальд, кварт[иру] Платонова. Собрания эти происходили в перечисленных местах довольно периодически. Мою квартиру посещали: Платонов, Богословский и Любавский, Бузе-

¹ В копии данное предложение отчеркнуто простым карандашом.

² В копии слова Общество славянского научного единения, существовавшее до революции, под председательством Максима Ковалевского *подчеркнуты простым карандашом.*

скул, Егоров (Д. Н.), Лихачев, изредка Измайлов, Мерварт, Бенешевич, Гринвальд и др[угие].

Е. Тарле

Допросил:

А. Стромин

Подлинник: рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; обложка почерком Стромина; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 2. Л. 124–129.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 130–133.

47

Собственноручные показания Е. В. Тарле

22 апреля 1930 г.

В дополнение своих предыдущих показаний сообщаю, что в планы организации входило как можно шире использовать краеведческие учреждения, имеющие официально большие связи с провинцией, особенно Бюро краеведения, которое в Ленинграде возглавлялось фактически членами организации Гревсом и Анциферовым. Не говоря уже о том, что работа Бюро краеведения направлялась вразрез интересам и заданиям сов[етской] действительности, — но пользуясь легальными возможностями вели систематически антисоветскую работу и это имело отражение в самом Бюро, где неоднократно советски настроенные ученые работники выступали против использования Бюро краеведения в указанных целях. Вокруг Университета организация все время вела работу за его завоевание. Попытки забрать его в свои руки сменялись саботажем и дискредитацией Университета после того, как они не удались. Все время отдельные члены организации занимались противодействием всяким мероприятиям Наркомпроса с целью удержания Университета на дореволюционных позициях. Когда возник при Университете Исследовательский институт истории, последовал саботаж этого учреждения, а затем, когда оказалось, что Ун[иверсите]т все более и более советизируется, был предпринят ряд мер для замещения ректорства своим человеком. Были выставлены последовательно кандидатуры Ферсмана и Дерюгина, вокруг которых организация подняла целую кампанию, чтобы кого-либо из них поместить во главе Университета. Но после провала этих кандидатур и избрания Серебрякова

стало ясно, что надежды не оправдались, и Университет находится под влиянием коммунистов. Тогда выступила новая тактика: дискредитирования как Университета, так и оставшихся там профессоров. Это являлось саботажем как Университета, так и репутации профессоров, командируемых Университетом за границу. За границей распространились слухи о том, что Университет утратил всякое научное значение, а потому командируемые им научные работники не заслуживают внимания и даже приема. Результатом такой вредной агитации явилось то, что Министерство иностранных дел в Париже, и без того крайне разборчиво разрешавшее въезд командируемым ученым из СССР, сделалось еще придирчивее в этом отношении. Мне точно известно, что в отделении виз Министерства иностранных дел сидит какой-то бело-гвардейский русский офицер (если не ошибаюсь, по фамилии Повало-Швейковский), которому передаются предварительно для заключения все советские просьбы о визах. Упомянутый офицер пользуется большим влиянием в Министерстве, и его мнение имеет решающее значение. При таком положении распространяемые организацией относительно ЛГУ и отдельных советских ученых слухи играли роковую роль в вопросе о визах. Устранение из Университета профессоров Кареева, Гревса, Приселкова¹, Заозерского, Вульфюуса, Добиаш-Рождественской, Николаева, Маяковского являлось постоянным аргументом в пользу дискредитирования Университета.

Организация стремилась также использовать так называемые чаепития, регулярно устраивавшиеся в квартире президента Академии наук Карпинского. Это были <оф> полуофициальные, через повестки рассылаемые Канцелярией приглашения на собрание, где частным образом без протокола собирались для предварительного решения отдельных вопросов, стоящих перед Академией наук. Использование этих чаепитий заключалось, во-первых, в проведении определенной политической линии по всем предполагавшимся делам, во-вторых, в подготовке выборов угодных организации лиц (выборы Жебелева, выборы Любавского) и систематической, хотя и сокрытой подготовке выбора Платонова в президенты Академии наук. Там же готовили тактику в отношении выборов коммунистов в Академию. Между прочим там же обсуждались история Жебелева в связи с участием его в пражском эмигрантском сборнике, причем решено было, в связи с требованием советской общественности карательных мер против Же-

¹ В копии фамилия Приселкова подчеркнута синим карандашом.

белева, таких мер против него не предпринимать. Там же Платонов проводил систематическую борьбу против возможных своих соперников на пост президента Академии (Марр, Иоффе).

Политика членов организации — академиков с Платоновым во главе по отношению ко всем правым академикам сводилась к постепенному включению их в организацию и корректированию их поведения в том смысле, чтобы они не поддались влиянию идей, несогласных с политикой организации. Во время публичного осуждения Карского в советской прессе за его отчет о путешествии в славянские земли члены организации выступили на его защиту.

Кроме перечисленных в предыдущих показаниях учреждений, в которых сильно было влияние организации, должен еще указать на еще одно учреждение, которое было использовано в интересах организации: это польская комиссия в Публичной библиотеке по выполнению Рижского договора. Платонов, работая там в качестве уполномоченного Наркоминдела с очевидной целью сближения с Польшей, наносил явный ущерб интересам соввласти в пользу Польши, так как сплошь и рядом уступал претензиям польской стороны и проваливал контрпретензии сов[етской] части комиссии. Прославившийся своими уголовными похождениями и осужденный советским судом ксендз Усас, бывший главой польской делегации, чувствовал себя в этой комиссии хозяином, говорил наглым тоном и встречал поддержку у Платонова.

Возвращаясь к сношениям Платонова с генералом Лохвицким, мне точно известно, что они виделись в Париже в 1928 г. Кроме перечисленных подробностей из их беседы, должен еще подчеркнуть, что Лохвицкий собирался начать клеветническую кампанию против СССР, в частности против командированных сов[етскими] организациями ученых, пользующихся там известностью. В первую очередь имелся в виду Ипатьев, против которого имелось в виду выдвинуть обвинение в техническом шпионаже в пользу СССР в области химической промышленности. Насколько я знаю, одна статья против Ипатьева была уже напечатана в «Echo de Paris».

Очень большое влияние на Платонова оказывало сближение в Париже с деятелем белой эмиграции бар[оном] Нольде. В вопросах внешней политики Платонов верил всецело бар[ону] Нольде и несравненно меньше мне. Бар[он] Нольде по своим монархическим и германофильским убеждениям вполне подходил к контррев[олюционной] организации Платонова. Близким к организации был также белоэмиг-

рант, живущий в Париже, б[ывший] сотрудник Пушкинского Дома Гофман. Он был¹ в курсе дел организации, пользуясь информацией через Краевич²а³.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; обложка почерком Строминина; дата на бланке; подпись-автограф. Т. 2. Л. 134–137.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 138–140.

48

Письмо Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

23 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич,

очень прошу Вас в тот момент, когда Вы в Москве будете решать мою участь, прочесть это письмо Вашим товарищам.

К тому, что я высказал в *scredo*, мне нечего много добавлять. За последние дни, как Вы знаете, я сделал все усилия, чтобы вспомнить все, чтобы уточнить и дополнить мои показания. Я признал уже давно (и еще раз подтвердил признание) то, что инкриминировалось мне лично. Я показываю все, что знаю о других. Во имя чего я стал бы скрывать о них, покрывать их молчанием? Их дело, их стремления — это именно то, что мне теперь чуждо и враждебно, это то, с чем я буду вести идейную борьбу до конца; сами они лично, как люди, опутавшие меня такую гнусной клеветой, такой злобой, так открыто показали свое стремление потопить меня в том омуте, куда я имел преступную слабость⁴ дать себя затащить, — что неужели можно допустить с моей стороны желание прикрыть этих людей? Где же были бы мотивы

¹ В подлиннике слово был вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово через вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике фамилия Краевича изменена Тарле на Краевичей без особой отметки.

⁴ Слова сами они лично, как люди, опутавшие меня такую гнусной клеветой, такой злобой, так открыто показали свое стремление потопить меня в том омуте, куда я имел преступную слабость подчеркнуты простым карандашом.

такого поведения с моей стороны? Верьте, что я не сказал только того, чего действительно не знал. Кроме презрения я н и ч е г о к ним не питаю. Я хочу и буду работать с советской властью, я хочу доказать и докажу, что моя линия выбрана твердо и окончательно. Я сниму с себя пятно полностью — и скоро. Но дайте же мне не выйти инвалидом, вспомните, что кроме глубочайшего нервного расстройства я мучаюсь от чисто физических а д с к и х болей от камня в мочевом пузыре, — и что для меня — свобода означает прежде всего возможность лечь под оперативный нож. Меня не будет в Москве, когда будет решаться моя участь. Пусть же мои судьи будут моими защитниками. Для меня даже смерть предпочтительнее дальнейшего заключения, этой непрерывной физической и моральной пытки.

Е. Тарле

23/IV 1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 159.

49

Собственноручные показания Е. В. Тарле

24 апреля 1930 г.

В дополнение своих прошлых показаний сообщаю, что кружок Гревса и Добиаш-Рождественской постоянно отличался усиленным интересом к религии и церкви. Со слов Карсавина и Васильева¹, а также Вернадского и Федотовой-Нечаевой² я знаю, что руководители этого кружка в 1922 г. давали в квартире Карсавина³ обед в честь епископа Вениамина и других духовных лиц, ему близких, для сведения представителей науки и представителей церкви. Платонов⁴ был близок с Карсавиным, учеником Гревса⁵ и после выезда Карсавина³ за грани-

¹ В копии фамилии Карсавина и Васильева подчеркнуты синим карандашом.

² В копии фамилия Федотовой-Нечаевой подчеркнута синим карандашом.

³ В копии фамилия Карсавина подчеркнута синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии слова Карсавиным, учеником Гревса подчеркнуты синим карандашом.

цу. Использование <контр>религиозных настроений в связи с политической советской властью было целью этого кружка. По моим сведениям, кружок насчитывал до 20 человек. Членами его были, между прочим, Бахтин, Тихонова¹-Клименко, Шайтан² с женой и другие]. Собрания кружка происходили в квартире Гревса, Добиаш-Рождественской и у Недзвецкой-Самариной³. Этот кружок одно время собирался совместно с другим кружком такого же характера, во главе которого стоял И. Д. Андреев⁴. Кружок этот состоял человек из 15, как студентов Университета, так и Духовной академии. Близким к нему человеком является Мария Аркадьевна Буховецкая, преподавательница⁵ библиотечных курсов техникума. О том, что эти кружки для проработки религиозных и церковных вопросов собирались вместе, я знаю лично от Ив[ана] Дм[итриевича] Андреева⁶ (ум[ер] в 1926 г.). Близкое отношение к Андрееву⁷ имел также византинист Дмитриевский. Кружок Андреева⁸ готовил на своих собраниях организованную оппозицию для борьбы с антирелигиозной пропагандой. Все они являлись сторонниками Евлогия и готовили мотивированное воззвание, со ссылками на богословские авторитеты в пользу Евлогия, против Карловацкого Собора. Во время процесса по поводу изъятия церковных ценностей этот кружок готовил обращение к европейскому общественному мнению верующих с протестом против ожидавшегося приговора. Все это мне известно со слов Андреева. Возможно, что после его смерти во главе кружка стал Дмитриевский. Кружок имел тенденцию в сторону расширения пропаганды в школе, что облегчалось тем, что членами кружка были в большинстве преподаватели средней школы. Эти кружки были в контакте с монархическим союзом, через своих руководителей Андреева и Гревса.

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Тиханова.

² В копии фамилии Бахтин, Тихонова-Клименко, Шайтан подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова и у Недзвецкой-Самариной подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии фамилия И. Д. Андреев подчеркнута синим карандашом.

⁵ Так в подлиннике и копии; правильно Буховецкая. В копии слова Буховецкая, преподавательница подчеркнуты синим карандашом.

⁶ В копии слова от Ив[ана] Дм[итриевича] Андреева подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии фамилия Андрееву подчеркнута синим карандашом.

⁸ В копии слова кружок Андреева подчеркнуты синим карандашом.

Возвращаясь к контрреволюционной деятельности монархического союза, отчасти укладывавшейся в легальные рамки, должен отметить стремление организации использовать для своих целей Общество истории декабрьского восстания, Об[щест]во политкаторжан, Комиссию по истории знаний при Ак[адемии] наук и Герценовское общество. В первом обществе устраивались рефераты и предполагались выступления ряда членов организации, в том числе Шебунина. Предполагалось использование помещения и собраний. Что касается О[бществ]а политкаторжан, то здесь были попытки Платонова сблизиться с ним, но они не увенчались успехом, так как Платонов был крайне сухо встречен политкаторжанином в квартире Р. М. Плехановой. В Комиссии по истории знаний (председателем которой является В. И. Вернадский, член монархического союза, человек очень верующий, невзирая на естественнонаучную специальность), там читали рефераты Бузескул, Гизетти, Добиаш-Рождественская, Петрушевский, Святский, Личков, Струве (В. В.)¹, двоюродный брат эмигранта П. Б. Струве, служащий в Эрмитаже, и Кареев². Рефераты часто носили по темам и подходу идеологический и религиозно-философский характер. Еще в 1926 г. монархический союз имел в виду под прикрытием Академии наук, с целью сбора сведений по всему СССР, собрать анкеты о политическом, экономическом, церковном и т. д. положении различных областей Союза. С этой целью использовались все путешествия Ферсмана на Восток³, разные экспедиции Академии наук и краеведческих организаций. Платонов⁴ всегда был в курсе результатов экспедиций и путешествий Ферсмана⁵ и знал все новости, имевшие место в самых далеких областях Союза.

Члены организации вели постоянную агитацию против соввласти, не брезгуя никакими средствами. Пускалось в ход и фальшивое письмо Зиновьева, и недостаток тех или иных продуктов в городе, и казнь Долгорукова — в общем все, что могло бы затронуть мероприятия советской власти.

¹ В копии фамилии Бузескул, Гизетти, Добиаш-Рождественская, Петрушевский, Святский, Личков, Струве (В. В.) подчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова и Кареев подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова путешествия Ферсмана на Восток подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Платонов подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Ферсмана подчеркнута синим карандашом.

Деятельность организации должна была равномерно протекать не только в Ленинграде и Москве, но и в ряде других университетских городов СССР, как-то: Саратов, Смоленск, Минск, Полтава, Харьков, Киев, Одесса. Относительно пропаганды в Красной армии, действовали на молодежь призывного возраста из расчета подготовить агитаторов для казармы. По словам Богословского¹, его взрослый сын намечался монархическим союзом в агитаторы среди красноармейцев.

Члены организации сплошь и рядом занимались чистым вредительством. Даже в Библиотеке Академии, если речь шла о возвращении имущества, оставленного эмигрантами, то этот вопрос разрешался положительно в пользу эмигранта и против интересов Библиотеки. Рождественский², не колеблясь, выдавал без документов целые библиотечные фонды, вроде библиотеки эмигранта фон Зеелера (через Скрибановича), библиотеку Сватикова и т. д. Джунковскому³ и ему подобным предоставлялось читать их собственные архивы, без гарантий для Библиотеки.

Что касается практических планов, относящихся к первому времени после успешной интервенции, должен сообщить, что, по расчетам организации, сразу же после того, как интервенты заняли бы какую-либо часть территории, офицерская группа организации, в том числе Измайлов, переезжает туда, объявляет призыв добровольцев и помогает занять Ленинград, Москву, железнодорожные узловые пункты и вообще действует в смысле организации местных восстаний. Сразу же провозглашается диктатор. После смерти Брусилова кандидатом в диктаторы, по всей видимости, намечался ген[ерал] Лохвицкий. Повсеместно объявляется военное положение, роспуск Красной армии и сдача оружия, набор добровольцев и вооружение их оружием, которое должно было прибыть большими транспортами из Германии. Диктатура намечалась длительная. Должны быть организованы чрезвычайные суды, для тех коммунистов, которые войдут в известные категории (высшие политические органы надзора, управления, прокуратуры, суда). Объявляется роспуск соввласти на местах и образование местных комитетов или властей для ареста и суда над местными сов[етскими] деятелями. Отменяется аграрное законодательство

¹ В копии фамилия Богословского подчеркнута синим карандашом.

² В копии фамилия Рождественский подчеркнута синим карандашом.

³ В копии слова фон Зеелера (через Скрибановича), библиотеку Сватикова и т. д. Джунковскому подчеркнуты синим карандашом.

совласти, собственность на землю крестьян, как она была до последнего времени. Кроме того, образуются местные самоуправления в городах и самоуправляющиеся единицы в деревне. Насчет установления ценза точно я показать сейчас ничего не могу, т. к. в этом отношении было расхождение по вопросу о характере ценза. Все вооруженные силы поступают под власть диктатора, причем в первое же время правительство заключает большие займы за границей. Для урегулирования отношений с рабочими предполагалась выработка нового рабочего законодательства, в чем оно должно было заключаться, я себе ясно не представляю. С побежденными коммунистами предполагалось расправиться немедленно и беспощадно. В деле ликвидации побежденных видную роль должен был играть Измайлов.

В личный состав правительственных учреждений после переворота Платонов мыслил призвать бывших людей, кадры антисоветской части интеллигенции и главным образом белоэмиграцию. Планы реставрации во времени связывались с созывом Собора и выбором Патриарха, но эти акты должны были произойти после. Что касается лимитрофных государств, то считалось, что в том или ином виде Эстония, Латвия и Литва войдут в состав России. Самостоятельность Финляндии и Польши признавалась. В части присоединения Латвии к России Платонов уже имел принципиальный разговор с латвийским министром нар[одного] просв[ещения] Тентелем.

Е. Тарле

Допросил:

А. Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; обложка почерком Стромин; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 2. Л. 141–144.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 145–147.

**Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину
с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову
и телефонограммой А. Р. Стромину**

24 апреля 1930 г.

Н а ч а л ь н и к у Д П З

Прошу Вас не отказать протелефонировать следующее тов[аришу] Стромину, секретарю Секретно-оперативного отдела ГПУ и <передать> переслать ему прилагаемый пакет для С. Г. Жупахина.

Уважаемый тов[ариш] Стромин,

написал еще продолжение ответа на Ваш общий вопрос и прошу Вас меня вызвать сегодня.

Очень прошу Вас передать прилагаемое письмо Сергею Георгиевичу п е р е д его отъездом в Москву.

С уважением Е. Тарле

24/LV

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 158.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

26 апреля 1930 г.

В дополнение моих предыдущих показаний относительно нелегального кружка, возглавляемого Ив. Д.¹ Андреевым, должен сообщить, что по словам самого И.² Андреева этот кружок находился в непосредственной связи с американским «Союзом христианской молодежи» (УМС³), который деятельно его поддерживал и материально, и морально. Эта ассоциация очень богата, занимается религиозной пропагандой, очень влиятельна и в своей религиозной пропаганде в

¹ В копии инициал отчества Андреева вместо Д заменен на А.

² В копии инициал имени Андреева опущен.

³ Так в подлиннике и копии; правильно УМСА.

СССР действует в согласии с Евлогием. Евлогий же считался кружком И.¹ Андреева² единственным законным руководителем русской церкви после Тихона³. За границей на деньги этой ассоциации поддерживается почти все религиозное движение, в особенности среди белоэмигрантов. Богословская академия в Париже (эмигрантская) тоже существует на средства этой ассоциации. Видную роль в этой Богословской академии и вообще в Союзе христианской молодежи в Париже играет Г. П. Федотов⁴, бывший членом этого кружка Андреева² и организации, носившей название «Воскресение». Что касается московской ячейки организации, должен сообщить, что такая ячейка действительно в Москве была, во главе ее стояли Любавский и Богословский⁵. Кроме того, был еще кружок Д. Н. Егорова, в котором группировались его ученики и ученицы. Кружок собирался у него на дому и вел систематическую критико-библиографическую работу по всеобщей истории, учитывая всю литературу предмета, являющуюся как в Зап[адной] Европе, так и в России. Эта работа, начатая еще в 1913 г., ведется в кружке до настоящего времени в старом духе. Участником этого кружка является также Кончаловский, специалист по истории древнего мира.

Касаясь отдельных группировок антисоветски настроенных ученых и интеллигентов вообще, предшествовавших организации Платоновым монархического союза, должен указать еще на две такие группировки в Доме литераторов и в редакции журнала «Экономист». В Доме литераторов бывали постоянные собрания по различным поводам. Настроение было резко оппозиционное против советской власти. Во главе правления стояли Волковысский, Кауфман, Александр Флит, Гумилев, Владимир Азов, Харитон. Выступали с лекциями в определенном оппозиционном духе Платонов, Чуковский, Губер, я и др[угие]. Я читал лекции по международной политике, о Версальском мире, носившие характер полемики против внешней политики советской власти.

Ярко контрреволюционную окраску имели собрания в редакции «Экономиста» на Литейном просп[екте]. Там бывала вся редакция во главе

¹ В копии инициал имени Андреева опущен.

² В копии фамилия Андреева подчеркнута синим карандашом.

³ В копии слова после Тихона подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии фамилия Г. П. Федотов подчеркнута синим карандашом.

⁵ В копии фамилии Любавский и Богословский подчеркнуты синим карандашом.

с Лутохиным и Зубашевым и сотрудники (я, Буковецкий, кажется, Финн-Енотаевский и др[угие]). На этих собраниях предсказывали экономический крах советской политики, неизбежность восстановления частной собственности и т. д. Требовали свободу критики в прессе и на собраниях. Закрытие «Экономиста», высылка за границу Лутохина и Зубашева положили конец этим собраниям. Между прочим, требования редакции «Экономиста», сводившиеся в общем к признанию старых долгов России, к необходимости привлечения зарубежных капиталов, к уничтожению монополии внешней торговли, целиком вошли в экономическую программу монархического союза Платонова. Имел ли непосредственное отношение Платонов к на шумевшему делу лицейстов, определенно сказать не могу, но точно знаю, со слов А. А. Васильева (эмигранта), что большую роль среди лицейстов играли Нестор Котляревский и С. В. Рождественский. Последний во время следствия по этому делу все время боялся ареста. Существовала еще группировка вокруг редакции философского журнала, во главе которого стояли Э. Л. Радлов, Карсавин, Сергей Гессен, Федор Степун, Болдырев Н. В. В общем все эти группировки, о которых последовательно изложено в моих показаниях, были той почвой, на которой Платонову удалось организовать монархический союз. Платонов каждую такую группировку так или иначе связывал с собой. Большое значение Платонов придавал религиозным группировкам, так как это обеспечивало еще поддержку со стороны Евлогия.

Касаясь соглашения Платонова с немцами, нужно отметить, что большую роль в этом отношении сыграл также Э. Л. Радлов, имевший в Германии большие связи и бывший близким другом Платонова. Платонова года два тому назад посетил Мартель (брат Рене Мартея), яркий реакционер, воинствующий католик, член иезуитского ордена. Этот Мартель вел в Ленинграде усиленную пропаганду среди интеллигенции, склоняя к переходу в католицизм. Он приезжал в СССР по поручению Ватикана и здесь представлял его интересы. После его высылки из пределов СССР его место, в смысле проведения идеи соединения церквей, занял В. Н. Бенешевич.

Е. Тарле

Допросил:

А. Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле; обложка почерком Стромин; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 2. Л. 148–149 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 2. Л. 150–151.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

9 мая 1930 г.

<Я понимаю, что> Я¹ вошел в платоновскую организацию в 1926 году, хотя бывал у него и общался с ним гораздо раньше. Но с 1926 года эти сношения стали чаще, встречал я у него в кабинете тех же людей — Рождественского, Измайлова, Андреева, Лихачева, Богословского, Любавского, Егорова (последних реже, они — москвичи и останавливались у Платонова, когда приезжали в Ленинград). После одного такого собрания Платонов сказал мне: «Вы теперь с нами!». Я это и считаю как бы моментом зачисления или приема меня в организацию. Других слов или фактов, которые бы значили как-нибудь мое принятие в организацию, не было. Самые слова: «наша организация», «наша компания» хоть произносились редко, но произносились. Я видел и понимал, что это контрреволюционно настроенная организация, хоть на <Богословский сказал, что я помню очень твердо, что если бы переворот произошел, то без>² первых порах и не отдавал себе отчета в степени ее серьезности³. Произошло это потому, что собственно на указанных только что собраниях упомянутых лиц обсуждались темы и велись разговоры, которые обыкновенно при всем антисоветском своем характере и общем тоне не имели практического, так сказать, заострения, характера резолюций или подготовки к каким-либо нелегальным действиям.

А все, что такой характер имело, составляло предмет разговора Платонова с глазу на глаз с тем лицом, с которым нужно было говорить по данному вопросу. И когда дело дошло до меня, до просьбы навести справки во Франции, о чем дальше я говорю, он и со мной говорил с глазу на глаз, а при других об этом речи не было.

¹ В подлиннике слово Я вписано Тарле черными чернилами вместо написанного лиловыми чернилами зачеркнутого Я понимаю, что без особой отметки.

² В подлиннике данное предложение зачеркнуто Тарле без особой отметки. Судя по цвету чернил (лиловые, идентичные основному тексту) и расположению строк, оно было зачеркнуто сразу же после написания.

³ В коти слова не отдавал себе отчета в степени ее серьезности подчеркнуты и отчеркнуты синим карандашом.

Богословский сказал мне однажды по этому поводу, что Платонов придерживается принципа народовольца Александра Михайлова: говорить не то, что можно сказать, а то, что должно, и не всем, кому можно, а лишь тому, кому должно. Богословский был очень близок Платонову и в то же время очень сблизился и со мной. От него я узнал об организации и ее планах гораздо больше, чем от Платонова¹, и, конечно, несравненно больше, чем мог бы узнать, бывая только на этих собраниях. Отмечу, что Платонов знал, что Богословский мне говорит об организации, может быть, только не знал, сколько именно. Я это заметил по многим признакам, между прочим, и по тому, что, давая мне поручение в Париж, он о том, что связывалось с этим, напр[имер] об Отто Гетче, говорил так, как если бы раньше мне все рассказывал о нем, а рассказывал о нем не столько он, сколько тот же Богословский. Между прочим, Богословский сказал, что Платонов считает Лихачева болтуном и уж потому на собраниях членов организации существенно важных вещей говорить не станет.

Решающим толчком к созданию этой организации послужили торжества в честь 200-летия Академии наук. Тогда произошел демонстративно теплый прием немецких делегатов Платоновым и Лихачевым, прием, слухи о котором долетели даже до Парижа, где я в то время находился, и вызвали большой интерес и недоумение между французскими учеными. Комментировался тост Лихачева: «Noch Deutschland!» и т. д.

Произошло сближение Платонова с Отто Гетчем, Шмидт-Оттом, Ионасом, лично я их никогда не встречал и не знаком с ними, но, и по словам самого Платонова, и по словам Богословского, для меня ясно, какое влияние имело это сближение на создание организации: влияние — решающее.

Об идеологии платоновской группы я уже сказал в другом месте — в моем изложении. Тут вспомню то, что лично и непосредственно в этом отношении слышал.

Все они были монархистами. Монархизм Лихачева весь характеризуется одной его фразой, сказанной в моем присутствии: «В 1917 году, когда Россия изменила Николаю. . .» и т. д. У Измайлова этот

¹ *Вкратце слова* Богословский был очень близок Платонову и в то же время очень сблизился и со мной. От него я узнал об организации и ее планах гораздо больше, чем от Платонова *подчеркнуты простым карандашом.*

монархизм еще соединялся с дворянско-офицерским общим тоном и манерою мыслить. У Рождественского это было почтительностью старого чиновника, ненавидящего революцию за ниспровержение всей иерархии и ее верхушки.

У Платонова, кроме органической, непримиримой ненависти к революции, было еще столь же глубокое непонимание никакой другой формы правления для России, как монархизм. Милюковская республика ему так же не подходит, как и сов[етский] строй. <Я помню, что когда раз я заикнулся о том, что монархия изжитая вещь, он выразил> (Слов не помню точно), — он говорил, что прежде цари — Николай II и вел[икие] князя — были «далеки от жизни» (эти слова помню) — и потому погибли, а впредь будет по-другому. Иногда, казалось, он сам сознавал, что это дело теперь безнадежно. Вот его слова (привожу, ругаясь за смысл): «В Смутное время XVII века были две-три общие для всего народа святыни, и потому произошло спасение. А теперь этого нет, и я лишился всякого общего языка, понимания и уважения к этой массе». Это он мне лично сказал. Он не был уверен, хочет ли народ монархии, но он был убежден, что крестьянство хочет низвержения соввласти, так как оно настроено в пользу частной собственности. В этом он был убежден вполне, и в том, что рано или поздно это произойдет, так как эти настроения передадутся в Красную армию — в этом он тоже был убежден. Это, так сказать, отрицательная сторона его платформы. Что касается положительной, то здесь прежде всего — частная собственность, а уж затем — монархия. К монархии он относился без всякой сентиментальности, свойственной Лихачеву или Измайлову. Но просто его поколение, его среда, в которой прожил жизнь — все это лишило его способности понимать другую форму правления, кроме монархии. Он, напр[имер], мне выражал (в Париже) убеждение, что республика во Франции — дело непрочное и ненадежное. Он как-то крайне легко, говоря о будущем, смазывал, если можно так выразиться, факт существования Германской республики, и <выходило> он надеялся¹, что почти одновременно² и в России будет монархия, и в Германии будет монархия. Почему он выдвинул Андрея Владимировича <может быть> оттого, что тот близок с немцами и

¹ В подлиннике вместо зачеркнутого выходило вписано Тарле он надеялся зелеными чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слова почти одновременно вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

немцы подсказали, а <может быть> отчасти¹ и оттого, что он — ученик Платонова, и был расчет на будущую роль. <Кстати замечу, что никогда ни от кого за границей я ничего не слышал о кандидатуре Андрея; говорили исключительно о Кирилле, когда речь заходила о монархических интригах>².

Так или иначе, вопрос о монархе и монархии ставился на втором плане: на первом был вопрос об устранении соввласти. И вот тут-то сближение с немцами сыграло решающую роль. Платонов при мне говорил, что помогут покончить с соввластью немцы и никто более. Спорить с ним на эту тему, доказывать, что у немцев нет на это сил, что Отто Гетч — это еще не Германия, было абсолютно бесполезно. Тут же я вспоминаю, что, кроме Германии, его — из иностранных держав — кажется, интересовала Латвия или, точнее, литовский фашизм во главе (тогда) с Вальдемарсом. Этот Вальдемарс — бывш[ий] петерб[ургский] приват-доцент и знаком с Платоновым. Но Литва, конечно, интересовала его в связи с его расчетами на германскую интервенцию. И он не только верил в желание и возможность для Германии вмешаться в русские дела, но он усвоил себе целиком схему, данным-давно в Германии (и всюду) известную, которую, несомненно, ему внушил Отто Гетч: пусть французы позволят Германии вмешаться в русские дела — и в России установится строй частной собственности и торговли, Европа от этого выиграет, Франция получит долги и т. п. Это давнишний шаблон, в который националистические круги Германии продолжают верить <, хотя его нереальность обнаружена вполне. Когда Платонов перед моими поездками во Францию (в 1927; в 1928 гг.) ко мне обратился с просьбой узнать, как французы отнеслись бы к вмешательству в германские дела, то выслушал это как нечто прежде мне известное и сказал — хорошо помню, — что это — старый людендорфовский проект, категорически отвергнутый французами. Но Платонов на эти слова внимания не обратил и настаивал, чтобы я, пользуясь своими знакомствами во Франции, все же узнал об их отношении к этому вопросу>³. Я в своем изложении объясняю, как я смотрел на это, тут повторять не буду. Передаю только факты. Как

¹ В подлиннике слово отчасти вписано Тарле вместо зачеркнутого может быть зелеными чернилами без особой отметки.

² В подлиннике данное предложение зачеркнуто Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике данный фрагмент вычеркнут Тарле последовательно чернилами трех цветов (лиловыми, черными и зелеными).

голый факт — это было поручение от главы¹ организации, и я это поручение принял на себя. Правда, в 1927 году я говорил об этом с лицом, не имеющим официального значения, с проф[ессором] Halevy (Алеви), встретившись с ним на вечере у ректора Сорбонны Шарлети, да еще с Сеньобосом, стариком 80 лет², историком, который сам заговорил очень сердито о русских бумагах, на которых он потерял и т. д. Сеньобос даже толком не вслушался в вопрос, сказал только, что, конечно, немцы свое получают, они хитры, а французы будут ни при чем и т. д., в чисто обывательском тоне. С Даниэлем Алеви разговор затеялся потому, что он только что вернулся из Англии (он историк Англии, хотя француз), и он сказал, что там поговаривают о войне с СССР, об интервенции и т. д.

В дальнейшем разговоре я его и спросил по интересовавшему Платонова вопросу и сказал, что вот, существует такое направление, которое хотело бы знать, как французы отнесутся к германскому вмешательству. Алеви ответил, что если Германия уж дорвется до России, то сама заберет все или заставит русских отдать себе все, чего пожелает, что, по его мнению, надо французскому правительству сойти с ума (его точные слова: *il faut être fou**), чтобы позволить такую вещь. По приезде я сказал Платонову, что франц[узские] ученые относятся отрицательно, а они отражают общественное мнение. Это нисколько его не убедило. Когда в другой раз я собрался опять во Францию, он опять повторил то же <Силюсь вспомнить более точно разговор. Помню, что я ссылаясь на свою книгу «Европа в эпоху импер[иализма]», где говорится о плане Людендорфа, об интервенции с позволения французов, — и что я этот план называю бредовым. Он сказал, что и план неплох, и времена меняются, что-то еще также прибавил³ Он сказал⁴, что «наши немцы» (он так обозначил Гетча) заинтересованы, им самим откровенно французы не скажут и т. д. Месяца через два после приезда в Париж я и встретился на обеде у Эзенмана с Пенго,

* Нужно быть безумным (фр.).

¹ В подлиннике слово главы вписано Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слова 80 лет вписаны Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике данный фрагмент вычеркнут Тарле последовательно чернилами трех цветов (лиловыми, черными и зелеными).

⁴ В подлиннике слова Он сказал вписаны Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

директором архива Министерства иностр[анных] дел в Париже, и считающимся доверенным лицом Бриана. Сначала разговор был общего характера, потом Пенго заговорил о французской интервенции 1919 года, о помощи Польше в 1920 году и т. д. В середине разговора я ему сказал о том, что в России существует политическое направление, представители которого хотели бы знать, как французы отнеслись бы к вмешательству Германии в русские дела. Мне запомнился разговор с Пенго в виде его мнений не по этому одному вопросу, который я ему поставил, а в виде трех мнений — одно по моему вопросу, а два — по его собственным, им самим поставленным. По поводу моего вопроса, как я и ждал, он, конечно, высказался отрицательно. Сказал, что это странная мысль, *une drôle d'idée**, что Германия этим самым подчинила бы Россию экономически и политически, что по Версальскому договору Германия вообще не имеет права выводить ни одного солдата за свои пределы, что она создала бы из России союзницу — «резервуар людей» и, словом, достигла бы того, чего не могла достигнуть даже в Мировой войне, если б ее выиграла; что, кроме того, Франция уж потому не ослабит давления своего на Германию, что только от этого давления она надеется получить репарации. И он тут предложил вопрос: а как отнеслись бы к вопросу об уплате долгов те, кто сел бы на место соввласти? И прибавил, что это кардинальная проблема для французов¹. Я сказал, что эти лица, насколько мне известно, принципиально стоят за уплату долгов и думают, что это дело будущего какого-либо совещания и делегатов заинтересованных сторон. Он тогда опять обратился к Германии, сказал, что этот вопрос уже много раз ставился с конца войны и всегда были неодолимые препятствия. И тут же сказал, что ему недавно подобный вопрос ставил бар[он] Нольде, профессор международного права. Затем он сам заговорил о Польше и сказал, что Польше Франция всегда поможет от опасности с востока, тут сомнений нет. Я сказал, что Польская война 1920 года вызвала большое движение национальное против поляков, упомянув Брусилова, и еще что-то в этом роде сказал. И прибавил, что меня просили узнать исключительно относительно комбинации с Германией¹. Он продолжал говорить о Польше, опять перешел к 1920 году, но прибавил, впрочем, что Мильерана ругали за помощь полякам. Кроме коммунистов его

* Нелепая мысль (фр.).

¹ В подлиннике данное предложение вписано Тарле черными чернилами без особой отметки.

ругали еще почти все радикалы, сказал <он> Пенго¹. Сказал еще, что удивляется, почему против немцев меньше вооружены в России, чем против поляков, которые — тоже славяне и т. д.

После этого он же обратился к третьему (тоже им самим выдвинутому) вопросу: сама Франция не может повторить того, что делала в 1919 году, так как тогда, во время Мировой войны, многое было возможно, что немыслимо теперь, и стал опять говорить о конце войны, о Брест-Литовском мире, о политике Клемансо, который, как он сказал, в 1918 году готов был на большие жертвы для вмешательства в русские дела, а в 1919 году заявил (Пенго прибавил, что это он знает от Манделя, друга Клемансо), что никакого смысла вмешиваться в русские дела нет. Затем он заговорил о Сибири, спросил, правильны ли дошедшие до него слухи, что в Сибири волнения, восстание и т. п., он, мол, беспокоится, так как у него там родственники. Я ответил, что не слыхал ничего об этом. Спросил потом, не знаю ли я адреса акад[емика] Лузина. Я не знал. Он сказал, что Лузин собирается в Париж или уже в Париже, как он слышал. Общее мое впечатление от разговора с Пенго было то, что он из трех родов интервенции отвергает немецкую, признает польскую и принципиально признает, но фактически считает немыслимой непосредственно французскую с проездом через германскую территорию и с вознаграждением за это Германии (конечно, на русский счет). Последние две формы (польскую и французскую) выдвинул в этом разговоре он сам.²

Это и был единственный разговор со сколько-нибудь компетентным лицом об интересовавшем Платонова вопросе. На допросе я уже рассказал, как на большом рауте, по поводу открытия новых отделов Музея и Библиотеки Мировой войны в Венсеннском³ замке, директор Камилл Блок, который, между прочим, обменивается даровыми дубликатами книг с нашей Библиотекой Октябрьской революции (в Центральном архиве), — что налажено мной, т. к. Блок пригласил и меня на открытие. Было человек 300–350 приглашенных, среди которых был и Пуанкаре, которого Блок водил от группы гостей к группе и познакомил, тот останавливался на полминуты и шел дальше. Таким порядком и я с

¹ В подлиннике фамилия Пенго вписана Тарле вместо зачеркнутого он черными чернилами без особой отметки.

² В подлиннике последние два предложения вписаны Тарле черными чернилами без особой отметки.

³ В копии вместо Венсеннском напечатано Венском.

ним познакомился, он задал какой-то незначущий вопрос, сказал что-то (в ответ на фразу Онора, стоявшего тут же) и отошел. Аналогичным образом — в Сорбонне, в «зале Левендаля», где устраиваются рауты «обществом сближения с иностранными учеными» при Сорбонне — ректор Шарлети познакомил меня с Брианом, который был на этом рауте потому, что какой-то математик на этом рауте¹ был из Канады, который в то же время канадский министр. Бриан постоял в группе, где был и я, спросил, долго ли ехать из Ленинграда в Париж, потом усмехнулся и сказал: «А Общество держателей русских бумаг надоедает Министерству (parcèle le ministère)» — и отошел.

<Рассказывая Платонову о разговоре с Пенго, я потом рассказал ему о том, как вот видел двух таких персон, как Бриан и Пуанкаре>¹. Из вопроса, мне предложенного на допросе, м[ожет] б[ыть], я не так понял самый вопрос.

Силюсь вспомнить, что сказал Платонов, когда я ему рассказал суть разговора с Пенго — и не вспоминая отдельных фраз, вспоминая суть: сначала он сказал только что-то вроде: бедные немцы, будут разочарованы, а потом как-то усиливался сделать хоть отчасти положительный вывод из моих слов, хотя я передал ему точно смысл слов Пенго. Конечно, ему хотелось сообщить Отто Гетчу что-нибудь более приятное, чем то, что я привез. Наконец, разговор, который я имел с Цейхлиным летом на даче, в Д[етском] Селе, у Мерварта, который пригласил меня, когда у него сидел Цейхлин. Разговор начался с общих мест, продолжался о речи Штреземана, напечатанной как раз в эти дни в газете «Berliner Tageblatt». Цейхлин свел разговор сначала к тому, что необходимо вернуться к старой идее о блоке континентальных держав России, Германии, Франции против англо-американской угрозы. Я согласился с этой мыслью и, помню, сказал, что Витте нечто подобное давно высказывал. Цейхлин дальше высказал мысль, что Германия могла бы помочь восстановлению России своими знаниями, капиталами, промышленностью и т. п. И в обмене фразами я, желая выразить слово «восстановление» говорил «Auferstehung», не зная, как сказать в точности «восстановление», между тем как «Auferstehung»

¹ В подлиннике слова на этом рауте вписаны Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

² В подлиннике данный фрагмент вычеркнут Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

означает нечто гораздо более сильное: воскрешение¹. И это придало особый смысл: выходит, что Германия должна помочь воскрешению России, значит, какому-то решительному, огромному изменению, а не простому «восстановлению». Цейхлин тогда заговорил о том, что русское общественное мнение (öffentliche Meinung) и особенно такие ученые, как я, имеющие во Франции вес, должны были бы убедить французов, что придти на помощь России немцы могут только, если французы перестанут душить Германию на Рейне².

Я сказал, что для такого рода ходатайств нужны основательные мотивы, вполне понятные и ясные, иначе там не поймут русских вмешательств во франц[узские] дела.

А между тем Россия «став на ноги» (feste auf den Füßen), могла бы уплатить французам³ долги. Он на это очень напирал. Между прочим, он сказал, что немецкий и французский капитал должны вместе прийти России на помощь и заградить дорогу <американскому> английскому⁴. Несколько раз повторил, что французы могут не беспокоиться: те деньги, которые Россия должна Германии, Германия с нее требовать ни в каком случае не будет, отказывается от них (т. е. от наличности «baares Geld»), ибо Германии важнее всего — торговать с «новой Россией», ввозить товары. Говорил Цейхлин по-немецки, говорил довольно быстро (так что отдельные мысли и выражения от меня могли ускользнуть). В разговор много раз вмешивался Мерварт, старавшийся ставить все точки над i, упомянул слово «интервенция», сказал, знаю, фразу: конечно, будь не советский режим, а монархия, то это давно бы сделалось (речь шла о каком-то факте, приведенным Цейхлиным в доказательство некомпетентности Внешторга, забыл точно, о какой-то большой массе товару из Германии, почему-то не взятого, хотя и заказанного Внешторгом), и еще упомянул о монархии («monarchistische Restauration»). Цейхлин все сводил к тому, буду ли я говорить в Париже о том, что в России «все некоммунисты» («alle nicht-Kommunisten») хотят освобождения, нажима на Германию, так как Германия им по-

¹ В копии вместо воскрешение напечатано воскресение.

² В подлиннике здесь оканчивается часть показаний, написанных Тарле лиловыми чернилами; последующая часть показаний написана черными чернилами на отдельных листах (конец — см. сноску 1 на стр. 120).

³ В копии вместо французам напечатано французские.

⁴ В подлиннике вместо зачеркнутого американскому Тарле вписано английскому зелеными чернилами без особой отметки.

может восстановить «нормальный строй» (его слова). Он все время оговаривался, что говорит не как консул, а как частный человек. По-немецки я говорю не очень свободно, должен искать слова, останавливаться, и тут-то Мерварт прерывал и от моего как бы имени излагал часто не так, а иногда и не то, что я имел в виду сказать. Между тем начинал он свои фразы со слов: «Herr Tarle meint» (г[осподин] Тарле хочет сказать. . .) и дальше длинно и быстро вел речь. Я сказал, между прочим, что едва ли Германия в силах многое сделать, а дело такое, что лучше и не начинать, если не доводить до конца. А Мерварт подхватил, и вышло, что я говорю, что немцы должны «гарантировать монархическую реставрацию». Самые слова эти употреблял Мерварт, консул говорил «нормальный строй», я говорил «перемены» и т. п. По существу просьбы Цейхлина я сказал, что мнений своих о французском нажиме на Германию я от французов не скрывал и не буду впредь скрывать, и скажу, что в России те, кто надеется на немцев, считают, что французский нажим на Германию парализует ее. (О том, как лично я смотрел на степень «реальности» подобных комбинаций, я говорил в другом месте и высказался об этом по поводу прототипа подобных комбинаций, именно по поводу плана Людендорфа, в печати, в моей книге «Европа в эпоху империализма» (Москва, 1928 г.). Цейхлину я тоже высказывал скептицизм, но никакого впечатления это на него¹ не произвело.

Сказал я еще, помню, что ни Олару, при его огромном влиянии, ни министру Кайо, никому вообще еще не удалось достигнуть смягчения французского нажима на Рейне.

Мерварт продолжал заострять и формулировать мои слова, он хотел представить дело так, что я обещаю ходатайствовать перед французскими учеными и деятелями об ослаблении нажима на Германию, тогда как я все время говорил, что узнаю, позондирую, как они относятся к этому. Несколько раз Мерварт, для которого немецкий язык — родной, прямо забрасывал словами каждую мою реплику, как будто в качестве толмача, истолковывая, развивая и дополняя каждое мое слово десятью своими. И он, и Цейхлин говорили быстро, я не все улавливал до конца, оттенки пропадали. Но суть разговора я помню. Она была такова, как я только что изложил. Еще вспомнил — одну мысль высказал Цейхлин: что Германия и Россия в будущем сначала заключат между собою союз, а уж потом предложат Франции вступить в

¹ В копии вместо него напечатано меня.

него. Имя Платонова Цейхлин упомянул в такой связи, что он знает, что Платонов и многие мои друзья (Ihre Freunde) считают желательным «политическую кооперацию» Германии и России в будущем. Выражение это помню точно. Под «друзьями» он понимал, конечно, платоновскую организацию. Еще одна сказанная мне¹ фраза Цейхлина мне запомнилась: «все ваши друзья говорят, что вы пользуетесь во Франции громадной известностью». Ясно было, что это намек на Платонова, с которым Цейхлин общался.

Когда я ушел, они втроем (оба Мерварта и Цейхлин) еще оставались там. Вспоминаю еще, что консул сказал, что будущее Германии зависит от будущего торгового договора России с Германией, а Мерварт, к моему удивлению, сказал при этом слово, которое означает, что это, мол, само собою, и уж на это согласны «einverstanden!»). Ясно, что он уже слышал от Платонова или от немцев об обещаниях относительно будущего торгового договора, данных Платоновым Отто Гетчу и немцам. Об этом договоре я узнал и от самого Платонова, и от Васильева в Париже. Не могу вспомнить точных слов Платонова, в которых он сообщил мне об этом. Сказал он это в такой связи, что немцы хотят наперед знать, чего им ждать и на что надеяться в будущем в смысле развития торговых отношений, и что пришлось им обещать условия, вполне их удовлетворяющие и в смысле использования России как рынка сырья и как рынка сбыта товаров. Я понял из его слов, что случилось это, когда он был в Германии, а говорили они с ним об этом много раз раньше того.

Подробностей² не говорил насчет рынка сбыта и сырья для Германии, это я запомнил, и еще что-то о требовании свободного транзита на восток. Васильев же говорил мне беглой фразой, что слышал, что немцы получают торговые льготы, если помогут свергнуть советскую власть. Я знаю, что Платонов считал Васильева в организации. Но Васильев о договоре слышал, может быть, и не от него непосредственно, а от Краевичей, у которых он часто бывал.

Обращаясь опять к вопросу об отношении Платонова к немцам, я отмечаю следующее: Богословский, напр[имер], польской интервенции не желал ни в каком случае, Платонову же, по существу, это было бы

¹ В подлиннике слова сказанная мне вписаны Тарле черными чернилами без особой отметки.

² В копии вместо подробностей напечатано подробности.

все равно (поляки — так поляки), но он мало верил в польские силы, а верил только в Германию. Когда я ему передавал суть содержания разговора с Пенго, он никакого внимания не обратил на слова Пенго о Польше, а исключительно¹ заинтересовался отрицательным отзывом, касающимся «бедных немцев», как он выразился. Объясняю это тем, что с поляками у него не было связей, а с немцами были, перед немцами он отчитывался. Ведь он при мне говорил, что Германия уже сейчас так сильна, что Франция ее боится и будет разбита, если выступит против немцев, что надо учиться у немцев создавать кадры начальников под видом небольшой армии. Он, кроме того, явно отождествлял Германию с Отто Гетчем и со «Стальным шлемом», — что там есть и коммунисты, и соц[иал]демократы, и демократы, не желающие и слышать об интервенции, это для него не существовало вовсе. Он сказал однажды при мне, что концессия, которую получил Вирт от сов[етского] правительства, обанкротилась, и прибавил, что это очень хорошо — немцы увидят, что при соввласти ничего из их условий не выйдет. Вообще отношения националистов к соввласти, с которой они вовсе не желали ссориться, очень беспокоили его. Он больше нуждался в Отто Гетче, чем Отто Гетч в нем. Я лично не был знаком ни с Отто Гетчем, ни с другими немцами, имевшими связь с организацией через Платонова, никогда не видел Отто Гетча с Платоновым, но даже по его собственным рассказам выходило, что он, Платонов, искал и «ловил» Отто Гетча, а не тот его. В этом смысле характерен его рассказ (мне), как он ловил Отто Гетча, желая залучить его к себе на завтрак, когда у того было 1½ часа времени и к каким для этого ухищрениям он, Платонов, прибегал. По существу, Отто Гетч мог вести переговоры одновременно и с соввластью, и даже только с нею. А Платонов без Отто Гетча и немецких националистов оказывался без всякой почвы (при его воззрении на то, что спасение от немцев).² Платонов такой же законченный монархист и слепой германofil, как бар[он] Нольде, с которым он был и давно знаком, и встретился в Париже. Без опоры и поддержки немцев, конечно, он лишался и помощи, и всякой уверенности или всякой надежды, точнее.

¹ В подлиннике слово исключительно написано разными чернилами (черными и лиловыми), что совпадает с границей как листа, так и вставки в целом (начало см. сноску 2 на стр. 117).

² В подлиннике последние два предложения вписаны Тарле черными чернилами без особой отметки.

Вот еще один факт, совсем выпавший было у меня из памяти. Одна из идей организации, по словам Богословского, заключалась в том, чтобы связаться через тех же немцев-националистов с существующим в Европе Международным¹ союзом борьбы против коммунизма (или что-то в этом духе, кажется, название говорю правильное), и что идея не то Рождественского, не то Платонова и бывшая у них еще, когда только начиналась организация (она была еще до 1926 г., но я не знаю этого периода).

Фашистская озлобленность Рождественского могла, конечно, породить эту мысль. Организация имела в виду создать как бы русский филиал этого Союза с ячейками по городам и пр[очие]. Я потом уже не слышал об этом проекте. Поминалось имя Н. П. Оттокара, одного из членов этого Союза. Оттокар — б[ывший] пермский ректор, ныне живет во Флоренции, товарищ Карсавина, хороший знакомый Платонова. Он — член фашистской партии в Италии.

Скажу то, что знаю о помощи ссыльным и заключенным. Когда была арестована Гринвальд, то личные ее друзья (я, В. Л. Некрасова) на свой счет посылали ей съестные припасы (передачу), еженедельно. Я понятия не имел, за что она арестована, и думал, что скоро ее освободят. Но, уезжая за границу, я узнал об ее участии и просил Платонова помочь ей. Платонов еще раньше говорил, что у него есть на помощь ссыльным и заключенным, и я просил в письме (его уже не было в городе) помочь Гринвальд, у которой нет ни души родных и с которой он лично знаком. Но посылал ли ей — не знаю. Я от нее с лета никаких известий не получал, а с ним виделся всего один раз по приезду и забыл спросить. Еще в 1927 году Богословский сказал мне, что немцы, с которыми сносятся Платонов, дают ему деньги, из которых он помогает как нуждающимся членам организации, так и ученым (или вообще лицам, не помню), попавшим в тюрьму или ссылку.

В ученых кругах говорили, что он помогал Блинову, Сиверсу, Бенешевичу, Вальденбергу, еще называли малознакомые и не запомнившиеся фамилии. Делалось это как бы от частного лица, и получающий, конечно, не знал, откуда это. Сам Платонов говорил при мне, что немцы поддерживают материально не только своих ученых, но и наших, и было ясно, что речь идет об Отто Гетче.

¹ В подлиннике слово *Международным* вписано Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

И Богословский, и Васильев, и французы Дрио и Мишель Леритье говорили мне, что Платонов получает деньги из Германии. < . . >¹

Лично я думаю, что деньги эти шли из Notgemeinschaft — немецкой организации, о которой Платонов говорил при мне в таких выражениях, которые ясно показывают, что он с ней в денежных сношениях. А об этой Notgemeinschaft для поощрения науки мне известно, что помимо Платонова, об ней мне говорили в Парижской Comité des congrès historiques, что эта организация имеет также и чисто политические цели, работая в тесном контакте с националистами, что она поддерживает (и уличена) эльзасских сепаратистов во Франции, тирольских автономистов в Сев[ерной] Италии и т. п. под видом благотворительной помощи. Одной из ее задач — поддержка немецких интересов вне пределов Германии.²

Письма Платонов Отто Гетчу писал, это я утверждаю положительно. Он сам мне говорил, что их кто-то безобразно перевел и нужно дать Мерварту перевести. Были ли это отчеты? Он сказал, что пишет о «нашем житье-бытье», ясно, что это рассказ о положении известной Отто Гетчу организации. Другой смысл вложить в это мудрено, потому что ни с кем (включая самого Платонова) Гетч настолько не знаком, чтобы интересоваться «житьсм-бытьем».

* * *

Теперь еще вопрос: <что я знаю>³ о проектах восстания. Силось собрать все в своей памяти <, ослабевшей от ужасной жизни, которую я веду>⁴. Впервые мне рассказал Богословский⁵, оговорившись, что и сам мало знает, следующее⁶ (вспоминаю лишь суть, слова и точных

¹ В подлиннике лиловыми чернилами вымарано одно предложение.

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле черными чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике слова что я знаю зачеркнуты Тарле черными чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова ослабевшей от ужасной жизни, которую я веду зачеркнуты Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

⁵ В копии слова рассказал Богословский подчеркнуты простым карандашом.

⁶ В копии слова мало знает, следующее подчеркнуты простым карандашом.

фраз не помню): 1) в случае неудачной для СССР внешней войны интервенты (почему-то немцы) занимают часть территории, 2) тогда выступают «кадры». Эти кадры не то готовятся, не то просто учитываются из сочувствующих элементов старого офицерства, интеллигенции, призванных в Красн[ую] армию соответственно настроенных красноармейцев. Они являются в занятую территорию, набирают добровольцев и являются гарнизоном в занятый Ленинград. 3) Все они становятся под власть диктатора Брусилова, который назначает правительство и вообще отправляет функции верховной власти. 4) Восстания в еще не занятых местностях готовятся заранее. Инсургентам доставляют заблаговременно оружие. 5) Само оружие идет из Германии в Ленинград — он мне говорил, что оно как-то конспиративно свозится на берег, прячется и т. п., но он и сам не знал толком, и я не спрашивал. Моя вина и ошибка и были в том, что к этой именно стороне дела я относился как-то недоверчиво и слабо интересовался этим. Богословский — тоже: я помню, он сказал, это не штатское дело, этим Измайлов интересуется (или занимается, не помню). Сам Измайлов впервые мне показался со стороны воинственности, когда на одной встрече Нового года заявил, что с коммунистами нужно, как они с другими, и сентиментальничать нечего и т. д. <Я, правда, приписал тогда влиянию виновных паров эти выходки>¹. Но он в этом отношении был, по-видимому, не очень воздержан на язык, так как его невеста в Париже спросила меня (она его никогда не видела и не знакома): «Правда ли, что он — тигра лютая?». Насчет кадров. Платонов при мне говорил, что самая рациональная форма подготовки вооруженной силы — это подготовка не армии, а кадров, начальников, вроде немецкой армии, где все 100 000 не солдаты в сущности, а будущие офицеры. Он это говорил в явной связи с мыслью о восстании. Измайлов носился с мыслью о гимнастических кружках, вроде опять-таки немецких. Васильев спросил меня: «Правда ли, что у вас там будут скоро стальные шлемы и гимнасты?». Богословский сказал мне раз, когда я был у него в Москве (это я помню очень твердо), что если бы переворот произошел, то не обошлись бы без немедленных кровавых репрессий, и что ему лично эта мысль тягостна, а вот есть люди вроде Измайлова, которым это кажется неизбежным и естественным явлением. Сын Богословского готовился вступить по набору в Красную армию и заняться там агитацией. Отец был недоволен этим и самую идею

¹ В подлиннике данное предложение зачеркнуто Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

агитации, т. е. чтобы люди уже перед вступлением в казарму готовились к агитации в ней, не одобрял. Он утверждал, что кроме Измайлова в организации есть небольшая офицерская группа, но все ленинградцы, и он их никого не знает. О том, что у Платонова бывали б[ывшие] офицеры, знаю и я, но не видел их на собраниях организации. Сам Платонов <особого> решающего¹ значения этим планам восстания не придавал, он все надежды возложил на немцев.

(Я совершенно твердо помню такую фразу Платонова, при мне сказанную: «Наши офицеры говорят, что дисциплина у Красной армии очень² держится». Дело было в эпоху троцкизма. Но кто такие «наши офицеры», не пояснил.)

Я знаю некоторых знакомых Платонову б[ывших] офицеров, но не знаю, принадлежат ли они к организации. Трое из них знакомы с ним по служебным отношениям: В. Ф. Пузинский по службе в Центрархиве еще в 1923 г., А. А. Петров по БЮКу, А. В. Бородин по Акад[емической] Библиотеке, Юрий Соколов, кажется, знаком больше с дочерьми, чем с ним. Плетнев служил в Архиве при Платонове, его личный знакомый. А вот и слова самого Платонова, сказанные мне лично: «Довольно сотни красноармейцев, чтобы войти в Кремль — и готово!» И прибавил: «Вообще сотни вооруженных людей». Он и еще возвращался к этой мысли (в п о л н е , к удивлению, серьезно).³

Переходя к вопросу о назначении Андрея на престол и о назначении «правительства» переходного периода, я всецело поддерживаю все, что сказал на допросах. <Подробности из моей памяти ускользнули>⁴. <Заседание, на котором>⁵. Замечу, что об этом потом на заседаниях как-то не говорилось и не поминалось.

¹ В подлиннике слово решающего вписано Тарле вместо зачеркнутого особого черными чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слово очень вписано Тарле черными чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике три последних предложения вписаны Тарле черными чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике данное предложение зачеркнуто Тарле черными чернилами без особой отметки.

⁵ В подлиннике слова Заседание, на котором зачеркнуты Тарле лиловыми чернилами без особой отметки.

О своей связи с кружком молодых историков я уже говорил в общем своем изложении, о собраниях у Платонова и о предметах разговора там я тоже рассказал уже.¹

Где собирались, в каких обществах и на каких собраниях проявлялась в той или иной степени агитация антисоветского характера, я тоже изложил уже (в большом общем² очерке).

Есть один вопрос, который для меня остался неясным. Платонов в Париже виделся с Маклаковым. Мне говорил случайно Агафонов (в Париже), что Маклаков получает какие-то американские деньги. Дал ли он Платонову что-нибудь? Сам Маклаков считается приверженцем Кирилла, а ведь Платонов выдвигал кандидатуру Андрея. Вообще о встрече с Маклаковым Платонов говорил <скупо и>³ неохотно.

<Рассказывал мне еще Богословский, что в организации (еще до моего вступления) один из членов (кажется, он назвал Рождественского) заговорил об образовании в Германии Междунар[одного] союза борьбы против коммунизма и предложил включить в него организацию или связаться с ним так или иначе>.⁴

Об образовании германофильской и националистической группы Академии наук с восторгом рассказывал вернувшийся из Ленинграда после торжеств 200-летия Академии Эдуард Мейер, причем он называл Платонова и Лихачева лидерами партии, стремящейся к возрождению России на национальных началах. Об этом мне говорили в Comité des congrès historiques в Париже, где с неудовольствием к этому сближению с немцами отнеслись, следили за этим, утверждали, что Платонов получает деньги из Германии, что журнал Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte издается на субсидию немец[кого] Мининдела, причем специально основан с целью объединения русских и немецких национали-

¹ В подлиннике в данном месте заканчивается текст, написанный лиловыми чернилами; далее следует текст, написанный черными чернилами.

² В подлиннике слово *общем* вписано Тарле черными чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике слова *скупо и* зачеркнуты Тарле черными чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике данный абзац вычеркнут Тарле зелеными чернилами вертикальной чертой без особой отметки. Подлинник последующего фрагмента текста, объединенный в копии, хранится в деле в двух разных местах (Т. 2. Л. 174 и Т. 3. Л. 21).

стически настроенных историков и что гонорары там скрытая форма субсидии. Платонов является одним из главных сотрудников этого журнала.

Платонов при мне говорил о том, что хорошо бы связаться с учеными славянских стран (Югославии, Чехословакии и Польши) и что для этой цели туда ездит Карский, наиболее умный из группы правых академиков, и что через него этого можно достигнуть. Это же мне говорил в 1927 году Богословский. Предполагалось возродить Общество славянского научного единения, которое существовало до войны под председательством Максима Ковалевского.

Возвращаясь к обсуждению в организации вопроса об образовании в Германии «Международного союза борьбы с коммунизмом», должен еще прибавить, что, по существовавшему в организации проекту, организация должна была связаться с этим союзом, войти в него. Мало того, Богословский утверждал, что организация имеет в виду создать как бы русский филиал этого союза с ячейками по городам Союза. Эти разговоры велись в 1926 году. С похвалой отзывались об Н. П. Оттокаре, б[ывшем] пермском ректоре, ныне живущем во Франции, члене фашистской партии и члене этого «Международного союза».

Тяжко мне было писать эти показания.¹ Я намеренно устранил все, что могло бы, может быть, объяснить эту роковую аберрацию, это помрачение в моей жизни. Я только приводил голые факты. И вот вывод, опять-таки исключительно в виде голого обобщающего факта:

1) Я вступил в контрреволюционную, монархическую организацию, преследующую преступные цели.

2) Я позволил ей эксплуатировать мое имя в ее интересах и, не порывая с ней, тем самым брал на себя всю ответственность за ее поступки.

¹ В подлиннике данное и последующие предложения написаны Тарле черными чернилами без особой отметки. Весь отрывок озаглавлен Вставка № 2; заглавие и подчеркивание выполнены почерком Стромина без особой отметки.

3) Я принял и исполнил поручение Платонова навести справку в Париже о том, как там отнеслись бы к вмешательству <Фран>¹ Германии в русские дела.

После того, что я сказал в *credo*, я говорить много не буду. С мучительным <стыдом>² и горчайшим раскаянием отношусь к этому фатальному эпизоду моей жизни. Весь остаток моей жизни будет посвящен тому, чтобы работой в единении с советской властью на пользу трудящихся масс загладить то, что было.

Евг. Тарле

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле тремя видами чернил — лиловыми (вначале), черными (в дальнейшем) и зелеными (правка); последние чернила идентичны примененным Строминным; лиловыми чернилами написан основной текст показаний; черными чернилами вставки в них, на отдельных листах, вложенных в предыдущий текст, и снабженных общей пагинацией; заглавие Дополнительные показания Тарле Евгения Викторовича, дата 9.V и нумерация листов почерком Строминина; подпись-автограф. Датируется на основании копии. Т. 2. Л. 157–174; Т. 3. Л. 20–21 об.

Копия; машинопись. В верхнем левом углу л. 175 карандашная помета 9.V почерком неустановленного лица; машинописный текст на л. 190 оканчивается датой 9 мая 1930 года и словами Допросил Стромин, отсутствующими в подлиннике. Т. 2. Л. 175–190.

53

Письмо Е. В. Тарле А. Р. Стромину

17 мая 1930 г.

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

вы приступаете к заключению следствия по моему делу, и я хотел бы, чтобы Сергей Георгиевич и Вы прочли это письмо, в котором я напоминаю о фактах, не вошедших в материалы следствия, не относящихся прямо к делу, — но имеющих значение для характеристики

¹ В подлиннике слово Фран зачеркнуто Тарле черными чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слово стыдом зачеркнуто Тарле черными чернилами без особой отметки.

моей политической деятельности именно в самое последнее время. И дело идет тут о п о с т у п к а х , а не словах.

Ведь там, где окончательно будет решаться моя участь, — меня не будет, и единственными моими защитниками будут¹ — если захотят что-либо привести в мою защиту — мои следователи². Обращаясь к вам обоим, я и хочу уточнить некоторые факты, которыми воспользоваться Вам подскажет, может быть, чувство беспристрастия и справедливости.

Подводя, перед лицом своей совести, мысленный итог тому, что я делал, я вижу ясно одно: в то самое время, как по непростительной слабости, по совершенно ошибочному несерьезному отношению к платоновской организации — я позволил себя впутать в это дело, дал возможность эксплуатировать свое имя, словом, — делал то, что, правда, не только не имело, но и не могло иметь, к счастью, никаких реальных последствий³ (по глубокому моему убеждению, т о г д а же выражавшемуся), но в чем я горько и глубоко раскаиваюсь, — в это самое время я был главным действующим лицом нескольких выступлений, имевших определенный политический характер, — и шедших в с е г д а и в с е ц е л о на пользу советской власти. И это были уж не разговоры, но а к т ы , поступки, — и притом такие, какие кроме меня, едва ли кто-нибудь мог выполнить, по целому ряду условий; причем правильную оценку значения этих выступлений дали наиболее квалифицированные представители самой же советской власти. Напомню и уточню факты.

Правильно или неправильно, но в настоящее время, особенно после выхода в 1927 году в Париже моего нового большого труда о континентальной блокаде при Наполеоне, — в ученом мире Зап[адной] Европы меня ставят очень высоко. (И не только в Европе: я избран действительным членом Академии политических наук в Соедин[енных] Штатах.) Может быть, меня ставят выше, чем я заслуживаю — не в этом тут дело. Важны объективные факты. А объективные факты говорят, что, напр[имер], в парижской Сорбонне — как это публично

¹ Слова и единственными моими защитниками будут *подчеркнуты простым карандашом.*

² Слова мои следователи *подчеркнуты простым карандашом.*

³ Слова словом, — делал то, что, правда, не только не имело, но и не могло иметь, к счастью, никаких реальных последствий *подчеркнуты простым карандашом.*

заявил в своей речи ректор Сорбонны Шарлети, из всех русских ученых такой прием, как мне, сделали только И. П. Павлову, и больше никому и никогда. Тот же ректор Шарлети в торжественном, публичном заседании факультета (в переполненном публикой громадном амфитеатре), перед моим выступлением сказал, что я открываю науке новые пути, что Советская Россия может гордиться такими учеными (это его точные слова, напечатанные потом в газетах). За этим выступлением последовали еще и еще, и затем громадный банкет у ректора Сорбонны в мою честь, после чего ответный банкет у полпреда Довгалева, куда явился весь факультет с деканом Делакура во главе, а кроме того представители Академии, Коллеж де Франс и других ученых учреждений, совсем неслыханное сейчас событие, никогда еще не бывшее, — и это было тяжким ударом всем организаторам травли полпредства¹. Французская пресса в этом смысле истолковала это событие. На банкете в полпредстве т[оварищ] Довгалева благодарил Сорбонну за почет, который она оказала советскому ученому акад[емику] Тарле, — а отвечавший ему от имени Сорбонны декан Делакура говорил о «громадном значении лекций акад[емика] Тарле», о «величии советской науки» и т. д. Все это было в ноябре и декабре 1929 года². Т[оварищ] Довгалева сердечно благодарил меня.

А несколькими месяцами раньше, в марте³ 1929 г., <я был> по усиленной просьбе московского ВОКСа и после двух телеграмм мне непосредственно из стокгольмского полпредства, я поехал в Стокгольм, где и выступил с рефератом о шведско-русских отношениях в торжественном собрании Шведско-русского общества культурного сближения. Мне в полпредстве объяснили, какое значение имел мой приезд: дело было после очень тягостной истории с Гр[игорием] Гр[игорьевичем] Александровым и после бешеной травли полпреда Виктора Коппа и всего полпредства со стороны почти всей шведской печати. Нужно было дать отпор. Шведско-русское общество (где почти все члены — шведы) было парализовано и боялось выступить. В полпредстве советник полпредства Дмитриевский сказал мне: «Нам нужен был приезд такой первоклассной величины, как Вы, чтобы поправить дело». Это мое выступление ознаменовано было прежде всего речью

¹ Слова были тяжким ударом всем организаторам травли полпредства *подчеркнуты простым карандашом.*

² Слова это было в ноябре и декабре 1929 *подчеркнуты простым карандашом.*

³ Слова месяцами раньше, в марте *подчеркнуты простым карандашом.*

почетного председателя, знаменитого академика Арнё (Arnö), который сказал, что мое выступление — большое политическое событие. Зал был переполнен учеными, дипломатами, политическими деятелями (многих из них на другой день перечисляли газеты в своих отчетах). Меня и встретили, и проводили овациями. Но самое важное было в том, что в ближайшие дни все газеты Стокгольма и провинции (Упсалы, Гетеборга, Норчепинга) были полны длиннейших отчетов, и даже было 4 передовицы. Последовал ряд банкетов и приемов у шведов — а затем банкет у полпреда Виктора Коппа, выразившего очень большое удовлетворение по поводу моего выступления, сильно смягчившего стокгольмскую атмосферу. Это я взял лишь последние по времени факты. В эпоху травли Раковского в Париже именно мне (и я этим горжусь) удалось после нескольких бесед заставить редактора Гюстава Тэри занять¹ дружественную по отношению к Раковскому позицию (у меня есть письмо Тэри, в котором он вспоминает об этом!). Он — редактор «L'Oeuvre». А насколько важна эта одинокая сейчас позиция «L'Oeuvre», Вы могли бы узнать из телеграмм ТАССа по поводу кутеповской истории. Может быть, сов[етское] агентство ТАСС даже преувеличивает значение раскола, внесенного позицией «L'Oeuvre» в радикальную партию. Но важность факта отрицать никто не станет. И таких фактов в моей деятельности много! Т у т все это не так понятно. Но нужно вариться в котле, в котором варятся наши полпредства, чтобы оценить (они-то оценили!), что это значит, когда вся громадная корпорация факультета с деканом во главе является к Довгалеvскому, чего н и к о г д а еще не бывало. Нужно быть там, чтобы знать, что это значит, когда ректор Сорбонны произносит речь с хвалой советской науке. Дальше: нужно было пережить долгую и опасную травлю стокгольмского полпредства по поводу истории с Г. Г. Александровым, чтобы понять, почему меня и ВОКС из Москвы, и советники полпредства из Стокгольма телеграммами вызывали и торопили мой приезд: мне в стокгольмском полпредстве было сказано, на обеде, там данном в мою честь, что мой приезд л и к в и д и р о в а л историю Александрова, т. е. загладил и прекратил бурю в печати. Мое выступление и особенно бесчисленные статьи об этом выступлении в стокгольмских газетах (потрудитесь просмотреть их: март и апрель 1929 года!), речь академика Арнё (Arnö), после моего выступления

¹ Слова В эпоху травли Раковского в Париже именно мне (и я этим горжусь) удалось после нескольких бесед заставить редактора Гюстава Тэри занять *отчеркнуты простым карандашом.*

сказавшего, что Советский Союз, имея таких ученых, как акад[емик] Тарле, может не бояться никаких сравнений с любой страной в области науки — все это здесь было отмечено лишь двумя телеграммами ТАССа, но там произвело впечатление, как выразился полпред Виктор Копп, — «огромное». (В декабре 1929 г. я избран образованным в Лондоне Обществом англо-советского культурного сближения — президентом этого общества.) Я и предоставляю Вам нелицеприятно взвесить: что перевешивает в моей прошлой деятельности, с точки зрения сов[етской] власти, вред — или польза? (С точки зрения фактической, реальной, с точки зрения результатов?)

Перехожу к другой стороне моей деятельности (тоже еще пока оставаясь в чисто политической области). С давних пор — регулярно — по возвращении из-за границы от меня неотступно всякий раз требовали публичных лекций о текущей международной политике. Кто требовал? Коллектив ЛГУ, Толмачевская академия, комсостав Балтфлота — словом, такие учреждения, где в битком набитом зале присутствовал среди многих сотен людей только один единственный некоммунист, а именно: лектор Тарле. И не думайте, что мое изложение на все 100% совпадало со взглядами аудитории: после лекции я еще часа полтора отвечал на записки, вопросы, возражения кое-какие. Но и встречали, и провожали меня так тепло, что всякий раз я испытывал очень большое удовлетворение. Чем же объясняется, что меня (и именно меня, замены они не хотели) звали читать на такие острые темы? Весьма просто: тем, что я давал им материал и систему для массы вопросов, которые их интересовали. Худ я или хорош, но знаний у меня много — они требовались и шли в оборот. Читал я и на Александровском судостроит[ельном] заводе (несколько лет тому назад), тоже по инициативе коммунистов, коллектива, и рабочие слушали меня так, что за полчаса до срока уже все места бывали заняты. И опять ставлю вопрос: была ли от меня польза или ее не было?

Дальше. У Вашей партии и у советского правительства есть черта (вполне понятная в революционные эпохи): очень большая подозрительность и чуткость. Но вот что мне предлагалось за эти годы со стороны советского правительства: 1) пост заведующего всеми экономическими архивными фондами Ленинграда (я принял и долгие годы был заведующим); 2) пост ректора Госуд[арственного] университета (формально предлагалось!), я отказался, не желая

приостанавливать свою чисто научную работу; 3) пост директора Акад[емической] Библиотеки.

Значит ли все это что-нибудь? Ведь моя деятельность была налицо, ведь там, в Университете например, знали, как я себя держу в самых острых вопросах, когда (в 1927 г.) по предложению деканата (а он сплошь коммунистический) меня единогласно избрали председателем исторического отделения Лен[инградского] гос[ударственного] университета! И это я принял, и был с тех пор председателем. А весь президиум был коммунистический¹. Мало того. Теперь, когда в Академии решающее влияние перешло к коммунистам, известно ли Вам, каково было первое последствие для меня лично? Я был сделан (январь 1930 года) председателем комиссии по реорганизации архивных хранилищ Академии наук. Нечего и говорить, что я этого не только не добивался, но даже не имел понятия, что это готовится. И это первое предложение каких-либо функций по Академии! Пока ею правили Ольденбург и Платонов — и когда и куда меня не приглашали и систематически удаляли от дел. (А Платонов всячески меня уговаривал не брать директорства в Акад[емической] Библиотеке, когда об этом шла речь!) И заметьте: теперь реорганизация хранения документов имеет острый политический интерес! И председатель — я. Вот что я делал, вот реальности. Я прошу только взвесить и оценить за — и против. . .

Значит ли это, что я очень доволен своим поведением? Я выразил в credo и еще несколько раз выражал горчайшее страдание свое при мысли о том, в какую трясику я попал и с какими людьми водился. Я считаю самым большим несчастьем своей жизни — это дело. Я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы изгладить самое воспоминание об этом деле. Я признаю, что если Платонов мог эксплуатировать мое имя для своей безумной и в основе нелепой политической интриги, то потому, что я сам дал к тому повод и я ничего не беру назад из всего, сказанного в credo, ни одного слова, ни одного оттенка мысли. Мое раскаяние остается полным. Раскаяние и желание заглавить все.

Но я хочу только, чтобы мои следователи и судьи знали, что за мною в прошлом были не только слова, но и поступки, реальные выступления — и что все эти реальные поступки шли на

¹ Данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

пользу советской власти¹ (и вызывали злобную брань (за глаза) со стороны того же Платонова² — напр[имер], облетевшее всю заграничную прессу мое выступление в пользу Бела Куна). Все мои действия, о которых я говорю в этом письме, вполне проверяемы и по заграничной прессе (что касается выступлений в Стокгольме и Париже), и по очень доступным справкам (что касается моих лекций здесь или моей работы, кто и куда меня приглашал и т. д.). Тут нет ни одного слова без документальных доказательств.

Вы не скажете, что все это не относится к делу, потому что Вы не только судьи, но и политики, и Вам важно то, что относится вообще к человеку. Я ничего не сказал тут о главном содержании моей жизни, о научных трудах, которые я пишу в парижских архивах и которые печатает Институт Маркса и Энгельса в Москве — многолетняя история рабочего класса во Франции. Я тут говорил только о политике.

В будущем — я вижу свою реабилитацию в широчайшем развитии тех своих выступлений, о которых шла тут речь, как внутри, так и вне Союза, — и в усилении своей научной работы.

Вот что я хотел, чтобы тоже вспомнили из моего совсем недавнего прошлого. Если Сергей Георгиевич и Вы находите это письмо ненужным — порвите его. Думаю, что едва ли Вы найдете справедливым совсем игнорировать его содержание.

Е. Тарле

17/V 1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 147–150 об.

¹ Слова Но я хочу только, чтобы мои следователи и судьи знали, что мною в прошлом были не только слова, но и поступки, реальные выступления — и что все эти реальные поступки шли на пользу советской власти *отчеркнуты простым карандашом двойной чертой.*

² Слова брань (за глаза) со стороны того же Платонова *отчеркнуты простым карандашом двойной чертой.*

Собственноручные показания Е. В. Тарле

20 мая 1930 г.

1. <До меня доходили>¹ Два варианта разговоров Измайлова, Платонова и др[угих] об овладении Ленинградом. 1) Сов[етские] войска выходят против интервентов — и в это время внезапным выступлением вооруженный отряд овладевает мостами, телеграфом, телефоном, казармами², причем требует у оставшихся красноармейцев выдачи командиров и оружия, а самих — по домам. 2) Захват Ленинграда предполагался и так: при наступлении интервентов Ленинград эвакуируется (еще до их прибытия) сов[етскими] войсками, и тогда выступает подготовленная к тому времени вооруженная группа, которая и овладевает вокзалами, учреждениями, телеграфом и т. д.³ После этого — она (эта группа) сразу увеличивается в несколько раз, призывом и вооружением раньше намеченных добровольцев. Москву предполагалось захватить с большим препятствием, чем Ленинград. Предполагалось, что там будет оказано сопротивление гораздо более значительное и что понадобится большая борьба за железную дорогу, которая будет разрушена соввластью близ Москвы, и прибытие из Ленинграда большой вооруженной силы. При этом Измайлов сначала говорил, что в Москве и др[угих] городах должны вспыхнуть самостоятельные восстания, а потом выразил мысль (и Платонов ее поддержал), что это восстание именно в Москве совершенно немыслимо, пока не явится сила из Ленинграда, но считали, что соввласть подтянет подкрепления и ополчения из Иваново-Вознесенска и не помню откуда еще. Выходило, что Москва не будет захвачена очень уж скоро после Ленинграда. И еще: предполагалось составление списка лиц, которым ни в каком случае не давать помилования, остальным же — различные условия в случае немедленной сдачи (это вообще, не только в Москве). Был, собственно, и третий вариант: отряд эмигрантов, финнов-добровольцев и т. п. образуется на границе и внезапно является к Ленинграду. Я слышал <...>⁴ это еще в 1926 г. от Богословского, но как это сопрягается с немцами,

¹ В подлиннике слова *До меня доходили* зачеркнуты Тарле без особой отметки.

² В копии слова *отряд овладевает мостами, телеграфом, телефоном, казармами* подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии слова *телеграфом и т. д.* подчеркнуты синим карандашом.

⁴ *Неразборчиво.*

не помню.¹ И в Москве, и в др[угих] более или менее крупных центрах назначаются (диктатором) генерал-губернаторы (название варьировалось — комиссары, чрезвычайные уполномоченные и еще кто-то), они имеют власть только над городом (о деревне будет дальше сказано). Они назначают военные суды и утверждают приговоры. На них возлагается ликвидация и судебно-административная расправа с побежденными. (Запомнил, что для всей Украины предполагался кто-то один, не для Киева или Харькова, а для всей страны. Но об Украине дальше.)

Измайлов, Рождественский <Платонов>² считали, что власть этих чрезвычайных уполномоченных должна распространяться на деревни соответствующ[их] областей, а Богословский и Платонов полагали, что деревня сама покончит с местными коммунистами: у них все надежды были на то, что деревня только ждет сигнала, чтобы это сделать. Не помню, кто (чуть ли не сам Платонов) выразился так: еще придется их сдерживать, чтобы не слишком увлеклись резней (смысл был тот, что крестьяне, истребив коммунистов, будут еще продолжать избивать кого-то по недоразумению). Очень подчеркивали, что все эти местные должны быть в абсолютной зависимости от диктатора, и даже помню фразу не то Любавского, а не то Богословского³: «не нужно новых Думбадзе». В каждом таком центре местный чрез[вычайный] уполномоченный созывает <тоже>⁴ сначала добровольческий отряд для охраны порядка, назначая комсостав из числа заранее намеченных и выясненных местных людей, вот что твердо помню: на содержание этих частей (на первых порах) предполагалось принудительный заем, и говорилось при этом, что будто бы так будут рады, что никто на этот принудительный (немедленный) заем роптать не будет.⁵

2. Эти отряды, на которые и в столицах и во всех крупных городах опирается диктатор и его уполномоченные, составляются по такому принципу: комсостав — раньше намеченный и организованный,

¹ В подлиннике два последние предложения введены в текст с помощью сноски.

² В подлиннике фамилия Платонова зачеркнута Тарле без особой отметки.

³ В копии слова даже помню фразу не то Любавского, а не то Богословского подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В подлиннике слово тоже зачеркнута Тарле без особой отметки.

⁵ В копии весь абзац отчеркнут красным карандашом.

«нижние чины» — то же по возможности раньше намеченные, а также добровольцы (уже после падения соввласти) набираются непременно по имуществ[енному] признаку (идеал: крестьянин-собственник, идущий сознательно защищать частную собственность). Говорилось несколько раз о пулеметных ротах, что вот, мол, одна такая рота стоит нескольких полков; что можно образовать их сплошь из офицеров, т. к. личного состава много не нужно для пулеметов* . Изм[айлов] при мне однажды сказал, что маленький офицерский отряд с пулеметами <может> мог стать силой решающей в 1917 году и т. п. Захват железных дорог так и предполагался: поезд, вооруженный пулеметами, очищает и захватывает путь до Москвы. Кадры должны готовиться (или выявляться) раньше, еще до начала войны и интервенции.

3. Эти отряды (добровольческие) гарнизон имеют в городах, но на их быстрых появлениях, где нужно, основывается новая власть и в деревне. Однако в деревне, предполагалось, на первых порах это и не понадобится: такая там будто бы будет злоба и усердие по борьбе с коммунистами. Там (в деревне) образуются — тут я точно не вспоминаю — какие-то советы, имеющие огромную административную и судебную власть. Они состоят из небольшого количества надежных людей (3–4–5 чел[овек]), которые и расправляются с коммунистами-односельчанами, они же образуют местную вооруженную силу, для приведения своих решений в исполнение.

4. Аграрный вопрос решался и перерешался и обсуждался несколько раз. Так как все внимание организации было сосредоточено на самом захвате власти и на первых моментах, то и говорили об этом чаще, и мне запомнилось, что Платонов считал целесообразным утверждение за крестьянами-собственниками той земли, которой они сейчас владеют (это было еще до колхозов и последних реформ). А окончательно аграрный вопрос должен был вырешиться в Собрании народн[ых] представителей, впоследствии (Лихачев, напр[имер], стоял за вознаграждение бывших, дореволюционных, собственников земли). В разговорах указывалось на роковую роль слишком откровенной помещичьей аграрной политики в провале Деникина, Врангеля, Колчака. Вообще считалось, что вернуть прежним владельцам их дома в городах будет очень легко и можно сделать немедленно, а деревню лучше не трогать до Собрания.

* Измайлов. (Примечание Тарле).

В связи с аграрным вопросом поднимался вопрос о размерах и пределах власти диктатора, т. е. имеет ли он право издавать такие постановления, которые затрагивают или предreshают аграрный вопрос? Решали¹ так, что он (диктатор) имеет власть исключительно для ликвидации коммунист[ической] партии и для поддержания нового строя, но не должен вторгаться в область законодательства.

Но замечалось, что впоследствии, уже когда все успокоится, когда соберется Собрание, может быть поднят вопрос о вознаграждении бывших владельцев (дореволюционных).

5. Я уже говорил в прошлых показаниях, что в 1925–26 гг. заходила речь о том, чтобы связаться с Международным союзом борьбы против коммунизма, чтобы открыть в СССР филиал этого Союза, с ячейками по городам и пр[очие]. Это натолкнуло организацию на мысль, что в будущем, т. е. после переворота, должен быть создан уже не по частной инициативе, а по инициативе правительств* братство (или лига, называлось по-разному), словом, международная организация борьбы с коммунизмом или лига <борь> защиты частной собственности (и такое название, помню, кто-то из москвичей предложил это название — Любавский или² Богословский). Это учреждение должно было собираться на сессии по несколько раз в год³, иметь бюджет, составленный из взносов всех входящих в эту организацию стран, иметь свое бюро, своих агентов, орган пропаганды, органы осведомления, и полиция всех представленных в этой организации стран должна оказывать помощь ей в ее действиях. Это должен был быть как бы новый «Священный Союз» (союз спасения цивилизации, — и эти слова помню) для защиты принципов частной собственности. Туда входят и отдельные члены, но — главное — это формально обусловленное участие <всех>⁴ правительств. Рождественский сказал, что этот «Священный Союз» будет крепче того, который был сто лет тому назад. Он же (и еще кто-то) говорили, что самое главное — это чтобы этот

* и даже в точности не правительств, а Римского Папы, который и обращается ко всем правительствам. (*Примечание Тарле*).

¹ В копии вместо Решали напечатано Решен.

² В копии слова название — Любавский или подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии текст от начала абзаца до слов раз в год отчеркнут красным карандашом.

⁴ В подлиннике слово всех вычеркнуто Тарле без особой отметки.

Союз имел право призывать силы всех входящих в него стран против той страны, в которой разразится коммунистическая революция. Помню такую мысль: этот Союз должен быть образован вне Лиги наций, т. к. с Лигой наций могут быть, особенно вначале, дурные отношения (из-за Бесарабии), а другие (Андреев, кажется) думали, что в данном случае без Лиги наций не обойтись. Характерно, что об этом проекте говорилось не так, как о том, что когда-нибудь впоследствии можно сделать, но так, как говорят о ближайшей гнетуще-важной мере: смысл был тот, что именно на самых первых порах новая власть в России¹, чтобы чувствовать себя твердо, должна иметь заручку в виде вот подобной международной организации, располагающей громадными силами и всегда готовой прийти на помощь в случае коммунистического восстания. У этой организации должна быть своя разведка, свои агенты всюду, но ее вооруженными силами являются вооруженные силы всех представленных в ней стран.

Между прочим: члены организации считали, что именно этот Международный союз должен взять на себя издание (на нескольких языках) истории того, как протекала и к чему привела коммунистическая революция в России, конечно, во враждебном коммунизму и пропагандистском духе. Но одновременно говорилось и о том, что это должно быть сделано быстрее. Нужна комиссия из иностранных корреспондентов, которые бы развезжали по России и подводили бы итоги и т. д. Измайлов говорил, что этот Международный союз должен иметь наготове оружие и зарегистрированных² добровольцев, чтобы мобилизовать их немедленно, еще до того, как раскочаются и выступят правительства разных стран (все это в случае новой коммунистической революции в России).

б. О диктатуре я уже говорил в прошлых показаниях. Свобода прессы ограничивается всеми постановлениями, которые издает диктатор. Свобода собраний, слова, свобода личности — также. Он назначает правительство, он же назначает правительственных генерал-губернаторов, или чрезвычайных уполномоченных. Он же верховный начальник всех вооруженных сил. Эти вооруженные силы состоят: 1) из тех добровольческих частей, которые образуются в самом начале, после (и в разгаре) переворота и 2) из армии по набору. Что касается

¹ В подлиннике слова в России вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово зарегистрированных вписано Тарле без особой отметки.

добровольческих частей, то здесь после предварительного учета и ознакомления принимаются все офицеры бывших белых армий, какие доживут до переворота, а также те кадры, которые образуются нелегально под видом гимнастич[еских] кружков и т. п. Солдатская же масса, как сказано, из людей, лично заинтересованных в частной собственности. <Что> Эти добровольцы — на жаловании и должны быть очень хорошо поставлены в материальном отношении. (Помню хорошо, что тут почему-то говорили, что на Украине, на Дону, в Сибири и на Кавказе такие части организовать будет легко, в северной же России и центральной — труднее.) Эти части должны быть со временем настолько расширены и приумножены, чтобы полностью занимать гарнизон в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и т. п. больших городах. Ни в каком случае они не должны быть пущены в случае внешней войны. Платонов, Лихачев, Рождественский указывают, что монархия погибла только потому, что в войне 1914–1917 гг. была истреблена вся кадровая гвардия.

Кроме этих особых, наемных частей существует армия по набору. Тут тоже классовый признак: офицер должен знать о своих солдатах все, и их имущественное положение и их настроения и т. д. и пролетарский элемент следует так или иначе на военную службу не принимать, по возможности, вовсе. Для подготовки же офицерства — открываются особые заведения, где также обращается внимание на классовый состав. И кроме того, офицерство должно быть поставлено материально вполне удовлетворительно. Тут же говорилось, что можно не гнаться за численностью, лишь бы армия была надежна, что важны пулеметы, газы, артиллерия, вообще техника, и поэтому с человеческим составом можно и должно быть разборчивыми и брать далеко не всех, кого можно взять в армию по закону. Первый набор — произвести далеко не сразу, довольствоваться на первый порох непрерывным расширением добровольческих частей, обильно снабжая их оружием и всякой техникой и вполне обеспечивая — так, чтобы это было хорошей жизненной карьерой.

7. С первых же моментов предполагалось восстановление министерств. Вопрос о служащем персонале ставился Платоновым, говорили о нем и Лихачев, и Рождественский, и Андреев, и Измайлов, и отдельно поднимали этот же вопрос. Платонов хотел образования чего-то вроде контрольной или проверочной комиссии, которая имела бы свои отделения во всех городах, и функции которой заключались бы в рассмотрении <и> деятельности и политической

физиономии всех служивших при соввласти, с целью отбора тех, кого возможно снова взять на службу. Критерии, насколько помнится, были такие (конечно, речь идет исключительно о < . . >¹ беспартийных совслужащих): 1) Люди, политически выступавшие вместе с коммунистами, на собраниях, в месткомах и т. д., «попутчики» и т. п. Они исключаются и дела о них рассматриваются органами судебной власти, которая решает, предавать их суду или нет. (И еще что-то против них проектировалось, но я не помню. Платонов и Рождественский что-то еще хотели делать с ними.) 2) Люди нейтральные, служившие исключительно для куска хлеба. 3) Люди уволенные, сокращенные, подвергшиеся гонениям. Из этих двух последних² разрядов и рекрутируются новые служащие. Число служащих должно быть круто сокращено и они должны быть лучше обеспечены. Должен впоследствии³ существовать политический контроль над служащими, вроде месткомов (поминалось это слово). Эта контрольная проверочная комиссия должна иметь широкие полномочия, органы расследования и т. п. Совсем особую роль играет не то секция этой комиссии, не то специальная комиссия, уж не помню, по отбору преподавателей низшей и высшей школы. Тут политический критерий один: степень близости к коммунистам. Близкие, те же «попутчики», выступавшие публично в духе коммунизма — устраняются от преподавания, остальные тоже сортируются и либо устраняются, либо переводятся в сверхштатные и т. д.

Число заведений средней школы сильно сокращается, так же как и преподавательский персонал в остающихся. Но этот персонал должен быть вполне обеспечен.

О внутреннем устройстве министерств — ничего не помню, говорилось ли или нет. Говорилось лишь о сокращении числа служащих в центральных учреждениях, чуть ли не в десять раз (сравнительно с наркоматами). Как я уже сказал, о таких вопросах, т. е. о вопросах более или менее далеких, говорилось мало, больше всего интересовал первый момент. Эта контрольная комиссия должна была широко оповещать о всех проверяемых лицах в печати, приглашать подавать заявления о них и доставлять сведения и т. п.

¹ *Неразборчиво.*

² *В подлиннике слово последних вписано Тарле без особой отметки.*

³ *В подлиннике слово впоследствии вписано Тарле без особой отметки.*

8. О золотом займе. Предполагалось (Коковцов уверил Платонова), что возможно будет немедленное после переворота заключение золотого займа, т. е. получение очень большой суммы, при получении которой можно было бы прожить первые два года без финансовых потрясений и наладить валюту. Заем этот будто бы дали бы французы, если им обещать формально уплатить долги. (Даже не платить, а только обещать). Немедленное восстановление торговых сношений с Европой повлекло бы открытие иностранных банков в России, и это тоже укрепило бы новую валюту и т. д. Об этом займе говорилось как-то мало и без деталей, сказывалось полное отсутствие специалистов по финансам.

9. Я забыл в своих прошлых показаниях отметить, что большую пропагандистскую роль Платонов, Лихачев и другие] придавали разным церковным церемониям, вроде крестных ходов в грандиозных размерах и т. д. Предполагалось, что диктатор будет как-то торжественно приветствовать духовенством и пр[очее]. Все это должно было быть очень театрально и действовать на воображение. И этим зрелищам отводилась очень крупная роль. С одной стороны, говорилось, что форму правления решит будущее собрание, а с другой стороны, я запомнил и такую мысль (слов не помню) Рождественского: пойдет народ крестным ходом просить царя! (т. е. предполагалось, следовательно, предрешить монархию таким простым способом). Кроме крестных ходов, еще было выдуманно и мне сообщено Богословским, что Патриарх со всем Собором должен будет на площади в Москве совершить какое-то покаянное молебствие (или что-то в этом роде), замаливая перед Господом грехи русского народа. И этот день покаяния должен был поминаться ежегодно. <Выдумали> Говорили¹ все это, кажется, Лихачев и Рождественский. Что касается Собора, то он должен был собраться немедленно после переворота и избрать Патриарха Евлогия. Церковь не отделялась от государства, священники получали жалование, монастырям земли не возвращались, но они вознаграждались иначе как-то. Предполагалось, что выборы Патриарха и вообще Патриарх с Собором, церемонии с покаянием, крестные ходы и все эти эффекты послужат агитацией в пользу монархии.

10. Я забыл, говоря о новых служащих, прибавить, что отдельно ставился в разговорах членов организации вопрос о техниках, инжене-

¹ В подлиннике вместо зачеркнутого Выдумали вписано Тарле Говорили без особой отметки.

рах и т. п. Признавалось, что кончающие курс в СССР мало знают, и что придется брать тех, кто учился за границей.

И еще забыл прибавить, что при разговорах об овладении Ленинградом, железными дорогами и Москвой — Платонов и Измайлов рассчитывали на вредительскую роль технич[еского] персонала и на его саботаж (телеграф, телефон, освещение, транспорт и т. п.).

11. Национальная политика. Все они сплошь были в душе, конечно, националистами и великороссийскими шовинистами и идеалом считали «великую неделимую» и т. д. Но — Платонов и Андреев по крайней мере (и, конечно, Богословский, умный и сдержанный человек) — понимали трудность выставления подобной программы после всего, что произошло. Отсюда — двойственный, неискренний, очень половинчатый характер их национальной политики.

А. Прежде всего прибрать к рукам некоторые части прежней территории: Литву, Латвию, Эстонию, если это можно будет под какими-нибудь условиями сделать. Тут даже можно пойти на большие экономические уступки, если это понадобится, чтобы снова вовлечь их и инкорпорировать. Членам организации почему-то казалось, что это возможно будет сделать без больших затруднений. Предполагалось, что если они согласятся соединиться, то им предоставить самую широкую автономию.

Б. Б[ывшей] Украине автономии в полном смысле не давать, а предоставить <ее> украинским¹ губерниям <широкое> местное самоуправление (более или менее широкое), но не признавать ее как целое, как отдельную страну и отдельный народ. Вопрос о языке вызывал полные разногласия. Одни тяготели к тому, чтобы в Киевском, Харьковском, Одесском, Полтавском университетах преподавание шло только на русском языке, другие допускали и русский, и украинский. Одни стояли за обязательность одного русского языка во всех учреждениях, другие стояли за равноправие обоих языков. Последнюю точку зрения поддерживал акад[емик] Бузескул.

Представители правительственной власти в украинских губерниях назначались министром вн[утренних] дел, депутатов в собрание народных представителей Украина посылала на общих основаниях со

¹ В подлиннике вместо зачеркнутого ее вписано *Тарле* украинским без особой отметки.

всеми другими частями <империи> государства. Но, как выше сказано, в самом начале предполагался какой-то особый диктатор для всей Украины как целого, причем этом диктатор должен был быть назначен общим диктатором (украинский правитель должен был называться не диктатором, а как-то иначе).

В. Относительно Кавказа пришлось слышать разные варианты. Запомнилось следующее:

1) В Тифлисе собирается особое кавказское собрание нар[одных] представителей для обсуждения местных нужд и вопросов. Исполнительная власть в руках назначаемого центр[альным] правительством правителя. Он заботится лишь о том, чтобы не страдали общегосударственные интересы, но считается во всем, касающемся местных интересов, с этим тифлисским собранием.

2) Кавказским губерниям предоставляется самоуправление в тех же размерах, как украинским. Кавказ посылает своих представителей (депутатов) в общерусское собрание нар[одных] представителей.

Я запомнил характерные слова Платонова, что все равно армяне, татары и грузины будут резаться между собой, и поэтому Кавказ не упадет.

Г. Сибири, как и остальной России, предоставлялось самоуправление (по губерниям), причем вопрос о цензе не был уточнен. Я помню лишь, что говорилось об образовательном цензе и еще о каких-то возрастных ограничениях.

Принципиально признавалось равноправие всех национальностей, но при существовании одной палаты нар[одных] представителей, конечно, русский (великороссийский) элемент должен был играть подавляюще-главную роль. И Платонов, и Рождественский, и Лихачев, и Измайлов, и Андреев сознавали это и считали это очень положительным фактом, т. к. находили великороссийскую национальность основой всей будущей государственности. Относительно Белоруссии я помню лишь мнение, что первая же война с Польшей, которая будет введена Россией в союз с Германией, вернет России белорусские округа, захваченные Польшей, а Германия получит Польский коридор. Эта идея войны против Польши в союзе с Германией < . . >¹ проскальзыва-

¹ *Неразборчиво.*

ла несколько раз. Об автономии белорусского народа речи не подымалось вовсе. Была, вообще, явная тенденция: подменить понятие об автономии данного народа расширенным самоуправлением нескольких губерний, в которых живет этот народ.

К характеристике национальной политики в будущем относится и мысль (Платонова, Любавского, Рождественского) о национальном характере школьного (средней школы) преподавания. Т. е. преподавание должно было вестись так, чтобы подчеркивалось «единство русской культуры» и значение (благое) объединения русской державы. Словом, в прежнем духе, в духе исторического учебника Платонова, принятого перед революцией.

Особое отношение (уважительное) было к Финляндии. Во-первых, очень хотели скопировать ее организацию по охране порядка (не помню точного названия, словом, гражданская милиция). Во-вторых, при разных обстоятельствах позиция ее была очень важна для судьбы Ленинграда. Платонов в свое время надеялся на интервенцию со стороны Маннергейма.

12. В эпоху Шахтинского процесса Измайлов высказывался в пользу вредительства и вредителей и потому говорил Богословскому, что и при перевороте вредители сразу осмелеют и сделают невозможной борьбу для соввласти. Богословский лично был против вредительства как способа борьбы (сравнивал с доктором, который бы стал отравлять пациента за то, что пациент — коммунист), но Измайлов находил, что раз нет других способов, хорош и этот. Он считал, что именно в Ленинграде вредительский элемент при благоприятных для него условиях может в решительный момент сыграть большую роль.

Я знаю, что он стремился получить сведения, как о б[ывших] офицерах, так и об инженерах и техниках, служащих в транспорте, по освещению, по телеграфу и т. д., на сочувствие которых можно было бы рассчитывать.

Он считал, что в случае малочисленности своей¹ красноармейские части, при внезапном появлении перед ними вооруженного отряда, сейчас же согласятся выдать свое оружие и свой комсостав (он имеет в виду, что останется их в городе мало) <, когда главные силы будут

¹ В подлиннике слова в случае малочисленности своей вписаны Тарле без особой отметки.

заниматься...¹>. Вместе с тем я вспоминаю, что Платонов говорил, что дисциплина в Красной армии большая. А так как все, что касается армии и военного дела, Платонов знал через Измайлова, т. е. как бы противоречие между вышеприведенным его мнением о выдаче оружия и комсостава — и мнением о дисциплине.

13. Предвиделись отправки отрядов в провинцию, в города, где будет продолжаться сопротивление уже после занятия Ленинграда и Москвы: Иваново-Вознесенск, Урал, Донбасс и еще рабочие места. Определенно помню, что предвиделась эта борьба не в деревне, а именно в нескольких городах. Но считали (Платонов), что после овладения обеими столицами победа может считаться достигнутой. Задача военной власти должна была бы заключаться в немедленной развозке из центра — оружия на места, потому что не сомневались, что на местах сейчас же явятся добровольческие дружины, которые и нужно будет вооружить. Вопрос о Кавказе считался спешным и срочным, потому что без овладения нефтью нельзя было получить заем. На Кавказе предполагалось опереться на армян против татар. Относительно Кавказа и нефти — было сказано Платонову Кокковцовым. Вот слова Платонова: «Говорят, что кроме нефти, ничего ценного у нас сейчас уже нет». Это он сказал, приехав из Парижа. Когда я выше говорил о национальной политике и о Кавказе, то забыл сказать, что там вопрос о нефти играл большую роль: дать самоуправление — но устроить так, чтобы нефть не ускользнула из рук центрального правительства. (И поэтому самоуправление не по нациям, а по губерниям, чтобы в каждой данной области одни влияния нейтрализовались другими.) Если бы Азербайджан сопротивлялся, предполагалось прежде всего именно туда направить экспедицию, и непременно добровольческую, без интервентов, без немцев, чтобы те не успели захватить в свои руки. Помню, что разговор о нефти и ее буд[ущем] значении был, когда, кроме обычных — Рождественского, Измайлова, Лихачева — был еще Егоров, но говорилось лишь в общих чертах. Подробнее говорил отдельно Платонов мне и Богословскому (т. е. об экспедиции и т. п.).

14. Заводы и фабрики предполагалось не возвращать старым владельцам, а сдавать им же и другим в порядке концессии. На первых лишь только порях или вообще, принципиально, не могу сейчас точно сказать. Считались с отсутствием денег и с необходимостью огромных

¹ Одно слово неразборчиво.

затрат. Ничего точного не припоминаю и о том, как хотели распорядиться с теми обязательствами, которые выдавала соввласть, то же расчет концессий, но помню одно (потому что это было неожиданно, что не имелось в виду простое отрицание этих советских концессий, а какие-то комбинации пускались в ход). (О лесных концессиях говорили и поминали, что Вирт, быв[ший] канцлер, участвует, и что нельзя раздражать немцев, которые имели дела с соввластью.)

Предвиделось падение производства, ввиду того, что хлынут товары из-за границы, но тут вспоминается слово Лихачева в разговоре с Радловым, при мне, когда и Лихачев, и Радлов пришли к убеждению, что «нет худа без добра» и что, если <нет> мало развит<a>¹ производств, то мало и рабочих, а поэтому меньше шансов и новой революции. Платонов органически не понимал рабочего вопроса и исторического значения рабочего класса, а Рождественский, Измайлов, Лихачев² и пр[очие] смотрели на рабочих именно с этой узко полицейской точки зрения, как на элемент тревоги. Я уже говорил в прошлых показаниях, что предполагалось какое-то подобие рабочего законодательства, но что-то путаное, неопределенно филантропическое, т. е. реального ничего почти не дать, но поманить рабочих благотворительностью и т. п. Если бы следствие интересовалось тем, как в марксистских терминах я определяю свою путаную программу платоновской организации, то я сказал бы, что это — соединение мелкобуржуазных элементов с пережитками былой дворянско-землевладельческой программы. Крупная буржуазия, промышленная, финансовая, как-то отсутствует в этой программе, по крайней мере не бросается в глаза. Отказ от запретительной, или даже хоть покровительственной таможенной политики, диктовался не только необходимостью считаться с иностранцами, от которых ждали денежной и всяческой, но и чисто бытовых сдвигами, узко потребительскими соображениями: товары хлынут из Германии, из лимитрофов, и все станет дешево, а из дворянско-землевладельческих старых вождельний вышла монархическая абсурдная идея, абсолютно ни к чему не годившаяся и способная уже одна потопить все дело, если бы оно имело даже хоть малые шансы на успех. На вложение иностранных капиталов (в постройке домов и т. п. и разные

¹ В подлиннике слова мало развито вписаны Тарле вместо зачеркнутого нет без особой отметки.

² В подлиннике фамилия Лихачев вписана Тарле без особой отметки.

предприятия, концессии и проч[ие]) члены организации¹ смотрели тоже не только с экономической, но и с политической точки зрения: важно заинтересовать Европу материально, чтобы она не допустила новой большевистской революции.

16. О саботаже и вредительстве. Платонов смотрел на это как на форму политической борьбы, и он и Измайлов верили, что вредитель<ства> и широчайше всюду распространены и помогут, когда придет время. Транспорт, водопровод, телеграф, заводы, работающие на оборону, — все это могло быть саботировано, если там будут свои инженеры и техники. Эти разговоры, в связи с разговорами о необходимости в каждый данный момент иметь учет подобных возможных союзников, велись чуть не с самого начала организации. Мне об этом впервые сказал Богословский и я помню его слова, что они (Платонов, Измайлов) думают, что если инженер какой-нибудь ругает соввласть, то это значит, что он будет вредителем, между тем, это вовсе не так, это антазии. Вот еще его фраза: «Они подсчитывают б[ывших] офицеров, подсчитывают инженеров, следят, какие коммунисты и в каких учреждениях наиболее влиятельны и активны».

17. Бросалось в глаза желание копировать тактику коммунистической партии. Предполагалось создание обширной партии (с платформой борьбы против коммунизма и восстановление великодержавия России, программу более точную не знаю). Эта партия должна была охватить все антикоммунистические и антисоциалистические силы*². Она должна была развиваться³ уж с первых времен нового режима. Члены ее должны были быть подчинены железной дисциплине. Их назначение было бы проникнуть во все поры государственного организма и вести там наблюдательскую работу, следить за коммунистической опасностью, агитировать и т. д. Особенно они должны были обратиться к этим первым воинским частям (по добровольному найму) и там вести свою работу. Они же должны были взяться и за учебные заведения и за агитацию перед выборами в Собрание нар[одных]

* Она являлась частью упомянутого международного антикоммунистического союза. (Примечание Тарле).

¹ В подлиннике слова члены организации вписаны Тарле без особой отметки.

² В копии сноски отсутствует.

³ В копии вместо развиваться напечатано развиваться.

представителей и руководить прессой (свободы печати в первый период не предполагалось).

Предполагались и другие партии, но эта должна была быть как бы боевым объединением всех антикоммунистических сил и быть тесно связанной с диктатурой, она должна была носить полуофициальный характер. Но это не был фашизм, который ставит обязательным условием чиновникам¹ государственной службы вхождение в свою организацию. Это должна была быть организация, которая существует самостоятельно от правительства, но деятельно помогает ему. (Интересно, что о² подобн<ую>ой партии говорили в платоновских кругах еще в первые годы революции, и Васильев мне рассказывал, что ее собирались тогда назвать «Маяк». Но о партии, о которой я говорю, речь шла уже в другом аспекте, как о партии будущего, а «Маяк» был бы, конечно, нелегальным, т. к. затевался при соввласти.) Эта партия должна была рекрутироваться с очень большим разбором, и Богословский говорил мне, что в нее не смогли бы войти даже полностью даже члены платоновской организации, так как потребовались бы такие убеждения и такие личные качества, которые не у всех членов есть. Он сам не очень интересовался этой будущей партией, т. к. (я уже сказал) вообще был крайне скептически настроен по вопросу о реальности всех этих разговоров. Но он говорил так: это будет не то масонство, не то иезуитский орден, не то коммунистическая партия, все на дисциплине (эти слова я помню). И еще: они связывали себя какой-то церковной присягой, так что только христиане могли туда входить. Таковые были проекты об этой будущей партии.

18. Вот, что я могу вспомнить о том, как представлялось будущее госуд[арственное] устройство.

Прежде всего уже при диктатуре провозглашается восстановление Свода законов, как он был до 1917 г. («Пергамент просмотрит 10 том», т. е. гражданское право).

Затем два варианта: созывается собрание нар[одных] представителей, и они вотируют форму правления и основные законы или: диктатор предпринимает установление монархии (вот тут и говорилось о Патриархе, крестных ходах и прочих приемах того же рода), вырабатыва-

¹ В подлиннике слово чиновникам вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике предлог о вписан Тарле без особой отметки.

ются основные законы, и уже потом созывается собрание, которое все это и санкционирует. Конституционная монархия, две палаты — первая — представители народа, избираемые с каким-то цензом (образовательный помню наверное, но, кажется, еще какие-то условия), и вторая — госуд[арственный] совет, назначенный монархом с представителями также¹ от духовенства*². Вторая (верхняя) палата имеет меньше власти, чем первая. Министерство назначается монархом. Ответственность его перед палатой представителей не оговаривалась, кажется, Платонов имел в виду систему б[ывшей] Германской империи, где тоже не было минист[ерской] ответственности. Сенат сохраняет судебные функции, кроме того, усиливаются его права регистрировать законы или отказывать в регистрации, если они не согласны с основными законами. Меньше всего помню о суде. Кажется, вводились какие-то особые присяжные заседатели с образовательным цензом, вообще же предполагалась судебная реформа в больших размерах. Об администрации запомнились только два варианта: о назначаемых и о выборных губернаторах. Но кажется, вариант о выборных отпал, потому что речь шла о самоуправляющихся губернских учреждениях, ограничивающих власть губернатора. В деревне — мелкая самоуправляющаяся единица сельский совет (из оседлых, имеющих усадьбу крестьян). Что-то очень сложное было сопряжено с управлением финансами, и, как я уже сказал выше, ясно было, что тут сам Платонов не представлял себе сколько-нибудь ясно, как это будет организовано; ясно было, что все будет в руках Коковцова и иностранных кредиторов. Образовался какой-то особый, ни от кого независимый банк, помимо государственного, твердость валюты обеспечивалась именно этим банком. Но в чем было дело, что это за банк, абсолютно ничего сказать не могу. Ясно лишь, что это как-то связывалось с большим займом, который предполагался и с обещаниями насчет уплаты долгов.

19. О духовенстве. Меня < . . . >³ не интересовал ни в малейшей степени этот вопрос и лишь случайно у меня удержались в памяти некоторые отдельные пункты. Бенешевич должен был выработать проект устройства церкви, но все эти автокефалии и проч[ее] я опу-

* Но, кажется, были и выборные члены, двухстепенными выборами. (Примечание Тарле).

¹ В подлиннике слово также вписано Тарле без особой отметки.

² В копии сноска отсутствует.

³ Неразборчиво.

каю, потому что не знаю точно, что он выработывал. Знаю, что он носился с проектом унии, соединения церквей, но русская церковь все-таки сохраняла какое-то особое положение и пр[очее]. Сам Платонов смотрел на духовенство (и Рождественский, и Лихачев, об Измайлове не знаю), как на очень могущественный агитационный аппарат против коммунистической революции. Но он тоже, как и многие эмигранты, убежден был, что то духовенство, которое сейчас живет в СССР, уже не годится для работы. Слишком испорчено компромиссами, само заражено революцией и т. д., и что необходим приток других людей. Платонов выразился так: еще со времени Илиодора я убежден, что там (в церкви) гниение. Вообще, как я уже заметил в прежних показаниях, после поездки за границу Платонов оказался под сильным влиянием эмигрантов и эмигрантской мысли и стал склоняться к тому, что эмигранты должны были быть использованы, (а раньше он говорил другое: что они отстали, ничего не понимают, зубы и т. п.).

Члены организации (особенно Платонов, Рождественский и Лихачев) были, вопреки очевидности, глубоко убеждены, что церковь необыкновенно сейчас популярна в народной массе, что враждебное отношение со стороны власти церкви помогло, а не повредило, что церкви битком набиты народом и т. д. Рассматривая церковь как политическую союзницу, члены организации отводили ей большую роль и даже не пошли на такую уступку духу времени, как отделение церкви от государства. В качестве Патриарха предполагался Евлогий вследствие влияния эмигрантов и связей в Европе и Америке. Это тоже проявление влияния эмигрантов. До поездки за границу Платонов отзывался о нем отрицательно (поминал о знаменитой деятельности Евлогия в завоеванной Галиции, где тот уже начал насильственные действия против униатов и т. д.). Предполагалось духовенство сделать более образованным, повысить их материальное положение и пр[очее]. Как и в чем выразится уния, не могу сказать (помянутое Папы в богослужении, вообще какая-то схоластика).

20. По новому университет[етскому] уставу кончившие университет для поступления на службу должны сдавать особый экзамен при том ведомстве, куда собираются поступать (или общей какой-то комиссии, не помню). Они же обследуются с точки зрения политической надежности членами той партии, о которой идет речь выше.

21. Широчайшим образом должна была быть поставлена пропаганда, даровые или копеечные <за> газеты, кинематографы и т. д. Все-

российский Осваг, как выразился Платонов. Тогда начался разговор о Э. Д. Гримме, вернувшемся в СССР; о его управлении Освагом (пропагандой) у Деникина и говорили о том, что все будущее правительство должно развить это дело шире, так как развивают это коммунисты. Должно было быть чуть не целое ведомство для развития этой пропаганды. Листовки, плакаты, газеты, кинематографы, театр и т. п. Начаться должно было это дело с первого же момента после переворота. Должны были быть привлечены литературные силы, писатели, лекторы и т. д., должно было быть представлено все истекшее время революции, как разруха, падение хозяйства, голод и т. п. в цифрах, графиках, рисунках и т. д., разные рассказы об ужасах и т. д. и т. п. На местах должны были быть филиалы этого ведомства, которые варьировали бы, смотря по местности, языку, национальности, обстоятельствам прошлого и пр[очее]. Церковь во всем этом именно и должна были тоже играть свою роль. Предусматривалось обширное статистическое исследование с этой же пропаганд[истской] целью, поминалось о Громане и его (будто) безотрадных выводах, вызвавших гнев Политбюро.

22. < . . . >¹ у Платонова говорилось о необходимости снабжать зарубежную прессу фактами сов[етской] действительности, доставать копии (секретных) наиболее показательных документов и пр[очего]. Я вспомнил это по связи с докладом Громана, по поводу которого и была высказана (кажется, самим Платоновым) эта мысль. Фактически, так как Краевичи в дружеских отношениях с редакцией «Возрождения», то у Платонова эта связь и была. Но более несомненна, хотя и не могу сказать, какова именно (через кого) связь с «Россией и славянством» Струве, где мне приходилось читать некоторые мысли, не только по существу, но и по внешней форме, принадлежащие Платонову, напр[имер] о < . . . >¹ провале коммунизма в деревне, о развале в духовенстве СССР и т. п. Вернее всего, это связь через бар[она] Нольде, сотрудника и друга Струве. На милюковские «Последние новости» и Платонов, и Краевичи смотрели, как на «полубольшевистский орган» (точные <их> слова Н. С. Краевич), и с ним не имели и не могли иметь никакого дела.

¹ *Неразборчиво.*

Я хочу еще отметить твердо запомнившуюся черту: одной из¹ основных идеологических целей и ведомства пропаганды и проектированной новой партии [было] «возрождение русского национального чувства» (слова Платонова, много раз повторявшиеся и другими).

Измайлов уже начал учет б[ывших] <белых> офицеров, по крайней мере он общался с ними в эти годы. Это было ясно из его слов из слов Платонова. Он уже начал также зондировать почву среди Красной армии, по крайней мере стал с большим авторитетом говорить о ее настроениях, явно давая понять, что знает наверное. Говорил, между прочим, на эту тему по поводу приезда Аманулла, впечатления, будто бы произведенного приемом его в б[ывшем] Зимнем дворце и еще где-то. Говорил в кабинете Платонова при Рождественском, Лихачеве, Измайлове, не помню, при ком еще, что теперь техника все, газы и пулеметы даже при мелких силах могут дать внезапную победу. Но о Ленинграде (о его внезапном овладении) он говорил, помнится, не в тот раз (<a>и² говорил Платонову, и тот мне). А тогда в кабинете он говорил, между прочим, о том, что близости между красноармейцами и комсоставом настоящей нет и что, если кто им пообещает отпуск по домам, то они выдадут свой комсостав, и еще что-то в этом роде.

Вот еще вполне точный факт. Мой дальний родственник, Михаил Петрович Ревидцов, молодой человек 22–23 лет, умерший года 3 тому назад, не имевший понятия о том, что я знаком с Измайловым, спросил меня о нем. Я несколько удивился, т. к. Ревидцов — москвич, никогда в Ленинграде не бывавший. О настроениях этого Ревидцова можно судить по тому, что его отец, известный в Москве д[окто]р Ревидцов, мне лично с ужасом говорил, что сын его Миша в театре разбрасывал в первые годы революции антисоветские прокламации и вообще вел себя, как совсем обезумевший человек. Я спросил поэтому М. П. Ревидцова, зачем ему понадобился Измайлов? Он после некоторых отнекиваний сказал, что он знает, что Измайлов во главе какой-то организации, работающей в армии и он, Ревидцов, хочет предложить свои услуги. Я сейчас же опроверг это и, конечно, ничего Измайлову

¹ В подлиннике слова одной из вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике союз и вписан Тарле вместо зачеркнутого а без особой отметки.

не сказал. А когда незадолго до смерти М. П. Ревидцова мы с ним встретились, то он сказал мне: «А вы меня обманули насчет Измайлова, я был прав!». Это показывает, что какие-то слухи или о разговорах, которые ведет Измайлов. (Этот Ревидцов жил в Москве, Мясницкая 30, служил в начале революции в Наркомате нацменьшинств, но ушел. Неуравновешенный, фанатик контрреволюции, доведший до могилы отца и мать и сам покончивший с собой, Ревидцов был¹ в курсе всяких нелегальных деяний в Москве.)

Измайлов сказал мне, что детей Лихачева преследуют за то, что они были бойскаутами, и что это показывает, насколько бойскаутизм и тому подобные организации опасны для соввласти. Дети Лихачева (или один сын, не помню) были бойскаутами еще до революции. Идея Измайлова о гимнастич[еских] кружках и т. п., как о будущих кадрах, насколько мне известно, не осуществилась в том смысле, что такой кружок не возник.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин²

20/V–30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; слова Допросил Стромин и дата 20/V–30 г. почерком Стромина; подписи-автографы. Т. 2. Л. 191–204.

Копия; машинопись. В копии документ озаглавлен Дополнительные показания Тарле Евгения Викторовича 20 мая 1930 г. Т. 2. Л. 205–227.

¹ В подлиннике слово был вписано Тарле без особой отметки.

² В копии запись Допросил Стромин отсутствует.

Собственноручные показания Е.В.Тарле

23 мая 1930 г.

1. Уточнение об антиком[мунистической] международной ассоциации.
2. Пересчет членов организации. О Фермане.
3. Организационные вопросы.
4. «Достижения» организации.¹

1. Об антикоммунистической международной ассоциации говорилось несколько раз у Платонова, были — я, Лихачев, Рождественский, Богословский, Измайлов, приезжал как-то и был Любавский, был, кажется, раз Васенко. Все присутствовавшие и высказывались. Начались эти разговоры давно, еще до той поры, как я вошел в организацию. Богословский говорил, что Платонов высказался первый в том смысле, что противопоставить Коминтерну возможно тоже ассоциацию в¹ исключительно <в> международном, мировом масштабе. Были сомневающиеся в возможности подобной ассоциации в наше время (Богословский, я, еще кто-то, чуть ли не Любавский), но разговоры возобновлялись еще и еще по разным поводам. В конце концов у меня в памяти отложилась известная схема того, как члены организации представляли себе дело. Во-первых, нужно сказать, что большинству из них не только представлялось, но даже были уверены в том, что Европе предстоит пережить революцию. Между прочим, в этом удостоверял тех из них, с которыми сносился Ростовцев, который очень мрачно (с своей точки зрения мрачно) смотрел на положение вещей. Он влиял в этом смысле на Платонова.

Но именно это и заставляло большинство из них думать, что подобная ассоциация не только возможна, но и неизбежна, и кто-то вспомнил слова Троцкого, что на Западе буржуазия умнее нашей и будет бороться.

¹ В подлиннике текст вопросов написан коричневыми чернилами, последующий — синими. Судя по расположению, текст вопросов вписан позднее по отношению к показаниям.

² В подлиннике слова ассоциацию в вписаны Тарле без особой отметки.

К тому, что я уже сказал об этом проекте, остается добавить не-много. Самый смысл всего этого предприятия заключался бы в том, чтобы связать круговой порукой все правительства для обеспечения от коммунистич[еской] революции. Очень трудно сейчас вспомнить, кто и что именно говорил, но, кажется, Рождественский высказал главную мысль, что этот будущий союз не должен зависеть ни от количества людей, которые запишутся его членами, ни от взносов их, а он должен быть органом всех представленных в нем правительств. Когда им указывалось, что при существующем антагонизме и противоречии интересов трудно ожидать таких дружеских действий от всех правительств, то Платонов, Измайлов и др[угие] отвечали, что угроза так велика, что они непременно выступят. (И еще говорили, что самое существование такой организации может предотвратить революцию.) Эту мысль об организации первые выдвинули немцы (Отто Гетч), а под их влиянием уже Платонов. Это ясно было из его слов. Немецкие националисты давно уже (еще с 1920 года) наметили эту линию: образование такого антикоммунистического союза выгодно для Германии потому, что дает ей возможность занять особенное, не только равноправное, но и¹ важное место, вследствие ее географического положения на востоке, недалеко от России. Именно ей будут даваться поэтому поручения по борьбе с коммунистической революцией в России или Эстонии, Литве, Латвии — словом, там, где это грозит прежде всего.

Члены организации: Рождественский, Измайлов, Лихачев, Радлов, Любавский, Андреев, Егоров, Ферсман, Истрин, Вернадский, Ляпунов, Карский, Крачковский, Бузескул, Заозерский, Халтурин, Гирс, Бенешевич, Гревс, Васенко, Романов, Богословский, Жебелев, Готье, Бахрушин², Богоявленский, Пичета, Дружинин, Раевский, Бартольд, Перетц, Васильев, Нольде, Ростовцев; были ли членами лично близкие Платонову — Молаас, Соколовский, Приселков, Майков³, Бородин, < . . . > Сиверс⁴, Чернов, Любомиров — не знаю. Не знаю также относительно Костычева, Северцева, Сакулина, Ипатьева, Филипченко, Ордина, Дмитриевского.

¹ В подлиннике слова не только равноправное, но и вписаны Тарле без особой отметки.

² В копии фамилии Готье, Бахрушин подчеркнуты простым карандашом.

³ В копии фамилии Соколовский, Приселков, Майков подчеркнуты простым карандашом.

⁴ В подлиннике фамилия Сиверс вписана Тарле вместо зачеркнутого (неразборчиво) без особой отметки.

2. О Ферсмани. Ферсман еще с первых лет революции занял позицию, которую он и выразил на одном собрании — не то в 1918 г., не то в 1919 г. (Собрание научных работников.) Смысл его слов был такой: «Все мы отрицательно относимся к большевизму, но нужно примириться с фактом его существования и стараться сохранить при этой, по существу разрушительной, стихии все культурные ценности, какие можно сохранить». Такова была тогда его позиция. Платонов в последние годы очень с ним сблизился, считал его в организации, отстаивал его кандидатуру в вице-президенты Академии наук. Между Платоновым и Ферсманом существовали близкие отношения.

Выводы, которые я сделал на основании всего того, что упорно говорилось о Ферсмани, сводятся к тому, что: 1) Он пользовался организацией научных экспедиций для посторонних науке и Академии целей. 2) Он вредительствовал в ведении как этих экспедиций, так и в своих экспертных выступлениях. 3) Он продал какой-то технический секрет в Германию за очень крупную сумму.¹

Приведу, между прочим, мнение профессора ЛГУ Владимира Даниловича Зеленского², который, говоря со мною о Ферсмани, выразился о нем так: «Это — обер-вредитель». Он прибавил, что Ферсман вредительствует в интересах заграницы. На мое возражение, что он за границу, кажется, не ездит, Зеленский ответил: «Можно не ездить, к нему сама заграница ездит, раз он ей нужен». Это типичное мнение о Ферсмани ученых кругов.

Платонов знал о Ферсмани больше, чем кто-либо.³ Когда в 1929 г., при выборах в вице-президенты, Ферсман получил 29 черных шаров (против 32), то это было сочтено, конечно, за очень враждебную против него демонстрацию, и Платонов по этому поводу сказал такую фразу: «Подозревать — подозревают, а поймать не поймают, он ловок». Его ловкостью Платонов восхищался не раз.⁴

¹ В подлиннике данный абзац отчеркнут красным карандашом.

² В подлиннике против фамилии Зеленского простым карандашом написано Кто это? почерком неустановленного лица.

³ В подлиннике данное предложение и предыдущий абзац отчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии четыре абзаца, посвященные Ферсману, отчеркнуты простым карандашом.

3. Организационные вопросы. К тому, что уже было раньше мною показано, прибавлю, что Россия в первый период должна была быть временно разделена на области, по несколько губерний в каждой, и каждая область должна была быть подчинена лицу с чрезвычайными полномочиями. Это должна была быть местная диктатура, но подчиненная все же центральной власти. Для Украины называли — Шульгина¹; называли военных фамилии, которых не знал и которых не упомянул (кажется, Муклевича² называли, между прочим). Но оговаривались, что их назначит уже сам диктатор. Платонов и Измайлов указывали на Московскую военную академию, где есть некоторые (из старых) дееспособные элементы. Поминался Габаев, поминался А. В. Бородин. Эти местные правители обладают почти неограниченными судебнополицейскими и военными полномочиями, а также имеют надзор и право вмешиваться во все области всех ведомств.

Когда разговор шел о финансовом управлении, о Министерстве труда и вообще об экономическ[еских] ведомствах — поминался Коковцов³, Н. С. Тимашев, Загорский, Струве, Крачковский (его поминал Платонов), Ковалевский (В.), Халтурин.

По поводу Минист[е]р[ства] внутренних дел и его устройства поминался В. Маклаков⁴, А. С. Путилов, Краевич⁵. Не помню, в связи с <как> организацией какого ведомства поминался Лукьянов (бывший) обер-прокурор Синода), но не по части управления церковью, там должен был быть Бенешевич.

Народн[ым] просвещением должен был заведовать Платонов, и тут роль должны были играть Рождественский, Москвин А. М., Яковлев, Егоров, Любавский, Андреев, Кубасов.

¹ В подлиннике слова Для Украины называли — Шульгина подчеркнуты простым карандашом с пометой Очень правдоподобно! почерком неустановленного лица.

² В подлиннике фамилия Муклевича подчеркнута красным карандашом.

³ В подлиннике фамилия Коковцов вписана Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике фамилия В. Маклаков вписана Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁵ В подлиннике фамилия Краевич вписана Тарле синими чернилами без особой отметки.

Определенно помню, что говорилось, что от диктатора будет зависеть и распределение министерских постов. В период диктатуры все министерства должны были явиться исполнительными органами его воли.

При вопросе об организации юстиции называли Завадского (С. В.), Лазаренко (А. Н.), Пергамент, Д. Гримма, Жижиленко.

Измайлов отводил себе роль по части организации военного ведомства. Тут он рассчитывал прежде всего собрать остатки царского кадрового офицерства и с ними начать действовать. Он проектировал немедленное открытие юнкерских и офицерских школ и училищ.¹

Но все эти вопросы покрывались вопросом о диктатуре. Все остальное казалось второстепенным.

Платонов предусматривал длительный «переходный период», который и должен был быть заполнен этой диктатурой. При этом Рождественский и др[угие] постоянно указывали, что русский народ очень легко примиряется с диктатурой, что показывает успех коммунист[ической] партии. Это вполне характеризует уровень политической мысли Рождественского (и Лихачева, который держался совершенно одинаковых воззрений).

Платонов, Измайлов, Рождественский очень рассчитывали завести и укрепить связь с провинцией. В Москве эти связи у них были, и я говорил об этом в прошлых показаниях. Их интересовал Саратов, Харьков, Одесса, Киев, Полтава. В Саратове Платонов имел в виду опереться на Чернова, Любомирова, в Харькове и Киеве на членов украинской Академии (Бузескула, Васенко, Грушевского и др[угих]). Намечалась такая постановка дела: в провинциальных центрах (и еще забыл: Минск (Пичета и Ясинский), Смоленск и Воронеж) — создается группа, сносящаяся с ленинградским центром, и от него получают директивы. Когда обсуждался этот вопрос, то Измайлов обратил внимание на то, что эти группы нужны будут особенно для осведомления и для отправки им оружия, когда придет момент². Это обсуждалось осенью 1927 г., меня не было (я был в отъезде). Присутствовали Бого-

¹ В подлиннике данное предложение вписано Тарле синими чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слова когда придет момент вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.

словский, который мне это и рассказал, Платонов, Измайлов, Рождественский, Лихачев. А при мне было снова обсуждение вопроса о провинции, был Платонов, Любавский, Андреев, не помню, кто еще. Говорили о том, что эти группы должны быть приняты или намечены центром, а потом пополняться путем кооптации, но всякий раз кооптируемое лицо должно предварительно сообщаться центру.

К числу организационных вопросов относится также мысль, еще в 1926 г. (до моего вступления)¹ брошенная Платоновым: устроить съезд в Москве, пользуясь каким-либо формальным прикрытием — съезд членов организации². При этом должно было пригласить даже тех, кто еще не был в организации, но на кого можно было рассчитывать для образования провинциальной ячейки. Они должны были получить директивы — и этот съезд был бы началом целой сети ячеек, или, точнее, групп. Необыкновенно характерно, что, по словам Богословского, на этом съезде³ предстояло развивать обычную антисоветскую схему — об Учредит[ельном] собрании и т. д., говоря о монархии как об одной из исторических возможностей, но не как о непременном условии. Ясно было сознание, что монархизм топит бесспорно всю программу. Заседания должны были происходить в одной из комнат Исторического музея. Вместе с тем, туда должен был быть приглашен Пресняков, который вовсе в организации не состоял, и вообще те, кто еще только намечался в будущем. Была мысль приурочить это к конференции архивных деятелей, которая собиралась ежегодно в Москве (так как много было и в организации историков и архивных деятелей). Мысль была оставлена, и образование провинциальных групп замедлилось на несколько времени, об этом заговорили и в 1927 г., и в 1929 г. раза два при мне. Были при этом: Платонов, Рождественский, Измайлов, Любавский, кто-то еще. <Пигулевская?> Был такой случай: Платонов и я — мы были в Москве (1926 г.)⁴, именно на архивном съезде, где должен был состояться и нелегальный съезд организации. Я получил приглашение на вечер к А. И. Яковлеву. Там я застал Платонова, Богословского, Любавского, Егорова, Готье, Богоявленского, Северцева, кажется, Бахрушина (о Бахрушине — не уверен) и еще

¹ В подлиннике слова (до моего вступления) вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.

² В подлиннике слова съезд членов организации подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии слова по словам Богословского, на этом съезде пропущены.

⁴ В подлиннике дата (1926 г.) вписана Тарле без особой отметки.

человека З, фамилии которых не помню (да и тогда не расслышал; кажется, один Кончаловский¹ — москвичи). Говорили на разные темы, общий дух речей присутствовавших был оппозиционный. Была высказана Платоновым мысль о том, что вот жаль, что иногородним, одинаково мыслящим людям трудно видется, говорить между собою и т. д. Но дальше этого — разговор не пошел, а когда расходились, Богословский сказал мне потихоньку: вот вам и съезд. Но это и не было, конечно, съездом, мысль о съезде была оставлена, как я уже сказал. Это была только встреча членов² ленинградской и московской групп, членов или будущих предполагаемых членов³.

Предусматривались поездки с целями информации на местах, и Платонов уверенно говорил, что деньги для этого найдутся. Это должны были быть либо просто поездки, либо лекции в провинции. Ставилось это в связь с проектом открытия провинциальных ячеек и групп.

На Кавказе предполагалось связаться с армянским Дашнакцупоном и бороться против сближения с турками. В Баку был расчет опереться на Фридолина, б[ывшего] преподавателя В[ысших] женск[их] курсов, ныне профессора в Баку. В Тифлисе — на проф[ессора] греческой литературы Григория Филимоновича Церетели, близкого друга Жебелева и Ростовцева (его сестра, монахиня — вдова акад[емика] Тураева, близкий человек Платонову).⁴

Достижения организации. Подводя мысленный итог тому вреду, который уже успела причинить организация (т. е. реальным ее достижениям), я могу лишь отметить:

1) Плоды <пропа> антисоветской агитации, разнообразной и частной в тех местах, о которых я говорил в прошлых своих показаниях.

2) Вредительство Платонова и Ферсмана в Академии наук и вне Академии наук, извращение роли Академии в интересах контрреволю-

¹ В подлиннике слова *кажется, один Кончаловский* вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово *членов* вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике текст *от слов не расслышал до конца абзаца* отчеркнут красным карандашом.

⁴ В копии два последних абзаца перемещены на место перед абзацем, им предшествовавшим, т. е. при перепечатке машинистка пренебрегла пагинацией показаний, сделанной Тарле.

ционной политики, прятанье документов, которыми могла и должна была воспользоваться советская власть. Говорю в нескольких строках, потому что уже сказал об этом все, что знал, в прошлых своих показаниях.

Это вредительство имело, кроме прямого, и косвенное пагубное значение: оно вносило во всю жизнь Академии какую-то двойственность, неискренность, заднюю мысль, этим оно постепенно действовало разлагающим образом на весь служебный громадный персонал.

3) Кадры — Измайлов учитывал и готовил кадры для будущего восстания. Я не знаю, в чем именно состояла подготовка, но у него, и в других местах, собирались б[ывшие] офицеры и те, кого он думал привлечь¹, и обсуждали относящиеся к возможным действиям вопросы, вырабатывали планы захвата Ленинграда и Москвы, говорили, между прочим, об авиации и ее возможном значении для восстания, надеясь при этом на получение аппаратов из Германии, а также на сворачивание некоторых советских авиаторов.

Еще в 1927 году Измайлов имел план создания кадров не только в Ленинграде, но и в Москве, и провинции, и съездов их представителей для взаимной информации.

4) Платонов постарался сблизиться с П. П. Сойкиным и В. А. Бонди, чтобы войти в редакцию «Вестника знания», куда вскоре после этого вошли Н. А. Морозов и я. Это журнал научно-популярный, не политический. Но Платонов <явно> имел в виду со временем воспользоваться обширным аппаратом распространения этого журнала — в своих целях. Еще до его ареста — он должен был выйти и из состава редакции. Иметь свой журнал было одной из его целей. Самое нахождение его во главе редакции очень распространенного журнала было расширением его влияния, к чему он всегда стремился. Он хотел также посредством сотрудничества в этом журнале связаться теснее с эмигрантами и этим оказывать им известную материальную поддержку, а также получить и завязать новые связи. Но ему² это не удалось привести в исполнение — не успел³.

¹ В копии слова и те, кого он думал привлечь пропущены.

² В подлиннике слово ему вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова не успел вписаны Тарле без особой отметки.

5) У Измайлова <и Платоновой> был план нанять небольшой¹ дом где-нибудь подальше <и подешевле> и поселить там своих людей. Этот дом мог бы быть и складом литературы или оружия. О найме или аренде такого дома <на <мес> особом положении> — говорилось при <мне . . .²>, Богословскому³ Измайловым. Там жили бы, конечно, выисканные и взятые Измайловым на учет б[ывшие] офицеры, относительно которых <тогда же> Платонов говорил, что они обыкновенно ни к чему, кроме офицерства, и не способны. Об этом говорилось в 1927 году. А при мне он говорил несколько позже, что ищет квартиру, что хочет найти дом, где бы все квартиры были заняты знакомыми. Это, конечно, был тот же план. Между прочим, среди планов захвата Ленинграда была и такая деталь, что небольшой отряд внезапно арестует главное начальство, если оно не эвакуируется. Эти авантюрные идеи в духе не только Измайлова, но и Платонова, который лично мне говорил, что достаточно сотне вооруженных красноармейцев (взбунтовавшихся) войти в Кремль, и все будет кончено. Вот еще <ироничес>⁴ слова Богословского — что Измайлов очень торопится, можно подумать, что он уже собирается пробную мобилизацию своих кадров делать.

б) Желая употребить все усилия, чтобы вспомнить все, что только можно назвать достижениями организации, я останавливаюсь мыслью все-таки на намерениях и планах, которые не успели вырваться и осуществиться. Я уж отметил в прошлых показаниях, что Платонов считал вредительство допустимой формой политической борьбы. К этому нужно добавить, что он интересовался техниками, инженерами и т. д. с этой точки зрения. Он говорил при мне, что иметь своих людей в транспорте, водопроводе, электрической станции и т. п. — это огромная сила. Не имея точных данных о членах организации, не могу судить, удалось ли ему обзавестись на всех этих службах «своими людьми», но он считал, что инженеры — элемент, в общем, антисоветский и что на их помощь можно рассчитывать. Я уже сказал, что у Платонова к старости развился легковёрный оптимизм, и он свои желания прини-

¹ В подлиннике слово *небольшой* вписано Тарле без особой отметки.

² *Неразборчиво.*

³ В подлиннике фамилия Богословскому вписана Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике начало слова *ироничес* вписано Тарле без особой отметки и им же зачеркнуто; в копии напечатано *иронические*.

мал за действительность. Когда хулиганы-чубаровцы сожгли завод, он уверял, что это сделали инженеры с политической целью.

Он хотел привлечь акад[емика] Иоффе и его учеников, так как думал, что Иоффе, продавший в Америку свое изобретение, держится антисоветских взглядов и будет в организации. Платонов считал, что вредительство инженеров есть факт, роковой для соввласти, но будто бы неизбежный. В Ферсмани он видел вредителя и ценил его именно как такового. Он видел вредителя и в акад[емике] Крылове (в его работе в Париже). Его желанием было создать инженерную группу в своей организации. Ферсман должен был возглавлять ее. И одним из вредных «достижений» платоновской организации была именно эта постановка вопроса о вредительстве, которая имела и не могла не иметь агитационное значение¹ в инженерской среде. Когда в газетах было опубликовано о расстреле Пальчинского, я ужасался и говорил, что это, <вероятно> верно², страшная судебная ошибка и т. д.³. А Платонов возразил в том смысле, что, наверное, Пальчинский вредительствовал в самом деле — и «прекрасно делал!».⁴

7) Достижение организации, или, вернее, вред от нее, заключался в том, что она стремилась в черных красках рисовать перед иностранцами положение СССР. Так было и на торжествах в честь 200-летия Академии, когда акад[емик] Истрин произнес (у себя принимая приезжих иностранцев) громовую речь против положения науки в СССР, так было и при приезде парохода «Кап-Полония». Меня тут не было — это было летом, и я был в командировке, но мне писали, как приезжих старались в дурную сторону распропагандировать, и именно люди, близкие платоновской группе, и так повторялось всегда. Когда в 1928 г.⁵ приехал в Ленинград директор французского Нац[ионального] архива Ланглуа — то тов[арищ] Максаков⁶ просил меня показать ему наши архивы в Ленинграде и приехать затем вместе с Ланглуа в Москву для

¹ В подлиннике три данных предложения (последнее — не полностью) подчеркнуты красным карандашом.

² В подлиннике слово верно вписано Тарле вместо зачеркнутого вероятно без особой отметки.

³ В подлиннике слова и т. д. вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике часть абзаца от слов В Ферсмани и до конца абзаца отчеркнута красным карандашом.

⁵ В подлиннике дата в 1928 г. вписана Тарле без особой отметки.

⁶ В конце вместо Максаков напечатано Маклаков.

той же цели. После этого и Бенешевич, и Платонов очень ядовито и публично¹ меня вышучивали за то, что я будто бы показал <ему> французу² все в розовом свете, тогда как нужно напротив внушать иностранцам совсем другое. Это было высказано как общий принцип. Вред от такого рода постановки вопроса, конечно, был совершенно несомненен. Именно эта политика и приносила особенно вредные результаты за границей.

8) Вот еще реальный факт, подтверждающий как получение Платоновым денег из-за границы, так и то, что он на эти деньги поддерживал, между прочим, Краевичей. Факт — точный, т. к. я сам являлся действующим лицом. Я уезжал в 1928 году за границу, и Платонов приехал ко мне с просьбой взять с собою и передать дочери деньги. Я на это сказал, что по закону имею право взять с собою 150 долларов, а т. к. беру всего 100, то, значит, могу взять для Над[ежды] С[ергеевны] Краевич 50 долларов. Он на это сказал: «Ей бы чем больше, тем лучше!». Но удовольствовался 50 долларами, которые на другой день и вручил мне, а я передал его дочери по приезде в Париж. В словах, которые он произнес, была мысль, что вообще долларов у него сколько угодно.

«Достижение» Платонова было, между прочим, в том, что он находил деньги <на свои н> всегда, <. . .³ и они у него не переводились. Эта валюта была, конечно, из Германии.

9) <У Измайлова была> В связи с этим замечу, что и в Париже Платонову удалось внушить какие-то преувеличенные представления о своей политической работе, и Васильев говорил мне, что Гукасов дал Платонову деньги (Гукасов — армянский богач, нефтепромышленник⁴ и издатель «Возрождения»). С самим Платоновым, конечно, я об этом не говорил. Но Васильев очень близок и с Платоновым, и с Краевич. Я сопоставляю с этим заботу Платонова об азербайджанской нефти и армянофильскую тенденцию.

10) Ликвидация концессии (лесной) Вирта, несомненно, отчасти дело рук платоновской организации; через посредство Отто Гетча и

¹ В подлиннике слова и публично вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово французу вписано Тарле вместо зачеркнутого ему.

³ Неразборчиво.

⁴ В подлиннике слова Гукасов дал Платонову деньги (Гукасов — армянский богач, нефтепромышленник подчеркнуты красным карандашом.

др[угих] внушалась мысль о невыгодности подобных концессий и т. п. Платонов не скрывал своего мнения перед немцами. Я говорю об этом на основании слов самого Платонова, злорадно относившегося к каждой такой неудаче и утверждавшего, что чем скорее иностранцы убедятся, что нельзя ничего заработать при советское, тем это будет лучше. Конечно, в данном случае на Вирта Платонов мог действовать не непосредственно <...>¹, но если принять во внимание, что Отто Гетч, напротив, был сторонником концессий, то ясно, что не ему можно приписать эти советы. А что советы были и на Вирта оказывалось влияние в отрицательном смысле — это факт безусловный. М[ожет] б[ыть], воздействие Платонова шло в данном случае через Цейхлина или Ионаса Словом, я не могу вспомнить всех слов Платонова об этом деле, но у меня образовалось убеждение, что и его меду очень большая² капля тут есть, что он, безусловно, знал раньше о ликвидации этой концессии и от себя способствовал. Скажу больше: из рассказов вернувшихся с Русской недели в Берлине людей (Егоров ли говорил, кажется, не он³, или сам Платонов, или Любавский — уже не вспоминаю), но факт помню твердо и за него ручаюсь, я утверждаю, что там тоже разговор шел об этом деле (даже вспоминаю, как рассказывавший мне передразнивал немецкое мягкое⁴ произношение слов: «Мологалес») и вообще о концессиях в СССР, и члены платоновской организации говорили об этом отрицательно. Этот образ действий с их стороны являлся прямым выводом из их воззрений на концессии. Воззрения же были таковы: концессии оживляют торгово-промышленную жизнь, дают соввласти валюту и укрепляют вместе с тем ее международное положение, а поэтому с точки зрения антисоветской — вредны.

Они же (даже Лихачев, и тот говорил) высказывались всегда в том смысле, что будто бы соввласть не разрешает концессионерам платить рабочим больше, чем рабочие получают на советских предприятиях, чтобы не порождать невыгодных для сов<власти>строая толков среди рабочего класса. И тут же утверждали, что при наших законах о труде — никакая концессия долго не выдержит. В этом было явное противоречие. Так же, как было противоречие между мнениями, что концессии немцам невыгодны — и тут же, но в другой среде,

¹ *Неразборчиво.*

² *В подлиннике слова очень большая вписаны Тарле без особой отметки.*

³ *В подлиннике слова кажется, не он вписаны Тарле без особой отметки.*

⁴ *В подлиннике слово мягкое вписано Тарле без особой отметки.*

распространяемыми слухами, что советская власть отдает народные богатства на истребление иностранцам и т. п. Агитация против концесий была заметным явлением среди членов организации. Это были определенные вредоносные слова и действия, вредоносное «достижение» организации в полном смысле слова.

11) Измайлов говорил так, что можно было понять, что у него уже есть друзья и среди Красной армии. Было ли это хвастовство или правда, сказать не могу < . . . >¹. Он высказывался за агитацию со стороны вступающих в Кр[асную] армию по набору, которые раньше сами должны быть распропагандированы. Вообще не на этом у него строились расчеты, а на подготовленных заранее и выясненных кадрах и добровольцах, которые примкнут. Но у него были явные расчеты на возможность в решительный момент получить оружие от красноармейцев, как я уже писал в прошлых показаниях. Но тут был расчет на внезапную панику, больше чем на предшествующую агитацию.

12) Я забыл в свое время сказать, Измайлов довольно регулярно посещал Москву², что вполне гармонирует со словами Богословского, что кадры должны были выясняться и готовиться не только в Ленинграде, но и в Москве.³

Е. Тарле

Допросил:

Стромин⁴

23/V–30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; слова Допросил Стромин и дата 23/V–30 г. вписаны Строминным; подписи-автографы. Т. 2. Л. 228–236 об.

Копия; машинопись; дата вписана Строминным. Т. 2. Л. 237–247.

¹ Неразборчиво.

² В подлиннике слова довольно регулярно посещал Москву подчеркнуты простым карандашом.

³ В подлиннике абзац отчеркнут красным карандашом.

⁴ В копии слова Допросил Стромин отсутствуют.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

24 мая 1930 г.

КРУЖКИ

1. Молодые историки.
2. Кружок Заозерского.
3. Кружок Лаппо-Данилевского.
4. Инженерный кружок.
5. Офицерский кружок.
6. Духовный кружок.

1. Кружок, с деятельностью которого я знаком более или менее близко, — это так называемый кружок молодых историков¹. Он возник еще с первых лет революции. Участниками его были: Тхоржевский, Романов, Данини, Введенский, Корнилович, Штакельберг, Шебунин², Насонов, Шатилова, Гринвальд, Измайлова, Сигрист, Либталь³, Е. Петров, не помню, кто еще. Они собирались время от времени на квартире у кого-либо из участников, и там читались рефераты. Раза по два в году они устраивали вечеринки без рефератов, но с концертными отделениями, иногда с постановкой какой-нибудь одноактной пьески и с чаепитием. На эти вечеринки они приглашали⁴: Рождественского, меня, Вульфуса, Платонова, Заозерского, Приселкова⁵. Что делал этот кружок, я уже говорил в прошлых показаниях. <Хотя среди них были люди, считавшие себя близкими к марксизму (Тхоржевский, Введенский, Романов, Шебунин), но большинство было чуждо марксизму.> Разговоры на вечеринках были, в общем, тона, бесспорно, оппозиционного. Говорилось не о коренных вопросах политики, но больше о тех проявлениях, которые непосредственно касались собравшихся: об изгнаниях из университета преподавателей, о неудачных и малоознаю-

¹ В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

² В копии фамилия Шебунин подчеркнута простым карандашом.

³ В копии фамилия Либталь подчеркнута простым карандашом.

⁴ В копии слова На эти вечеринки они приглашали подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фамилия Приселкова подчеркнута синим карандашом.

ших новых преподавателях, < . . >¹ о двойственном поведении Н. С. Державина в университете, о произвольных действиях Зеленко в секции научных работников, о реформе Академии наук и т. д., и т. д. Лично я — как уже показывал раньше — на одном из чаепитий рассказал о своем пребывании за границей, затронув и политические сюжеты, так как в ответ на вопросы собравшихся рассказал об эмигрантах², их газетах, их полемике, их направлениях и т. д., говорил о евразийцах, так как ими собравшиеся почему-то очень интересовались, о книге Гр.³ Вернадского, но, кстати скажу, о евразийцах и Гр.³ Вернадском (а также Совинском⁴, другом теоретике евразизма) я высказался так, что это — сплошная фантастика. Но тоже должен прибавить — это мое мнение, по-видимому, не соответствовало мнению части собравшихся, мне возражали.

Кстати, по поводу рассказа о загранице. Я слышал впоследствии (сам я тогда не был на вечере), что о своей собственной поездке за границу прочла доклад молодым историкам М. К. Гринвальд, но что именно она читала, не знаю. Вульфius говорил о притеснениях, испытываемых немецким училищем Petri-Schule⁵.

Таков был этот кружок. Члены организации во всяком случае на него смотрели как <о> на некоторую ячейку, где воспитывается антикоммунистически настроенная интеллигенция, антикоммунистическая ученая смена для будущей высшей школы⁶.

2. Второй кружок Заозерского. Я там ни разу не был, знаю его по рассказам самого Заозерского. Там были Степанов, Насонов, Кашин и еще несколько человек (но что-то очень немного еще: человека три, по-моему)⁷. Из них более или менее близок к марксизму был В. Н. Кашин, остальные — определенно враждебны. Настроение этого кружка, в противоположность настроению⁸ кружка молодых истори-

¹ Неразборчиво.

² В копии фрагмент данного предложения и два предыдущих предложения подчеркнуты простым карандашом.

³ Так в подлиннике; правильно Георгий.

⁴ Так в подлиннике; правильно Савицком.

⁵ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

⁶ В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

⁷ В подлиннике в верхней части л. 249 об. (с. 4 показаний Тарле, следуя авторской пагинации, помещена схема, иллюстрирующая связи лиц).

⁸ В копии вместо настроению напечатано построения.

зов, было воинственным, боевым, они искали случая задеть противников. Сам Заозерский в этом смысле для меня психологическая загадка: из беднейшей семьи, сам ездил летом до последнего времени пахать землю и помогать по сельскому хозяйству, до революции — радикал по убеждениям, написавший книгу (диссертацию) по хозяйству в XVII веке, книгу, к которой очень хорошо, между прочим, отнесся покойный Мартов, — Заозерский после Октябрьской революции круто перекачнулся вправо и стал фанатическим¹ врагом всего, что отдаленно походило на марксизм. Он, напр[имер], совсем разошелся со мною и с к л ю ч и т е л ь н о на этой почве, хотя раньше мы были в очень приятельских отношениях. Группировавшиеся около него были настроены как их учитель. На вечере 8 февраля в Доме ученых Насонов резко и грубо напал на Романова только потому, что Романов сказал, что несправедливо нападать без конца на отсутствие свободы прессы при соввласти и забывать, что и при старом строе свободы прессы не существовало. Кашин мне говорил, что члены этого кружка задаются курьезными целями вроде, например, попытки доказать, что в эпоху крепостного права отношения между крестьянами и помещиками были вовсе не так плохи, как принято думать, и т. д.

Кружок Заозерского возник в 1923 году или в 1924 году. Они увлекались евразийством, чему можно легко поверить, если принять во внимание очень близкие и дружественные отношения между Заозерским и Карсавиным, Карсавин же один из теоретиков евразийства. Этот небольшой, но очень сплоченный кружок Заозерского очень мало общался с кружком молодых историков, считая их слишком зараженными современностью и марксизмом. С организацией он соприкасался через Заозерского и Платонова. Статьи Насонова печатались в «Известиях Академии наук» по рекомендации Платонова.

3. Кроме этих кружков, я уже называл и тут только упомяну кружок Лаппо-Данилевского²: Шилов, Валк, Маяковский, Андреев. Политической деятельности этого кружка я не знаю. Он был не зарегистрированным. Через Андреева он соприкасался с организацией.

4. Кроме этих трех исторических кружков при организации существовали еще кружки, о которых и скажу все, что знаю и помню. Пер-

¹ В копии вместо фанатическим напечатано фактическим.

² В подлиннике Тарле склоняет обе части фамилии историка Лаппы-Данилевского.

вый из таких кружков — инженерный (там были и инженеры, и техники, и химики). Мысль об образовании такого кружка возникла у Платонова и его товарищей уже давно, еще до моего вступления в организацию. На инженеров, антисоветски настроенных, Платонов смотрел как на очень существенную контрреволюционную силу. От Богословского я узнал о сформировании такой группы и о том, что во главе ее стоит Ферсман, который и объединяет их, что там есть люди и служащие в соответствующих (по специальности) учреждениях Академии наук, и члены клуба инженеров, что приглашен Кандыба, что пригласить хотят (или уже приглашены, не помню) — Вейнберг, Аррус, Фрейдлин, что будет Борисяк, что будут химики-нефтяники (я запомнил именно вследствие новости для меня этого термина), Пиотровский (или Петровский) и еще кто-то, Пасов¹, инженер Юшков (не ленинградец), кажется, из провинции, инж[енер] Токарский², что ведутся переговоры с членами клуба инженеров.

Платонов при мне сказал впоследствии, что Ферсман крайне влиятелен среди естественников — химиков и почвоведов, техников и инженеров, и что он сблизился, благодаря Ферсману, с ними. Собиралась эта группа, насколько мне известно, в двух местах: в Академии наук и в клубе инженеров, но часто ли собирались — не знаю. О целях этого кружка и его назначении можно судить по общим платоновским воззрениям на контрреволюционную роль инженеров, но и помимо этого, Богословский, который, как я уже говорил в прошлых показаниях, очень не одобрял вредительство, именно и указывал, что эти инженеры намерены вредительствовать, да еще в самый критический момент борьбы. <Это-то и несчастье было для Богословского и меня, что мы не ведали, что вообще . . .³ — в этой организации стала на минуту перед нами, — но к несчастью, мы не сделали вывода и не ушли, а продолжали водиться с людьми, смотря сквозь пальцы на все на том основании, что это мол, только так, разговоры. Теперь для меня ясно, что все это было очень серьезно, хотя и не очень скоро могло бы проявиться>⁴. Затевалось не только простое вредительство, но саботаж

¹ В подлиннике фамилия Пасов вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова инж[енер] Токарский вписаны Тарле без особой отметки.

³ 10 строк неразборчиво.

⁴ В подлиннике верхняя половина л. 251 (л. 7 авторской пагинации) вымарана и зачеркнута; вымаранный текст частично восстановлен. Вымарка сопровождается отметкой Зачеркнуто моей рукой. Е. Тарле.

важнейших функций аппарата материальной жизни страны в момент, когда произойдет восстание: саботаж транспорта, освещения, обороны. Это — в конечной цели. Эта группа (никогда я ее не встречал у Платонова) работала отдельно, она, конечно, должна была пополняться и видоизменяться, в нее должны были попасть люди, которые технически и служебно были бы в состоянии сделать все эти саботажные дела, но я тут говорю о целях (конечных), к которым эта группа призывалась. Сказал ли Ферсман или Платонов им все это и какими словами, я не знаю, но по существу скрыть это было бы невозможно. Мне известно, что эта группа существовала еще в 1928 году. В 1929 г. я о ней не слышал, но это не значит, что она прекратила свое существование, просто в 1929 году я мало и редко виделся с Платоновым и другими членами организации.

5. Существовала также и офицерская группа, набранная и руководимая Измайловым. Состав ее я не знаю. Мне говорила Нина Сергеевна, что какие-то друзья Измайлова раза два у него были компанией, он их принимал отдельно, что это бывшие его однополчане, кажется, что больше этого не будет, так как мать (ее) думает, что это опасно. Я понял, что это и есть группа. Они собирались еще и еще, но уже не в доме Платонова, а где — не знаю. Состав ее мне неизвестен. Офицеры, близкие Платонову и его семье или знакомые с ним по службе: Петров (А. А.), Бородин (А. В.), Ю. Соколов, Пузинский (В. Ф.), Плетнев (теперь уже уехавший), Измайлов сохранил много связей среди бывших офицеров своего полка, у него были связи и с учеными генералами (или полковниками), о чем он поминал, ссылаясь по разным поводам на их авторитет, о значении техники, о завладении железной дорогой, еще о чем-то. Этот кружок, по словам Богословского, был немногочислен и он сам не рассматривался как кадры: это было, так сказать, военное совещание, вообще по всем военным вопросам, при организации (точнее, при Платонове).

Богословский, несерьезно относившийся к Измайлову и его военным проектам, мало спрашивал у Платонова и поэтому мало знал о том, что делается в этом кружке. Говорил, что они хотели привлечь (и даже, кажется, получили согласие) Зайончковского, автора «Истории Крымской войны», хотят снестись с Муклевичем. Они намерены были выработать подробные планы с вариантами — восстания, овладения столицами, железной дорогой, набора добровольцев и т. д.

Бывая в Москве, Измайлов виделся с б[ывшими] военными людьми, с которыми прежде был связан, он сам это говорил, и я слышал это от Нины Сергеевны, которая не знала ни цели, с которой он видится с ними, ни их имен. Я был в Париже, когда в газетах появилось известие о расстреле пяти военных специалистов (или техников), — и Над[ежда] С[ергеевна] Краевич сказала, что отец говорил ей о Дыммане. Измайлов скорее Платонова мог знать Дыммана, если тот жил в Москве и был военным.

Офицерская группа должна была завести связи с провинцией, причем стараться наиболее нужных людей переводить (т. е. помогать их переводу всеми силами) в Москву и Ленинград, потому что все главное действие должно было произойти в Ленинграде и Москве. Кружок (офицерская группа) считал, что провинция может дать только диверсию своими частичными выступлениями, но не больше. Офицерский кружок считал, что главная сила сов[етской] армии в «частях особого назначения», и они занимались учетом численности и организации этих частей. В своих прошлых показаниях я говорил, что Измайлов собирал вокруг себя лиц, из которых могли бы составиться работы будущего отряда. Но это неверно: я вспомнил некоторые слова и Богословского, и Платонова, из которых следует, что эта группа смотрела на себя как на штаб, как на будущих руководителей выступлением. Они только выясняли эти будущие кадры: кто где живет и чем занимается, кого и как привлечь и т. п. У Платонова были сношения с б[ывшим] полковн[иком] Белавенцом, заведующим Музеем знамен в Ленинграде, он им интересовался, привлек его к сотрудничеству в «Вестн[ике] знания», но не знаю, привлек ли его к этой офицерской группе: офицерский кружок считал (когда был троцкизм), что даже в «частях особого назначения» троцкизм силен. Измайлову его военные говорили, что германская армия сильна тем, что она — сплошные кадры, наши офицеры думают, что дисциплина в Кр[асной] армии держится: такие выражения постоянно можно было слышать от Платонова, который смотрел на этот кружок как на своего рода экспертов по военной части.

Не зная личного состава этого кружка, я могу только сказать, что подобно тому, как инженерский кружок (и техников, химиков и т. п.) вербовался, во-первых, из соответствующих элементов служащих в учреждениях Академии наук и, во-вторых, — в инженерском клубе,

причем и те, и другие по выбору Ферсмана, так, офицерская группа вербовалась: во-первых, из лично знакомых Платонову и¹ Измайлову военных и, во-вторых, из кругов военной Академии (не Толмачевской, а Московской). Вот, кстати, точный смысл² слов ген[ерала] Измествева, сказанных мне лично несколько лет (в 1926 г.)³ назад, не помню слов, но точно помню смысл: Платонов сказал мне (т. е. Измествеву), что мы, военные <деятели>, еще понадобится, а я думаю, что уже стары мы, чтобы с Буденным воевать. Еще один разговор донесся до меня из этого офицерского кружка. Измайлов говорил при мне, что офицеры думают, что большой ошибкой было, что многие из них уклонились от службы в Красной Армии и даже не интересовались ее бытом, устройством и т. д., и что эту ошибку исправить нелегко, а что были расчеты на измену Каменева, который разом все откроет, но что это оказалось ошибочным, Каменев и не думал изменять⁴. Он (Измайлов) говорил, что в Москве часто встречается с Зоей Александр[овной] Шишкевич, у которой знакомства в среде б[ывших] офицеров. Как сказано выше, он мог быть <был> знаком с Дымманом, так как Платонов <знал> говорил о Дыммане.

Еще слова Богословского, бросающие свет на интересы офицерской группы: они интересовались систематическим анализом ошибок, погубивших все белые армии одну за другой за время гражданской войны, и ставили себе задачей полное ознакомление с литературой белых мемуаров и дневников, вышедших за границу. Для этого нужно было получить протекцию и проникнуть в библиотеку Московской военной академии, где все это есть, причем они говорили, что им нужно не только это, но чтобы и прочел им об этом кто-нибудь из ученых генералов, и что они этого добьются. Еще один разговор: они (офицерская группа) очень много толковали о переходе Слащева на сторону соввласти и о том, что соввласть сразу его взяла на службу. Они боялись, что это произведет сильнейшее впечатление на военных и вне, и внутри СССР. Они говорили, что этот случай во сто раз важнее случая с Савинковым вследствие авторитета Слащева в этих кругах и вследствие демонстрации готовности соввласти принимать идущих в ее лагерь лиц независимо от их прошлого. Что касается будущего, то их мысли

¹ В подлиннике слова Платонову и вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово смысл вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике дата (в 1926 г.) вписана Тарле без особой отметки.

⁴ В копии это и предыдущее предложения выделены зеленым карандашом.

сводились к следующему: или очень короткая борьба — и тогда возможна победа, или затяжка — и тогда безусловное¹ поражение. И — техника восставших, или иностранцев тоже², должна очень сильно превосходить технику Кр[асной] армии. То и другое при мне говорил Измайлов в разговоре. Еще одна черта: на флот (т. е. на переход к ним флота) они вовсе не рассчитывали, мало того, даже предвидели, что с флотом будет борьба. Какое-то отношение к этой группе имел писатель (б[ывший] сотрудник правых газет) Первольф, подписывавшийся «Иван Пересветов» и живущий все эти послереволюционные годы в Ленинграде. < . . . »³ Его фамилию как фамилию родственника одного из этой группы, <или> а также⁴ как человека, который должен быть приглашен для пропаганды в печати в будущем, поминали у Платонова⁵.

Р. С. К пункту 4-му (об инженерском кружке). Инженер Вейнберг в 1926 или 1927 г. приезжал ко мне просить прочесть лекцию в клубе инженеров. Он приезжал в качестве старшины этого клуба. Я отказался за отсутствием времени. Когда его фамилия была тогда же упомянута у Платонова и я рассказал о приглашении и отказе, Платонов <мне> выразил самое горячее сожаление, что я отказался.

Р. Р. С. К п[ункту] 5-му. Очень точно помню (тогда я относился к этим рассказам, как к офицерским жюльверновским⁶ фантазиям, отпускал шутки, теперь я вижу, что ошибался). Но факт запомнил. Богословский говорил, что в офицерской группе думают, что в самом начале действий в Ленинград должен прибыть отряд летчиков, заранее выясненных и подготовленных⁷, с аэропланами (из числа русских эмигрантов-авиаторов), который и поможет захвату города. А вот слова Измайлова, уже при мне лично сказанные: авиация и химия решает все в случае любого восстания. Конечно, он имел в виду восстание

¹ В копии вместо безусловное напечатано безусловно.

² В копии слова или иностранцев тоже вписаны Тарле без особой отметки.

³ Неразборчиво.

⁴ В подлиннике слова а также вместо зачеркнутого или вписаны Тарле без особой отметки.

⁵ В копии весь п. 5 (6 абзацев) отчеркнут красным карандашом.

⁶ В подлиннике слово жюльверновским вписано Тарле без особой отметки.

⁷ В подлиннике слова заранее выясненных и подготовленных вписаны Тарле без особой отметки.

против совласти, хотя разговор шел о Египте (я читал лекцию о восстании в Египте.)¹

6. Духовный кружок. Я знал, что Платонов был в личных отношениях с Чепуриным, который у него бывал, и что Чепурин, с другой стороны, имел большое влияние среди духовенства. Я знаю случайно о Чепурине потому, что Чепурин бывал раза два в году у тетки моей жены, живущей в моей квартире, 82-летней старухи Варв[ары] Алекс[?] Михайловой, прихожанки Покровской церкви, где служил Чепурин. Я с ним поэтому познакомился и от него же узнал о его связях с Платоновым, а потом и от Платонова. Сам Чепурин очень осторожный и сдержанный в своих заявлениях человек, но, конечно, как и все они, настроен оппозиционно, однако без всякого пыла. Около него есть какой-то кружок, < . . >² собирающийся в церкви и чисто церковный, легальный и публичный, он им читает какие-то духовные проповеди и проч[ее], но собираются у него и на дому³. У него бывал или с ним сносился в свое время А. С. Николаев, служащий в Центрархиве, близкий Платонову человек*. Сам Чепурин, если память мне не изменяет, тоже служил в Центрархиве в платоновские времена. Бенешевич знал Чепурина тоже. (Платонов встречался однажды, я помню, с Чепуриным в моем доме, как раз когда были именины этой моей старой тетки, и у нее был в гостях Чепурин.) Платонов несколько раз, когда речь заходила о церковных делах, ссылался на мнение Чепурина. Кроме Чепурина, у него бывал и был ближе к нему, чем Чепурин, молодой (на вид) священник, фамилию которого я забыл, но которого легко вспомнит Платонов, потому что этот священник бывал у него на всех семейных обедах и был, по-видимому, очень близким человеком. Из людей, интересовавшихся церковью, близка ему также вдова академика Тураева, ныне постригшаяся в монахини — Елена Филимоновна Тураева. В самый последний год жизни Ив[ана] Дмитр[иевича] Андреева Андреев мне говорил, что Платонов интересуется его кружком, спрашивал, кто у него там, и собирался что-то у них прочесть, какой-то реферат. Встречался Платонов также с Бриллиантовым, И. Соколовым, Дмитриевским и не переставал интересоваться всем, что относилось к

* Бывший по протекции Платонова директором архива Министерства нар[одного] просвещения с 1912, кажется, года. (*Примечание Тарле*).

¹ В копии данный абзац отчеркнут красным карандашом.

² Неразборчиво.

³ В подлиннике слова но собираются у него и на дому вписаны Тарле без особой отметки.

церкви. Интерес этот был чисто политический, у Платонова нет даже и тени религиозных чувств. Богословский говорил мне, что у него, Богословского, есть большие связи среди духовенства (так как их семья старая, церковная, священническая), и что организация очень занята тем, чтобы, во-первых, знать настроение масс, собирающихся в церкви, и, во-вторых, чтобы духовные лица тоже были в составе агитирующих членов организации. А что он, Богословский, находит это лишним, так как каждый священник уже самым фактом своего существования и выступления есть протест против сов[етского] режима. Он же говорил, что проекты унии — вздор, и что никогда духовенство не пойдет с людьми, которые какие-то дела делают с римским Папой, что он удивляется Платонову, который как историк должен это понимать.

И тем не менее духовный кружок образовался. Это произошло в 1927 году. Платонов сказал тогда же, что теперь он знает все, что делается в церкви и духовенстве, а Богословский прямо сказал, что есть несколько человек, группирующихся около Бенешевича и примыкающих к организации. Этот кружок занимается прежде всего борьбой против живой церкви, а также борьбой и агитацией против советской власти. При мне Бенешевич раз сказал: мы боремся против живцов (так он называл живую церковь). Чепурин тоже очень много говорил о борьбе против живой церкви. Со времени ареста Бенешевича об этих связях уже как-то не было речи. Платонов интересовался богословским учебным учреждением в Ленинграде, при котором Чепурин защищал свою богословскую диссертацию в прошлом году или позапрошлом году и говорил, что с этим учреждением хорошо бы сблизиться.

Его интересовало также, что случилось с кружком И. Д. Андреева после смерти И. Д. Андреева. С его стороны были шаги, чтобы разыскать членов кружка и залучить в организацию. Большой авторитет среди всех этих духовных кругов имел Бенешевич после своего выступления на процессе церковников. Платонов во всем, что касалось церкви, вполне полагался на него.

Когда Богословский рассказывал о том, что делается в московских церквях и т. п., то Платонов говорил, что в Ленинграде он всего этого не знает. А потом, в 1927 г., стал говорить, что есть группа сочувствующих организации, и что теперь он все знает.

В Москве такая группа, фактически примкнувшая к организации, образовалась вокруг Богословского. Цели образования этих духовных групп были таковы: 1. Агитация против соввласти, как с амвона, по-

сколько возможно, так и на дому. 2. Выяснение враждебной религии политики соввласти. 3. Наблюдение за настроениями населения и формирование центра организации или местной группы, где таковая будет.

Отмечаю удививший меня факт: как раз Богословский, так скептически и насмешливо относившийся к военному и инженерному кружкам, очень верил в силу и значение этих духовных агитаторов, убежден был, что они могут успешно бороться против коммунистических влияний в деревне и в городе.

7. Еще затевался кружок преподавателей средней школы, это было еще до моего вступления, и Богословский говорил, что поднят был вопрос Рождественским, что в обмене мнений приняли участие он, Платонов и, кажется, он назвал еще Андреева, что тогда же было намечено пригласить Королева, Добиаш-Рождественскую, Бахтина, Ал. Ал. Леман, Буковецкую, Шебунина, Колышкевич, еще кого-то, забыл другие фамилии. С ними всеми хотели поговорить о необходимости политической работы в среде преподавателей. Проект при мне не подымался уже, но имелось в виду другое: создание больших и многолетних групп коллективного домашнего образования детей с приглашением определенных по духу и настроению преподавателей. Этот проект связывался с экскурсионной воспитательной системой, желали привлечь Гревса, Анциферова, Данини. Тут Рождественский сказал фразу, что «наши же» преподаватели могли бы быть приглашены. <Ясно, что хотели> Группа преподавателей уже числилась в организации. <То была не эта, предложенная вначале и примечаемая Богословским, не одного>¹ Еще говорили о желательности приглашения Вульфуса, но против него раздавались голоса вследствие его выступления на антицерковных митингах. Он выступал от губоно, а потом, в частных разговорах извинялся, указывая, что делает это по бедности из-за гонорара.

8. Члены организации с Платоновым во главе решили всячески мешать продаже картин и книжных ценностей (и церковных ценностей, икон и прочего) за границу, как решил Госфонд. Лихачев следил за берлинскими каталогами, за тем, что там готовится к продаже, другие (Платонов, Любавский, Измайлов, Егоров) тоже очень этим интересовались. Платонов подал мысль организовать обращение к

¹ В подлиннике зачеркнутое сопровождается отметкой Зачеркнуто мной. Е. Тарле.

европейскому общественному мнению и использовать этот случай для антисоветской агитации. Предполагалось поэтому более близкое фактическое знакомство с этим делом, выяснение через служащих Эрмитажа и др<угих> местах. Характерно, что Платонов сказал, что нужно написать в Германию Отто Гетчу. Это подтверждает, что он ему писал обо всем и регулярно. Обратиться за осведомлением решил к В. В. Струве, Орбели, Философову, Н. Д. Флитнер. Это дело было прервано бурей, поднявшейся против Платонова в связи с обнаружением документов в Академии наук.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 24.V.30 г. и слова Допросил Стромин почерком Стромин; подписи-автографы. Т. 2. Л. 248–257 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 258–268.

57

Собственноручные показания Е. В. Тарле

25 мая 1930 г.

1. О молодых историках. В дополнение к изложенному в прошлых показаниях прибавляю, что идеология большинства была антимарксистская¹. Н. С. Штакельберг и Шатилова были ученицами Рождественского, принципиального врага марксизма, которого он никогда и не понимал (и хвалился, что ни одной книги по марксизму не прочел). Данини, Петров, вышли из школы Н. И. Кареева, который долгие годы поддерживал в печати и на кафедре решительную полемику против марксизма. Корнилович — ученица Платонова, врага марксизма, даже те, которые испытали впоследствии влияние марксизма, все-таки вышли из школы Платонова (Введенский, Романов). Либталь — ученица Вульфуса², типичного идеалиста с церковно-лютеранским оттенком.

¹ В копии слова идеология большинства была антимарксистская подчеркнуты простым карандашом.

² В копии слова Либталь — ученица Вульфуса подчеркнуты простым карандашом.

Все эти влияния, конечно, очень сказывались на подходе молодых историков к историческим проблемам и к политической действительности. На чаепитиях, когда приглашались представители старшего поколения, это особенно выходило наружу. Заозерский вносил резкий полемический тон. В одной своей речи на одном из таких чаепитий он со злорадной иронией говорил по поводу обострившихся в тот момент отношений между СССР и Францией: они (французы) наградили других революцией и нас в том числе, а теперь пусть расплачиваются, когда теперь от нас к ним пойдет пожар. Смысл был тот, что обе революции — исторические преступления. Подобные выходы обостряли антисоветские настроения собиравшихся. Оппозиционное настроение питалось удалением из преподавательского состава ВУЗОВ ряда лиц этого кружка¹ — 1) Романов, 2) Данини, 3) Шебунин², 4) Введенский, 5) Цемш, 6) Штакельберг, 7) Петров, 8) Либталь — были удалены из ВУЗов, вследствие идеологической нежелательной или невыдержанной линии³. Буковецкая осталась в преподавательском составе техникума и библиотечных курсов, но была переведена с исторической кафедры на кафедру финансов.

Об этих невзгодах, сыпавшихся на членов кружка, говорилось много и в духе оппозиционном, указывалось на стеснение науки и т. п. Другим постоянным предметом разговора были жалобы на отсутствие возможности печатать свои работы, так как Госиздат и существующие научные органы требуют идеологически выдержанной марксистской линии. Когда Романов написал свою большую книгу «Россия в Манчжурии», то лично к нему расположенные Приселков, Заозерский, Цемш собрались у Цемша на небольшое чаепитие по случаю выхода этой книги и пригласили также меня. Кроме поименованных лиц и самого Романова никого, помнится, и не было. И тут, когда кто-то заикнулся, что все-таки нашлась же возможность выпустить в свет книгу чуть не в 500 страниц, то послышались нарекания на то, что тема взята слишком новая, политическая, ненаучная, и что «прежде» такие темы (совсем близкие к современности) для ученых работ не брались. А поэтому, дорожа традициями, не следовало и теперь брать! Это

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты простым карандашом.

² В копии фамилия Шебунин подчеркнута простым карандашом.

³ В копии слова Либталь — были удалены из ВУЗов, вследствие идеологической нежелательной или невыдержанной линии подчеркнуты простым карандашом.

дает понятие о духе затхлости и непримиримости с новыми потребностями, который въелся в старое поколение и, по мысли Рождественского и Платонова, должен был культивироваться в кружке молодых историков, чтобы создать из них кадры для «Смены». Много нападений в кружке молодых историков вызывал также принцип социального отбора при приеме в ВУЗы. Представители кружка молодых историков приветствовали (в день юбилея Кареева) юбиляра адресом, в котором намекалось на его заслуги по борьбе с марксизмом. Такого рода идеология являлась преобладающей в кружке молодых историков. И не случайно было то обстоятельство, что когда открылся институт истории при ЛГУ, то Платонов всячески старался подорвать значение и авторитет этого учреждения, которое грозило переманить к себе большинство молодых историков: в институте они были бы в обстановке совсем другой, чем в замкнутой и затхлой атмосфере частного нелегального кружка¹.

«Крайнюю правую» представлял собой, кроме Заозерского², в этом кружке Вульфius, представитель немецкого националистического духа с оттенком лютеранского пиетизма. Его идея выражалась в том, чтобы создать в советском море немецкий капиталистический оазис, колонию, которая опираясь на немецкое посольство, имела бы известные особые права и преимущества и в частности, как он выражался, спасти немецкое юношество от советской школы. Вульфius был в сношениях с герм[анским] посольством: он мне однажды дал экземпляр немецкой агитационной брошюры против Рурской оккупации, а потом предложил дать еще 3 экземпляра, говоря, что у него их сколько угодно и прося раздать знакомым. Я не взял, сказав, что не знаю, кому их дать. Эти экземпляры были из посольства.

2. О кружке инженеров (дополнение). Кроме сказанного в прошлых показаниях, вспоминаю еще следующее: Платонов очень злобно относился к тем техникам, которые в самом деле делали свое дело без всяких задних мыслей, уловок и целей. Он, напр[имер], зло ругал академиков Иоффе, Ипатьева, акад[емика] Баха и их учеников. Мысль, однажды им высказанная, была такова: новые инженеры, теперь кончающие, не годятся, мало что знают (он ссылался на мнение про-

¹ В копии данное и два предыдущих предложения подчеркнуты простым карандашом.

² В подлиннике слова кроме Заозерского вписаны Тарле без особой отметки.

ф[ессора] Кандыбы и др[угих]), от них пользы соввласти будет мало; иностранные инженеры не привьются, остаются, следовательно, инженеры старшего поколения, а они сплошь антисоветски настроены, значит, вредители. Он развивал однажды такой план: Ферсман, опираясь на Вейнберга <...>¹ и еще каких-то двух из бюро клуба², становится во главе клуба инженеров, который и делается легальным органом организации. Это было сказано с тем обоснованием, что инженеров и пропагандировать не нужно, все будет понятно само собой, они будут только ждать сигнала. Он утверждал, что пожар телефонной станции, уничтоживший в Ленинграде телефоны на целый год, был делом рук контрреволюционеров, и что это показывает, как трудно соввласти <таким методом> против тактики бороться.

**– 3. (К характеристике Ферсмана.) О Ферсмани: я запомнил один разговор с покойным акад[емиком] Успенским, жившим в одном доме с Ферсманом. Успенский под большим секретом передал мне, что Ферсман, приглашенный рассмотреть и оценить бриллианты короны, находящиеся в Москве, куда он и был вызван для этого Совнаркомом, вступил после этого в тайную переписку с заграничными покупателями для сделки при окончательной экспертизе, причем переписка затеялась не по инициативе Ферсмана, а по инициативе этих будущих покупателей. Успенский передавал как точный факт. У него часто бывал старик-отец Ферсмана, но, конечно, едва ли он мог это рассказать о сыне. Замечу, что Успенский был очень сдержанным, замкнутым человеком, очень ответственно относившийся к своим словам и никогда не передававший сплетен. Рассказал он мне это в 1923 или 1924 гг.

Вот в какой связи Платонов сказал о деньгах, данных Ферсманом: Платонов говорил о слухе, что Карского (историка) и кого-то из киевских академиков хотят лишить звания (по пункту нового устава о враждебных действиях против соввласти), и он именно по этому поводу и сказал, что есть зато и «богатые академики», вот Ферсман дал теперь кое-что, можно будет их (т. е. изгнанных) поддержать (но цифры, данной Ферсманом, не сказал).

Вот точный смысл слов, сказанных мне Платоновым в 1928 г. в Париже, когда он приехал после Русской недели историков, с немцами

¹ *Неразборчиво.*

² *В подлиннике слова из бюро клуба вписаны Тарле без особой отметки.*

говорили мы (т. е. бывшие там), что им ни скажешь, что у нас творится, они все знают. Он все, что знал, и говорил им и знал много.

Ев. Тарле —**¹

Платонов мне сказал в 1928 г., что Ферсман нашел во время одной из последних экспедиций местонахождение какой-то руды и что он продал это топографическое указание за границу, в Германию, одному металлургическому заводу. Он мне не сказал при этом никаких подробностей и говорил об этом деле так, как если бы речь шла о самом легальном поступке, таким же тоном, каким он мне же года за два до этого рассказал о продаже академиком Иоффе в Америку какого-то изобретения Иоффе, касающегося, кажется, нагревания котлов. Он прибавил, что Ферсман получил за это большую сумму.

Когда спустя некоторое время Ферсман выставил свою кандидатуру в вице-президенты Академии наук и получил демонстративно громадное число черных шаров (29 против 32), то там же, в Академии, я услышал, что Ферсман продал один из результатов руководимой им экспедиции в Германию, а именно найденную им руду или ее местонахождение, и получил за это 50 тысяч и еще сумму. И этим говоривший со мной² объяснял <мне> неожиданные результаты баллотировки. Но кто мне это сказал, я решительно не помню, был ли это Лихачев или кто другой. Академиков было там больше 60 человек, были, кроме того, в том же зале и в соседнем многие служащие Академии и т. д. Спустя некоторое время после этого Платонов сказал мне, что Ферсман дал на нужды организации деньги. Сказал вскользь, суммы не указал.

Платонов и Коковцову и Гетчу говорил о положении СССР, Гетчу писал об этом. Он стоял в центре большого осведомления, общаясь и с инженерским и с офицерским кружком и, как я уже говорил в прошлых показаниях, он всегда был очень в курсе всего, что делалось и в Москве и в провинции. Прибавлю к этому, что собираясь за границу по поводу Онегинского музея, Измайлов имел в виду встретиться с

¹ В подлиннике данный фрагмент показаний, отмеченный символами **_ и —** отсутствует; восстановлен по копии.

² В подлиннике слова со мной вписаны Тарле вместо зачеркнутого мне без особой отметки.

эмигрантскими военными людьми, <о чем знал Платонов, который это не скрывал>¹.

Евг. Тарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Евгения Викторовича 25.V.30 и слова Допросил Стромин почерком Стромина; подписи-автографы. Один лист подлинника в деле отсутствует; восстановлен по копии. Т. 2. Л. 269–271 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 272–276.

58

Собственноручные показания Е. В. Тарле

29 мая 1930 г.

В. Н. Бенешевич с начала революции занял оппозиционное положение, как принципиальный противник социализма и марксистского мировоззрения. Процесс церковников окончательно укрепил его антисоветские настроения.

Жил он довольно уединенно, кажется чаще всего бывали у них супруги Мерварты. Несколько лет подряд Бенешевич добивался поездки за границу и когда поехал, то я думал, что он уже не вернется. Это путешествие было ознаменовано работой в Ватикане. Он мне говорил об этой работе с большим увлечением, говорил о свиданиях и разговорах с духовными сановниками Ватикана, причем речь была и о положении церкви в СССР. Он не сказал² мне лично о приеме у Папы и разговоре с Папой, но в Академии об этом говорили с полной уверенностью, и там же я узнал, что Папа спрашивал о притеснениях, испытываемых церковью в СССР, а Бенешевич давал характеристику положения. Мне лично Бенешевич говорил, что он получил предложение от Пальмьери (если не ошибаюсь, — духовное лицо в Ватикане) устроить его на какую-то кафедру за границей. Когда именно Бенешевич вступил

¹ В подлиннике вычеркнутые Тарле слова о чем знал Платонов, который этого не скрывал сопровождаются отметкой Зачеркнуто мною.

² В копии вместо сказал напечатано скрыл.

в организацию Платонова, я не знаю. Платонов считал его устройтелем будущих церковных дел и говорил при мне, что Бенешевич стоит за унию, создание такого положения, когда руководство Папы было бы с известными ограничениями признано русской церковью, но чтобы в тоже время она сохранила свое самостоятельное положение; чтобы был Собор и Патриарх, чтобы духовенство было на жаловании; чтобы были приняты меры к повышению образовательного уровня духовенства. Православная церковь остается государственной; провозглашается терпимость всех прочих религий. Таковы основы, на которых Бенешевич предполагал будущую церковную реформу. Самая уния мыслилась организацией² так, что с русской стороны Бенешевич, а со стороны Ватикана — специальный уполномоченный — вырабатывают основы соединения церквей, и после этого предложенный проект принимается с одной стороны Собором в Москве, а с другой стороны римским Папой. К политике совласти относительно церкви Бенешевич относился в высшей степени отрицательно, очень враждебен был так наз[ываемой] «живой церкви», вообще же находил духовенство слишком робким, малостойким. Крайне возмущался изъятием церковных ценностей. Мне лично он³ говорил, что все христианских церкви намерены протестовать против насилий над православной церковью. Платонов мне сказал, что Бенешевич не то уже отправил, не то собирается отправить в Варшаву библиотеку своего тестя Зелинского. У Бенешевича была переписка с Чехословакией: там основался орган по истории Византии, и Бенешевича формально просили быть в числе редакторов, на что он и дал свое согласие. Этот орган должен был объединить русских ученых как живущих в эмиграции, так и находящихся в пределах СССР. С духовенством у Бенешевича были постоянные отношения, он всегда был очень в курсе всех их дел. Чепурина он считал слишком поддающимся на компромиссы человеком. О других я с ним не говорил, потому, что никого из них не знал. На воскрешение Палестинского общества он смотрел отрицательно, находя, что при совласти этому обществу действовать будет нельзя, а воскрешение этого общества объяснял исключительно желанием Сов[етского] правительства наложить руку на имущество этого общества за границей, чему он не сочувствовал. Между прочим Нина Сергеевна мне говорила, что Бенешевич вошел в состав журнала основанного на пожерт-

¹ В копии далее напечатано слово уже, отсутствующее в подлиннике.

² В подлиннике слово организацией вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слово он вписано Тарле без особой отметки.

ования, в числе прочих, В. Н. Коковцова, что она считала безумством и страшной неосторожностью.

Г а ш е т т . Весной 1928 г. редакция «Вестника знания», зная, что и я, и Платонов собираемся ехать за границу — я в Париж, а он в Германию, — просила и его и меня заказать там ряд больших изданий по истории искусства, так как редакция предполагала выпустить в виде приложения к журналу «Историю искусств». Летом в Париже в июле месяце, мы встретились с Платоновым, и он мне сказал, что он уже снесся с издательством Гашетта, был там и предполагает нам обоим туда съездить и поговорить окончательно, сделав соответствующий заказ книг. В назначенный день мы поехали и были направлены к русскому, там служащему (фамилию не знаю). С ним — в конторе, где кроме него и нас было еще несколько человек, мы говорили исключительно по этому делу, все свидание было четверть часа, и мы вышли. Но без меня Платонов, кажется, там еще побывал. Ни единого слова о политике с этим русским не было сказано в моем присутствии. Говорил ли с ним Платонов, когда виделся отдельно от меня, — не знаю.

Но мне пришел в голову другой служащий, и в другом магазине, — Rue Bonaparte¹ 13, магазин Поволоцкого, франко-русский. Я там был несколько раз (в 1924, 1925, 1926 гг., один раз в 1928). В эти первые года я там покупал франц[узские] книги (там делалась уступка, книги продавались уже подержанные),—и говорил со служащими и с самим Поволоцким. Политических разговоров не велось, но я сказал раз, что у нас на букинистов наложены огромные налоги и они исчезают уже, что очень жаль. Говорил и о затруднениях печатать (недостаток² бумаги, цензура и т. п.).

Н и н а С е р г е е в н а . Никакого участия в делах организации Нина Серг[еевна] не принимала. То, что я буду излагать тут, это доверительные ее разговоры со мной, ее впечатления и догадки. <Ее очень беспокоило> Она говорила³ о поведении Измайлова. Его убеждения она считала вполне черносотенными, его самого — крайним монархистом, при всяком удобном и неудобном случае пьющим за здоровье

¹ В копии вместо rue Bonaparte напечатано улица Бонапарта.

² В копии вместо недостаток напечатано редак.

³ В подлиннике слова Она говорила вписаны Тарле вместо зачеркнутого Ее очень беспокоило без особой отметки.

будущего монарха и вообще предающимся такого рода демонстрациям. От него она слышала несколько раз заявления, что с коммунистами должно покончить раз навсегда, что, чтобы в будущем не было, новой керенщины быть не может, что с коммунистами должно поступать так, как поступили они, когда победили, со своими противниками. Она знала, что он водится с б[ывшими] офицерами <и очень по этому поводу беспокоилась>. Когда произошел взрыв в Деловом клубе, то Измайлов злорадствовал, на слова, что пострадали совсем невинные люди, говорил, что у них нет невинных, жалел, что никто из крупных людей не был убит. Эта ненависть у него совмещалась с резким антисемитизмом. Она говорила, что Измайлов в своем политическом развитии не пошел дальше Союза русского народа. Он мечтал даже о будущем восстановлении дворянского звания и своим дворянством очень гордился. <Ей было неприятно, что он живет у них на квартире, так как она боялась, что он может связаться с какой-нибудь компанией вредителей, которая устроила взрыв в Деловом клубе>. В Москву он ездил по конспиративным делам, по ее <мнению> словам¹. Отношения его с Шишкевич ей казались странными, по его² рассказам выходило, что Шишкевич для него все, что угодно сделает. Но он ни разу не говорил при ней о своих делах в Москве.

Она говорила, что Измайловы, Краевичи, Рождественский, Васенко, — пользуются помощью со стороны Серг[ея] Фед[оровича]. Самого Серг[ея] Федор[овича] она любила больше всего на свете, и единственное, что ее интересовало, это его личная безопасность. <И тут она все последние годы была неспокойна, и чувствовала, что отец ее занят политикой>. Он ей говорил очень мало, она не знала ⁹/₁₀, но о многом догадывалась. Что отец мечтает о монархической реставрации³, что он выдвигает Андрея Владимировича, что он надеется в этом отношении на войну⁴, — это ей было ясно из разговоров, отдельных слов и замечаний. Она не захотела сопровождать отца за границу потому что знала, что он⁵ едет с политическими целями и намерениями, которым

¹ В подлиннике слово словам вписано вместо зачеркнутого мнению.

² В копии вместо его напечатано ее.

³ В копии слова Что отец мечтает о монархической реставрации подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии слова Андрея Владимировича, что он надеется в этом отношении на войну подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии фрагмент текста от слов это его личная безопасность до слов знала, что он отчеркнут синим карандашом.

она лично была совершенно чужда. О близости отца с немцами она знала, хотя не догадывалась о степени этой близости. После поездки Марии Серг[еевны] за границу, произошло очень большое сближение Мар[ии] Серг[еевны] с отцом, у них завелись секреты от других членов семьи. Сестра Мар[ия] Серг[еевна] говорила ей, что молодой Краевич — в антисоветской организации эмигрантской молодежи, что отец виделся там с главными представителями эмиграции. Отец об эмигрантах говорил после поездки 1928 гораздо лучше (т. е. отзывался о них гораздо положительнее), чем после поездки 1926 г.

У Нины Сергеевны было впечатление, что Мар[ия] Серг[еевна] вошла в политич[ескую] деятельность, развертывающуюся вокруг отца. По ее словам отец настолько всей прошлой своей жизнью был связан с династией, что вне ее не мог себе представить нормального государственного строя в России. Она возмущалась неосторожностью б[ывшей] слушательницы Платонова А. М. Ставрович, которая на юбилее Платонова во всеуслышание называла его монархистом. — Отец говорил с хвалой о Коковцове, Маклакове, Лохвицком. Отец неоднократно говорил о непрочности соввласти, о неминуемости и более или менее предвиденном будущем ждать интервенции. Непрочность соввласти он объяснял ее непопулярностью в деревне. Когда началось дело с академическими документами, он высказывался в том духе, что нужно было «спасать от Центрархива» документы, доверенные Академии, что Срезневский всецело разделяет эту точку зрения и выдал его, Платонова, по личным мотивам.

Она говорила о помощи ссыльным и заключенным, которая оказывается Платоновым, называла Блинова, Сиверса, Нефедьеву, Бенешевича, Гринвальд, но не сказала, что это на деньги, кем-то даваемые организации.

Измайлов говорил при ней о гимнастич[еских] кругах, которые принесли такую пользу и силу Германии и необходимы у нас.

Из б[ывших] офицеров у них бывал Юрий Соколов.

В 1923 году сестра моя Мария Викторовна Тарновская получила визит от некоей Доры фон Путлиц, прибывшей из Штутгарта и привезшей сестре рекомендательное письмо от подруги моей сестры Виктории Минчиной, по мужу Рейхенман (или Регенсберг или Ренхорт¹, не

¹ В копии вместо Ренхорт напечатано Рефхорт.

помню), она там уже лет 30 замужем за профессором физики в одном из провинциальных университетов. Конечно, сестра, ее любезно приняла, а так как та сказала, что приехала с научной целью (о проф[ессион[альном] движении, о каких-то воспитательных домах и пр[очем]) и хотела бы познакомиться с представителями науки, то сестра направила ее ко мне, — и мы решили, что нужно пока она в Ленинграде, пригласить ее на вечер и пригласить тех знакомых, которые хорошо говорят по-немецки, чтобы было кому занимать ее. Так и было сделано, был приглашен Мерварт, Радлов, еще несколько человек (уж не помню, кто именно, — помню Успенских¹). Когда Мерварт пришел и пришла Путлиц, я их познакомил, они встретились как люди, впервые видящие друг друга, а потом почти весь вечер сидели вместе, оживленно беседуя. Я помню, что моя жена, не говорящая по-немецки, была очень довольна, что Мерварт взял на себя весь вечер занимать приезжую. Она говорила и со мной, сказала, что останется тут всего два дня, едет в Москву и д а л ь ш е . Меня поразило, что она уже достала билет в Москву (тогда это было трудно), да еще в международном спальном вагоне, показала билет, оказалось, что она взяла два места, т. е. все купе. Удивило и то, что она едет д а л ь ш е Москвы, она упомянула о Волге, о Кавказе. Удивило это потому, что она интересовалась какими-то воспитательными заведениями, которые по-моему могли быть только в Ленинграде или Москве. Она говорила что, имеет рекомендательные письма от полпреда Крестинского и представителя сов[етского] правительства в Москве, к Чичерину, к Луначарскому, кажется к Енукидзе. Она производила несколько странное впечатление, и видно было, что она далеко не все говорит. Расспрашивала об Университете, об Академии, о положении ученых, о НЭПе. Сама она жила в Штутгарте, или около Штутгарта и у нее будто бы был свой замок. Когда она уезжала от меня, то с Мервартом она простилась так, что мне стало тогда же ясно, что они уже условились с ним увидеться перед ее отъездом из Ленинграда: прощание было как-то слишком наскоро, после целого вечера беседы. Этой беседой они оба были так поглощены, столько часов просидели, не обращая ни на кого больше никакого внимания, что это многим бросилось в глаза. В ней было так много странного и так неясно она говорила о цели поездки (то о проф[ессиональном] движении, то воспитательных учреждений для дефективных детей), что у меня уже тогда мелькнуло смутное подозрение, что она приехала с тайными целями. Но то

¹ В копии вместо Успенских напечатано Успенского.

обстоятельство, что ее рекомендовал Крестинский, уничтожало подозрение в зародыше.

Разговор с Милюков ым. Кроме того, о чем я уже показывал в прошлых показаниях, вспоминаю еще следующее: Милюков сказал, что ему Ростовцев подробно рассказывал о созданной Платоновым организации, куда вошла почти вся Академия наук и об основах¹ ее. Я сказал, что не вся Академия, а отдельные лица, и сказал еще, что далеко не всю программу я лично разделяю, что я не монархист, но что, вообще вопрос о монархии ставится в зависимость от решения Собрания народн[ых] представителей, в качестве одного из проектов. Милюков сказал, что Ростовцев удивляется, что Платонов выдвигает Андрея, тогда как о нем и речи нет среди монархич[еской] эмиграции². Я на это сказал, что это и показывает, насколько монархическая программа организации случайна и непродумана. Он спросил, сильна ли эта организация. Я ответил, что, по-моему, гораздо слабее, чем ему со слов Платонова рассказывал Ростовцев, что я думаю, что она может со временем объединить оппозиционные элементы среди интеллигенции. Я высказал ему также свое мнение о фантастичности надежд на германскую интервенцию (и он вполне со мной согласился, прибавив, что он сам был за эту немецкую³ интервенцию в 1918 году, но теперь она абсолютно невысказима). Он же сказал еще, что здешние (т. е. парижские) монархисты не приняли бы такой программы, какая у Платонова, так как для них она показалась бы слишком радикальной. Спросил, есть ли у платоновской организации возможность получать и распространять заграничную прессу в СССР. Я ответил, что этого не делалось до сих пор, и что не представляю себе, чтобы это было возможно. Тут он перешел к вопросу лично о Платонове, сказал, что хочет представить ему, Приселкову, Преснякову, Готье писать в коллекции (на французском языке), по истории России, редактором которой является он, Милюков. Я сказал, что невысказимо, что они подвергнутся преследованиям за подобное участие. Он не соглашался, говоря, что ведь писать они будут на такие старые темы, да еще для французской публики, что неужели запуганность ученых доходит до такой степени и т. д. и т. д. Я, помню, сказал ему, что даже одно только его обращение к ним с

¹ В копии вместо основана напечатано обстановке.

² В копии слова что Платонов выдвигает Андрея, тогда как о нем и речи нет среди монархич[еской] эмиграции подчеркнуты и отчеркнуты синим карандашом.

³ В подлиннике слово немецкую вписано Тарле без особой отметки.

подобным предложением может навлечь на них неприятности. Тут он стал говорить, что с ним полемизировали несколько раз московские «Известия», что его имя этим как бы легализовано в России, что «Известия» с ним считаются больше, чем с другими эмигрантами и т. д. Рассказывал о В. Н. Сперанском, о том, что Сперанский сделал своей специальностью лекции о смерти Николая II в Екатеринбурге, — и что этим многие возмущены, так как будучи в Ленинграде тот же Сперанский читал лекцию о «Николае II и Распутине» и т. п. (между прочим, Милюков¹ сказал, что если бы Ленин прожил еще, то либо он создал бы некоторые демократические учреждения, либо его исключили бы из партии). С Платоновым он не виделся, но он говорил, что Платонов виделся с Маклаковым. Говорил затем о своей полемике со Струве, о романах Алданова.

Если в прошлых показаниях, говоря о разных беседах и разговорах, бывших между членами организации, я ничего не говорил о своих личных заявлениях, то, во-первых, потому же, мало говорил < . . . >² о заявлениях каждого члена организации в отдельности:³ теперь уже забылось⁴, кто и что⁵ именно говорил, помнится лишь общее содержание всей беседы, а во-вторых потому, что уже около⁶ года, как я крайне редко стал встречаться с членами организации, и как взгляды мои стали на очень многое меняться. А теперь, когда я узнал истинное к себе отношение этих людей, с которыми к величайшему своему несчастью, общался, мне стало очень уж обидно и мучительно вспоминать то, что я у них и при них говорил, и с чем теперь совсем не согласен.

Но теперь, заканчивая показания, не желая ровно ничего утаивать, и главное не желая, чтобы следствие думало, что я себя как-то выгораживаю, я расскажу все, что так или иначе помню.

Обсуждались, как я уже несколько раз говорил, лишь общие политические вопросы, потому что конкретные задания организации пере-

¹ В подлиннике фамилия Милюков вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано три слова.

³ В копии отсутствует с. 8 (нумерация листов не нарушена); таким образом отсутствует фрагмент текста от слов *показалась бы слишком радикальной до слов* в отдельности.

⁴ В копии вместо *забылось* напечатано *забывалось*.

⁵ В копии вместо *кто и что* напечатано *что и кто*.

⁶ В подлиннике слово *около* вписано Тарле вместо *зачеркнутого* (неразборчиво) без особой отметки.

давались Платоновым тому или иному члену организации, которого это непосредственно касалось. Все эти проекты и дела Измайлова, напр[имер], < . . >¹ не обсуждались, обыкновенно вовсе. Но были исключения, и я говорю и о них.

1. Аграрная политика. Я высказывался в том² смысле, что крестьяне, не только собственники, но и многие не собственники, но стремящиеся таковыми стать, едва ли примут коммунизм. Я приводил примеры из франц[узской] истории и пр[очее]. Говорил, что советскую власть с НЭПом крестьяне, по-моему, примут вполне, потому что им многое совсем безразлично в формах правления, но интегральный, стопроцентный коммунизм не примут. Говорил, что³ признаком являются постоянные убийства селькоров, что обращается по размерам в какой-то аграрный террор. Говорил, что в деревне агитировать против соввласти незачем, потому, что дорогие товары, разоряющие крестьян, являются непрерывной агитацией и доказательством в глазах деревни, что город ее, деревню, эксплуатирует. И еще сказал, что зато в пользу советской власти агитируют такие люди, как авторы статей в «Возрождении», говорящие, что при низвержении соввласти, мужичок сам почувствует потребность заплатить прежнему владельцу за землю, которой тот владел до революции. Говорил, что крестьянин не только теперь хочет быть собственником, но что и в царские времена хотел уничтожить общину, которую ему навязывали сверху. Между прочим сказал при одном таком обсуждении, что деревню я не знаю вовсе и прежде не знал, но сужу на основании общих о ней представлений, и что соввласть сама тоже не может знать деревню, так как изгоняет из своей среды таких серьезных и добросовестных статистиков, как Громан, благожелательно относящихся к тому же к сов[етскому] строю. Говорил, что соввласть до нового Кронштадта все-таки не доведет, так как новый Кронштадт был бы опаснее старого. Сказал (возражая Лихачеву и Платонову), что и прежний Кронштадт был протестом против экономической политики соввласти и если будет новый, то и новый будет таким протестом, но что вовсе же это не будет протестом в пользу политической реставрации. Помещик, дело конченное, в деревню ему хода нет. Говорил еще, что не верю в успехи школы в

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

² В копии вместо том напечатано этом.

³ В копии отсутствует фрагмент текста от слов советскую власть с НЭПом до слов Говорил, что.

деревне, пока деревня бедна, и что известия об успехах борьбы с безграмотностью наверное раздуты печатью. Говорил, что мне рассказывали случаи, когда под кулака подводили крестьянина еле перебивающегося.

2. Народное просвещение. Говорил, что судя по всему, высшая школа пострадала в Ленинграде гораздо меньше чем в провинции, что у нас студенты — настоящие, что из рабфаковцев выходит толк, что есть аудитории, для которых стоит работать. Но — что в преподаватели попадают часто люди, которым самим нужно учиться. И тем не менее в Ленинграде работать можно. Но — тут выступал Бузескул, и я на него ссылаясь, напр[имер], в Киеве, Харькове, Одессе — высшее образование в плачевном состоянии, в Саратове тоже, и что и там, по моему убеждению, дело не в студентах, которые не лучше и не хуже, в общем, чем прежние студенты, а дело в профессорах, которые мало подготовлены. Я объяснял это тем, что коммунист в своем деле выдающийся по уму, дарованиям и знаниям, используется¹ партией для ответственных ролей в правительстве, в управлении экономической жизнью, и т. д., и не дает партия такому человеку читать лекции и только. Значит она может дать в профессора лишь третьестепенных своих сочленов, а на эту функцию, по существу, должны идти только первостепенные люди. Указал еще, что вредные последствия имела отмена ученых степеней, заставлявшая человека хоть две ученых книги написать за всю свою жизнь. А теперь и этого² не пишут. Привел пример, как я среди участников своего семинария выискал очень талантливого человека, коммуниста (или кандидата в члены, не помню), хотел его оставить при университете, считая, что он может стать светочем науки, так умно и талантливо³ он говорил и писал. И вернувшись осенью из заграницы однажды, — уже не нашел его: его отправили куда-то на какой-то ответственный пост, и так он бесследно и исчез для науки. Помню настаивал, что как ни судить отрицательно о принципе классового отбора при приеме в ВУЗы, но даже этот принцип так не вредит, как спешное заполнение профессорских кадров, как попало и кем попало. О средней школе, кажется, я один только раз высказывался (так как совсем ее не знаю лично). Сказал, что, судя по всему, что слышно, там тоже все дело в отсутствии серь-

¹ В копии вместо используется напечатано не пользуются.

² В копии вместо этого напечатано этой.

³ В подлиннике слова и талантливо вписаны Тарле без особой отметки.

езных преподавателей. Помню, Платонов иронизировал, что заставляют ребят играть в комиссии, в заседания, в конференции и т. д. Я сказал по этому поводу, что это как раз одна из хороших сторон, — причаю к общественной жизни, — и что в Англии в школах давно уже практикуется и игра в парламент, и игра в суд присяжных и т. п. (в Итоне и других больших училищах). Об Академии и академических выборах сказал, что нужно проводить список, что если бы был поставлен признак только научный то прошли бы Рязанов, Покровский, Деборин, но другие должны были бы быть забаллотированы, но так как дело идет об известном политическом акте, то нужно проводить всех, все равно как во Французскую Академию проходят лица, известные в политике, хотя и не писавшие никаких ученых вещей. Поэтому, хотя я считаю, что напр[имер] Лукин, по научным заслугам, еще не может быть академиком, но нужно его тоже проводить, как представителя сов[етской] общественности. Что касается Фриче, то и его по этому же признаку нужно проводить, хотя как ученый он слаб (и тут же я прибавил, что и Лавров и Ляпунов не сильнее его, однако оба давно академики). Говорил в том смысле, что проведение всего списка — наименьшее из всех зол, грозящих Академии.¹

3. По поводу восстания, захвата Ленинграда и т. п. Я всегда без исключения слушал все вот такие вещи, как нечто до того отвлеченное и нереальное (и не только я, но и Богословский), что не могу иначе определить это отношение, как отношение к какому-нибудь чисто теоретическому или военно-историческому докладу. И такого рода разговоры были крайне редки, — по крайней мере, в моем присутствии. Я обыкновенно² не выступал с какими-нибудь мыслями, мотивированной критикой и т. п., а делился потом с тем или иным из присутствовавших своими замечаниями. Вспоминаю к чему эти замечания сводились. Во-первых, к тому, что правильно говорит Измайлов, что всякая затяжка военных действий, когда уж они начнутся, знаменует выигрыш дела для сов[етского] правительства. Затем, что Красная армия в лучшем для восстания случае объявит свой нейтралитет и разойдется по домам, но не думаю, чтобы она перешла на сторону восставших, которых вовсе не знает. Затем высказал мнение, что борьба в провинции, на Урале, Донбассе, рабочих центрах будет долгая, и что если не дать какую-нибудь амнистию, словом, если не обещать

¹ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово обыкновенно вписано Тарле без особой отметки.

избегать репрессий, то коммунисты будут бороться отчаянно, так что очень много будет зависеть от такта нового правительства (диктатора) и его шагов в столицах. Сделав замечания, что восставшие наверное должны будут удовлетворяться тем <оружием> оружием¹, которое у них будет в руках в момент их выступления, а не рассчитывать на выдачу оружия красноармейцами, во-первых потому, что не доказано, что те выдадут его, и — во-вторых, сколько приходилось читать о таких внезапных выдачах оружия, что пользоваться выданным оружием фактически не приходилось: какой-нибудь винтик или патроны, или что-нибудь из хранящегося в одном складе, — не подойдет к вещи, хранящейся в другом складе, — и оружие оказывается негодным к употреблению. Кто-то (Измайлов или Лихачев?) возразил, что это не так (не помню их аргументов)². Потом спросил, — не может ли флот, оставшийся верным соввласти, бомбардировать Ленинград, как угрожала «Аврора» в октябре 1917 года. Мне ответили, что это невозможно, что будет налицо флот интервентов или каких-нибудь держав (я уж не помню, но и тогда не очень понял этот пункт насчет флота каких-то держав). Спросил, может ли у восстания быть надежда, что кто-нибудь из популярных красных командиров перейдет на его сторону? Ответ был положительный, но не мотивированный, и фамилии не были названы. Еще я, помню, сказал, что в этом плане восстания и захвата Ленинграда есть какая-то неясность: то предполагается содействие и приход иностранной армии, то как-то выходит, что восставшие сами справятся, а иностранцы уже потом придут, то вовсе ничего не говорится об иностранцах. Говорил, что в 1919 г. Троцкий писал (в эпоху Юденича), что даже если белые войдут в город, то каждый дом превратится в крепость, которую им нужно будет отдельно брать. Так вот, спросил я, не будет ли так и в случае восстания? Это я задал вопрос, частным образом, Платонову, который ответил, что и тогда Троцкий ошибался и теперь этого тоже не будет. В другой раз зашел разговор на эти темы, уж не помню по какому поводу, а свелось потом на восстание, переворот и т. п. Я высказался в том смысле, что нужна в первый же момент готовая программа. Я привел (отлично помню) два примера: поздно вечером 17 октября 1905 г. я вышел из Университета после митинга и уже узнав о манифесте, и подойдя к часовому у выхо-

¹ В подлиннике слово оружием вписано Тарле вместо зачеркнутого оружием (так!) без особой отметки.

² В копии слова возразил, что это не так (не помню их аргументов) отсутствуют.

да сказал ему о манифесте, и первые его слова были: «а землю крестьянам дадут?». И когда я сказал, что об этом ничего нет, то он посмотрел в сторону и не стал слушать. А второй случай — это телефонограмма Родзянко (кажется 1 марта) Рузскому, где Родзянко говорит, что с армией случилось то, чего никто не ждал и что она обратилась сразу в мужиков, кричащих, чтобы им дали землю. На этом основании я и сказал, что к земле всегда в п е р в ы й же момент обращаются мысли армии. Не помню, что и кто на это ответил, кажется все в том смысле, что ненависть к коммунизму заменит всякую аграрную программу в деревне, а поэтому и в армии и пр[очее] и пр[очее] в том же духе (ответил Платонов). Еще сказал, что известно, что все наперед якобы составленные планы разрушаются неожиданностями и что соввласть наверное поручит защиту Ленинграда, Москвы, т. п. и т. д. не какому-нибудь ничтожеству, вроде Хабалова, которому поручил это Николай II, а серьезному и энергичному человеку. На это Измайлов сказал: и со стороны восстания не будет Хабаловых. Там было какое-то деление города на сектора, но я уж абсолютно не помню, в чем было дело, да и тогда не понял и не поинтересовался дальше. Еще я сказал, что предусматривается единство руководства восстанием, а с другой стороны говорится, что начальникам, борющимся в разных секторах, будут даны необычайные полномочия и самостоятельность. Ответа на это не помню. Богословский сказал украинскую поговорку: дай Бог нашему теленку волка съесть. Он никогда¹ не относился серьезно к этим разговорам, и они его всегда неприятно волновали. Я, помню, еще спросил, не поступит ли соввласть так, что отрежет Ленинград от остальной России, чтобы заморить голодом (если восстание овладеет Ленинградом), — но Измайлов ответил, что это немыслимо (не помню, почему немыслимо). Когда говорилось о местных правителях с чрезвычайными полномочиями — в разных областях России, я, помню, сказал, что это м[ожет] б[ыть] рационально когда уже вооруженная борьба кончится, но как же быть, если она будет продолжаться? Не выйдет ли армия нового правительства с десятью главнокомандующими? Но было отвечено (Платоновым), что главный (центральный диктатор) будет иметь абсолютную власть над всеми остальными. И тут я еще раз сказал, что если уж дело дойдет до затяжной войны, то ничего из всего этого не выйдет.²

¹ В подлиннике слово *никогда* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

Участвовал я и при обсуждении некоторых планов, касавшихся будущего. По поводу диктатуры сказал, возражая Рождественскому, что, прежняя формула «Иванов 15-й» устарела на 50 лет, что Иванов 15-й сейчас же приведет все к крушению, что нужен умнейший, выдающийся человек, который держал бы прежде всего в руках себя самого, что советская диктатура, при всех ее недостатках, была умной диктатурой, и дурака сажать диктатором на их место не приходится.

По поводу сельских советов сказал, что нужно им самим и предоставить местные аграрные отношения. По поводу национальной политики сказал, что без широчайшей автономии все равно ни при каком строе страна существовать не будет. По поводу долгов иностранцам, сказал, что нужно принципиально признать, как царские, так и советские долги, но с оговоркой, что платить их не можем (как и другие не платят, напр[имер] Франция — Америке).

Относительно фабрик и заводов высказал мнение, что нужно попытаться вести их самому государству; раньше, чем решать от них отделаться, и нужно заинтересовать рабочих частью прибыли. Относительно университетов — резко повысить требования научности к преподавательскому составу. Прием в университеты сделать доступным абсолютно для всех, сдавших установленное испытание. Образование сделать бесплатным, как низшее, так и среднее и высшее. Вопрос насчет формы правления — всецело предоставить Собранию народных представителей. <Нужно сказать, что об всех этих вопросах говорили очень мало и очень вяло, видно было, что все мало интересует, все . . .¹ вопросы будущего госуд[арственного] устройства и проч[ее]. Интересовал только первый момент.>

Еще я сказал как-то², что до сих пор все восстания против соввласти были лишь кусаньем ее за икры (мои точные слова), лишь раздражали ее и вызывали страшные репрессии, значит безумие говорить об этом, не имея абсолютной уверенности в успехе. На это Измайлов сказал, что его никто и не начнет никогда, не имея такой уверенности.

Он еще сказал такую фразу (слов не помню, помню смысл), что они «научно» всё обдумывают, составляя свои планы. < . . .>³ Я сказал,

¹ В подлиннике одно слово неразборчиво.

² В подлиннике слово как-то вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике рукой Тарле вымарано предложение из шести слов без особой отметки.

вслух: «Надежды юношей питают, отраду старцам подают», (точно помню; не сомневаюсь, что он мог принять это всерьез, зная его недалекость и необычайное самодовольство).

Когда пошла речь о добровольцах, которые в первый же момент создадут армию, я сказал, что самый принцип правилен, что при гражданской войне насильственный набор не может дать результатов. Но вопрос, соберутся ли в достаточном количестве. Я уж не помню теперь, там как-то комбинировались добровольцы, — с набранными по набору. Когда говорилось об оружии из Германии, я сказал шутя: Германия всегда дает в таких случаях бракованное оружие, например, ирландцам в 1916 г., смотрите и вам даст такое же.

Я узнал потом, что разговоров об этих военных темах было несколько, но я на них уже не был, и даже мало мог узнать со стороны, так как с Измайловым не разговаривал почти вовсе, с Платоновым не говорил почти ни о чем, кроме того, <что> о чем¹ прямо меня просил² <касалось> (вроде просьбы узнать у французов, как они отнесутся к немецкому вмешательству), а Богословский просто не интересовался этими вопросами, считая все это фантазией и словами, не имевшими никакого реального значения.

4. Когда речь зашла об Украине, я выразил недоумение и возмущение по поводу рассказанных прибывшим из Харькова Бузескулом случаев насильственного введения украинского языка и изгнания русского языка. Я, помню, выразился так, что в данном случае совласть на Украине делает то, что может пригодиться полякам, также желающим, чтобы было как можно меньше связей между Украиной и Россией. Когда была временно задержана книга Платонова о «Петре I», я восстал против цензуры, говорил об ее абсурдной строгости и считал, что она стала не лучше, а хуже сравнительно с периодом гражданской войны, когда должно было бы быть наоборот.

Говоря о цензуре, я приводил в пример, что не пишут о бросающихся в глаза и всем известных явлениях, вроде многих тысяч бродячих беспризорных детей, которые располагаются целыми лагерями на московских улицах.

¹ В подлиннике слова о чем вписаны Тарле вместо зачеркнутого что.

² В подлиннике слово просил вписано Тарле вместо зачеркнутого касалось.

Сказал раз, что самокритика не восполняет отсутствия свободы прессы, так как оказываются виновными маленькие люди, стрелочки, а о начальстве настоящем, крупном, писать все равно нельзя.

При разговорах <на различные темы> я высказывался несколько раз, резче всего — когда речь заходила о цензуре, о свободе печати и т. п. Я говорил, что поверю в прочность соввласти, лишь тогда, когда она даст свободу печати. Говорил о невозможности издавать даже марксистский журнал, если он на все 100% не совпадает с официальной признанной точкой зрения, причем самая точка зрения меняется и напр[имер] бухаринские взгляды были в 1925 г. официальные, а в 1928 г. стали еретическими. Оговаривался несколько раз, что я лично мало страдаю, мои книги Госиздат печатает, но, напр[имер], возразить на критику моей книги, мне¹ уже негде, такой статьи не примут. Говорил, что я получил приглашение писать в ленинградской «Правде», потом в московских «Известиях», но не могу там писать, потому, что нельзя успеть ознакомливаться со всеми меняющимися директивами теоретического характера. Из текущих вопросов помню еще (я уже мельком упоминал в прежних показаниях), что по поводу казни Пальчинского, я выразил Платонову свой ужас и высказал мнение, что это — судебная ошибка, что он столько служил соввласти, не пытаясь уехать за границу, что едва ли он стал бы сознательно вредительствовать, и что м[ожет] б[ыть] его подвели другие два (забыл фамилии — фон Дервиз и кто-то еще?). Но Платонов напротив сказал, что, наверное, самый² факт приведен правильно. (Я лично Пальчинского не знал вовсе.)

ПОРУЧЕНИЯ МНЕ

5. Платонов и другие члены организации желали, чтобы руководство кружком молодых историков, я взял на себя, чтобы пригляделся к ним и выбрал категорию его участников, которые могли бы вступать в организацию в качестве ее членов, чтобы вообще я наметил известные категории по признаку большей или меньшей и общей подготовленности, и большей или меньшей близости к идеям и настроениям организации. Фактически это выразилось в моем присутствии на вечеринках и разговорах на дому с отдельными членами кружка. Но я лич-

¹ В подлиннике слово *мне* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово *самый* вписано Тарле без особой отметки.

но делил на категории по признаку большей или меньшей умственной зрелости, так как в остальном мало их распознал и, наконец, именно в оценке историков мои личные теоретические¹ <...>² идеи, расходились с идеями всех остальных членов организации. В высшую категорию я поместил: Романова, Тхоржевского³, Введенского, Данини, Шербунина. В среднюю: Штакельберг, Гринвальд, Измайлову⁴, Цемша, Либталь, Шаталову, Е. Петрова. С высшей категорией Платонов и пожелал стать в более тесные отношения.⁵

Относительно Романова произошло следующее. Платонов выразил неудовольствие по тому поводу, что Романов у него не бывает вовсе, тогда как раньше бывал, и что он это делает оттого, что его начальник по Центрархиву Цвибак — ему это посещение Платонова ставил на вид. Так как этого на самом деле не было, то Романов пошел к Платонову и объяснился с ним. С тех пор, со времени этого объяснения, отношения между Романовым и Платоновым стали гораздо более близкими, чем были до того времени, но ни разу ни Платонов, ни Романов не сказали мне, что Романов входит в организацию.

Мало того, что меня просили руководить молодыми историками: мне поручили также указывать организации на тех студентов, из моих слушателей или участников моих⁶ семинариев, которые могли бы быть со временем привлечены к работе в организации. Но я не указал никому, так как общение мое со студентами пока не выходило за пределы чисто университетских дел — Знаю, что Платонов хотел привлечь библиотекаря Университета Горчинского, но привлек ли фактически мне неизвестно. Он же собирался привлечь и Садикова, который является одним из его учеников. Садикова он защищал и тогда, когда (года 1½ тому назад) Садиков совершил свой известный поступок с пушкинской рукописью; служа в Центрархиве Садиков нашел в фонде частных архивов, в бумагах Горчакова, рукопись неизданной поэмы Пушкина «Монах». Вместо того, чтобы немедленно ее передать т[оварищу] Дрезену, заведовавшему Архивом, он утаил находку и сам стал

¹ В подлиннике слово теоретические вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано два слова.

³ В подлиннике фамилия Тхоржевского вписана Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике фамилия Измайлову отсутствует.

⁵ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

⁶ В подлиннике слово моих вписано Тарле без особой отметки.

работать над ней, чтобы потом издать с комментариями. Все это обнаружилось почти через год. И только тогда рукопись, по телеграмме т[оварища] Максакова была изъята у Садикова и отправлена в Москву (где сейчас же издана «Красным архивом»).

Платонов одобрял Садикова и собирался с ним сблизиться. Замечу, что поступок Садикова очень возмутил служащих в Центрархиве и назывался ими вредительством. Садиков был тогда же немедленно¹ уволен со службы без прощения.

Когда образовался Институт (научно-исследовательский) истории при Л[енинградском] Г[осударственном] У[ниверситете], и я был назначен преподавателем секции всеобщей истории (1927 г.), то организация просила меня посодействовать открытию при этой секции специальной подсекции средней истории (Гревс, Бартольд, Добиаш-Рождественская, Бахтин, В. В. Струве, Скржинская, Цемш, Гуковский). Я, впрочем, уже и до того времени сделал шаги к открытию этой подсекции, и она открылась. По своему составу она резко отличалась от остальной секции, возглавляемой мною, где было между прочим и несколько коммунистов (Зайдель, Фендель, Лурье, Пригожин и еще фамилии, которых сейчас не помню). Что же касается подсекции средней истории, то там водворился идеалистический дух Гревса и его школы, через несколько месяцев президиум Института ликвидировал эту подсекцию. Платонов полагал, что должен уйти из председателей секции, — я не ушел, потому, что считал эту ликвидацию неизбежной почти с самого начала ее образования, вследствие самого ее состава: на эту подсекцию смотрели как на легализацию кружка Гревса именно вследствие личного состава.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

29.V.–30 г.

*Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие, даты
Дополнительные показания Тарле Евгения Викторовича 29.V.–30 г. и
подпись Допросил А. Стромин 29.V.–30 г. почерком Стромин; подписи-
автографы. Т. 2. Л. 277–289 об.*

*Копия; машинопись; документ озаглавлен
Дополнительные показания
Е. В. Тарле; после заглавия почерком Стромин карандашом
проставлена дата 29/V–30. Т. 2. Л. 290–308.*

¹ В подлиннике слово немедленно вписано Тарле без особой отметки.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

31 мая 1930 г.

К разговору с Милюков ым. Он сказал, что ему Ростовцев со слов Платонова рассказал об организации.¹ Спросил, сильна ли она, я сказал, что слабее, чем ему рассказывал Ростовцев, что она может со временем объединить много элементов оппозиционной части интеллигенции. Он сказал, что тоже считает немецкую интервенцию невозможностью, и прибавил, что сам он считал ее возможность только в 1918 году во время войны. <...>². Спросил, может ли организация получать и распространять в СССР зарубежную прессу; я ответил, что такой возможности нет. Он сказал, что сочувствует этой организации и что он передал Платонову через Ростовцева, что готов оказывать услуги и помощь организации, что предоставляет ей обращаться к нему в случае надобности. Сказал, что парижские монархисты дальше от программы платоновской организации, чем он, Милюков, и стоящая за ним партия республиканцев-демократов. Он сказал также, что после разговора с Ростовцевым он, Милюков, отрядил к Краевичам, у которых жил Платонов, члена партии респ[убликанцев]-демокр[атов] Миркина-Гецевича, который, однако, <Милюкова> не застал Платонова дома: он желал с ним говорить о том, что возможна ли какая-ниб[удь] общая работа. Потом он перешел к уже рассказанному мною предложению Платонову, Готье, Любавскому, Приселкову, Заозерскому — работать в редактируемой им, Милюковым, истории России (коллективное издание на франц[узском] языке).³

Я передал все это Платонову, он отнесся положительно. <...>² Платонов был по взглядам⁴ ближе к газете «Возрождение», чем к газете Милюкова «Последние новости».

Перед моим отъездом из Парижа в 1928 году со мной <...>⁵ у Олара⁶ встретился Миркин-Гецевич, знакомый мне еще по Уни-

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

² Неразборчиво.

³ В копии данное предложение подчеркнуто синим карандашом.

⁴ В подлиннике слова по взглядам вписаны Тарле без особой отметки.

⁵ Одно слово неразборчиво.

⁶ В копии слова Перед моим отъездом из Парижа в 1928 году со мной у Олара (в копии Олака) подчеркнуты красным карандашом.

верситету¹ до революции, но с которым я мельком лишь в 1924–25 гг. встречался в Париже. Он сказал то, что я знал уже от Милюкова, т. е. что он, Миркин-Гецевич, был у Платонова, хотел узнать, как можно было бы повидаться Милюкову с Платоновым, но <Милюкова> Платонова не застал.² Он повторил мне все то, что говорил Милюков, а потом прибавил, что если платоновская организация захотела бы что-нибудь опубликовать³, то «Последние новости» к ее услугам, и что не захочет ли она, т. е. организация, опубликовать свою программу и проч[ее]. Я ответил, что <...>⁴ она публиковать за границей ничего не собирается. Он сказал, что ему известно, что Карсавин, Тарановский (проф[ессор] в Белграде), Лапшин, Лосский, Франк⁵ — состоят членами организации. Сказал, что Платонов явно уклонился от встречи с ним, Миркиным, а между тем он хотел передать от Милюкова привет и предложить всякое содействие. Затем разговор перешел на новое издание книги⁶ Олара, с которым был близок Миркин, на журнал «Révolution Française» и т. д. Платонов потом мне сказал, что действительно Миркин был, но не застал его⁷ <...>⁸.

Миркин со слов Милюкова сказал еще, что до приезда Платонова в Париж о нем никто ничего не знал и что это объясняется тем, что он связан с немцами, а не с французами.⁹

Помню еще, Милюков сказал, что платоновская организация имеет перед собою очень длительную культурно-просветительную работу и что в агитации на текущие темы он очень может с ней вполне сойтись. Он снова повторил, нет ли адреса, по которому он мог бы посылать «Посл[едние] новости». Я сказал, что нет, — что если будет, то ему дадут знать, а что, так как Коммун[истическая] академия получает «Посл[едние] новости», то мы поднимем вопрос — нельзя ли и нашей Академии их получать, будет хоть один экземпляр.

¹ В копии начало данного предложения отчеркнуто красным карандашом.

² В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

³ В копии вместо публиковать напечатано опубликовать.

⁴ Семь слов неразборчиво.

⁵ В копии вместо Франк напечатано Кранк.

⁶ В подлиннике слова новое издание книги вписаны Тарле без особой отметки.

⁷ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁸ Четыре слова неразборчиво.

⁹ В копии это и два предыдущих предложения отчеркнуты красным карандашом.

Нина Сергеевна Платонова говорила мне, что отец ее настолько связан всей своей прошлой жизнью и деятельностью с династией, что не может себе представить будущий строй без монархии. Она утверждала, что после своего последнего приезда из-за границы он отзывался об эмигрантских кругах гораздо более положительно, чем раньше. Очень хвалил Коковцова, Маклакова, Лохвицкого.¹ После поездки произошло очень большое сближение между ним и Марией Сергеевной. Об Измайлове она говорила как о человеке самых правых воззрений, говорила, что он работает над созданием кадров для будущего восстания, что он стоит за репрессии (в будущем). Говорила, что отец ее оказывал материальную поддержку: Васенко, Измайлову, Рождественскому, Краевичам, помогает ссыльным и заключенным Блинову, Нефедьевой, Сиверсу, Бенешевичу, Гринвальд, Брюлловой-Шаскольской, детям Лихачева. Говорила, что Измайлов работает со знакомыми ему <офицерами, но не у себя> офицерами, но не у Платонова на дому, а в других местах, и работает над военными планами. Говорила, что отец представляет себе главным фактором будущего возрождения России — подъем национального чувства. Любавского, Измайлова, Рождественского она считала по высказываемым ими взглядам гораздо более вправо стоящими, чем ее отец. Любавский сказал ей в январе 1930 г., что ему теперь противно бывать в Академии, после того, как туда прошли новые академики.

Говорила, что, по словам ее отца, Бенешевич пытался переправить книги Зелинского в Варшаву, через польское консульство. Считала, со слов отца², что солидарно с Серг[еем] Фед[оровичем] в деле с академическими документами действовали: Андреев, Измайлов, Срезневский, Рождественский, причем Срезневский выдал Платонова³, движимый личными интересами.

М о и заявления и слова при беседах и обсуждениях в организации.

1. По аграрному вопросу : крестьяне, не только собственники, но и стремящиеся стать таковыми, никогда не примут стопроцентный коммунизм, хотя при продолжающемся НЭПе примирились бы с

¹ В копии это и два предыдущих предложения отчеркнуты красным карандашом.

² В подлиннике слова со слов отца вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике фамилия Платонова вписана Тарле без особой отметки.

соввластью. Дороговизна товаров — самая сильная пропаганда в деревне против соввласти. Новый Кронштадт возможен, если обострится преследование частных хозяйств в деревне и если обострится продовольственная нужда, <но> и¹ что хотя это будет протест против экономической политики соввласти, а не в пользу политической реставрации, но значение может иметь очень крупное². Сказал, что слышал, что в деревне власти даже еле перебивающихся крестьян зачисляют в кулаки и что там царит абсолютный произвол.

2. По вопросу о восстании. Сказал, что все прежние попытки были кусаньем за икры советской власти, только раздражали ее и вызывали на репрессии, что поэтому начинать что-нибудь, не имея абсолютной уверенности в успехе, — безумно. Измайлов сказал, что никто и не начнет без такой именно уверенности. Я сказал, что неясно то, что он говорил об оружии, что если восстание случилось бы, то восставшим пришлось бы довольствоваться тем оружием, которое они имели бы в самом начале, потому что, во-первых, красноармейцы им могли бы и не выдать своего оружия, а, во-вторых, сколько приходилось читать, что в подобных случаях выданным оружием не приходилось пользоваться: то одни небольшие вещи, но нужные, лежащие в одном складе — не приходится к вещам, лежащим в другом складе, то другие препятствия и неожиданности. Сказал еще, что так как они ждут, что будет оружие из Германии, чтобы вспомнили, что Германия в таких случаях дает бракованное оружие, как она дала, например, ирландцам перед их восстанием в 1916 году. Спросил, не много ли окажется у одной и той же Добровольческой армии главнокомандующих, если правители отдельных областей, каждый обладая неограниченной властью, начнут руководить армиями по областям? Сказал, что согласен, что в случае затяжки дело восстания проиграно, но спросил, возможно ли будет эту затяжку избежать? Платонов или Измайлов, не помню, ответил, что, безусловно, возможно.

Спросил, как будет поступлено с гражданским населением, получил в ответ, что в зависимости от характера нейтралитета гражданского населения во время борьбы. Сказал, что в случае удачи восстания и целесообразного, без увлечений и без действий очертя голову, при

¹ В подлиннике союз и вписан Тарле вместо зачеркнутого но без особой отметки.

² В подлиннике слова но значение может иметь очень крупное вписаны Тарле без особой отметки.

использовании этой победы, это был бы грандиозный исторический факт. Сказал, что в этих планах много неясного, напр[имер], то иностранная армия предполагается вблизи, то о ней вовсе ничего не говорится; то предполагается борьба на улицах столицы и самая столица делится на секторы, то ничего этого нет. Красная армия эвакуируется, и потом нужно обороняться от ее нападения извне.

Сказал, что во время похода Юденича Троцкий заявил, что даже если белые войдут в город, то им придется отдельно брать каждый дом: не случится ли то же и во время этого будущего восстания? Платонов ответил, что и тогда Троцкий ошибался, и теперь тоже этого не будет. Спросил еще, достаточно ли явится добровольцев-участников? Ответил, что достаточно. Я помню, еще согласился с мыслью, кажется, Измайлова, что всякая затяжка дела кончится поражением для восстания, что в кратчайший срок все должно решиться. Измайлов заявил, <между прочим> что они «научно» разрабатывают эти планы и еще что-то в этом же роде.

Я сказал, между прочим, что в провинции могут опять появиться «зеленые», т. е. противники как коммунистов, так и этих добровольцев. Когда Платонов сказал, что без обстоятельств внешних, вполне гарантирующих успех, никогда и не начнется восстание, я выразил надежду, что так оно и будет.

3. По вопросу о народн[ом] просвещении. Мои заявления и замечания сводились к следующему: в университетах, кроме Ленинградского, преподавание обстоит очень плохо, в ЛГУ кое-где (на естественном и на ямфаке*) терпимо, на прочих факультетах тоже очень плохо. Главная беда не студенчество, оно кое в чем хуже, кое в чем лучше прежнего, а в преподавательском составе. У коммунистической партии нет достаточно много людей такого образования и талантов, чтобы она позволила из них вербовать профессоров. Она таких своих первостепенных людей определяет на правящие посты и пр[очее], а в профессора дает тех, которые ей самой не так нужны. Я привел пример, как у меня работал один молодой коммунист, человек исключительных способностей, которого я мечтал оставить при Университете (и он сам хотел быть ученым), я его считал будущим светилом нау-

* Ямфак — факультет языка и материальной культуры. (Примечание составителя).

ки¹, и в один прекрасный день партия его куда-то откомандировала, и он для науки был кончен, больше я его и не видал.

Вследствие этого преподавательский состав слаб, неподготовлен, и высшей школе грозит большой подрыв. Говорил о несправедливости отказа в приеме в ВУЗы по признаку происхождения, и я помню, что решительно порицая этот декрет, я прибавил, что даже и он не так вредоносен, как безразборчивость в выборе университетских преподавателей. Говорил еще о голодании студентов и что один, читавший у меня в семинарии доклад, потом в разговоре со мной почувствовал себя дурно и объяснил, что 1½ дня ничего не ел и не пил даже чаю, квартирные же условия таковы, что живут чуть ли не на головах друг у друга. < . . . >². Помню еще, что я возмущался, что студенческая «Правда» ничего об этом никогда не пишет.

Говорил, что уничтожение ученых степеней — гибельная мера, так как прежде хоть одну книгу за всю жизнь человек обязан был написать, а теперь — ничего не пишут, а занимают кафедры — и почему-то на Украине удержались ученые степени, а у нас уничтожены.

О средней школе, которую мало знаю, высказывался мало. Помню, сказал, что <вероятно> и там преподавательский состав очень плох. Другие присутствовавшие об этом говорили подробно.

О школах в деревне сказал, что пока деревня в бедности, не поверю, чтобы там могли процветать школы, ликвидация безграмотности и пр[очее].

Относительно выборов в Академию коммунистов сказал, что с строго научной точки зрения должны, безусловно, пройти: Рязанов, Покровский, Деборин. Что касается Лукина и Фриче, то они, с этой точки зрения — не могут претендовать на избрание, но вопрос о них ставится иначе: не явится ли их избрание наименьшим из зол, угрожающих Академии? Когда Лукин, Фриче и Деборин провалились, я не понимал, зачем ехать в Совнарком просить о перебаллотировке, когда это мог сделать сам Президиум, с гораздо большим достоинством. (Но и я поехал в Совнарком, повинувшись решению Президиума, я был председателем социально-экономической выборной комиссии.)

¹ В подлиннике слова я его считал будущим светилом науки вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике три строки вымараны Тарле без особой отметки.

Кампанией прессы против Академии я возмущался, находя, что это подрывает ее престиж <в населении> в глазах¹ общественности, а также за границей. Очень отрицательно отзывался о насильственной украинизации (о которой рассказывал Бузескул), об изгнании русского языка и т. д. Очень резко высказывался по поводу придирчивости цензуры, сказал раз, что она теперь, в 1927, хуже, чем была в эпоху гражданской войны, что она абсолютно произвольно действует, что она требует даже в чисто теоретических вопросах полного совпадения с официальными взглядами, причем самые эти взгляды меняются: точка зрения Бухарина была официальной, а через год стала недопустимой и подлежащей искоренению. Об этом я говорил несколько раз.

4. При разговорах о будущем строе я высказывал по разным поводам следующее: Собрание нар[одных] представителей собирается, как только совершится переворот. Оно должно решить вопрос о форме правления. Правительство должно быть ответственным перед народн[ыми] представителями.

Аграрная программа должна быть уже налицо в момент начала восстановления, потому что это первый вопрос для всякого красноармейца, добровольца и пр[очих] (я привел в виде доказательства вопрос часового вечером 17 октября 1905 г., когда я, выйдя из Университета, сказал ему о манифесте, он спросил: а насчет земли как? Я сказал, что в манифесте нет. Он перестал и слушать. Привел и телефонограмму Родзянко Рузскому 1 марта 1917 г., что армия неожиданно обратилась в мужиков, требующих землю). Долги следует признать как царские, так и советские, но с оговоркой о невозможности в предвидимом будущем начать их уплату. Необходима широчайшая автономия для областей. Одобрял предложенное кем-то образование сельсоветов, с выборами от всего населения данной деревни, и даже считал, что именно они должны каждый для своей территории разрешить аграрные дела, установить границы собственности и т. д. Больше всего меня интересовал университет. Я высказался за широчайшую его доступность для всех желающих и сдавших вступительный экзамен при самом университете, за бесплатность обучения, за ученые степени, обязательные для профессора, за трехлетний курс. Говорил как-то о том, что в первые годы необходимо было бы объявить понижение таможенных пошлин для удешевления товаров. Заводы и фабрики — не выпускать по воз-

¹ В подлиннике слова в глазах вписаны Тарле вместо зачеркнутого в населении без особой отметки.

возможности из рук государства и заинтересовать рабочих известным процентом с прибыли, кроме зарплаты (в духе Форда). Еще сказал (уж не помню, по какому поводу) о необходимости колоссального займа на немедленную постройку домов в городах.

К пункту 3-му вспомнил по поводу вопроса о домах, что я сказал однажды (у Платонова), что хотя соввласть издала декрет (1928 г.)¹, облегчающий частным лицам постройку домов и даже дающий им большие льготы, но, наверное, будет мало желающих, потому что не поверят. Вводя НЭП, Ленин сказал формулу: всерьез и надолго, а пока он жил, это и было всерьез, а потом сразу начались репрессии, через год или два после его смерти. И теперь декрету о домах, <могут> наверное², не поверят, хотя декрет дает такие льготы по налогам этим новым домовладельцам, что нигде в Европе таких льгот сейчас нет, и все-таки, наверное, строить будут очень мало или совсем ничего не построят. А между тем в Москве негде жить. Говорил также о профессиональных союзах, что они превратились в чиновников и в органы власти над рабочими, вместо того, чтобы отстаивать рабочие интересы; что раз государство — хозяин, то не оно должно распоряжаться в профессион[альных] союзах, а рабочие; что Цыперович сам боролся против бюрократизации³ проф[ессиональных] союзов и за это, очевидно, устранен с <прежней> должности.

Говорил о произволе отдела иностранной цензуры, по 2–3 месяца задерживающей чисто научные книги, не имеющие ни малейшего касательства к политике, не пропускающей библиографического, совершенно аполитического еженедельника «Nouvelles littéraires» и т. п., причем никакие просьбы и жалобы не помогают. Сказал, что чиновников в СССР в сто раз больше, чем было прежде, и все-таки почти никто из них ничего не делает, а сокращения идут по признаку политических убеждений или происхождения, но не по признаку полной бесполезности самой должности. Говорил, что в 1927 г. отказался быть выбранным от Центрархива в Ленинградсовет (мне официально это предложила завед[ующая] Раева), потому что там все равно не дадут сказать правды, если она расходится с официальным воззрением.

¹ В подлиннике дата (1928 г.) вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово наверное вписано вместо зачеркнутого могут без особой отметки.

³ В копии вместо бюрократизации напечатано бюрократизма.

Кто были военные около Платонова? Бородин, Пузинский, Ю. Соколов, Измайлов, А. А. Петров — их (Платоновых) родственник, б[ывший] флотский офицер — фамилии не знаю. Но Измайлов сохранил отношения с офицерством своего полка и имел знакомых военных в Москве. Он говорил о старых специалистах, оставшихся в военной московской Академии. Была довольно большая офицерская группа, приглашенная на архивную службу Платоновым в те времена, когда он был заместителем заведующего Главархивом. Его правителем канцелярии был Горбунов (приват-доцент Университета) — и они определили на службу как Пузинского, так и целую группу офицеров, которых лично знали (тогда же в архив попал Репников, вдова Щегловитова — Мар[ия] Федор[овна] Щегловитова, кн[язь] Голицын и др[угие], полк[овник] Плетнев, Путилов и др[угие]), <потом все> они ушли, когда ушел Платонов, но житейских связей с Платоновым не утрачивали. Из военных, служивших тогда с Платоновым, вспоминаю еще Баженина. В те времена служили в Архиве и знали личный его состав: Б. А. Романов, С. Н. Валк, Шилов, Ал[ександр] Игн[атьевич] Андреев, они даже жаловались часто, что Платонов набирает людей, никакого понятия об архивном деле не имеющих, лишь бы пристроить своего человека. Связи с ними продолжались и после ухода Платонова и ухода их всех из Архива. Платонов о них хлопотал, старался их устроить. Кто-то из б[ывших] офицеров попал таким путем и в Акад[емическую] Библиотеку. <Кроме> О Белавенце (полк[овнике]) я уже упоминал.

Е. Тарле

31/V – 30 г.

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В., дата 31/V–30 г. и слова Допросил Стромин почерком Стромин; в начале документа красным карандашом проставлена дата 31/V почерком неустановленного лица; подписи — автографы. Т. 2. Л. 309–317 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 318–327.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

4 июня 1930 г.

Платонов имел в виду использовать ориенталистов В. М. Алексеева, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Ф. И. Щербатского, Владимирцова для борьбы против влияния Ассоциации востоковедения¹ в Москве. Эта Ассоциация рассматривалась названными ленинградскими учеными как простое бюро пропаганды Коминтерна², лишенное научного значения, и они охотно пошли навстречу Платонову, поведшему кампанию против одного из деятелей Ассоциации востоковедения, редактора журнала «Новый Восток» Ильи Ник[олаевича] Бороздина.³ В Ленинграде при Академии возник журнал «Восток», который должен был стать противовесом журналу Ассоциации востоковедения «Новый Восток». В противовес же самой Ассоциации было открыто Общество востоковедов, куда вошли, кроме поименованных выше ориенталистов — еще Ольденбург и др[угие]. Как и в прочих случаях, Ольденбург играл тут весьма двойственную роль, он подстрекал в Ленинграде этих востоковедов к борьбе, а сам, бывая в Москве, являлся с неизменным визитом к Бороздину, к Мих[аилу] Павловичу и др[угим] и всячески уверял их в полнейшем к ним сочувствии. По мере того, как Платонов забирал Президиум Академии наук в свои руки, у него первоначальная мысль расширялась. Оплотом⁴ антисоветского востоковедения должны были стать следующие учреждения⁵: 1) Музей этнографии и антропологии, куда и был посажен директором Карский, не имеющий абсолютно ничего общего ни с этнографией, ни с антропологией (как известно, он лингвист, специалист по белорусскому языку), 2) Азиатский музей — тут главой является Алексеев, 3) Кабинет индологии — директор Щербатской, 4) редакция журнала «Записки востоковедов» — куда входят все эти лица. Эти учреждения и повели свою

¹ В копии слова Платонов имел в виду использовать ориенталистов . . . для борьбы против влияния Ассоциации востоковедения *подчеркнуты красным карандашом.*

² В копии начало данного и предыдущее предложения *отчеркнуты красным карандашом.*

³ В копии данное предложение *подчеркнуто красным карандашом.*

⁴ В копии вместо Оплотом *напечатано* Опытном.

⁵ В копии слова Опытном антисоветского востоковедения должны были стать следующие учреждения *подчеркнуты красным карандашом.*

особую линию. Два года тому назад дело дошло до демонстрации в международном масштабе¹, когда Алексеев, Щербатской, Владимирцов² и Ольденбург, приглашенные на съезд ориенталистов в Оксфорд, отказались ехать, мотивируя это перед Академией, в заседании гуманитарного отделения, в моем присутствии, тем, что из Москвы посылает Наркомпрос, по предложению Ассоциации востоковедения — Преображенского и других коммунистов, которые могут получить на Западе авторитет, если рядом с ними будут в русской делегации ученые с именами³. А поэтому необходим отказ от поездки. Так и было поступлено. Платонов, Лихачев <и . . .>⁴ очень стояли за этот отказ.⁵ Русская делегация была этим сорвана.⁶ Среди членов организации были даже разговоры (Платонов, Богословский) о том, что наши востоковеды должны <больше> противодействовать пропаганде Коминтерна как в Китае, где мог бы действовать Алексеев, или в Монголии, где мог бы быть полезен Владимирцов, знающий прекрасно монгольские наречия, так и в Индии, где мог бы действовать Щербатской. Замечу, что лично мне Васильев говорил, <будто> что Щербатской, будучи несколько лет тому назад за границей, писал в Индию на каком-то из местных языков о том, что в России — голод хуже, чем когда-либо бывавший в Индии. <Но> Это была не прокламация, а письмо к частному лицу. В 1926 году Алексеев и Владимирцов отправились в Монголию и Китай. Приехав, Алексеев прочел на квартире у Щербатского доклад о своей поездке. Он отметил в высшей степени плачевное положение Монголии, приписав это влиянию соввласти, которое является там решающим. Говорил о наблюдениях своих над революционным движением в Китае, которое возбуждало в нем отвращение и убеждение, что всей

¹ В копии это и предыдущее предложения подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

² В подлиннике фамилия Владимирцов вписана Тарле без особой отметки.

³ В копии слова в Оксфорд, отказались ехать, мотивируя это перед Академией, в заседании гуманитарного отделения, в моем присутствии, тем, что из Москвы посылает Наркомпрос, по предложению Ассоциации востоковедения — Преображенского и других коммунистов, которые могут получить на Западе авторитет, если рядом с ними будут в русской делегации ученые с именами подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В подлиннике рукой Тарле вымарана одна фамилия без особой отметки.

⁵ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁶ В копии это и четыре предыдущих предложения отчеркнуты красным карандашом.

цивилизации Китая грозит опасность быть сметенным «варварством». Говорил и о встречах своих и разговорах (он свободно говорит по-китайски). Разговоры были резко контрреволюционного характера, он в этом отношении абсолютно непоколебим. Разжигание революции в Китае он приписывает почти исключительно Коминтерну. Очень большое влияние на бурят, на население Монголии и пограничных областей СССР имеет Владимирцов, не только потому, что он хорошо владеет этими наречиями, но и вследствие того, что он буддист (или ламаист, я наверное не знаю), и это обстоятельство — он принял эту религию не так давно — необыкновенно подняло там его авторитет. Убеждения его — вроде Алексеева, но он гораздо более сдержан. Что касается Бартольда, то он выступил в Лондоне, где прочел большой платный курс в Азиатском Корол[евском] обществе (Asiatic Society) по истории Туркестана, в чем он считается авторитетом. <Но> Его идея относительно Туркестана сводится к тому, что сейчас нужно предоставить Туркестан самому себе, не пытаясь его переделать на коммунистический лад. Он указывал также на полное отсутствие в прошлом и настоящем Туркестана каких-либо оснований к введению там коммунистического строя. Он получил за этот курс 50 фунтов стерлингов от Азиатского Королевского общества. Платон[овская] организация была против избрания Тан-Богораза в члены-корреспонденты. Перед выборами Лихачев и Платонов сказали мне, что выступит и будет говорить по этому вопросу Бартольд. Бартольд, действительно, потребовал слова и сказал, что поведение Тана-Богораза в университете является настолько < . . . >¹ «вредным для науки» (его слова)², а также сам Тан-Богораз настолько малосведущим лицом, что он недостоин быть избранным. Тан-Богораз был провален. Инициатором провала был Платонов.³ Следует отметить, что хотя перед выборами было вполне уже ясно, что Богораз провалится — Ольденбург не снял его кандидатуру, а когда произошел провал, Ольденбург принял это с видимым удовольствием — так, что это бросилось в глаза, и присутствующие получили твердую уверенность, что Ольденбург, играя роль друга Тан-Богораза, на самом деле вел его на скандальный провал.

¹ *Неразборчиво.*

² *В подлиннике вместо вымаранных четырех слов почерком Тарле вписано «вредным для науки» (его слова) без особой отметки.*

³ *В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.*

Имея, безусловно, влияние на Бартольда, Алексеева, Владимирцова, Крачковского — Платонов имел меньше влияния на Щербатского, что особенно сказалось, когда Платонов, с трудом проводя в Академию Жебелева, натолкнулся на серьезнейшее открытое противодействие со стороны Щербатского. Их сблизило общее их отрицательное отношение к Марру, которого Платонов не любит за политическую его позицию, а Щербатской за яфетическую теорию, которую Щербатской называет сплошным вздором, недостойным серьезного отношения. Но и политическую позицию Марра Щербатской расценивает как лицемерие и удавшийся обман. В общем, настроение ленинградских востоковедов было настолько оппозиционным, что еще в 1926 г., еще до моего сближения с организацией Платонова, там говорились такие слова, что восточный сектор Коминтерна может, в случае надобности, быть разоблачен перед туземцами и в Индии, и в Китае, и в Монголии, и в Средней Азии такими лицами, которые говорят и на дальневосточных, и на среднеазиатских языках, и которые могут сноситься с туземцами, писать для них и т. д.¹ Имелись в виду Бартольд, Щербатской, Алексеев, Владимирцов, ученик Щербатского < . . . >² Тубянский, ныне эмигрировавший³, и сотрудники журнала «Записки Общества востоковедов» (и члены этого Общества — почти исключительно ученики названных академиков).⁴

По мере того, как развивались события в Индии, Афганистане и Китае, — группа востоковедов привлекала к себе все больше и больше влияния со стороны платоновской организации. < . . . >⁵. Когда пришло известие о низвержении Амануллы, то Платонов⁶ повторял слова Алексеева, что Аманулла заплатил своим престолом за путешествие в Ленинград и Москву. Когда у Платонова говорили о международной ассоциации борьбы⁷ с коммунизмом, то Платонов выразил мысль, что наши востоковеды могут вести и эту работу лучше, чем кто-либо. В

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

² Неразборчиво.

³ В подлиннике вместо фамилии, вымаранной Тарле, его почерком вписано Тубянский, ныне эмигрировавший без особой отметки.

⁴ В копии это и предыдущее предложения отчеркнуты красным карандашом.

⁵ В подлиннике рукой Тарле вымарано две строки без особой отметки.

⁶ В подлиннике слова Амануллы, то Платонов вписаны Тарле без особой отметки.

⁷ В копии вместо борьбы напечатано и борьбе.

связи с этим поминалось имя эмигранта Елисеева, ученика и друга¹ Ольденбурга, с которым Ольденбург встречался во время поездок своих в Париж и который ныне служит в японском посольстве в Париже. Он специалист по китайскому и японскому языкам, с ним виделся также Алексеев. Елисеев состоит в японском посольстве как эксперт по русским делам.

<...>² Елисеев (китаист и японист), Минорский (специалист по Персии), Миронов (Н. М.), специалист по Индии, ведут работу каждый в своей области против влияний Коминтерна в колониальных странах. Направление деятельности ленинградских востоковедов — охрана старой восточной культуры и религии от разрушений со стороны революции. Они связываются с изучением религии и всего, что с ней соприкасается. Елисеев, ученик Ольденбурга, является соединительным звеном между парижскими (русскими)³ и ленинградскими востоковедами.

Музей этнографии, Азиатский Музей и <Кабинет> Институт⁴ индологии в квартире Щербатского должны были стать оплотом этого направления востоковедения. Недавно решено было в Академии приобрести на крупную сумму священных монгольских и тибетских рукописей и книг. Это должно способствовать упрочению данного направления и сделать эти музеи центром притяжения для приезжающих учиться монголов, которые и явятся у себя защитниками культурно-религиозной старины. Платонов, Карский открыто, Ольденбург, как всегда, с оглядкой⁵ поддерживали это течение в востоковедении.

Последняя (1928 г.) большая книга Щербатского, вышедшая в Париже, о религиях в Индии, труды Алексеева по религии в Китае, Владимирцова по монгольским религиозным верованиям являются фактическими проявлениями этого направления. Их ученики занимаются почти исключительно такими же темами. Мнение Алексеева таково: религиозное влияния на Востоке — главное идейное оружие против коминтерновской пропаганды. Это же мнение в тех же выражениях я

¹ В подлиннике слова и друга вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике рукой Тарле вымарана одна фамилия без особой отметки.

³ В подлиннике слово (русскими) вписано Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике вместо зачеркнутого Кабинет вписано Тарле Институт без особой отметки. В копии вместо Институт напечатано Генетики.

⁵ В подлиннике вместо вымаранных рукой Тарле двух слов его почерком вписано как всегда, с оглядкой без особой отметки.

лично слышал от Платонова еще года четыре тому назад. Надежды Платонова на антикоминтерновскую деятельность организации определенно базировались на названных востоковедах.¹ Из них ближе всего к нему были: Алексеев, Крачковский, Щербатской, несколько дальше Бартольд.

<Следует отметить, что среди парижских эмигрантов есть убежденные, что как Елисеев (китаист и японист), так и Минорский (специалист по Персии) и Миронов (специалист по Индии) ведут каждый в своей области работу борьбы с влиянием Коминтерна за счет японского и английского правительств. Все трое — в Париже.>

На краеведение и экскурсии, с ним связанные, Платонов, Богословский, Рождественский смотрели как на одно из средств к воскрешению национального духа, в исчезновении которого они видели причину всех зол. Сам Платонов съездил на Мурман и собирался вообще стать близко к изучению Севера. Но главным проводником этой идеи стала школа Гревса во главе с самим Гревсом.

У Гревса этот интерес еще усиливался интересом религиозно-церковным, потому что без нового подъема религиозности он не представлял себе и подъема национального чувства. Анциферов, ученик Гревса, был представителем того взгляда, что экскурсии должны зарожать любовь к культурной старине и старому быту. Следует отметить, что эта школа неохотно принимала в учреждения Бюро краеведения лиц, которые к ней не принадлежали. Так, Софья М[ихайловна] Данини, несмотря на прекрасную подготовку и желание добросовестно работать, никогда не могла там устроиться на постоянные занятия, тогда как ученики и ученицы Гревса получили места быстро и беспрепятственно.

Богословский говорил мне², что с первых же лет существования Бюро краеведения экскурсии вглубь провинции бывали используемы для завязывания сношений с оппозиционными элементами на местах

¹ В копии это и два предыдущих предложения подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

² В копии вместо Богословский напечатано Баньковский. Слова Баньковский говорил подчеркнуты синим карандашом с пометой на полях Получить показания Баньковского С.

для наведения справок о тех или иных местных событиях и условиях¹. Через участников этих экскурсий особенно много узнавалось о церковных делах, выступлениях Союза безбожников, борьбе с ними, об обстоятельствах изъятия церковных ценностей, о враждебности части деревни к коммунистам, о размерах террора против селькоров и т. п. И сам я тоже слышал из уст Платонова, Лихачева и др[угих] ссылки на рассказы и впечатления Гревса и других ездивших в эти экскурсии.²

1. Карский — член организации³. Связывал организацию с славянскими странами, в частности с Польшей, польской Белоруссией и польской Украиной, участвовал в праздновании за границей Дня русской культуры, был принят Масариком⁴. По возвращении участвовал в агитации, которую вела организация, рассказывая о процветании украинцев, находящихся под польским владычеством, о великолепно обработанной земле, общем благосостоянии и разные другие <чудеса> вещи⁵ в таком же стиле.²

2. Алексеев⁶. Как в Ленинграде, так и в Париже давал сведения о Монголии, погибающей вследствие введенной там соввласти⁷. Читал реферат у Щербатского⁸ о Монголии и о своем путешествии в Китай, где оказывал, что китайская революция всецело поджигается Коминтерном и соввластью. Его идея была сделать журнал «Восток» проти-

¹ В копии слова бывали используемы для завязывания сношений с оппозиционными элементами на местах для наведения справок о тех или иных местных событиях и условиях *подчеркнуты красным карандашом.*

² В копии абзац *отчеркнут красным карандашом.*

³ В подлиннике слова член организации *вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки.*

⁴ В подлиннике слова был принят Масариком *вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки. В копии это и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.*

⁵ В подлиннике слово вещи *вписано Тарле зелеными чернилами вместо зачеркнутого чудеса без особой отметки.*

⁶ В подлиннике абзац об Алексееве написан дважды: л. 332 (отсутствуют три последних предложения; абзац перечеркнут теми же чернилами, что и текст показаний Тарле) и л. 335 (с пометой вставить вместо зачеркнутого на 7-й странице). Копия сделана с л. 335.

⁷ В копии данное предложение *подчеркнуто красным карандашом.*

⁸ В копии после фамилии Щербатского *напечатана дата (в 1927 г.), отсутствующая в подлиннике.*

вовесом всем сов[етским] восточным журналам, Азиатский Музей —¹ противовесом <Институтом> Ассоциации востоковедения. Отказался в 1928 г. ехать на конгресс ориенталистов в Англию вследствие команды-звонка Преображенского². Профессор Коллеж де Франс Ренар говорил мне со слов Алексеева, который два года назад читал курс в Коллеж де Франс, что Алексей в Китае уверял знакомых ему китайцев, что введение коммунист[ического] строя разорит Китай, так же как оно разорило Россию. Я слышал еще, что Алексей и Щербатской в свое время укрывали от выдачи одной из восточных республик СССР драгоценные книги и вещи, которые должны были быть выданы из академических музеев. Мне это сказал проф[ессор] Фармаковский, который сослался на проф[ессора] Богаевского.³

3. Ферсман. Должен был организовать инженерно-техническую группу в организации и стал во главе ее⁴. Проводил вместе с Платоновым в Президиуме Академии работу в смысле платоновских целей и заданий. Продал в Германию указание местоположения найденной одной из академических⁵ экспедиций руды. По мысли Платонова, он должен был стать звеном между организацией и инженерами-техниками, химиками и т. д.⁶ И стал таковым.⁷

¹ В копии вместо *тире* напечатано *сделать*.

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле синими чернилами без особой отметки. В копии вместо слов *команды-звонка Преображенского* напечатано *командировки туда из Москвы коммуниста Преображенского*.

³ В подлиннике три заключительных предложения данного абзаца отсутствуют. В копии фрагмент текста, начиная со слов *Алексеев в Китае уверял* и до конца абзаца отчеркнут красным карандашом.

⁴ В подлиннике слова *и стал во главе ее* вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки. В копии предложение подчеркнуто красным карандашом с пометой *не должен был, а организовал и руководил*. Необходима точность и сознание в этом. СР.

⁵ В копии слово *академических* пропущено.

⁶ В копии слова *должен был стать звеном между организацией и инженерами-техниками, химиками и т. д.* подчеркнуты красным карандашом.

⁷ В копии предложение подчеркнуто красным карандашом дважды; оно и указанный в предыдущей сноске фрагмент предыдущего предложения отчеркнуты красным карандашом.

4. Бузескул. Доставлял сведения Платонову об Украине, общем положении вещей там¹, а также о положении университетского и высшего научного преподавания. Решительный противник украинизации. Смотрел на университетскую реформу на Украине как на полную гибель университетской науки, имел большое влияние в Харькове.

5. Любавский был членом московской группы, принимая участие в делах организации, бывал у Платонова на собраниях. Участвовал в Неделе русских историков в Берлине, где принял участие и в банкете, данном немцами ему, Егорову, Платонову. Человек крайне правых убеждений, б[ывший] ректор времен Кассо, наиболее близкий человек Платонову.

6. Егоров Дм[итрий] Н[иколаевич]. Был в московской группе. Имел кружок, работавший по исторической библиографии при общей антимарксистской тенденции. Участвовал в Неделе русских историков в Берлине, где от имени русской делегации произнес речь за данным делегации обедом. Очень сблизился с Платоновым в последние годы, когда Платонов останавливался у него всегда при приездах своих в Москву (а Егоров и Любавский останавливались у Платонова). Имел большие связи в Германии, приглашался в германское посольство. Перед организацией Недели русских историков с немецкой стороны было обращение именно к нему. В Исследоват[ельском] институте истории в Москве был представителем антимарксистской оппозиции. Выдвигался кандидатом в Академию наук в 1930 г. в качестве конкурента Волгина.

7. Измайлов стоял во главе военной группы организации. Составлял планы восстания, захвата Ленинграда, вообще военных выступлений, организовывал и выяснял кадры будущих участников военных выступлений, подготовлял пропаганду в Кр[асной] армии, стремился к овладению и использованию в целях организации разных сведений военного характера.²

8. Сперанский. Московский член платоновской организации, представлял собой правое крыло моск[овской] группы. < . . >³

¹ В копии слова *Доставлял сведения Платонову об Украине, общем положении вещей там* подчеркнуты синим карандашом.

² В копии абзац подчеркнут и отчеркнут красным карандашом.

³ В подлиннике одно слово вымарано Тарле без особой отметки.

9. < . . >¹ Богословский. Принимал участие в беседах и обсуждениях разных вопросов у Платонова, был членом московской группы, стоял во главе духовно-церковного кружка в Москве. Стоял за обращение к обществен[ому] мнению Европы по поводу сноса исторических церквей, изъятия церковных ценностей и др<угих> вопросов².

10. А. И. Андреев. Принимал участие в хранении подлежащих выдаче Центрархиву документов. Принимал участие в обсуждениях разных вопросов у Платонова. Был членом кружка Лаппо-Данилевского. Покинул Центрархив, когда оттуда ушел Платонов. Исполнитель воли Платонова и в Центрархиве и в Археографич[еской] комиссии Академии. Имел конфликт с месткомом из-за невыдачи жалования несправедливо уволенной Платоновым из Археогр[афической] комиссии Вишняковой.

11. Шебунин. Работал в средней школе. Был руководителем кружка из воспитанников средней школы. Был членом кружка молодых историков³.

11а. Вернадский — ближе всего с Гревсом. Антидарвинист. Будучи в Париже, получал на прожитие средства от Розенталя, известного ювелира и благотворителя. Председатель Комиссии по истории знаний, которой дал идеалистическое антимарксистское направление. Близкий друг Милюкова.⁴

12. Заозерский. Руководитель особого кружка историков, с направлением воинствующе-антимарксистским и отчасти евразийства. Приверженец идеи создания крепких кадров молодого поколения антисоветской интеллигенции.⁵

13. Гирс. Был доверенным лицом Платонова по делам, касавшимся Академии матер[иальной] культуры, и вообще пользовался большим расположением Платонова. На него Платонов рассчитывал в смысле

¹ В подлиннике одно слово вымарано Тарле без особой отметки.

² В копии слова московской группы, стоял во главе духовно-церковного кружка в Москве и последующее предложение подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии весь абзац подчеркнут темнозеленым карандашом.

⁴ В подлиннике абзац о Вернадском вписан Тарле теми же синими чернилами, что и основной текст на свободном месте между пунктами 11 и 12 без особой отметки.

⁵ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

саботирования действий Госфонда в случае желаниа Госфонда изъять для продажи вещи из Акад[емии] матер[иальной] культуры.

14. Приселков. Был сторонником¹ борьбы против выдачи Госфондом для продажи картин и музейных ценностей. Около него группировались некоторые лица (в том числе авторы статей сборника, изданного года два назад Русским музеем), но что именно, мне неизвестно. Друг Карсавина, сторонник как национального, так и православного возрождения. Около него группировался кружок, с которым он работал и который возглавлял².

15. Васенко. Член организации³, получал материальную помощь от Платонова. Был в Библиотеке Академии орудием Платонова и его осведомителем о людях и настроениях Библиотеки. Человек очень правого и старого церковного направления.

16. Б. А. Романов. В качестве ученика Платонова он был под его сильным влиянием, и Платонов высказал ему однажды укоризну, заметив, что тот мало стал бывать у него. Романов под влиянием Платонова и против своих первоначальных намерений занял в 1927 г. в Университете антикоммунистическую позицию в факультетских делах и должен был уйти из Университета. В Центрархиве служил, считаясь в своих действиях с мнениями Платонова.

17. Бутенко. Платонов рассчитывал на него, Чернова, Любомирова как на членов саратовской группы организации, но Бутенко покинул Саратовский университет и переселился в Ленинград. < . . . >⁴ Из Саратова был принужден уйти вследствие антимарксистского уклона.

<17а. А. А. Петров. Очень церковный национальный человек. Общее направление антисоветское.>⁵

¹ В копии слова Приселков. Был сторонником *подчеркнуты синим карандашом.*

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле синими чернилами без особой отметки. В копии оно подчеркнuto красным карандашом, а весь абзац отчеркнут красным и синим карандашами.

³ В подлиннике слова Член организации вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно предложение синими чернилами без особой отметки.

⁵ В подлиннике данный абзац вписан и вымаран рукой Тарле зелеными чернилами без особой отметки. В копии этот абзац отсутствует.

18. Гревс. Сблизился с Платоновым в последние годы. Он руководитель кружка, идеалистического и религиозного направления. Это направление вносил всюду, даже в экскурсионную работу, которую превращал иногда в работу по изучению церковной старины. Работал в Бюро краеведения, тенденции его работы там вызывали протесты со стороны Замысловской и др[угих] с точки зрения их антисоветского характера. Читал проповеди с церковного амвона в 1920–1921 гг. (в рясе).

19. Раевский. 20. Гельмерсен. 21. Коврайский. 22. Халтурин. Можно <лишь> сказать, что они являлись в своей служебной работе в Академии наук орудиями Платонова и Ферсмана. Но подробнее сказать не могу вследствие полнейшей своей неосведомленности о деталях и всей механике работы академического Президиума.

23. И. И. Толстой, <Успе> Жебелев и Малеин организовали так назыв[аемый] греческий кружок в Университете, объединивший человек 30 участников¹. Целью было — поддержание изучения классических языков в Ленинграде. Кружок был легален и собирался в Университете. Успенский, близко стоявший к этому кружку, говорил мне, что он недоволен проникновением политики в деятельность этого кружка, разговорами политического антисоветского содержания, которые там иногда ведутся, и ждал даже закрытия кружка. Но он обвинял больше всего Жебелева. И. И. Толстой протестовал против ареста А. Болдырева перед Универс[итетом].

Что Васильев, Ростовцев, Лапшин, Маклаков, Браун² — члены платоновской организации, мне стало известно в Париже, во-первых, от Шамонина, во-вторых, от Васильева (который сказал, что он и Ростовцев теперь близки с Платоновым). Сам Платонов говорил о Васильеве и Брауне и своих свиданиях с ними тоже так, что не оставалось сомнений, что он их считает примыкающими к организации. Он вел переговоры с Васильевым о постановке кандидатуры Васильева в члены Академии наук, гарантируя ему успех. Но Васильев отказался, предпочтя остаться в Мадисонском университете в Америке.

Платонов говорил о своем свидании в Германии с одним «очень, очень, очень» высокопоставленным лицом из бывшей династии. Он не

¹ В копии вместо числа 30 напечатано число 300.

² В подлиннике фамилия Браун вписана почерком Тарле синими чернилами без особой отметки.

назвал Андрея Владимировича, но было ясно, о ком говорил, потому что упомянул об отношениях ученика и учителя. Как я уже сказал в прошлых показаниях, это свидание, организованное Гетчем, — так вышло из слов Платонова, едва ли обошлось без участия Фрейтага фон Лоринговена, который является очень близким лицом и к Отто Гетчу вследствие партийной близости, и к разным великим князьям и т. п. членам б[ывшей] династии. Он играет деятельную роль во всех монархических интригах как германских, так и русских. Он — б[ывший] профессор Юрьевского университета и близок к русской правой профессуре. С ним хорош друг Платонова и член платоновской организации Браун.

Кроме Гетча, Брауна, Ионаса, Шмидт-Отта, у Платонова в Германии есть еще отношения с Фасмером, проф[ессором] Берлинск[ого] университета, монархистом и националистом того же типа, что и Гетч.

Теория, развивавшаяся и Платоновым, и Измайловым, и Рождественским по разным поводам и в разных выражениях, сводилась к тому, что музеи, книгохранилища, лаборатории, институты должны быть охраняемы от покушений со стороны совласти, причем допустимы военные хитрости, припрятыванье, незарегистрированье, умышленная потеря каталогов и инвентарей и т. п., даже иногда теория эта переходила в практику. < . . . >¹ На почве этой же удобной теории создалась атмосфера, в которой и стало возможно дело с академическими документами или дело Садикова, скрывшего почти на год найденную им в Центральном архиве неизданную рукопись Пушкина.

На этой почве каждый, признающий подобную теорию, становился <возможным> очень вероятным² в будущем вредителем, и рассуждение о том, что нельзя совласти дать возможность продать ту или иную музейную ценность, незаметно проводило к другой мысли: совласти нельзя, а вот <мне> ее врагу можно, если деньги отдать на борьбу с ней. <Вот почему я наперед признаю> Была³ полн<ую>ая возможность, что из музеев, из лабораторий, из институтов могли пропадать (и пропадали) иной раз те или иные ценности. Во всяком случае, пока

¹ В подлиннике рукой Тарле синими чернилами вымарано одно предложение

² В подлиннике вместо зачеркнутого *возможным* почерком Тарле вписано *очень вероятным* синими чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике слово *Была* вписано почерком Тарле вместо вымаранного. Вот почему я наперед признаю *зелеными чернилами* без особой отметки.

психология расчета на скорое исчезновение соввласти, тесно связанная с психологией саботажа, еще не всеми изжита, опасность для всех, принадлежащих государству ценностей, остается в полной силе. Между тем, Платонов особенно стремился к сосредоточению в своих руках подобных учреждений, он умудрился в одно и то же время быть: 1) директором Академич[еской] Библиотеки, 2) <дир> председателем Археографич[еской] комиссии, 3) директором Пушкинского Дома, 4) председателем Общества любителей древней письменности, а там, где уж никак нельзя было взять на себя еще и пятую главную роль, <там> он имел своих людей, своих осведомителей, своих исполнителей и последователей. Все эти возможные злоупотребления, все опасности этой теории для государственных ценностей были налицо, но говорить об этом виновные не торопятся. <. . .>¹ <зато> Слышал еще² и такое соображение из уст Рождественского еще в те времена, когда с ним разговаривал (речь шла о польской комиссии в Публичной биб[лиоте]ке), «не беда, если лишняя книга и попадет в Варшаву или Краков, там хоть можно будет ею пользоваться, а здесь могут не допустить до чтения».

(В особенно угрожаемом положении находится, напр[имер], Музей этнографии, при директоре Карском и таких трех хранителях, как оба Мерварта и Корвин-Круковская.) Замечу, что для французского издания своей книги о «Борисе Годунове» Платонов посылал в Париж какие-то гравюры или рисунки. Книга вышла в свет в Париже в 1929 г., но я ее не видел и не могу сказать наверное, что именно там напечатано, и что за рисунки, и откуда были им посланы для этого издания.

Е. Тарле³

К № 1. О Карском. Ряд славянских ученых, отрицательно относящихся к соввласти, были по представлению Карского, Ляпунова, Лаврова, Платонова проведены в члены-корреспонденты Академии наук, что вызвало за границей сенсацию. Платонов в стремлении связаться со славянскими странами больше всего рассчитывал на Карского.

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано два предложения: первое зелеными, а второе синими чернилами.

² В подлиннике слово еще вписано Тарле синими чернилами без особой отметки.

³ В подлиннике подпись Тарле и позднейшие исправления текста сделаны зелеными чернилами без особой отметки.

Соединительным звеном между Карским и славянскими учеными был проф[ессор] Францев в Праге и Спекторский в Белграде. Францев, б[ывший] проф[ессор] Варшавского университета в те времена, когда там ректором был Карский, ныне один из вождей монархической русской партии в Чехословакии.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин¹

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 4.VI.30 г. и слова Допросил Стромин почерком Стромин; подписи — автографы. Т. 2. Л. 328–337.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 338–344.

61

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

7 июня 1930 г.

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

я должен сделать некоторые добавления к своим показаниям, и прошу Вас вызвать меня.

С почтением Е. Тарле

7/VI

На обороте: Тов[арищу] Стромину. Секретно-оперативное управление ГПУ.

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 163 и об.

Копия; машинопись; Т. 7. Л. Г.

¹ В подлиннике подпись Стромин выполнена простым карандашом.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

[7 июня 1930 г.]

Уважаемый тов[ариц] Стромин,

я в с п о м н и л ¹ (и записал) один факт к вопросу, о котором Вы мне напомнили сегодня. Очень прошу Вас вызвать меня сегодня вечером, когда Вы здесь будете.

С почтением Е. Тарле

Суббота 5 ч. дня.

На обороте: Тов[арищу] Стромину

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию документа № 61. (7 июня 1930 г. — суббота). Т. 7. Л. 167 и об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. Д.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

[8 июня 1930 г.]

Глубокоуважаемый тов[ариц] Стромин,²

я только что внимательно прочел ту часть протокола, которую получил, — и по существу, подтверждаю все, что там написано. Но неужели исключать ряд фактов, если нет для них (в памяти у меня) точной ссылки?³ Послезавтра Василий Архипович меня об этом всем еще раз спросит, и я ему хочу написать уточненным образом. Но я — в жестокое недоумении и очень прошу Вас вызвать меня завтра, без разрешения некоторых моих сомнений я буквально не знаю, как мне писать⁴.

¹ В подлиннике слово *вспомнил* подчеркнуто Тарле двойной чертой.

² В копии фамилия Стромин подчеркнута синим карандашом.

³ В подлиннике предложение подчеркнуто красным карандашом. В копии предложение подчеркнуто розовым карандашом.

⁴ В копии слова *я буквально не знаю, как мне писать* подчеркнуты шариковой ручкой.

Неужели пропускать факты?¹ Я у Вас отниму несколько минут, но для меня страшно важно было бы поговорить с Вами об этом. Не откажите! Я думаю, что Вы еще вернетесь сегодня, — и не успел поэтому просить Вас дать мне свидание с женой.

Уважающий Вас Е. Тарле²

Воскресенье.

на обороте: Тов[аришу] Стромину. В Секр[етно-]опер[ативный] отдел ГПУ.

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию документов №№ 61 и 62. (8 июня 1930 г. — воскресенье). Т. 7. Л. 165–166 об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. Г.

64

Собственноручные показания Е. В. Тарле

10 июня 1930 г.

В Париже Платонов жил у Краевичей, где и виделся с монархистами и вел с ними различные переговоры; у некоторых (у Коковцова)³ он был и сам на дому. Он был в Париже дважды в 1926 и 1928 гг. В каждый из этих его двух приездов я по два раза посетил его у Краевичей, и он в 1926 г. один раз, а в 1928 г. два раза приезжал из Ванва в город и виделся со мной. Сам он не держал меня в курсе того, что делал и с кем и о чем говорил. Даже о Коковцове сообщил отрывочно. Но Н. С. Краевич, Шамонин, сестра Краевича (точно не помню имени, кажется, Елена Константиновна, живущая с ними), Васильев говорили мне о содержании бесед, которые он вел. Вот что я могу вспомнить:

1. С Монархическим советом через посредство⁴ Шамонин<ым>а у Платонова речь шла о возможностях приездов тех или иных эмигран-

¹ В подлиннике предложение подчеркнуто красным карандашом.

² В копии слова Уважающий Вас Е. Тарле подчеркнуты синим карандашом.

³ В подлиннике слова (у Коковцова) вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова с Монархическим советом через посредство вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

тов в СССР, о том, где и как им можно было бы останавливаться, как оформить и легализовать¹ их пребывание. Что касается целей, то обоими собеседниками они формулировались так: для всех целей борьбы против совласти независимо от того, с помощью ли платоновской организации или без ее помощи; т. е. Платонов обещал помощь в деле приезда и устройства независимо от того, зачем приедут. Имелось в виду, что в первую очередь цели поездок будут осведомительные, с продолжительным пребыванием и основательным изучением положения как в столицах, так и на местах. Узнав об этом соглашении от Платонова, Измайлов высказал при мне удовлетворение, что раз нельзя ездить из СССР за границу (вследствие затруднений с получением заграничных паспортов), то все-таки сношения с эмигрантами не прервутся, и они будут ездить сюда. Он, между прочим, очень восхищался тем, как ловко проникли в Ленинград террористы, устроившие взрыв в Деловом клубе.

2. Краевич вел уже после отъезда Платонова начатые Платоновым в 1928 г. переговоры с газетой Гукасова «Возрождение». Эти переговоры велись Платоновым с представителями редакции газеты «Возрождение» Семеновым и бароном Нольде. Речь шла о систематическом доставлении сведений для печати, сведений о положении в СССР. Эти сведения по заявлению Платонова должны были пересылаться не непосредственно, а через Германию, с которой у Платонова были налажены лучше сношения и можно было пользоваться дипломатической германской² почтой. И тут же обе переговаривающиеся стороны условились, что далеко не все предназначалось для печати (из общей массы сведений, которые предполагалось посылать), часть их должна была быть строго конспиративного характера и предназначалась для деятелей монархической партии, с которыми Платонов был в сношениях: для Коковцова, Маклакова, Зворыкина-Невструева, Шамолина, Лохвицкого, бар[она] Нольде, кн[язя] Гедройца.³

3. Нольде обратился к Платонову с заявлением, что в первую очередь крайне желательны сведения о фактической связи, которая существует между агитацией Коминтерна и советской властью в виду того, что советская власть формально отрицает эту связь, благодаря чему имеет возможность поддерживать дипломатические отношения с дер-

¹ В копии вместо легализировать напечатано легализовать.

² В копии слово германской отсутствует.

³ В копии абзац отчеркнут красным карандашом.

жавами и содержит в Париже и других столицах свои полпредства. С этим же обратился к Платонову и Шамонин. Оба разговора были в 1928 г. Оба указывали на колоссальную важность с антисоветской точки зрения получить документальные доказательства этой связи Коминтерна с сов[етским] правительством. Платонов обещал сделать все зависящее для этого, использовать свои отношения с ленинградским отделом Наркоминдела, расспросить Пергамента, несколько лет прослужившего в Наркоминделе (в Китае).

Через несколько месяцев после этих двух разговоров в газете «Возрождение» появились две заметки, а в 1929 г. еще 3 заметки (в августе, сентябре, октябре — 1929) именно на эту тему. Автором одной из них был (подписан) С. С. Ольденбург, другие были не подписаны, а две из них являлись отдельными абзацами передовых статей. Содержание их несколько варьировалось, но все они устремлялись к одному выводу: к установлению связи между Коминтерном и соввластью. В одной говорилось, что из Москвы были посланы военные инструкции в Марокко для помощи повстанцам против французов и что это было сделано военным комиссариатом по требованию Коминтерна; в другой указывалось, что Литвинов отпустил на агитацию в Китае весной 1928 г. 4 миллиона долларов в валюте; в третьей, читанной мной уже в 1929 г., говорилось, что ответственные лица Коминтерна получают громадные гонорары по смете Наркоминдела, в четвертой указывалось, что Ротштейн официально состоит в Наркоминделе¹ для сношений с Коминтерном и что Флоринский — его помощник в этой должности. Не помню точно содержания остальных. Но цель их была вполне определенной. С. С. Ольденбург тоже спрашивал Платонова о Коминтерне и его связи с соввластью.²

4. По просьбе Мельгунова, готовящего новое издание своей книги о терроре, кн[язь] Гедройц обратился в 1928 г.³ к Шамонину и к Краевичу, чтобы они спросили у Платонова сведений о размерах репрессий в СССР, о количестве казней и т. п. Платонов ответил Краевичу, что волна репрессий быстро растет, что происходит много расстрелов,

¹ В копии текст пункта 3 от начала абзаца до слов в Наркоминделе подчеркнут красным карандашом.

² В копии оба абзаца пункта 3 отчеркнуты красным карандашом.

³ В подлиннике дата в 1928 г. вписана Тарле синими чернилами без особой отметки.

о которых ничего не сообщается. Он обещал присылать все, что узнает и об этом.¹

5. Как Платонов, так и Рождественский в присутствии Васенко, в моем присутствии, в присутствии Измайлова осенью 1928 г. говорили на квартире у Платонова о необходимости протестовать не против казни Сакко и Ванцетти, но против казни кн[язя] Долгорукова, и что очень хорошо было бы провести параллель между этими событиями и указать, что соввласть не имеет права протестовать против казни Сакко и Ванцетти, раз она сама расстреляла Долгорукова. Платонов и Рождественский говорили, что нужно об этом написать воззвание, сообщить его некоторым членам² — Союзу писателей, Обществу имени Чехова, Черткову и Александре Львовне Толстой в Москве, Об[щест]ву политкаторжан, как в Москве, так и отделению этого Общества в Ленинграде, и не только сообщить им это, но даже сообщая с ними выработать текст его и распространить, либо размножив на гектографе, либо напечатать за границей³. Из политкаторжан Платонов имел в виду привлечь: Швецова, Прибылева, Морозова. Из Союза писателей Лихачев хотел привлечь Анну Ахматову. Из Об[щест]ва Чехова — Александра Мефодьевича Редько и Варвару Александровну Мякотину⁴.

6. Сестра Краевича, живущая у них в Ванве, сообщила мне, что Ассоциация «молодых рыцарей» выделила группу, которая готовит себя к активной контрреволюционной деятельности⁵, что сын Краевичей еще пока в этой группе не состоит (за молодостью), но вступит в нее по окончании курса в лицее, где теперь кончает; что отец его Борис Константинович Краевич посвящен во все тайны этой Ассоциации и, в частности, этой новой группы. Члены группы намерены, устроив себе так или иначе паспорт, поселиться в пределах СССР для активной политической работы против соввласти. Елена Констант[иновна] Краевич прибавила, что Платонов сказал, что влияния его и его друзей (она так

¹ В копии два последних предложения подчеркнуты, а весь абзац отчеркнут красным карандашом.

² В копии слова некоторым членам вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки

³ В копии текст начиная со слов о необходимости протестовать до слов за границей подчеркнут красным карандашом.

⁴ В копии весь абзац отчеркнут красным карандашом.

⁵ В копии слова «молодых рыцарей» выделила группу, которая готовит себя к активной контрреволюционной деятельности подчеркнуты красным карандашом.

выразилась) хватит, чтобы помочь им приехать и устроиться. Она же мне сказала, что есть у них все данные рассчитывать — приезжать с законным французским паспортом, выданным французу (из числа сочувствующих целям группы), и что Платонов обещает найти надежное пристанище¹.

7. Платонов имел в виду воспользоваться новым декретом, по которому члены Академии наук имеют право пересылать за границу ежемесячно в валюте до 100 р. в книжные магазины Европы в уплату за выписываемые ими книги. Краевичи и их близкие должны были подыскать магазин, который мог бы фиктивно получать эти суммы, давая надлежащие оправдательные на эти суммы документы. Эти деньги должны были идти: 1) на поддержку семьи Краевичей, 2) на нужды и цели, которые укажет Платонов.²

Уже зимой в начале³ 1929 г. у Платонова известная сумма в Париже в распоряжении имелась (находилась у Краевичей)⁴. Когда я в марте 1929 г. уезжал в Стокгольм, то Платонов меня просил написать из Стокгольма в Париж Надежде Серг[еевне] Краевич, чтобы она взяла из его денег на лечение заболевшей сестры Краевича и чтобы она же обратилась от его, Платонова, имени к графу Коковцову с просьбой, чтобы он, Коковцов, похлопотал перед французскими властями об устройстве заболевшей в одной из хороших больниц (казенных). О Коковцове по этому поводу он сказал лично мне, прощаясь перед моим отъездом: «Для меня (т. е. для него, Платонова) Коковцов все делает».⁵

8. Васильев сообщил мне, что организационный комитет «Дня русской культуры» решил систематически приобщать к этому празднеству представителей русской науки, которые идейно близки к устроителям этого Дня. Так, был приглашен Карский в Праге, должен был быть

¹ В копии слова Платонов обещает найти надежное пристанище подчеркнуты красным карандашом.

² В копии текст начиная со слов магазин, который мог бы до фамилии Платонов подчеркнут красным карандашом. Весь абзац отчеркнут красным карандашом.

³ В подлиннике слова в начале вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова (находилась у Краевичей) вписаны Тарле зелеными чернилами без особой отметки.

⁵ В копии абзац отчеркнут красным карандашом.

приглашен Платонов (в Берлин), Сакулин (в Прагу), Любавский, Лавров (академик), Щерба (Лев Влад[имирович], славист-филолог, профессор ЛГУ), М. Н. Розанов (академик), Сперанский (академик). Так как самый День русской культуры является, если не по существу, то по форме, со стороны официальной программы, чествованием памяти Пушкина, то организаторы, по словам Васильева, предусматривали установление связи между собой и представителями Пушкинского Дома, Платоновым и Измайловым. Организаторы Дня русской культуры И. И. Лаппо, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский — в Праге, Л. П. Карсавин, Ф. В. Тарановский, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский — в Белграде, М. И. Ростовцев, П. Сорокин, А. А. Васильев — в Соединенных Штатах, П. Милюков, Бунин, Бальмонт, Гиппиус — в Париже. Измайлов вошел с этим комитетом в связь через посредство Гофмана, по уверению самого Гофмана, еще¹ в 1927 г.

9. Когда Богословский был в Париже в 1927 г., то Нольде, узнав, что у него есть много знакомых, служащих в Центрархиве, спросил у него, нет ли у него знакомых в архиве московского ГПУ и в архиве прокурора Республики, и сказал, что у них, монархистов-эмигрантов, на очереди стоит задача: поместить в архив ГПУ или прокурора лицо, которое снимало бы копии с текущих документов и пересылало бы их за границу². Богословский ответил, что эти архивы (ГПУ и прокурора) не входят в общий Центрархив и что он там никого не знает. Этот разговор он передал мне, вернувшись из-за границы, когда я вскоре после того посетил его в Москве. И точь-в-точь то же самое мне лично передал Васильев, говоря (в 1928 г.), что у Платонова спрашивал Коковцов насчет возможности получать копии документов из ГПУ и что Платонов обещал справиться об этом по возвращении.³ К этому примыкает беседа, бывшая у Платонова в 1926 г. или 1927 г. в присутствии Рождественского, Богословского, Измайлова, Васенко, в моем присутствии, Любавского. Разговор зашел о том, что записные книжки Достоевского, попавшие после смерти А. Г. Достоевской в Центрархив, ока-

¹ В копии слово еще отсутствует.

² В копии слова нет ли у него знакомых в архиве московского ГПУ и в архиве прокурора Республики, и сказал, что у них, монархистов-эмигрантов, на очереди стоит задача: поместить в архив ГПУ или прокурора лицо, которое снимало бы копии с текущих документов и пересылало бы их за границу *подчеркнуто красным карандашом*.

³ В копии текст начиная со слов нет ли у него знакомых до слов по возвращении *отчеркнуто красным карандашом одной чертой*.

зались каким-то очень подозрительным образом проданными немецкому издателю и английской газете, где и появились наиболее любопытные факсимиле рукописных заметок и рисунков Достоевского. Платонов, Рождественский, Измайлов были того мнения, что, наверное, те, кому поручена была работа над записными книжками, продали фотографии с них, нелегальным образом позволив сфотографировать. И все трое утверждали, что это позволительно, что документы можно и должно, если есть случай и возможность, снимать или копировать и продавать или передавать за границу¹, что там, по крайней мере, документ не погибнет, а пока он остается в исключительном обладании соввласти, он в опасности. Рождественский при этом еще развивал такую теорию, что если, напр[имер], продать документ из частных архивов, конфискованных во время революции у частных лиц, то следует поделиться с владельцем (у которого был конфискован архив). Все остальные присутствовавшие возражали Платонову, Рождественскому и Измайлову (Любавский, помнится, возражал с точки зрения опасности дела). Платонов и Измайлов спустя некоторое время, с этой, только что указанной своей точки зрения, одобрили поступок Садикова с рукописью Пушкина «Монах», найденной Садиковым, заведовавшим частными архивами, в архиве Горчакова и утаенной от начальства Центрархива на целый год (с умыслом издать ее от себя, без участия Центрархива). Мне лично прив[ат]-доц[ент] Готовцев в Париже говорил, со слов редактора «Архива русской революции» И. В. Гессена, что это издание заручилось обещанием Платонова доставить ему в Берлин копии крайне интересных документов и что он их, безусловно, получит². Готовцев сказал это мне в 1926 г. (или 1925 году, не могу фиксировать точной даты). Я знаю точно, что в бытность заведующим (заместит[елем] завед[ующего]) Центрархива Платонов для себя лично списал некоторые документы.

10. Когда приезжал Аманулла в Ленинград, Платонов, Лихачев, Рождественский были решительно за то, чтобы сорвать прием его в Академии³. Они утверждали, что это будет некоторая демонстрация против соввласти и ее политики. Они даже настаивали на том, что за

¹ В копии текст начиная со слов К этому примыкает беседа до слов передавать за границу *отчеркнут красным карандашом двойной чертой.*

² В подлиннике слова и что он их, безусловно, получит *вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.*

³ В копии слова чтобы сорвать прием его в Академии *подчеркнуты красным карандашом.*

границей неучастие Академии произведет впечатление и т. д. Я лично пошел в назначенный день и час на прием в Академию, застал там: Карпинского, Ольденбурга, Ипатьева, Иоффе, еще человек 10–15 и больше никого. Ольденбург знал об этой агитации, беспокоился по поводу малого числа собравшихся и был крайне счастлив, когда совсем неожиданно, в последнюю минуту, заболела жена Амануиллы, и прием внезапно был отменен.¹ А спустя несколько месяцев, будучи в Париже, я узнал, что в свое время в газете «Возрождение» появилась заметка, где говорилось, что Академия не пожелала чествовать Амануиллу и демонстративно не пришла на прием, назначенный в большом конференц-зале². Так как мы с Платоновым никогда уже об Амануилле не говорили (он узнал, что я пришел в Академию), то я и о заметке этой с ним не говорил, но, безусловно, знаю, что она исходила от него (это мне сказала сестра Краевича и жена его тоже³ определенно).

11. Что касается речи Бенешевича, то она мне запомнилась не только потому, что я ее внимательно выслушал, но и потому, что, по убеждению многих, имела роковые последствия для ни в чем не повинной вдовы акад[емика] Успенского Надежды Эрастовны Успенской. Это было на заседании, посвященном памяти Успенского, осенью 1928 года в малом конференц-зале Академии наук при весьма многочисленной публике. Речь Бенешевича совершенно неожиданно и вполне некстати приняла вид и характер демонстративный. Вот ее главные пункты: 1) Успенский был удручен закрытием Палестинского общества, и открытие вновь его нисколько не утешило, он знал, что есть посторонние тут соображения, ничего общего с наукой не имеющие, боялся «данайцев, приносящих дары», не хотел покрывать собой чужие цели и т. д. Все на эту тему. 2) Успенский со скорбью смотрел на положение науки в последние годы и особенно на положение своей науки, он делал героические усилия, чтобы противостоять враждебному натиску⁴, и то учреждение, которое должно было бы его поддерживать в этих усилиях, на самом деле его оставило без всякой поддержки, склонилось к враждебному лагерю (он имел в виду Академию).

¹ В копии текст от начала абзаца до слов был отменен отчеркнут красным карандашом.

² В копии часть предложения со слов в Париже до слова конференц-зале подчеркнута красным карандашом.

³ В подлиннике слова и жена его тоже вписаны Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁴ В копии вместо натиску напечатано режиму.

3) Постоянно противопоставлялись счастливые годы — несчастным годам, причем несчастными годами оказывались последние десять лет жизни Успенского. 4) С укором говорилось о том, что ему не дали поехать в Константинополь, чтобы вывезти оттуда библиотеку [бывшего] Русского Археологического института, где Успенский был директором с 1894 года по 1914. И, самое главное, были даже не эти определенные пункты речи, но весь ее тон, смысл и вся ее установка. Ф. И. Успенский был (я знал его хорошо) ученый и только ученый; он очень многому был чужд в современности, много не понимал и не одобрял, но никогда он не был воинствующим антисоветским человеком, которым его хотел сделать (и сделал) в своей речи Бенешевич. Достаточно сказать, что журнал «Историк-марксист», орган М. Н. Покровского, посвятил памяти Успенского очень сочувственную статью. Между тем, из речи Бенешевича выходило, что он был каким-то резко настроенным антисоветским оппозиционером. Это произвело на многих слушавших болезненное, очень неприятное впечатление. Последствием этой речи было то, что вдове Успенского, старой, больной < . . >¹ женщине, которая, по единодушному отзыву врачей, будет жить года три, не больше, отказали в той пенсии, которую уже совсем решено было ей дать, и дали крайне ничтожную (кажется, 60 руб[лей] в м[есяц]). Это в Академии приписывали влиянию речи Бенешевича, именно неуместному боевому тону и характеру этой речи.

11.² Мария Сергеевна Платонова была переводчицей (в Париже) для отца, который не говорит по-французски. Сама она, по словам ее сестры Н. С. Краевич, приглашалась на собеседования (их было три) в знакомые Краевичам семьи, где давала характеристику жизни, быта, службы, которую несет интеллигенция в музеях и библиотеках и т. д. Общий дух был оппозиционный, говорилось о невежественности и неподготовленности вновь назначаемых ответственных работников. По словам сестры своей (Краевич), она повезла с собой некоторую русскую литературу в Ленинград, но были ли это книги, или номера газет, или урналы, она не сказала.

О русском окружении и близких друзьях своего племянника Краевича она знала и с некоторыми близко сошлась и проводила много времени, по словам своей сестры.

¹ В подлиннике рукой Тарле синими чернилами вымарано одно слово.

² Так в подлиннике. (Тарле дважды упомянул п. 11).

12. Через С. С. Ольденбурга и бар[она] Нольде Платонов и Краевичи связались со Струве и его газетой «Россия и славянство». Туда должны были даваться Платоновым и теми, кому он должен был послать свой материал, такие части этого материала, которые носят по преимуществу теоретический характер. Струве интересовался идеологией платоновской организации¹. С самим Струве Платонов, насколько мне известно, не виделся, но он виделся как с Нольде, другом и близким сотрудником «России и славянства», так и с Н. Кульманом, главой правой части эмигрантских академических и университетских кругов. Кульман его старый единомышленник еще по Педагогическому институту. Он монархист. В газете Струве уже в 1929 г. были помещены две статьи, безусловно, исходящие от Платонова: я узнал даже его выражения, одна — о крестьянине-собственнике, который переломит и переживет коммунистов; другая о том, что интеллигенция опомнилась от вековых заблуждений и возвращается на национальный путь, к национальному самосознанию и т. п.²

Кроме Коковцова, Маклакова, Лохвицкого, Зворыкина-Невструева и Гедройца, бар[она] Нольде, Кульмана, С. С. Ольденбурга³, Шамонина, Григория Лозинского, < . . . >⁴ Васильева, Платонов встречался с Карсавиным, Фасмером, Брауном и несколькими русскими монархистами в Берлине (он сам мне это сказал и назвал < . . . >⁵ бар[она] Таубе).

Евг. Тарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 10.VI-30 и слова Допросил Стромин и дата почерком Стромин; подписи — автографы. Т. 2. Л. 345-350.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 351-360.

¹ В копии текст от слов связались со Струве до слов организации подчеркнут и отчеркнут красным карандашом.

² В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

³ В подлиннике фамилия С. С. Ольденбурга вписана Тарле синими чернилами без особой отметки.

⁴ В подлиннике рукой Тарле синими чернилами вымарана одна фамилия.

⁵ В подлиннике рукой Тарле синими чернилами вымараны четыре слова.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

12 июня 1930 г.

И. Платонов через посредство Цейхлина получил два раза (в 1927–1928 гг.) литературу из-за границы как русскую (№№ «Возрождения», «Руля», «России и славянства»), так и иностранную (немецкую, №№ «Der Tag») со статьями против соввласти. Оба раза летом; когда я приехал <зимою> в ноябре 1928 г.¹ из-за границы, то только видел немецкие статьи (о выселении немцев из Поволжья, очень враждебные соввласти). Высылал ему это в 1927 г.² Браун. Тогда <. . .> (в 1927 г.)³ в Москву были отвезены все №№ русских газет, в 1928 году летом Цейхлин сам привез на квартиру Платонову пакет с газетами и книжкой Минцлова⁴ (эмигрант[ские] воспоминания). Лично мне Платонов говорил в 1928 г.⁵, что может получать из-за границы все, что угодно. Так как оба раза это получалось летом, когда сам я был в Париже, и меня лично содержание этих присылок не могло интересовать, конечно (так как все это я читал, будучи там), то меня интересовало не содержание этих присылок, а самый факт получения. Платонов <дал мне понять> сказал мне⁶, что из Франции непосредственно он ничего не может получать, а из Германии, что угодно. Я самый вопрос задал потому, что хотел просить его выписать таким путем четыре тома Алданова («9-е термидора», «Заговор», «Св. Елена» и «Чортов мост»), все четыре тома изданы в Париже [. . .]⁷. В Москве номера этих, таким путем полученных, газет были нарасхват, и даже устроилось в помещении Исторического музея, в комнате, где происходят вечером заседания, своего рода дневное дежурство, куда приходили почитать эти газеты. Это дошло до Н. А. Рожкова, который был этим недоволен и

¹ В подлиннике слова в ноябре 1928 г. вписаны Тарле вместо зачеркнутого зимою без особой отметки.

² В подлиннике дата в 1927 г. вписана Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова Тогда (в 1927 г.) вписаны Тарле вместо вымаранных двух слов (неразборчиво) без особой отметки.

⁴ В копии вместо фамилии Минцлова напечатано Микулова.

⁵ В подлиннике дата в 1928 г. вписана Тарле без особой отметки.

⁶ В подлиннике слова сказал мне вписаны Тарле вместо зачеркнутого дал мне понять без особой отметки.

⁷ В подлиннике верхний край листа с фрагментом данного предложения оборван.

прекратил (хотя сам прочел все, что застал). Рожкову было под секретом сообщено Богословским, что газеты получены через Платонова.

II. Будучи в Париже в октябре 1929 года я узнал от Краевичей, что Платонов прислал материал по своему делу о сокрытии документов в Академии. Материал изображал все это дело как инсинуацию и ложное обвинение со стороны соввласти, желающей иметь предлог для гонения на старых ученых. Этот материал был использован в статье Ходасевича об этом деле, напечатанной в ноябре 1929 г. в газете «Возрождение»¹.

(Возвращение Измайловым некот[орых] вещей и рукописей из Пушк[инского] Дома офиц[ерам] Измайл[овского] полка).

III. В 1929 году, когда уже шла в газетах кампания против сокрытия документов в помещениях Академии наук, Платонов мне лично сказал — в мае 1929 г.², что Измайлов успел вернуть небольшую³ часть хранившихся в Пушкинском Доме вещей и переписки — их владельцам, своим однополчанам, и что сделал он это недавно (разговор был весною 1929 г. в здании Академии наук, в кабинете непрямого секретаря). Он прибавил, что отданные вещи и рукописи не были зарегистрированы, так что все будет с формальной стороны в порядке, и что выданные рукописи — семейная, личная переписка офицеров полка. Я сначала было удивился, зачем он мне это рассказывает, когда он мне ничего не говорил, кроме того, что лично ко мне могло иметь отношение, но разгадка последовала тотчас же: Платонов, зная, как ко мне хорошо относятся в Центрархиве, просил меня узнать — подозревают ли в Центрархиве о происшедшей утечке вещей и рукописей или нет. Я помню, <например, . . . как Измайлов> что выразил беспокойство и удивление по поводу этого дела⁴, на что Платонов ответил, что вещи

¹ В подлиннике первый лист, на котором написано начало данного документа, форматом существенно отличается от двух последующих. Между окончанием предыдущего абзаца и началом следующего отсутствует не только смысловая, но и графическая связь; они изолированы друг от друга. В копии данный разрыв не отмечен и текст показаний при перепечатке приобрел вид последовательного изложения.

² В подлиннике дата в мае 1929 г. вписана Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слово небольшую вписано Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова что выразил беспокойство и удивление по поводу этого дела вписаны Тарле вместо зачеркнутого например, (одно слово неразборчиво) как Измайлов без особой отметки.

эти и рукописи были частные, а не госуд[арственная] собственность, были даны на временное хранение Измайлову как частному лицу, по личному знакомству, в качестве личного одолжения. Спустя неделю-две я видел Платонова с Лихачевым и сказал ему (в разговоре о положении Академии)¹, что теперь идет гроза на Академию и что нельзя делать таких вещей, как проделано было в Пушкинском Доме — Платонов посмотрел на меня и <сказал, что . . .> замаял разговор². Я понял, что он не сказал Лихачеву или не хотел, чтобы Лихачев знал, что он мне рассказал о поступке Измайлова. Больше об этом речи не было.

IV. Еще два года с лишком, — 2½³, тому назад Платонов имел в виду, и сказал Богословскому⁴, создать особый комитет, куда вошли бы: Богословский, Измайлов, Рождественский, Лихачев, Анисимов, Приселков, Гирс и какие-то московские два священника, фамилии которых мне Богословский не назвал. Этот комитет должен был содействовать: 1) припрятыванию икон и других церковных драгоценностей, 2) продаже некоторых из них за границу; 3) препятствовать всеми способами действиям Госфонда по продаже этих же предметов, а также картин из музеев, 4) вести соответствующую этим целям агитацию — здесь устную, за границей — печатную. С Гирсом, Анисимовым и Приселковым должен был говорить Платонов, с московскими священниками — Богословский.⁵ После смерти Богословского (который должен был быть чуть ли не главным в этом комитете), главную роль в этом деле стал играть Измайлов⁶, судя по тому, что именно его называли за границей автором статьи-воззвания, появившегося в берлинском «Руле» в 1928 г. и перепечатанного в варшавской «За свободу» (в «Возрождении» появилось <кажется> независимо от «Руля», и Н. С. Краевич прямо говорила об авторстве Измайлова). В этой статье про-

¹ В подлиннике слова (в разговоре о положении Академии) вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова замаял разговор вписаны Тарле вместо зачеркнутого сказал что (три слова неразборчиво) без особой отметки.

³ В подлиннике слова с лишком, — 2½ вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова и сказал Богословскому вписаны Тарле без особой отметки.

⁵ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁶ В копии фрагмент текста от начала абзаца до фамилии Измайлов отчеркнут красным карандашом.

нически говорилось, что провал концессий заставляет соввласть думать о распродаже других ценностей, легче реализуемых: иконах, парчевых материях, картинах классических мастеров из музеев, и вот, мол, общественная совесть должна вникнуть в происходящее расхищение достояния русского народа и т. д. в том же духе. Подобная же статья появилась тоже в «Возрождении» (а, м[ожет] б[ыть], и в «Руле», но я «Руля» не читаю), летом 1929 г., и сопровождалась резчайшими выпадами со стороны Александра Яблоновского, посвятившего ей особый фельетон. Что комитет, о котором выше сказано, не только затевался, но и осуществился, свидетельствует и планомерная борьба против действий Госфондов в музеях и др[угих] хранилищах, и слышанные мною лично слова Измайлова, что «мы» (он не пояснил, кто такие именно) знаем теперь в точности все, что предназначено к продаже, и даже кому хотят продать, и следим за этим. И тогда же (это было зимой 1928 г., после моего почти пятимесячного отсутствия) — он прибавил, и именно в связи с этой борьбой против Госфонда, что летом удалось приютить и выпроводить за границу (он так именно выразился) одного человека, которому удалось бежать накануне ареста и который за границей, в Германии, должен был рассказать о продаже музейных картин и икон, но что о нем нет ни слуха, ни духа, и он, Измайлов, опасается, удалось ли тому благополучно переехать в Финляндию. Фамилии он умышленно, конечно, не назвал, а я, естественно, не спрашивал, поняв лишь из его слов, что тот сам прикосновенен к музеям, старинным вещам, старым иконам и пр[очему]. Ему дали пристанище и деньги. В этом выражалась помощь организации.

Подлинник; рукопись; автограф Тарле; подпись отсутствует. Первый лист форматом отличается от двух последующих. Т. 2. Л. 361–363.

Копия; машинопись; документ озаглавлен «Дополнительные показания Тарле Е. В. от 12 июля 1930 г. и подписан Допросил Стромин. Т. 2. Л. 364–367.»

Собственноручные показания Е. В. Тарле

13 июня 1930 г.

В дополнение и в развитие того, что я в прежних показаниях говорил о переговорах, которые Платонов вел за границей, прибавлю следующее:

В Париже он виделся с Лохвицким на дому у Лохвицкого и с двумя посланными от Лохвицкого б[ывшими] офицерами, полковником Гренфельдом и < . . . >¹ Герсевановым, на дому у Краевичей. Он <п>ознакомил их² с планами восстания, овладения Ленинградом, жел[езной] дор[огой], Москвой, выработанными Измайловым и одобренными военными, которым Измайлов это показывал. Лохвицкий первый (по своей инициативе) поставил вопрос о своей диктатуре, сделав это в такой форме, что если руководящая роль будет отведена человеку, которого лично знает франц[узский] Ген[еральный] штаб, при отъезде из Франции в Ленинград французы, даже не принимая формального участия в интервенции, могут дать на пароход много ценного в смысле вооружения. Он так построил свое заявление, что вышло само собой, что нужен генерал из русских эмигрантов, известных франц[узскому] штабу, а если так, то, само собой, таким генералом должен был быть именно он. Этот последний вывод сделал уже сам Платонов, который и предложил это Лохвицкому. Лохвицкий тотчас же согласился. Как в переговорах с Платоновым, так и в дополнительных беседах с Краевичем, говорившим по поручению Платонова (уже после отъезда Платонова), со стороны Лохвицкого были поставлены вопросы, условия и требования. Он, между прочим, так и сказал Краевичу, что, так как его, Лохвицкого, участие очень многое дает, то он имеет право ставить условия. Дает же это участие такую ценность, как, во-первых, французское оружие, на первых же порах, и он прибавил, что оно лучше немецкого, потому что немцы дадут старое, новых типов у них самих мало, а во-вторых, французы снарядят пароход и дадут полную возможность набрать большой офицерский эмигрантский отряд. Всего этого не будет, если он, Лохвицкий, не будет во главе. Условия же, которые он ставил, сводились, насколько я помню из

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

² В подлиннике слово их вписано Тарле без особой отметки.

слов Краевича, к следующему: 1) Ни в каком случае не называть, начиная восстание, определенное имя (т. е. ни Кирилла, ни Андрея, никого вообще), как он мотивировал это требование, я уже теперь не помню, помню самый факт. Далее: 2) Предоставить ему, Лохвицкому, назначение как первого министра, так и всего правительства вообще, не стесняя его никакими ранее придуманными комбинациями. Он, между прочим, по словам Гренфельда, сказанным Краевичу, требовал введения в состав правительства Бернацкого, Нольде¹ и Карташева. 3) Возможности и права перед отъездом своим из Франции в Россию заключить заем во французской валюте, заем небольших размеров для уплаты жалования своему офицерскому отряду, который с ним поедет, на обеспечение их семей, которые останутся пока за границей, и на другие расходы. 4) Подчинение его власти не только всех вооруженных сил восстания и территории, которую он займет, но и всех в это время сношений с иностранными державами. Подробнейший план этих сношений <должен> был <принять> выработан бароном Нольде, которого деятельное участие в правительстве² ставилось Лохвицким как неперемное условие. Об этом плане Лохвицкий <. . .>³ сообщил Платонову, что Нольде совершит тогда же, в самом начале поездки в Англию, Италию, Румынию, Польшу, к лимитрофам, в Финляндию (конечно, прежде всего объединившись с французским правительством), и издаст (т. е. подготовит к изданию) особый манифест от имени восставших, в котором будут даны заверения о вступлении в Лигу Наций, о подписании пакта Келлога, о принципиальном признании как царских, так и советских долгов⁴. Я запомнил, что Краевич (Над[ежда] Серг[еевна]) сказала, что Нольде предлагал в этом же манифесте к иностр[анным] державам упомянуть и о широкой амнистии коммунистам, но что Серг[ей] Фед[орович] воспротивился.⁵ Ей (Над[ежде] Сергеевне) это казалось последствием влияния на Платонова со сторо-

¹ В подлиннике фамилия Нольде вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова в правительстве вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

⁴ В копии слова в котором будут даны заверения о вступлении в Лигу Наций, о подписании пакта Келлога, о принципиальном признании как царских, так и советских долгов подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии слова предлагал в этом же манифесте к иностр[анным] державам упомянуть и о широкой амнистии коммунистам, но что Серг[ей] Фед[орович] воспротивился подчеркнуты красным карандашом. Это и предыдущее предложение отчеркнуты красным карандашом.

ны Измайлова¹. Нольде мотивировал желательность пункта об амнистии необходимостью облегчить положение французского правительства при объяснениях в Палате и в прессе по поводу помощи, которую оно окажет восстанию. Нольде настаивал, что если дела восстания пойдут плохо, необходимо будет согласиться на вступление поляков в Украину, с чем Платонов и согласился, сказав, что это лишь в крайнем случае. Лохвицкий еще ставил условием, чтобы и немецкие войска, которые будут участвовать в деле², подчинились ему, т. е. не принимали бы с момента его прибытия никаких движений иначе, как по его требованию: он ставит цель, а оперативные детали — это уже дело немецкого начальства. Во время этих переговоров был и такой инцидент: Платонов — по поводу вышеупомянутого небольшого займа, о котором говорил Лохвицкий, сказал, что он считает, что это правильно, но тут все зависит от того, удастся ли Коковцову сразу получить заем, хотя бы небольшой. А на это было отвечено, что без участия в деле³ его, Лохвицкого, Коковцов затруднится даже начинать переговоры с французами о займе. Лозунг Лохвицкий выставлял такой: амнистия за старое, но беспощадная борьба с сопротивляющимися и беспощадная с ними расправа. Герсеванов говорил Краевичу, что Лохвицкий говорил в Монархич[еском] совете о своем предполагаемом участии в восстании и получил санкцию, но что во имя конспирации он говорил лишь в самых общих выражениях⁴. Лохвицкий просил, чтобы Измайлов сообщил, на какие численные б[ывшие] офицерские кадры можно в первое время рассчитывать в Ленинграде и Москве. Измайлову он предназначал роль коменданта Ленинграда⁵. В Украину он предполагал — Игоря Кистяковского в качестве правителя с чрезвычайными полномочиями⁶. В 1929 г. мне Краевичи сообщили, что Измайлов переслал два рапорта Лохвицкому, из которых первый был подробным

¹ В копии слова последствием влияния на Платонова со стороны Измайлова подчеркнуты красным карандашом.

² В копии фрагмент текста от слов об амнистии до слов будут участвовать подчеркнут красным карандашом.

³ В подлиннике слова участия в деле вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В копии слова Лохвицкий говорил в Монархич[еском] совете о своем предполагаемом участии в восстании и получил санкцию, но что во имя конспирации он говорил лишь в самых общих выражениях подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁶ В копии слова он предполагал — Игоря Кистяковского в качестве правителя с чрезвычайными полномочиями подчеркнуты красным карандашом.

развитием того, что уже говорил Платонов о плане восстания устно, а второй был посвящен разным техническим вопросам, из которых больше всего Краевич говорила, а я потом запомнил — об аэропланах¹. Измайлов считал, что сов[етская] авиация очень слаба, и полагал, что аэропланы с опытными летчиками могли бы сыграть решающую роль при овладении узловыми пунктами, железн[ой] дорог[ой] и т. п. Первый рапорт был в конце 1928 г., второй — весной 1929 г. Оба поступили к Краевичу из Берлина, — и были им переданы Лохвицкому², который сказал Краевичу, что у него есть еще корреспондент на Кавказе³ и что он будет просить Платонова, чтобы тот разрешил этому кавказскому корреспонденту присылать материал в Ленинград, Платонову, чтобы уже Платонов, пользуясь безопасными сношениями с Берлином, пересылал и этот кавказский материал вместе со своим через Берлин в Париж⁴. Краевич сказал, что первый рапорт Измайлова был «целая тетрадь», а второй совсем⁵ небольшой. В первом он упоминал о военных авторитетах, с которыми совещался, но не называл фамилий, боясь все же случайностей⁶ на почте или нескромности Лохвицкого⁷. Личное мнение Краевича, что планы Измайлова очень были фантастичны и основывались на предположении полного бездействия красноармейских частей. Он удивлялся, что военные специалисты могли это одобрить. Во втором рапорте говорилось, что в Ленинграде и Москве можно рассчитывать вполне твердо и надежно на 300 бывш[их] офицеров, и что если он, Измайлов, узнает цифры, касающиеся других больших городов, то сейчас же даст знать. К первому рапорту были

¹ В копии слова Краевичи сообщили, что Измайлов переслал два рапорта Лохвицкому, из которых первый был подробным развитием того, что уже говорил Платонов о плане восстания устно, а второй был посвящен разным техническим вопросам, из которых больше всего Краевич говорила, а я потом запомнил — об аэропланах *подчеркнуты красным карандашом.*

² В копии фрагмент текста от слов без участия в деле его, Лохвицкого и до слов были им переданы Лохвицкому *отчеркнут красным карандашом.*

³ В копии слова на Кавказе *подчеркнуты синим карандашом.*

⁴ В копии слова чтобы уже Платонов, пользуясь безопасными сношениями с Берлином, пересылал и этот кавказский материал вместе со своим через Берлин в Париж *подчеркнуты синим карандашом.*

⁵ В подлиннике слово совсем *вписано Тарле без особой отметки.*

⁶ В копии фрагмент текста от слов на Кавказе и до слов боясь все же случайностей *отчеркнут синим карандашом.*

⁷ В копии это и предыдущее предложения *подчеркнуты красным карандашом.*

приложены топографические, сделанные чернилами, карты некоторых пунктов Ленинграда (вокзалов, площади Урицкого, кот[орую] Краевич назвал «Дворцовой площадью»), а также окрестностей Ленинграда. Тетрадка переписана на машинке, второй рапорт — от руки, чернилами¹. Еще факт, о котором я не упомянул в прошлых показаниях: Лохвицкий был выдвинут как неперемное условие Коковцовым с первых же его разговоров с Платоновым еще в 1926 году.

В первом рапорте (в «тетради», как выражался Краевич) были еще разные характеристики Красной армии, отдельных ее частей. Краевич говорил, что нового он там для себя нашел мало, и что ясно, что настоящего осведомления о Красной армии у Измайлова нет. Измайлов писал, что при усмирении деревень соввласть боится посылать красноармейцев, а шлет отряды (или части) особого назначения и дает большие награды за участие в таких экспедициях². Когда Краевич отдал это Лохвицкому, то спустя некоторое время Гренфельд сказал Краевичу, что Лохвицкий <дал> передал³ Платонову при отъезде Платонова из Парижа «целый вопросный лист», но что рапорты Измайлова не содержат ответа на очень многие вопросы этого вопросного листа, и прежде всего нет ответа на вопрос: «сколько пулеметов и пулеметных рот в Красной армии». Измайлов писал, что он для этих рапортов делал специальные справки в Ленинграде и в Москве, и обещал впредь делать.

Кроме Лохвицкого, Платонов вел переговоры с Коковцовым. Коковцов с самого начала сказал ему, что он, Коковцов, член Монархического совета и как таковой может участвовать в платоновском деле лишь с разрешения Монархического совета. Он расспрашивал Платонова о Внешторге, о действительном положении народного хозяйства в СССР, о курсе (реальном) червонца, Платонов рассказал ему об организации, о крестьянских (антисоветских) настроениях в деревне, об агитации, о сношениях с немцами. Платонов не сказал мне, но от Краевичей я узнал, что Коковцов с сомнением отнесся к надеждам на нем-

¹ В подлиннике слова второй рапорт — от руки, чернилами вписаны Тарле без особой отметки. В копии это и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

² В копии фрагмент текста от слов на почте до слов в таких экспедициях отчеркнут красным карандашом.

³ В подлиннике слово передал вписано Тарле вместо зачеркнутого дал без особой отметки.

цев, говоря, что вся власть в Европе сейчас находится в Париже. Сказал, что вопрос о царских долгах должен быть решен непременно положительно, иначе все дело рассеется, как мыльный пузырь. Сказал, что он, Коковцов, при этих условиях взялся бы наладить заем во Франции. Очень интересовался, не может ли случиться так, что переворот удастся в Москве, а Кавказ останется советским или вообще отпадет от России. Это, по его словам, было бы катастрофой, принимая во внимание нефть, без которой заем сократился бы в пять раз, потому что если будут деньги, то только под нефть. Платонов ответил, что Кавказ будет сейчас же после Ленинграда и Москвы обеспечен новым строем, еще раньше Украины. Сказал, что без Лохвицкого в качестве военного вождя он себе не представляет всего этого дела.

Коковцов считал общую политическую ситуацию в Европе неблагоприятной для целей открытой борьбы с соввластью, но сказал, что по мере сил будет содействовать целям и стремлениям платоновской организации. Сказал, что Нольде и Гальперн (бывший управделами временного правительства, ныне эмигрант в Лондоне) совершенно необходимые люди для Платонова вследствие своего значения в зап[адно]европейском дипломатическом и деловом мире. Платонов сказал, что он рассчитывает, что Коковцов станет во главе правительства. Коковцов сказал, что об этом рано думать, и что он может быть полезен, оставаясь в Париже и налаживая займы, в которых будет острая нужда. Спросил, знает ли Платонов что-нибудь новое по истории екатеринбургского дела (расстрела Николая II). Тот ответил, что, кроме книги следователя (Александрова?), не знает ничего. Речь зашла о личном составе будущей администрации, армии и т. д. Коковцов сказал, что эмиграция сохранила душу истинной России. Платонов согласился и сказал, что при перевороте и позже вся эмиграция найдет себе занятия и что без нее не обойтись.

* * *

Из французов, имеющих прямое отношение к франц[узскому] Главному штабу, с Платоновым и Краевичами был в постоянном общении директор Школы восточных языков проф[ессор] Поль Буайе (Paul Boyer). Буайе выпрашивал не только самого Платонова, но и Краевичей в отсутствие уже уехавшего Платонова. Он говорит совершенно свободно по-русски, а так как Платонов не говорит ни на каком другом языке, то из всех французов только один Буайе мог с ним

свободно беседовать. Буайе расспрашивал Платонова об экономическом состоянии СССР и о политическом движении внутри. Платонов экономическое состояние характеризовал как полное разорение, о политическом антисоветском движении сказал, что оно растет. Буайе спрашивал потом Краевича, что рассказывал Серг[ей] Федор[ович] о немецких оружейных заводах (концессионных) в пределах СССР, а так как Краевич знал, что <он> Буайе¹ в бытность Платонова в Париже спрашивал уже его об этом, то было ясно, что он таким способом проверяет правдивость слов Платонова. Платонов между прочим спросил Буайе, скоро ли Франция разорвет дипломатичес[еские] сношения с СССР, а на это Буайе ответил, что это дело трудное, но что в случае уличения сов[етской] пропаганды в колониях Франции, прежде всего в Марокко, Тунисе, Алжире, Индокитае, разрыв дипломатичес[еских] отношений состоится в 24 часа. Платонов ни Краевичам, ни мне не рассказывал о всем содержании своих разговоров с Буайе, но он выспрашивал и Краевичей очень основательно. Они были ему обязаны за помещение (бесплатное) их сына в лицей, где тот теперь кончает курс.

* * *

Из прозрачных намеков Платонова о свидании с «очень, очень» высокопоставленным лицом и из прямых слов Н. С. Краевич, которой Платонов об этом рассказывал, вот что я могу сказать о его свидании с Андреем Владимировичем. Оно произошло в Берлине (или, вернее, в Вильмерсдорфе, западном предместье Берлина) на квартире очень богатой родственницы Отто Гетча — Мюскау, я потому запомнил фамилию, что когда Краевич мне ее назвала, я сейчас же спросил: может быть, Пюклер-Мюскау (потому что Пюклер-Мюскау очень известный и старинный дворянский род в Германии, теперь еще существующий), но Краевич не знала, а просто повторила Мюскау. Это было днем², был Гетч, хозяйка дома, Мордвинов и еще немец, которого фамилию сам Платонов забыл, рассказывая дочери. Разговор был не общий, а отдельно у Андрея Владимировича с Платоновым. Сначала они вспоминали старое, потом Платонов сказал ему о группировке вокруг

¹ В подлиннике фамилия Буайе вписана Тарле вместо зачеркнутого он без особой отметки.

² В копии текст с начала абзаца до слова днем отчеркнут красным карандашом.

него, Платонова, которая надеется дожить до восстановления¹ монархии и думает о нем как о наследнике ее.

Тот уже раньше об этом знал. Сказал, что лицо не играет роли, что это решится потому, что важно победить советскую власть. Он спросил о нескольких общих их знакомых² (о М. Ф. Щегловитовой)³ у Платонова, тот ответил. Он сказал Платонову, что жалеет, что у него нет денег, чтобы помочь организации и чтобы передать часть денег в Россию для личной помощи тем из прежних его друзей, которые сейчас остались без средств. Спросил Платонова, есть ли в России монархические чувства. Тот ответил, что есть, но что нет никакой возможности их обнаружить. Платонов его спросил, видел ли он изданный Центрархивом свой «Дневник» и нет ли фальсификаций. Андрей ответил, что фальсификации нет, но есть пропуски. Сказал, что жадность кн[ягини] Палей погубила Павла Александровича (ее мужа), так как она не хотела бежать и бросить свой дворец в Ц[арском]⁴ Селе, а медлила до последней крайности, пока уже не оказалось поздно. Спросил, правда ли, что кое-где в СССР служатся панихиды по Николае и его детям? Платонов ответил, что он слышал об этом. В заключение сказал, что будет узнавать от Гетча новости о Платонове, и чтобы Платонов через Гетча с ним сносился, когда понадобится. Свидание это продолжалось часа полтора. Андрей Владимирович и Мордвинов уехали первыми, Гетч и Платонов вскоре после них.

Пришедший⁵ с полк[овником] Гренфелем к Краевичу Зворыкин-Невструев, член Монархического совета в июне 1929 г.⁶ сказал, что у них была речь о том, чтобы Платонов считался тоже в этом Совете, но решили, что это для него опасно, и что самая организация может быть этим очень стеснена в своих действиях; что, кроме того, вопрос о форме правления ставится этой организацией в зависимость от воли Народного Собрания, а не выставляется как неперменный лозунг. Они же

¹ В копии вместо восстановления напечатано восстания.

² В копии текст от слов Оно произошло в Берлине до слов их знакомых подчеркнут красным карандашом.

³ В подлиннике слова (о М. Ф. Щегловитовой) вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В копии вместо в Ц[арском] Селе напечатано в Детском Селе.

⁵ В копии вместо пришедши напечатано пришедший.

⁶ В подлиннике дата в июне 1929 г. вписана Тарле без особой отметки.

оба¹ сказали, что так как на него, Краевича, смотрят как на представителя Платонова, уполномоченного говорить от его имени, то они (Монархич[еский] совет) хотели бы знать, чем объясняется, что ни Платонов, ни Измайлов ничего не отвечают на ряд вопросов, им поставленных Лохвицким год тому назад. Краевич сказал о двух рапортах Измайлова, но Зворыкин и Гренфельд² опять подтвердили³, что там ответов на поставленные вопросы нет. Потом они разговорились, и вот что Зворыкин, между прочим, сказал: что пароход с оружием и офицерским (эмигрантским) отрядом и ген[ералом] Лохвицким может быть зафрахтован, снаряжен и отправлен очень быстро из Шербурга, и что не в этом может быть задержка, а в Кронштадте, так как по планам Измайлова выходит, что по овладении Ленинградом флот и Кронштадт сами передадутся новой власти, тогда как это вовсе не доказано, напротив, можно ждать нападения именно на этот пароход⁴. А думать о том, чтобы французы его еще эскортировали⁵ военными судами, не приходится. Об этом речи быть не может, уж и то хорошо будет, что позволят снарядить частный пароход в Шербуре.⁶ Немецкий же флот ничтожен, и советский может с ним справиться. Что при таких условиях нужно думать о высадке в Финляндии и о приходе сухим путем к Ленинграду. Они оба сказали Краевичу, что если бы когда-нибудь все это случилось, то Лохвицкий отдаст⁷ командование армией своим офицерам, которых он лично знает, и что Измайлов с этим вполне согласен, что Измайлов даже спрашивал об этом своих товарищей военных, и они всецело с этим согласны тоже⁸. Отсюда Краевич заключил, что

¹ В подлиннике слово оба вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова и Гренфельд вписаны Тарле без особой отметки.

³ В копии этот и предыдущий абзац подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии слова так как по планам Измайлова выходит, что по овладении Ленинградом флот и Кронштадт сами передадутся новой власти, тогда как это вовсе не доказано, напротив, можно ждать нападения именно на этот пароход подчеркнуты синим карандашом.

⁵ В копии вместо эскортировали напечатано экспортировали.

⁶ В копии слова уж и то хорошо будет, что позволят снарядить частный пароход в Шербуре подчеркнуты красным карандашом; это и предыдущее предложения подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии вместо отдаст напечатано отдает.

⁸ В копии слова он лично знает, и что Измайлов с этим вполне согласен, что Измайлов даже спрашивал об этом своих товарищей военных, и они всецело с этим согласны тоже подчеркнуты красным карандашом. Данное предложение отчеркнуто красным карандашом.

Измайлов и в третий раз писал в Париж Лохвицкому, но на этот раз письмо было переслано из Берлина не на имя Краевича, а как-то иначе. Н. Краевич сказала мне потом, что это письмо (или тоже рапорт) было послано на имя Коковцова (конечно, из Берлина). Лохвицкий сказал Платонову, что он мог бы быть диктатором только¹ будучи одновременно и военным министром, с чем тот и согласился². Краевичи в 1929 г. не переставали меня расспрашивать об Измайлове³. Н. С. Краевич объяснила это тем, что после этих его «рапортов» на него стали смотреть как на человека, который там, в России, стоит чуть ли не в центре всего антисоветского движения, а что до сих пор она и ее муж понаслышке думали, что он самый дюжинный человек⁴. Я на это сказал, что и теперь продолжаю это думать. Н. С. Краевич сказала, что ей говорил и муж ее, и другие, читавшие эти рапорты, что там много увлечений и уверенности в близости событий, которые могут случиться через много лет, но что видна большая деятельность и осведомленность; и что отец ее (Платонов) тоже сначала не относился к Измайлову⁴ серьезно, а теперь говорит о нем иначе, а все эти «рапорты» он пишет от имени целой группы военных, очевидно, так как прямо о том оговаривается, что это плод коллективных обдумываний⁵.

Между прочим, Измайлов дал материал для характеристики личности и деятельности членов Реввоенсовета и обещал еще присылку и документальных материалов, и других сообщений².

Вот один из вопросов, на который Лохвицкий не получил ответа (и о чем Гренфельд сказал Краевичу): есть ли у советской военной власти планы мобилизации и каковы они⁶.

¹ В подлиннике слово только вписано Тарле без особой отметки.

² В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

³ В копии данное и два предыдущих предложения отчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии начало данного предложения до слов относился к Измайлову отчеркнуто красным карандашом.

⁵ В копии слова говорит о нем иначе, а все эти «рапорты» он пишет от имени целой группы военных, очевидно, так как прямо о том оговаривается, что это плод коллективных обдумываний подчеркнуты и отчеркнуты двумя чертами красным карандашом.

⁶ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

Платонов <и Краевич> сообщил<и> Лохвицкому, Зворыкину, Гренфельду, что он через посредство Гетча и других¹ немецких связей вступил с 1927 г. в сношения со Стальным шлемом, потому что именно эта ассоциация и еще 4 ей подобных (одна баварская, остальные не помню) имеют гораздо большую возможность, чем официальная немецкая армия, выступить со всеми своими силами против совласти после разрыва отношений между Германией и СССР. Со стороны организации со Стальным шлемом говорили Браун и Н. Н. Алексеев, со стороны Стального шлема Габихт и <Танич?> — забыл фамилию². Договор в глубокой тайне.³ Даже Краевичам Платонов ничего об этом не сказал, и они узнали от Зворыкина. Стальной шлем считается не только частной ассоциацией, но даже оппозиционной нынешнему правительству, и это ставит германское правительство в очень удобное положение:⁴ оно абсолютно отклоняет от себя ответственность за поступки Стального шлема. А в то же время этот Стальной шлем (Stahlhelm) пользуется таким фавором, что ему тайком отдают «старые» (но еще очень годные) пулеметы.

Что касается Н. Н. Алексеева, то это — эмигрант, приват-доцент, государствовед. Евразиец. Его привлек Браун. Нечего и говорить, что под видом Стального шлема отправилось бы много солдат регулярной германской армии. Все это было затеяно из-за опасений придинок и замедлений (со стороны <французов> условий Версальского мира), на всякий случай — Стальной шлем получал за это вознаграждение. Стальной шлем располагает 15 000 человек.

* * *

Разговор Платонова с Маклаковым состоялся в 1928 г. в Париже, у Маклакова. Платонов рассказал об организации. Маклаков подробно расспрашивал о программе, о том, кого намечают в диктаторы. Узнав о Лохвицком, очень одобрил, сказал, что главное — не делать преждевременных шагов. Много спрашивал о политических шансах формулы:

¹ В копии слова Гетча и других вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова забыл фамилию вписаны Тарле вместо вымаранно²⁰ им Танич (далее неразборчиво) без особой отметки.

³ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁴ В копии данное и три предыдущих предложения отчеркнуты красным карандашом.

«советы без коммунистов» — т. е. насколько жизненна и проч[ее]. Платонов сказал, что предусматривается форма мелкой самоуправляющейся единицы — сельский совет. Спрашивал, есть ли сношения между антисоветской интеллигенцией и Троцким — Платонов сказал, что не знает этого, но что некоторое время на Троцкого надеялись сильно. Платонов сказал, что имя Маклакова должно фигурировать среди будущего правительства. Маклаков ответил, что он с первым же пароходом, когда начнется и если начнется движение, поедет в Россию — и предложит¹ свои услуги. В возможность близких событий <о> Маклаков не верил совершенно и высказал Платонову. Но он считал самое существование организации крайне важным фактом, который когда-нибудь в будущем может сыграть свою роль. Он спросил, участвуют ли в организации члены коллегии защитников в Москве Муравьев и Малянтович? Платонов ответил отрицательно. Маклаков сказал, что он употребит все старания, чтобы платоновская организация получила денежную помощь от сочувствующих. Нужно повторить то, что сказано в прежних моих показаниях: у Маклакова есть деньги, пожертвованные из Америки² на антисоветскую борьбу.

* * *

Я забыл сказать, что одним из условий выступления Стального шлема было повторение пункта о торговом договоре, о котором было договорено уже раньше между Отто Гетчем и Платоновым.

* * *

И еще забыл сказать, что из Берлина в Париж эти письма Измайлова отправлялись тоже дипломат[ической], а не простой почтой, т. к. Н. С. Краевич получила их по городской почте заказными пакетами оба раза: значит они были посланы ей из парижского германского посольства.

¹ В копии вместо предложит напечатано предложил.

² В копии слова из Америки отсутствуют.

Платонов был однажды в заседании президиума Монархического совета и (в июле или августе 1928 г.) в Париже. Там были Коковцов, Бошняк, Зворыкин-Невструев, кн[язь] Гедройц, Лохвицкий, еще какие-то фамилии, которых не помню (не то Шошин, не то Шеншин. . .).

Он был в качестве приглашенного гостя. Это было на квартире у Семенова, который, однако, не член президиума. Платонов докладывал об организации (то, что уже знали от него же Коковцов и Лохвицкий). Гедройц расспрашивал, большие ли связи у организации в провинции. Другие интересовались военными связями (среди б[ывшего] офицерства), <Платонова> расспрашивали о процессах инженеров и сказали, что готовится коллективный протест инженерных обществ всей Европы и Америки против казней инженеров. Кто-то из присутствовавших спросил, бывают ли панихиды по казнимым¹? Платонов ответил, что бывают, и привел в виде примера панихиду по Верховском (начальнике какой-то жел[езной] дороги, расстрелянном). В конце Коковцов сказал, что Платонов достоин всякой поддержки, что самое важное — дать России возможность высказаться, а тогда нет сомнений, что она <в> повернет на исторически сложившийся путь. Н. С. Краевич отметила, что ни слова не было сказано ни об Андрее, ни о Кирилле Владимировичах. Спросили еще Платонова, правда ли, что убит Белобородов и все, участвовавшие в казни Николая II. Они сказали, что хотели бы постоянно иметь сведения о жизни и деятельности организации. Коковцов сказал, что он надеется отныне иметь связь с Серг[еем] Фед[орович]ем, и рекомендовал присутствующим помнить о необходимости полной тайны и конспирации.

О том, что говорилось на этом заседании, Платонов рассказал дочери Н. С. Краевич вечером, приехав от Семенова, она же мне спустя два месяца (уже после отъезда отца). Платонов мне сказал только, что был «в гостях» у Семенова, видел Коковцова и разных других людей, говорили о том, что мы делаем и как живем и т. д., но не сказал, что это было заседание президиума Монархич[еского] совета. Я его видел перед самым его отъездом из Парижа, значит недели через три после этого заседания. Видел его, когда он с дочерью Мар[ией] Серг[еевной] и с какой-то еще дамой зашел на минуту в Нац[иональную] Библиотеку (как мы с ним условились по почте), чтобы только про-

¹ В копии вместо казнимым напечатано казненным.

ститься. При посторонних он не стал бы рассказывать, даже если бы хотел, об этом заседании, бывшем за три недели до того.

НВ. В этих рапортах Измайлова Краевич вычитал между прочим, что предусматривалось создание отборного отряда, который мог бы брать и выполнять особенно трудные задачи: пробиваться с ручными гранатами к штабам противника, проникать в здания открытым нападением и т. д. Он считал, что такой отряд должен быть подготовлен за границей, что в СССР это сделать невыполнимо. Я сказал, что не будучи военным, вообще не совсем понимаю этой мысли об отборном отряде, ручных гранатах и т. д. Краевич сказал: «Измайлов хочет, чтобы у него были гусары смерти», как были у немцев. Этот отборный отряд будет охотиться за начальством». <В своих рапортах Измайлов насчитывает 65 человек высших военных и гражданских начальников, наиболее опасных.>¹

Измайлов во 2-м своем рапорте говорит, что есть учреждения, которые должны быть ликвидированы в первую очередь: Реввоенсовет, Совнарком, Союз труда и обороны, Гос[ударственное] пол[итическое] упр[авление], Политбюро, Коллегия военмора. И он прибавляет, что ведется учет личного состава всех этих учреждений, а также учет тех, кто должен быть захвачен в первую очередь при первой возможности. < . . .>²

Главных признаков для такой исключительной поспешности было выдвинуто два: 1) опасность для успеха восстания вследствие особой дееспособности данного лица и 2) особенная суровость данного лица в прошлом, особая его роль в политических репрессиях за время <коммунистич> советского строя.

Ев.Тарле

Допросил:

А. Стромин

13 июня 1930 г.³

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; дата 13/VI и слова Допросил А. Стромин 13 июля 1930 г. почерком Стромин; подписи-автографы. Т. 2. Л. 368–378.

Копия; машинопись; документ озаглавлен Дополнительные показания Тарле Е. В. от 13-го июня 1930 г. Т. 2. Л. 379–392.

¹ В подлиннике предложение вычеркнуто рукой Тарле.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано одно предложение.

³ В копии слова Допросил А. Стромин 13 июня 1930 г. отсутствуют.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

14 июня 1930 г.

1. В дополнение к показаниям о рапортах Измайлова, посылавшихся¹ Лохвицкому, вспоминаю еще, что, по словам читавшего их Краевича, они содержали ряд сведений, касавшихся положения и вооружения Красной армии, выписки из инструкций и сборника правил по обучению ее, выписки из какого-то официально ведшегося дневника пограничных маневров Красной армии около границ Румынии, бывших не то в 1924, не то в 1925 г., не помню, сведения об объездах границы с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей (объездах кем или чем, не знаю, пишу то, что помню из слов Краевича, он сказал: об «объездах» — и только). Были еще сведения об ассигнованиях на частичное перевооружение Красной армии в 1927 г. или 1928 году. Было также сведение дипломатического характера, пересланное с Кавказа — о переговорах с Турцией по поводу подготовлявшегося оборонительного и наступательного союза между Турцией и СССР.

2. Из этих разговоров явствует еще один факт, который Краевич мне не сообщил. А сообщила его мне его жена Н. С. Краевич, уже в ноябре или декабре² 1929 г., когда она получила известие, что Измайлов арестован. Она тогда хотела узнать у меня, не знаю ли я причин ареста Измайлова, и не в этом ли факте дело, и что я знаю об этом факте. А я должен был ей сказать, что о самом этом факте впервые от нее слышу. Вот в чем он заключался: Измайлов вступил в сношения с лицами, служащими в иностранных представительствах в Ленинграде — польском и финляндском, на предмет обмена сведениями. Эти лица посещали его в Пушкинском Доме, на месте его службы, о чем знал Платонов, который ей сказал, что в Пушкинском Доме к Измайлову приходят иностранцы, сообщающие ему много интересного. В своих рапортах Измайлов определенно указывал, что такие-то сведения о Кронштадте получены от финляндцев, об охране границы в Токсово — от финляндцев, об усилении числа полицейских собак-ищейек на советской границе — тоже от финляндцев, об аэропланых полетах на границе — от них же, о каких-то закупках для военного ведомства,

¹ В копии вместо посылавшихся напечатано писавшихся.

² В подлиннике слова или декабре вписаны Тарле без особой отметки.

сделанных в Гельсингфорсе, — от них же. А от поляков такие-то и такие-то сведения (я запомнил немного): о нехватке лошадей в коннице, о новых попытках басмачей возобновить борьбу, об антисоветском движении в Туркестане, об арестах красноармейцев по политическим причинам, о голоде в Сибири, о падении добычи угля в Донбассе. Я сказал: зачем он пишет об этом сюда, т. е. не сведения, а о том, что он их имеет от финнов и поляков? Она сказала, что муж говорил ей, что Измайлов абсолютно все пишет, вплоть до того, что ему и впредь обещали сообщать и кто именно, что вообще Измайлов ведет себя как исправный и дисциплинированный офицер по отношению к своему командиру (генералу Лохвицкому). Я сказал, что все-таки не понимаю, зачем Лохвицкому может понадобиться та часть сведений Измайлова, которая происходит от финской и польской разведки, т. к. ведь финны и поляки могут и непосредственно давать их Лохвицкому. Она возразила, что ничего подобного <нет ничего она> она не слыхала¹ и что во всяком случае насчет Измайлова и его присылки польских сведений² — это факт. Я даже переспросил: может быть, сведения и³ из н е м е ц к о й разведки он тоже имеет, так как с немцами у них отношения тесные? Она ответила, что нет, речь идет о финнах и поляках. Недослышав то, что она сказала в начале, я спросил, как он это объясняет (т. е. то, что они делятся с ним своими сведениями), платит ли он им? Она тогда сказала, что уже передала, что он пишет, что он с ними делится на началах взаимности. Она же вспомнила, что отец ей говорил, что у Измайлова есть отношения с поляками и что он тоже (как и сам Платонов) ничего не видит особенного в том, чтобы получить помощь в борьбе против соввласти и от поляков. (В противоположность Богословскому, который в бытность свою в Париже сказал у них, что он предпочитает все, лишь бы не видеть победы поляков). О финнах Платонов не говорил ничего, но о сношениях Измайлова с поляками говорил, это она помнит. Об аресте Измайлова она узнала из письма Платонова.

Но этим не кончилось, оказалось, что и Краевичи еще не все знали. Когда я уезжал, они оба приехали в город (у меня не было времени съездить проститься к ним), чтобы проститься со мной.

¹ В подлиннике слова *она не слыхала* вписаны *Тарле* вместо зачеркнутого *нет, ничего она без особой отметки*.

² В подлиннике слова *и его присылка польских сведений* вписаны *Тарле* без особой отметки.

³ В подлиннике союз *и* вписан *Тарле* без особой отметки.

Они были страшно встревожены газетными сообщениями, что Платонов отстранен в Академии от всех должностей, и хотели узнать, пишут ли мне что-нибудь об этом. Я ответил, что ничего никто не писал. И тогда-то она сказала: «муж, беспокоясь насчет Измайлова и его ареста, говорил о нем с Гренфельдом (правая рука Лохвицкого), и вот пусть сам расскажет Вам», тут он сказал, что они (Лохвицкий и Гренфельд) тоже очень встревожены арестом Измайлова¹, тем более, что получили как раз не очень задолго до его ареста большой новый рапорт (через Берлин на имя Коковцова), в котором нашли сведения о результатах призывов за последние три года, о сношениях СССР с литовским штабом, новый шифр (какой не сказал или ему не сказали, словом, сказал только: новый² шифр, все это было добыто в Москве поляками. Я сказал: значит это четвертый рапорт? А Краевич возразил: может быть, и двадцать четвертый, откуда же мы знаем? Теперь не на наш адрес посылается) (это точные его слова). Она сказала, что напрасно Измайлов связался с польской разведкой, за которой, наверное, следят в Москве и в Ленинграде. О финнах речи в этот раз уже не было вовсе.

3. К разговору с Андреем Владимировичем. Андрей Владимирович сказал Платонову, что всякое сведение о монархическом движении в СССР с необыкновенной живостью ловится в Зап[адной] Европе; что германский президент Гинденбург, у которого он, Андрей Владимирович, бывает, лично ему говорил, что если бы не Версальские условия, то монархия была бы восстановлена германской армией в несколько дней в России. Андрей Владимирович высказал убеждение, что без Польши, Румынии и Финляндии германское вмешательство повиснет в воздухе, что без участия Польши, французы не позволят ничего сделать. Платонов сказал, что у него на очереди — переговоры с доверенным лицом Пилсудского, что он согласен с вел[иким] князем, что без Польши не обойдется. Андрей Владимирович в заключение сказал, что если Платонову понадобится доверительная беседа с Гинденбургом или румынским или польским госуд[арственными] деятелями или с английским королем, пусть обратится к нему, Андрею Владимировичу, и он устроит ему нужное свидание сейчас же. И прибавил, что недоступен совершенно только французский президент, и что

¹ В подлиннике слова арестом Измайлова вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово новый дважды вписано Тарле без особой отметки.

с французами очень трудно, что Пуанкаре, даже назначая аудиенцию человеку, высылает секретаря с извинением и с просьбой изложить секретарю, в чем дело. Андрей Владимирович сказал Платонову, что когда дело дойдет уже до открытой борьбы, то даже без всяких внешних займов деньги будут доставлены из средств династии и ее друзей.

Он же сказал, что истинно хорошее отношение к падшей династии в Дании и Германии, хуже всего во Франции, < . . . >¹ где президент их не любит. Я вспомнил, что не в 1928 г., а еще в 1926 <также> в Париже Платонов, приехав туда со своей покойной женой, после долгого пребывания в Германии, сказал мне, в разговоре, что у одних Романовых (Ксении) остались десятки миллионов, а у других ни гроша, что он знает это из самого достоверного источника. А потом (тоже в связи с династией) прямо сказал, что «многих» видел и многое наблюдал в Берлине. Ясно, что он и в 1926 г. видел Андрея, единственного из династии, с которым он близок и который живет в Берлине. Вот и еще фраза, при мне сказанная Платоновым еще до поездки в 1928 г. у него за столом: прежде царь и вел[икие] князья были совсем далеки от жизни и от людских интересов вообще, теперь их узнать нельзя, совсем другие люди, так хорошо во всем разбираются и т. д.²

Обращаясь опять к разговору 1928 г. вспоминаю, что Платонов сказал, что даже с Гучковым династия теперь помирилась, говорит о нем с уважением. Это он сказал мне, говоря о своей встрече 1928 г. с < . . . >³ Андреем Владимировичем.

3. Сообщения, сделанные Платоновым, послужили поводом к определенной биржевой спекуляции, не только на парижской, но на лондонской и ньюйоркской биржах, причем главным деятелем этой ловкой спекуляции и оказался бар[он] Нольде. Это мне сказали: 1) Васильев, 2) Н. С. Краевич, 3) Шамонин. Дело было осенью 1928 г., и был пущен слух, что в СССР готовится тайно крутые перемены, что восстановится в очень скором времени частная собственность на нефтяные бассейны в Баку и др[угих] местах и т. д. Акции, относящиеся к кавказской нефти, поднялись, через 3 дня упали, еще поднялись и т. д., и на этом заработали Нольде и Гукасов. Что касается Нью-Йорка, то

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано два слова.

² В копии слова и т. д. отсутствуют.

³ В подлиннике рукой Тарле вымарано три слова с отметкой Зачеркнуть написанное по ошибке. Е. Тарле.

там за этот слух ухватились, чтобы подорвать мексиканские нефтяные акции (перспективной русской конкуренции).

Там это держалось целую неделю в виде слухов, опровержения новых слухов и т. п. Васильев очень боялся, чтобы не промелькнуло имя Платонова в связи с этими биржевыми махинациями, но этого не случилось; самый слух формулировался так: готовится внезапное восстание и державы уже решили помочь ему, будет призвана обратно династия Романовых. Слух этот был пущен Нольде через ликвидационную комиссию Русско-китайского банка, при которой он состоит юринкомсульт, и он, по уверению Васильева, с умыслом не назвал ни Кирилла, ни Андрея, а сказал только о династии, т. к. в этом вопросе была неувязка между парижским Монархическими советом и Платоновым. Интересно, что к Гукасову < . . >¹, по словам Краевичей, стали наведываться периодически разные биржевые люди с просьбой держать их в курсе дела насчет русских дел в связи с вопросом о нефти.

Фраза Платонова, что Кавказ непременно будет удержан Россией и прежде всего озаботятся именно посылкой войск туда, эта фраза была полностью напечатана в «La Côte» (Биржевой журнал), как указание на ближайшие события. < . . >¹ Предположение Васильева, что это была проделка Гукасова, несомненно правильно. Он эти разговоры мог знать от Семенова, а тот от самого Платонова.

В эмигрантской прессе этот биржевой, дутый скачок кверху давно обесцененных бумаг был охарактеризован как признак недоверия Европы к прочности соввласти. Даже о том, что существует газета «La Côte», руководящая биржевыми спекуляциями, и что там была такая заметка, я узнал из «Последних новостей».

Е. Тарле

Допр[осил]

А. Стромин

14/VI–30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 14/VI и подпись Допр[осил] А. Стромин 14/VI–30 г. почерком Стромин; подписи-автографы. Т. 2. Л. 393–396 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 397–402.

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

15 июня 1930 г.

Уже несколько раз писал о собственной своей роли в платоновской организации, и всякий раз для меня было тяжким мучением сознавать ряд безумнейших своих ошибок, которые привели меня в один ряд с Платоновым, Рождественским, Измайловым. Но я вовсе не хочу изображать себя только зрителем и свидетелем всего¹ того, что они делали: это было бы и меньше и больше действительности. Больше действительности — потому, что далеко не все, что они делали, было мне известно; меньше действительности потому, что я был не только свидетелем, но и участником некоторых из их действий. В этом дополнительном показании я не хочу повторяться и рассказывать вновь то, что уже показал раньше. Но все-таки хоть вкратце упомяну о тех пунктах, к которым я, по совести, свожу свою антисоветскую работу.

1. Я принимал участие в беседах и обсуждениях, которые вели члены платоновской организации, причем сплошь и рядом высказывал антисоветские взгляды и делал предложения такого же антисоветского характера. Подробности я рассказал в прошлых своих показаниях.

2. Я вел соответствующую антисоветскую и антикоммунистическую агитацию в тех кружках и обществах ученого и литературного характера, где появлялся, а также отчасти на лекциях в Доме писателей.² В душе я считаю эту часть своей антисоветской деятельности наиболее вредной, ибо наиболее реальной: при моем авторитете научном и при репутации все же левого, а не правого умонастроения, — мое влияние имело, разумеется, последствия. < . . .>³ Никто из других участников организации не имел того авторитета, как я, в широких слоях интеллигенции. В последний год это было уже не так, я был накануне пересмотра очень многого в своем отношении к сов[етскому] строю, но не буду об этом говорить тут. Вредоносность своих действий

¹ В подлиннике слово всего вписано почерком Тарле без особой отметки.

² В копии данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

³ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно предложение, состоящее из тринадцати слов.

в смысле придирчивой и враждебной критики текущей политики и действий соввласти я признаю вполне.

3. По просьбе Платонова я имел разговор с Пенго, который тут повторять не буду, так как я изложил уже дважды в своих, в разное время данных показаниях. Но я хочу прибавить моменты этого разговора, о которых, кажется, не упомянул или упомянул вкратце: а) В ответ на вопрос Пенго я сказал, что положение интеллигенции в СССР весьма печально, как в материальном смысле, так как ее¹ вытесняют и заменяют партийными людьми, так и в моральном вследствие отсутствия свободы прессы, независимых ученых и литературных обществ и т. д.; б) Я сказал, что уличные манифестации у нас носят часто искусственный и принудительный характер, и что это особенно относится к манифестациям против иностранных держав; в) Я сказал, что в случае свободного и всеобщего голосования большинство, по-моему, высказалось бы против советского строя, и что так думают и коммунисты, потому что иначе они бы устроили это голосование, так как это был бы прямой для них расчет: после такой санкции уж действительно никто не посмел бы и думать с ними бороться или отказывать им в содействии, и их диктатура упрочилась бы, и, главное, их враги потеряли бы какое бы то ни было оправдание. Он меня спросил: значит, тогда все должны были бы стать коммунистами? на что я ответил, что я лично на другой же день подал бы просьбу о вступлении в коммунистическую партию; г) Он спросил, как отнесутся в тех губерниях, куда вступили иностранцы к их появлению (т. е. в Ленинградской губернии и ближайших). Я ответил, что деревня отнесется спокойно, а в городах будет враждебность в части рабочего класса; и еще прибавил, что враждебность к сов[етскому] строю в деревне так велика, что будут приветствовать всякую силу, которая против этого строя обратится, даже если это будут иностранцы.

4. Вспомню² теперь, где и при ком я вел антисоветские разговоры за границей (не буду повторять о тех случаях, о которых уже показывал, постараюсь вспомнить другие, чтобы исчерпать это. И беру случаи, когда это сколько-нибудь походило на собеседование с несколькими собравшимися, а не было простым разговором моим с кем-нибудь одним).

¹ В копии слово ее отсутствует.

² В копии вместо слова вспомню напечатано вспоминаю.

а) В Берлине у Элькина (Konstanzerstraße, 2). Я с ним был знаком давно, он мой слушатель был по Университету еще в 1905 году. У него в 1925 г., 1926 и 1928 гг. я останавливался на ночь, проезжая через Берлин в Париж, и всякий раз он приглашал вечером своих друзей: Ю. Айхенвальда (критик, эмигрант), Августа Каминку (бывший) прив[ат]-доцент Университета по торговому праву), Гельфанда, еще неизвестных мне 2–3 человека с их женами. Меня просили рассказать о жизни в СССР, о настроениях и т. д. Я рисовал эту жизнь в общем в темном свете, отмечая гонения на интеллигенцию и т. п. В общем повторял те свои суждения, о которых уже несколько раз говорил в своих показаниях. Говорил об исчезновении или дороговизне многих продуктов. О развале средней школы. О цензуре и т. п.

б) В Париже подобные собеседования, где я выступал как бы в главной роли, были в 1925, 1926, 1928 гг. у проф[ессора] Г. Гурвича (читает философию права в École des Hautes Etudes). Среди приглашенных были Ященко (профессор Ковенского университета), Герстен (о котором я несколько раз уже говорил в своих показаниях), д[окто]р Аитова¹, Маргулиес и еще человек пять, которых фамилии мне были названы, когда нас познакомили, но которые мне совсем неизвестны и были поэтому сейчас же забыты. На этих собеседованиях очень интересовались меньшевиками в СССР. Я им рассказывал о встречах с В. И. Крохмалем (меньшевик), о музее имени Плеханова, о Мутьяне, Колышкевич и вообще меньшевиках, которых встречаю иногда, бывая у Р. М. Плехановой. Заявлял о них мнения сочувственные. < . . . >² Но прибавлял, что меньшевики бессильны, и почвы среди рабочих не имеют, а среди интеллигенции имеют. Кроме дома Гурвича, приглашен был я на подобные собеседования к д[окто]ру Аитовой. Там была публика мне незнакомая, молодые люди, уже выросшие в эмиграции. Из знакомых был Г. Лозинский (филолог, эмигрант), Агафонов, Брейтбург, Эйзенберг. Мои слова и тут носили враждебный сов[етскому] строю характер. Конечно, об организации нигде в перечисленных местах я не говорил и не упоминал.

Подобные же собеседования были и у Евгении Георгиевны Бато-Плехановой, там были больше французы и там тоже моя беседа имела оппозиционный характер против соввласти. Сплошь французская ком-

¹ В копии вместо Аитова напечатано Антова.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано одно предложение (состоящее из 24 слов) с отметкой Зачеркнуто мной. Е. Тарле.

пания была и слушала меня у Андре Мазона в 1928 и 1929 гг. Речь шла о научном предмете (изучение франц[узской] революции в трудах русских ученых). Здесь, между прочим, я говорил о деятельности Коминтерна, о связи Коминтерна с Наркоминделом, о роли Коминтерна в колониальных революциях. Это было в 1928 году. Я говорил, что Коминтерн имеет на внешнюю политику СССР больше влияния, чем Наркоминдел, что хотя обыкновенно больше значения и силы имеет тот, кто дает деньги, а не тот, кому их дают, но что здесь наоборот: сов[етское] правительство дает деньги, а в то же время подчиняется Коминтерну. Второй раз говорил я о Коминтерне и тоже в таком духе, утверждая, что Коминтерн, а не Чичерин, не Литвинов, не Совнарком ведет всю политику СССР, в том же 1928 году на вечере у профессора Раймона Гюйо, где среди присутствовавших был депутат Рифатер и депутат Лебон. Тогда же при них я отрицательно отзывался о новейшей аграрной политике соввласти, говорил об уходе немцев с Поволжья, сказал, что, наверное, их соседи, русские крестьяне, тоже ушли бы, если бы им было куда идти, как немцам. В таком духе я говорил.

5. Я уже упоминал в прошлых показаниях о том, как на рауте в Венсеннской Библиотеке я познакомился с Пуанкаре, а на рауте в Сорбонне в зале Левендаля я познакомился с Брианом. Постараюсь тут вспомнить подробно те разговоры, которые я имел как с первым, так и со вторым. При разговоре с Пуанкаре присутствовал стоявший тут же сенатор Онора (о котором я уже поминал¹ в своих предшествующих показаниях). Пуанкаре сказал, что он меня знает как ученого (он употребил несколько хвalebных терминов, которые я тут опускаю) и почти сразу перешел к отношениям с СССР. Он сказал, что видит во мне представителя независимого от соввласти общественного мнения и хочет знать мое мнение о положении франко-советских отношений. И тут же стал говорить сам об агитации в Марокко, что у него есть доказательства, что Коминтерн, а не сами марроканцы начали восстание 1926 года, что Коминтерн и соввласть на свой счет издают во Франции коммунистическую прессу, вмешиваются в общие и в муниципальные выборы (тратят большие суммы на выборную агитацию), и прибавил, что как в Москве не понимают, что при разрыве дипломатических отношений потеряет больше СССР, чем Франция, у которой никаких торговых дел с СССР нет почти вовсе. Между тем как существование

¹ В копии вместо поминал напечатано упоминал.

советского посольства в Париже очень усиливает позицию соввласти в Европе.

Потом сразу перешел к тому, что он слышал о намерении немцев вмешаться в русские дела и дал понять, что знает о моем разговоре с Пенго. Вот его фраза, как я ее запомнил: «Это комбинация совсем устарелая (*surennée*), и даже когда она была выдвинута, она была невозможна. В Германии всегда была партия, которая мечтала наложить руку на Россию, но прежде всего эта партия именно и состоит из людей, которые рады были бы пересмотреть договоры (*remettre en question les traités* — т. е. Версальский договор), — эти же самые люди, которые агитируют за соединение Австрии с Германией». И тут же спросил меня, правда ли, что русские инженеры в СССР заменяются немецкими и кто им платит жалование? Я ответил, что немецкие инженеры, действительно, есть и их, кажется, много, но о плане совсем устранить русских инженеров и заменить немецкими я не слышал. Он сейчас же возразил: «А я слышал, что это уже почти сделано и что процессы против инженеров внушены немцами (*inspirés par les allemands*)». Он спросил, возможна ли революция против советов (*la révolution contre les soviets*, помню точно это выражение). Я сказал, что лично мне это в ближайшем будущем кажется невозможным, но что есть лица, считающие, что это очень возможно, что деревня может восстать, Красная армия может поколебаться, и все положение сразу изменится. Он тогда сказал, что если мне лично кажется невозможным в предвидимом будущем восстание, то значит я считаю, что навсегда этот строй водворится в России? Я ответил, что могут быть не решительный переворот, а отдельные толчки, и соввласть перейдет постепенно на другие рельсы вроде того, как после Кронштадта был НЭП. Он сказал, что Штреземан враждебен соввласти, а между тем на него никогда так не нападали в сов[етской] печати, как нападают на французов. В заключение он сказал, что дело будущего России его крайне живо интересует, но что он не видит (*je ne vois pas bien*), как немцы будут способствовать устранению советской власти, которой сами они помогли и овладеть властью в 1917 году. Он спросил тут же: как разные <фракции> партии¹, враждебные соввласти, относятся к вопросу о платеже царских долгов. Я сказал, что те лица (я не назвал Платонова), которые возглавляют одно из таких антисоветских течений и которые

¹ В подлиннике слово партии вписано Гарле вместо зачеркнутого фракции без особой отметки.

именно и интересуются вопросом о позиции Франции в случае немецкого вмешательства, что эти лица считают принципиально решенным вопросом об уплате долгов в положительном смысле, но что как реально это удастся это выполнить и в какой срок, это скажут позднейшие соглашения. Он вдруг перешел к другой теме: почему, когда в Ленинграде открылась больница имени Вергонье и франц[узский] посол получил об этом торжественное уведомление от Наркоминдела и поехал на открытие, то все думали, что предстоит перемена в отношениях между <Фран> СССР и Францией, и он знает¹, что действительно и Чичерин, и Литвинов, и Довгалецкий желали перемены, а между тем ничего не вышло, все осталось по-прежнему. Я сказал, что не знал ни о намерении сов[етского] правительства изменить политику относительно Франции, ни о причинах, помешавших этому намерению. Сказал он еще уже в самом конце разговора, что одного Франция никак не позволит, это завоевания лимитрофов Красной армией, а также завоевания ею польских территорий. Я забыл еще сказать, что он сказал, что пока Германия действует в пределах Версальского договора, франц[узское] правительство не может ей ничего ни разрешать, ни запрещать. Но нарушить этот договор сами немцы едва ли решатся. Эта фраза означала, что ни одного солдата своей регулярной армии Германия не имеет права вывозить за пределы Германии согласно особой статье Версальского мира, этим самым ликвидировался вопрос об открытом выступлении Германии против СССР. Но тут же прибавил, что всякое другое вмешательство — другое дело, лишь бы не немецкое.

Разговор с Брианом был позже и произошел в Сорбонне на рауте в честь норвежского академика Селуйта, еще каких-то двух иностранцев и в мою честь. Этот раут был дан существующим при Сорбонне «Обществом сближения с иностранными учеными» (вкратце оно известно под названием Société du rapprochement, собирается в Сорбонне в так назыв[аемом] зале Левендаля; общество имеет официальный характер, его неперменный председатель — министр народного просвещения, помощник председателя — ректор Сорбонны).

Было человек 200 публики. Бриан приехал поздно, когда уже стали расходиться. Ректор Шарлети меня познакомил с ним, и он повел такую беседу. <Он меня> Он сначала сказал, что много обо мне слышал от профессоров Сорбонны и Коллеж-де-Франс, что был очень рад,

¹ В копии вместо знает напечатано значит.

узнав, что Сорбонна сделала меня своим иностранным сочленом и т. д., а потом перешел к политическим вопросам. Он тоже, не упоминая имени Пенго, говорил так, как если бы просто продолжал начатый со мною разговор на темы, затронутые в беседе с Пенго. И он сказал нечто, не совсем совпадающее со словами Пуанкаре. Смысл его нарочно запутанной и осторожной построенной фразы был таков: поскольку сов[етская] власть враждебна Франции и стремится к разрушению Франции, постольку франц[узское] правительство не будет мешать (*ne fera pas du entraves*) никаким выступлениям против соввласти от кого бы они не исходили, но Франция никогда себя ничем не свяжет, никакими обещаниями наперед¹ и будет наблюдать события. Затем он сразу перешел к вопросу о долгах и об этом говорил больше, чем Пуанкаре и даже больше, чем Пенго. Он сказал, что образовалось Общество держателей русских бумаг (*Société des détenteurs des valeurs russes*) и что это общество в высшей степени жалуется на Министерство иностранных дел, которое ничего не делает для принуждения СССР признать царские долги. Как смотрят на этот вопрос антисоветские элементы в СССР? Я ответил и ему, что долги принципиально решено согласиться уплатить, но подробности выполнения этого сейчас не могут никак определиться. Он спросил, правда ли, что Довгалеvский — троцкист. Я сказал, что не слыхал об этом. Бриан сказал, что Довгалеvский начал переговоры о долгах очень хорошо и вдруг, без видимой причины, нарочно их оборвал, и что не знаю ли я, чем это объясняется. Я сказал, что Довгалеvский серьезный человек, очень умный и осторожный и, если внезапно оборвал переговоры, то нет ли здесь влияния Коминтерна, который против всяких уступок. Спросил, есть ли еще в СССР французы, которым соввласть не позволяет уехать? Я сказал, что не слышал о таких случаях. Он настаивал, что, по их данным, такие случаи есть. Спросил, является ли Радек, пишущий о Франции в «Известиях», членом советского правительства. Я ответил, что он в опале и даже был выслан. Бриан сказал, что Радек призывает СССР к войне против Англии и Франции, и что его удивляет, как одновременно Довгалеvский держит самые миролюбивые и корректные речи, а одновременно допускает, чтобы в правительственном органе печатались статьи Радека, где он называет французских министров разбойниками.

¹ В подлиннике слова никакими обещаниями наперед вписаны Тарле без особой отметки.

Платонов стал переносить свои надежды или, вернее, распространять свои надежды с Германии еще и на Польшу. Он стремился побывать лично в Польше, очень интересовался Пилсудским.¹ Говорил, что Карский может сблизить его с поляками, жалел, что не воспользовался приездом в Ленинград Константина Хилинского, профессора Львовского университета, чтобы разузнать точнее, чем по газетам, о положении (Хилинский был до революции профессором Педаг[огического] университета, где Платонов был директором). Платонов мне с удовольствием говорил, что в Варшаве очень ценят его дружелюбное и уступчивое отношение к полякам и польским притязаниям в комиссии Публичной библиотеки. Эта польская ориентация Платонова очень усилилась со времени диктатуры Пилсудского.² Он стремился попасть в Варшаву, чтобы переговорить с Пилсудским о действиях против соввласти³ — Марсель Гандельман, профессор Варшавского университета, говорил мне, что Карского, Платонова, Бенешевича, Пичету ждут в Варшаве в 1930 году, что с ними это уже условлено, потому что все четверо написали о своем желании приехать Комитету съезда славянских историков. Я знаю даже, с каким планом собирался ехать Платонов к Пилсудскому: Польша помогает низвергнуть соввласть, за это получает часть Белоруссии, что ей позволит отдать немцам часть Польского коридора. Он это однажды развивал при мне.⁴ Я помню, что тогда сказал ему, что поляки взять Белоруссию возьмут, но коридора немцам не отдадут ни за что.

Журналом *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte* Платонов дорожил как одной из связей с поляками, которые тоже там участвовали. Он порицал Деникина за неустойчивость по отношению к Пилсудскому в 1920 году, утверждая, что все нужно было сделать, чтобы только не допустить до Рижского мира, и что впредь нужно это помнить.

Пребывание в Париже, беседы с Нольде, ответы французов насчет Германии — это толкнуло Платонова в сторону польской ориентации. Но с немцами он ни в каком случае не рвал, он от них зависел, получая

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

² В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

³ В копии начало данного предложения до слов против соввласти подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

⁴ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

от них деньги, пользуясь их дипломатической почтой, наконец, рассчитывая на 15 000 человек «Стального шлема» (даже если Германии французы не позволят выступить открыто с регулярной армией). Платонов высказал такую мысль, что нужно будет заключать с возможно большим количеством государств договоры о взаимном страховании против коммунистической революции, даже идя на большие жертвы в других отношениях, и что прежде всего Россия заключит такие договоры с Польшей и Финляндией. Это в ожидании и оформления, и реализации антикоммунистического союза международного масштаба, о чем я уже рассказывал раньше.

В одном из рапортов Измайлова было сказано, что сносящийся с ним поляк живет в Москве и что они условились: один раз поляк будет ездить в Ленинград, а другой раз Измайлов в Москву. Там же было сказано, что румынские агенты действуют через австрийское посольство и австрийское консульство — в Москве и Одессе; добавляю тут же, что я вспомнил, что, говоря об этом, Краевич сказал, что ему лично известно, что шпионскую роль относительно СССР играет живущая в Берлине вдова скульптора, расстрелянного несколько лет тому назад в Москве, польского еврея (фамилию забыл). Он был расстрелян еще при Дзержинском, который обратил внимание на фамилию его жены <в> по поводу¹ каких-то патриотических польских пожертвований в одной из варшавских газет, и обвинен был в шпионстве впоследствии.

Генер[ал] Кутепов жил в Биаррице, когда Платонов находился в Париже, и так как он вместе с Лохвицким, с ген[ералом] Валанстиным и с каким-то еще капитаном 1 ранга составляют военное бюро Монарх[ического] совета, то очень хотел видиться с Платоновым; уже после отъезда Платонова приезжал к ним Герсеванов и говорил, что присланы деньги на поездку Платонова в Биарриц, что там, кроме Кутепова, есть Ксения Александровна, еще какие-то вел[икие] княгини, что там как раз будет происходить один из сезонных русских праздников, дающих всегда огромный сбор в пользу монархич[еской] партии, и что могут быть денежные ассигновки на нужды платоновской организации. Это было уже в сентябре 1928 г.

Еще из рапортов Измайлова: военное начальство в Туркестане до такой степени не знает местности, что Ферсман уличил их (в Ташкенте или Ашхабаде), что они заслали целый отряд туда, где совсем

¹ В подлиннике слова по поводу вписаны Тарле без особой отметки.

нет ни источников, ни вообще воды, и отряд едва не погиб. В рапорте Измайлова была ссылка на Ферсмана.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

15/VI–30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 15 /VI и подпись Допросил Стромин 15/VI–30 г. почерком Стромин; подписи — автографы. Т. 2. Л. 403–410 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 411–421.

69

Собственноручные показания Е. В. Тарле

16 июня 1930 г.

1. Об организации. Я сблизился с организацией Платонова в 1926 году. Он стал меня усиленно приглашать к себе, был у меня несколько раз; приходя к нему, я заставал у него обыкновенно Васенко, Лихачева, Рождественского, Измайлова, реже Андреева. Раза два в разговоре и при прощании, в эти первые мои приходы, Платоновым было сказано с улыбкой: «Вы ведь теперь с нами!» — или «Вы ведь наш!». Но ни разу не было сообщено что бы то ни было, напоминающее программу или политическое credo. В разговорах и обсуждениях разных вопросов выявлялась общая антисоветская сущность организации, постепенно, от случая к случаю. Вышеперечисленные лица были как бы ядром организации. Собирались у Платонова. Я приглашал к себе только Платонова и Лихачева. Ни разу у меня не был ни Андреев, ни Васенко, ни Рождественский; Измайлов бывал крайне редко и только тогда, когда моя жена приглашала его жену, никогда он не был отдельно. В других местах тоже никогда не собирались. Когда из Москвы приезжали Любавский, Богословский и Егоров, они всегда бывали на собраниях у Платонова; у меня бывали Егоров и Богословский. Любавский был один раз за все годы. Вступление новых сочленов организации не обсуждалось и не вотировалось. А просто Платонов начинал похваливать Ферсмана, или Гревса, или Егорова — остальные иногда выражали свое мнение, иногда нет — и потом оказывалось, что данное лицо близко к организации. Но кроме упомянутой группы, я не помню, что-

бы еще кто-нибудь сколько-нибудь регулярно бывал в кабинете у Платонова, когда бывала эта группа. Все отношения вновь аффилируемых членов шли через Платонова. О правилах конспирации речь зашла при мне только один раз, когда Платонов очень раздраженно стал говорить об отсутствовавшем в тот момент Васенко, что он болтун и крикун и говорит в присутствии посторонних лиц слишком не стесняясь, чем доведет до беды себя и других.

С вновь вербуемыми членами говорил, насколько мне известно, всегда сам Платонов и не всегда сообщал об этом другим. Он вообще смотрел, что все сколько-нибудь антисоветски настроенные люди — так или иначе должны числиться в его организации, а говорил с ними тогда, когда уже представлялась надобность дать то или иное поручение данному лицу. В 1926 и 1927 гг. на собраниях указанных лиц происходили чаще разные принципиальные беседы и обсуждались общие темы, чем в 1928 г. Обыкновенно начинал Платонов, другие принимали, смотря по теме — более или менее живое и активное участие в беседе. Когда приезжали москвичи, они обыкновенно рассказывали политические слухи и новости, которые окружают правительственную деятельность. С конца 1927 года чисто политические интересы начинают на этих собраниях преобладать над академическими, которые раньше брали очень много внимания. Или, вернее, академические тоже стали сплетаться с политическими вокруг вопроса о коммунистах-академиках, о новом уставе и т. д. Вместе с тем Платонов все расширял и расширял сферу своего влияния, а потому и влияния организации. Его поездка в 1928 г. в Германию и в Париж придала после его возвращения <деятельности> настроениям¹ организации особенную живость. В 1928 г. Платонов приглашал к себе и виделся в других местах со многими, которые у него во время обычных собраний не бывали никогда: Ферсмана я у него ни разу не видел, Гревса — один раз, Заозерского ни разу, Гирса, Халтурина ни разу. Никаких отчетов Платонов не делал, а иногда, как бы случайно, сообщал то или другое. Я уже сказал, что он, когда говорил по делу, передавал просьбу, поручение и т. п., то говорил всегда с глазу на глаз и никогда не поминал об этом в присутствии других.

В 1928 году я уже почти вовсе не бывал у Платонова: был один раз на именинах Нины Сергеевны и один раз был днем — он был болен,

¹ Слово настроениям вписано Тарле вместо зачеркнутого деятельности без особой отметки.

никого, кроме меня, не было; да один раз в конце декабря 1929 г., приехав из-за границы (и почти никого не было, кроме меня). У меня осталось впечатление, что 1928 год был <самым> более¹ оживленным в жизни организации, чем 1926 или 1927. Когда в 1926 Платонов мне сказал: «Вы теперь с нами, Вы наш!» — то он никак этих слов не пояснил и ни о какой конспирации со мной не говорил, но он стал гораздо откровеннее, чем раньше. Но эта откровенность была очень ограниченной; он и ни с кем вполне откровенен не бывал никогда. Он мне никогда не говорил, числил ли он в своей организации Б. А. Романова. Но напр[имер], когда Романов у него перестал бывать, то он очень злобно и раздраженно просил и меня, и других передать Романову, что это Романов потому не бывает, чтобы угодить своему начальнику по архиву, коммунисту. И Романов поехал к нему и объяснялся по этому поводу. Но, напр[имер], Романов и после этого объяснения бывал у Платонова не тогда, когда другие (перечисленные выше), а в другое время.

2. Бенешевич рассказывал мне о своем пребывании в Риме, о свиданиях и разговорах с кардиналом Пальмьери, с кардиналом, заведующим Ватиканской библиотекой, с другими высшими духовными лицами. Разговоры у них были, кроме чисто научных, связанных с работой Бенешевича в Ватиканской библиотеке, еще и на другие темы: на тему о положении русской церкви и на тему об унии. О положении церкви — Бенешевич говорил об отрицательном отношении соввласти к православной церкви, о гонениях на духовных лиц, о придирчивости властей ко всему, соприкасающемуся как с учением, так и с бытовой стороной церкви, о попытке внести раскол путем создания и выдвижения живой церкви и т. п. Относительно <унии> его спрашивали о духовном образовании, он сказал, что духовные академии и семинарии все уничтожены и что никаких учебных заведений для подготовки духовенства нет, кроме богословских курсов, влачивших некоторое время жалкое существование. Говорил и об изъятии церковных ценностей, о крутости и резкости, с которой в провинции это совершалось, о процессах <духовных> церковников, где тяжело пострадали совершенно невинные люди. Они спрашивали, совершается ли вообще богослужение, <они> он ответил утвердительно. Сказал, что крестные ходы воспрещены в последнее время. Что касается вопроса об унии, то он

¹ Слово более вписано Тарле вместо зачеркнутого самым без особой отметки.

сказал, что многие считают унию в принципе желательной, что это мнение распространено не только в интеллигенции, но и в духовенстве, и что это дело будущего, оно может быть начато еще при совласти, но развернется окончательно при режиме, который ее рано или поздно заменит. Его собеседники отнеслись к этому вопросу об унии с очень живым интересом, говорили, что им уже об этом докладывалось лицами, побывавшими в сов[етской] России, причем им говорилось даже о сильной тяге не только к унии, но и к чистому католицизму. Бенешевич сказал, что и это течение тоже наблюдается, но легче провести унию. Пальмери сказал, между прочим, что теперь каждая церковь подвергается со всех сторон нападением не только в СССР, но и в других странах, христианам остается надеяться только на соединение церквей, на прекращение былых раздоров, чтобы дать дружный отпор общему врагу. Они в разговоре обнаруживали готовность помочь и людьми, и деньгами делу подготовки унии, когда это понадобится. В связи с этим спрашивали его о возможностях сближения с Польшей, что сильно облегчило бы введение унии. Бенешевич, не помню, что на это ответил; <только> но когда он мне это передал, я сказал, что, по-моему, уния может быть последствием лишь водворения такого строя, который ее бы активно поддерживал, но не иначе. Сближение же с Польшей при сов[етском] строе все равно никак не поможет введению унии.

3. В беседе с другим представителем Ген[ерального] штаба (фамилии которого я не знаю) Платонов спросил о возможностях французского вмешательства. Его собеседник сказал, что это возможно, что у них давно были намечены даже условия прохода французских войск через Германию, условия, которые должны были быть приняты предварительно немцами. Немецкая армия соединялась с французами на польской границе и подчинялась франц[узскому] верховному командованию, но сохраняла свой отдельный строй и свое начальство. Финансировался бы поход — французами, которые уже потом предъявили бы свои требования о возмещении расходов к Польше и к России (предполагалось, что самый поход был бы мыслим только, если бы речь шла об избавлении Польши от завоевания сов[етскими] войсками, не иначе). При этой комбинации Германия получала бы большие льготы на Рейне, т. е. то, в чем ей отказывалось при ее самостоятельном выступлении. Платонов на обратном пути передал об этом разговоре немцам, по крайней мере, уезжая из Парижа, сказал дочери, что передаст.

4. Платонов по делу Онегинского музея побывал во франц[узском] Министерстве иностр[анных] дел и говорил с секретарем Бриана. И так как он после этого говорил о воззрениях француз<ов>ских¹ дипломатов, то вполне ясно, что он именно свой разговор с ним и имел в виду. Этот разговор сводился к тому, что французское правительство с участием относится к участи России, находящейся под игом, что оно будет помогать всегда, когда к этому явится какая-либо возможность, что оно дает гостеприимство всем партиям, принужденным бежать из СССР, и т. д. Много они (франц[узские] дипломаты) интересуются Польшей, и не только в <прош> настоящем, но и в будущем, т. е. не захочет ли будущая Россия уничтожить польскую самостоятельность — так говорил Платонов. Он отвечал, что об этом и речи быть не может, что никому теперь и в голову не приходит, что Польша должна быть завоевана или присоединена к России. А франц[узский] дипломат сказал, что ему говорили достоверно, что подобные мысли еще до сих пор встречаются в разных правых русских партиях. О Германии сказал, что и Польша, и Латвия относятся к ней подозрительно, что затруднило бы общие действия, но что все это дело будущей группировки держав, которую сейчас трудно учесть, тем более, что готовится большое германо-польское соглашение по всем спорным пунктам. О вмешательстве франц[узской] армии не сказал ни слова.

К п. 3. Говоря о беседе Платонова² со вторым представителем франц[узской] стороны, я забыл упомянуть, что этот представитель предусматривал в виде другого варианта — одновременное выступление на помощь Польше также всех лимитрофов, кроме Литвы, — и выступление Румынии и Финляндии. Но этот <др> второй вариант как-то мало запечатлелся у Краевичей в памяти, очевидно, о 1-м (т. е. только Франция, Германия и Польша) говорилось отчетливее. Относительно Англии Данну сказал, что она ни за что не выступит в Европе, потому что она не хочет полного падения соввласти, а будет всеми силами бороться против соввласти в Азии, <в Индии> Китае, Афганистане, Персии, Тибете.

Если была живая, связующая сила в этой организации, то это был только Платонов. Другие были пассивны, в том отношении, что все толчки, побуждения — исходили всегда от него. Его принципом было — чем больше людей, тем лучше, и так как они бывали ему нуж-

¹ Слово французов вписано Тарле без особой отметки.

² Фамилия Платонова вписана Тарле без особой отметки.

ны от случая к случаю, то и он вовсе не посвящал их во все дела и пружины своей организации, — то он совсем не был строг в смысле выбора: общего оппозиционного духа данного лица и его возможной полезности в будущем было достаточно, чтобы Платонов захотел ввести такого человека в организацию или, во всяком случае, сильно приблизить его к себе, как он приблизил < . . >¹ Мерварта, которого ничуть не уважал как человека. Он хотел ввести Морозова (шлессельбуржца), акад[емика] Заболотного — хотя они вовсе не разделяли программы организации. Обмануть в этом отношении, скрыть самые важные элементы дела — ровно ничего для него не значило. Вице-президент Академии наук Никитин сказал во всеуслышание в Университете, в свое время: «Платонов — человек н р а в с т в е н н о - п о м е ш а н н ы й». А он вовсе не был врагом Платонова. Гибкость, изворотливость, хитрость, большой дар интриги сделали его полным и бесконтрольным хозяином организации. Только в некоторых случаях он сразу обращался ко всем членам организации: это было, напр[имер], по поводу выборов Любавского и соответствующей агитации в Академии и вне Академии. Обыкновенно же происходили беседы с глазу на глаз между Платоновым и нужным ему в данный момент лицом. Приезды Платонова в Москву всегда сопровождались собранием московской группы либо у Егорова, либо у Яковлева, либо у Богословского, причем бывали и [с]крыто единомышленные люди вроде акад[емика] Северцева. Иногда было и два-три таких приема. Когда я бывал в Москве в это как раз время — то и меня приглашали на эти вечера. Московская группа жила сплоченно, у них было свое замкнутое дружеское общество.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; дата 16/VI-30 г. на л. 422 почерком Стромина; подписи отсутствуют. Т. 2. Л. 422-426.

70

Собственноручные показания Е. В. Тарле

17 июня 1930 г.

В дополнение к своим показаниям о разговорах с Пуанкаре и Брианом показываю еще то, что вспомнив об их вопросах об организации Платонова, Пуанкаре сказал, что он слышал о том, что такое общество есть (он выразился une société), спросил большое ли оно, я

¹ Ружой Тарле вымарано одно слово.

сказал, что не очень большое, что в нем представители интеллигенции. Он знал о Платонове, спросил и первый назвал его фамилию, причем знал о его сношениях с немцами, через Пенго, который сам мне говорил, что знает об организации через барона Нольде. Но Пуанкаре <ничем не интерес> интересовался исключительно вопросом об обязательствах, которые взяла на себя организация перед немцами¹. Я сказал, не пускаясь в подробности, что, конечно, предвидятся дружеские отношения между Германией и Россией, но что никаких обязательств нет. Он только раз затронул этот вопрос и больше к нему в разговоре не возвращался.

Что касается Бриана, то он, не называя Пенго прямо, назвал Нольде, от которого, по его словам, он знает об организации, которая ведет антисоветскую работу. Он упомянул и о деньгах, которые Платонов получает из Германии²; так как еще раньше мне об этом говорили Леритье и Дрио (о чем я уже рассказывал), то я несколько не был удивлен, что Бриан об этом знает: конечно, именно его осведомители первые и должны были об этом обстоятельстве узнать и от них же это должно было уж потом дойти до Комитета международных исторических конгрессов, где заседал Леритье. Он сказал фразу, из которой явствовало, что он не только через Пенго, но и лично беседовал с Нольде (Nolde m'a dit — Нольде мне сказал — так начиналась одна его фраза). Он между прочим спросил — есть ли в организации кто-нибудь [удь] из оппозиционеров коммунистической партии, я сказал, что нет никого. Спросил, как относится организация к вопросу о старых долгах. Я повторил то, что сказал ему в начале разговора в общих чертах, когда говорил вообще об антисоветских экзаменах, т. е., что долги будут принципиально признаны, но от дальнейших соглашений будет зависеть способы и сроки расплаты. Он слушая это, вскользь сказал: «Мне это уже говорили». Потом он перешел к тому, что Общество держателей русских бумаг нападает на Министерство иностр[анных] дел и т. д. и уже об организации речи не было. Еще одно я забыл сказать в прошлых показаниях: он спросил, есть ли связи между антисоветскими элементами в СССР и итальянским фашизмом? Я сказал, что мне не известно. Он сказал на это, что ему говорили, что такие

¹ В подлиннике слова интересовался исключительно вопросом об обязательствах, которые взяла на себя организация перед немцами *подчеркнуты красным карандашом*.

² В подлиннике слова упомянул и о деньгах, которые Платонов получает из Германии *подчеркнуты красным карандашом*.

связи есть и что они завязались через Ватикан, который имеет в СССР массу агентов.¹

2. О рапортах. Часть одного рапорта Краевич мне прочел вслух, именно что-то о падении добычи угля в Донбассе, под влиянием паники среди инженерского личного состава и еще о каком-то приказе по частям, расположенным для маневров на границе с Польшей, где говорилось о близкой войне с Польшей. Эти рапорты были получены так: первый (тетрадка) была привезен к ним в Ванв чиновником германского посольства, который, не застав Краевича, два часа его прождав, не вручая пакета ей² не рекомендовался, что он из германского посольства, но они это сообразили сами, и в книге, где Краевич расписался в получении, он видел немецкий текст одной расписки на той же странице, на какой он расписывался. Другой рапорт был переслан заказным пакетом, городской почтой, в полотняном конверте, с обратной распиской. Краевич из тетрадки сделал выписки, а второй рапорт переписал на $\frac{1}{2}$ — так интересно показалось ему содержание (как военному человеку, сказал он). Он бы и всю тетрадь переписал, сказал он, но тогда торопился передать поскорее и потом пожалел, увидя, что мог бы продержаться у себя смело еще несколько дней. Когда был получен второй рапорт, он поэтому уже не стеснялся и почти половину переписал.*

Вот что еще вспомнилось из рапортов Измайлова: на заседаниях военного совета³ не ведется протокола, это установлено поляками.

В связи с новой аграрной политикой — крестьяне режут или продают в города лошадей и снабжение армии лошадьми затрудняется, как об этом доносят начальники с мест. Ворошилов и Куйбышев настаивают на войне с Польшей и Румынией, Сталин против войны. Ворошилов также ручался, что можно без труда завоевать Манчжурию почти до Мукдена, но Политбюро, под влиянием Сталина, отклонило, из-за Японии. Я запомнил только то, что мне показалось наиболее интересным. Так были разные подсчеты сколько пулеметов,

* Первый рапорт был получен зимой в начале 1929 г., весной. И тогда же отдан Краевичам. — Я приехал в Париж в августе. (Примечание Гарле).

¹ В подлиннике три последних предложения отчеркнуты двойной чертой красным карандашом; отчеркивание сопровождается пометой это очень интересно почерком неустановленного лица тем же карандашом.

² Так в подлиннике; имеется в виду жена Краевича.

³ Так в подлиннике; имеется в виду Реввоенсовет.

какое соотношение численное состава к красноармейцам, но это меня¹ и не интересовало и нисколько не запомнилось. Тем более, что не было окончательных для всей Красной армии цифр, а относительно лишь нескольких частей, относительно которых просто оказалось очевидно возможным эти сведения добыть. Еще было обещание узнать подробно о каком-то химическом военном заводе (или работающем на военные нужды) в СССР, в Москве или около Москвы.

Вообще обещаний было несколько, было ясно, что предвиделось усиление этой деятельности.

Платонов из <Парижа> Берлина² в 1928 г. написал письмо Пилсудскому в третьем лице, т. е. не обращаясь к нему, а называя его всюду «маршал Пилсудский» — и переслал это Зелинскому в Варшаву³, с просьбой передать Пилсудскому. Краевичам он сказал по этому поводу следующее: 1) что во время Русской недели, в Берлине с ним много говорил Ионас (Гетча на этот раз имени я не помню) о комбинации с поляками, о том, что Платонову нужно поехать в Варшаву, говорить с Пилсудским, узнать как он смотрит на комбинированные действия Польши и Германии <помощь> в будущем и возможно ли надеяться на компенсации от Польши в пользу Германии за счет Польского коридора, причем Польша получила бы Белоруссию (или часть ее) от России. Он в письме к Пилсудскому говорил главным образом о желании с ним увидеться и говорить. Н. С. Краевич читала письмо.⁴ Письмо сопроводительное к Зелинскому заключало в себе адрес Краевичей, так как Платонов из Берлина, откуда он писал Пилсудскому, должен был непосредственно ехать в Париж.⁵ Ответ сильно запоздал, но пришел, и хотя Платонов еще был в Париже и прочел этот ответ, но в Варшаву не поехал, потому что Нольде ему сказал, что об этой комбинации уже несколько раз шли переговоры, но в Польше раздражаются при одном только упоминании о Польском коридоре, а без этого вся комбинация рушится. Но, несмотря на это мнение Нольде, Платонов все-таки

¹ В подлиннике слово *меня* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово *Берлина* вписано Тарле вместо зачеркнутого *Парижа* без особой отметки.

³ В подлиннике слова *переслал это Зелинскому в Варшаву* подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

⁵ В копии текст от начала абзаца до слов *в Париж* подчеркнут и отчеркнут красным карандашом; отчеркивание перечеркнуто синим карандашом.

поехал бы в Варшаву, если бы еще и не другие неблагоприятные условия, заставившие Платонова ускорить отъезд в Ленинград, отказавшись от заездов. Мне лично он сказал осенью 1928 года, что собирается в Польшу и хочет в ближайшее время сблизиться с поляками. (Когда он уезжал из Парижа, меня в Париже уже не было). Ответ Пилсудского я видел и читал собственными глазами: мне его показали Краевичи в 1929 году, хотя Платонов писал Пилсудскому по-русски, но тот ответил по-французски, и так же как Платонов — ему, так и он Платонову в третьем лице, подписано *Directeur du cabinet civil Venzkovsky* или *Vitkovsky*, что-то в этом роде, все письмо на машинке, а подпись от руки, с росчерками и оч[ень] неразборчиво. Все это ответное письмо строк 15. Я запомнил лишь смысл: Пилсудский ждет Платонова и просит лишь уведомить о дне прибытия, чтобы сговориться о приеме; запомнил и начальную фразу (потому, что заметил погрешность против француз[ского] языка): *En temoignant la récéption de votre lettre* (Свидетельствую получение вашего письма)¹ тогда как нужно сказать *En accusant la récéption de votre lettre* глагол «*temoignant*» — в официальном языке означает «свидетельствовать». А глагол «*accusant*» (собст[венно] «обвинять») означает тоже свидетельствовать, но с другим оттенком («давать показания»). Начиналось так: Свидетельствую получение Вашего письма от 16 июля, спешу уведомить Вас, что г[осподин] маршал будет иметь удовольствие принять Вас, как только Вы прибудете, и т. д. Было строк 15–20 на машинке. Им он сказал, что писал Пилсудскому только когда получил ответ, а ответ получил дня за два до своего отъезда из Парижа в Ленинград.

В связи с этим скажу, что Платонов, собираясь в будущем в Польшу (если бы он поехал за границу в 1929 г., то, прежде всего, в Польшу, он сам мне это сказал), — рассчитывал на Карского, Бенешевича, Крачковского, Хилинского² и их связи в Польше.

Тогда же в ноябре 1929 г. кроме <случайно> рапортов Измайлова я узнал и еще об одном деле, о котором тоже, с величайшим беспокойством и очень боясь за отца, рассказали мне Краевичи (об этом деле, кроме них, по их словам, и кроме Платонова, абсолютно никто не знал, потому что Платонов сразу потребовал строжайшей тайны): через месяц после своего прибытия в Париж в 1928 году и уже накануне

¹ В подлиннике перевод французского текста вписан Тарле без особой отметки.

² В подлиннике фамилия Хилинского вписана Тарле без особой отметки.

отъезда (именно почти в одно время с получением ответа от Пилсудского) на имя Платонова по адресу Краевичей, где он жил (38, rue de Raphaël, Vanves), было прислано через Лионский кредит от состоящего при Андрее Владимировиче Казаринова 31 000 франков¹ (когда я сказал, что странная неровная цифра, то Краевич ответил, что напротив очень ровная — это ровно² 5 тыс[яч] марок, а при переводе на франки выходит 31 000, даже меньше несколько). Это были деньги на нужды организации, притом неожиданные для Платонова, так как при личном разговоре с Андреем тот ему вовсе их не обещал. Из них 10 000 франков Платонов немедленно вручил Коковцову на случай, если Коковцову и Лохвицкому понадобится снарядить³ кого-нибудь в Россию для каких-либо сообщений, или, словом, дел касающихся организации. 3000 фр[анков] он оставил Краевичам, остальные деньги увез с собой. Относительно же этого снаряжения в Россию мне лично говорил сам Платонов и именно в 1928 году. Он сказал так: Лохвицкий хочет, чтобы его доверенное лицо побывало в России не только по делам платоновской организации, а и вообще ему это нужно и по другим его, Лохвицкого, делам, и он собственно обращается с просьбой к Платонову о содействии, каковое Платонов ему и обещал. Но это было в начале его пребывания в Париже. Когда в конце пребывания пришли деньги от Андрея Владимировича, он и дал на отправку нужного человека 10 000 франков.⁴

Кроме заседания президиума Монархического совета у Семенова, Платонов делал доклады об организации и о положении вещей в СССР еще на заседании у Краевичей и на другом, у Маклакова. И там, и тут было ограниченное количество гостей, из состава монархической партии и гостям очень рекомендовалось осторожность, молчание. Сказал мне это сам Платонов. А сверх того, об его докладе (одному из этих двух) уже после его отъезда, все-таки пошли по Парижу слухи, и об этих слухах я уже говорил в прошлых показаниях. Он (Платонов) не называл мне, да и сам говорит, что не всех знал, из присутствующих. Но некоторые фамилии запомнились. Кроме тех, которые были и в

¹ В подлиннике слова было прислано через Лионский кредит от состоящего при Андрее Владимировиче Казаринова 31 000 франков *подчеркнуты красным карандашом.*

² В подлиннике слово ровно *вписано Тарле без особой отметки.*

³ В копии вместо снарядить *напечатано снаряжение.*

⁴ В копии данное предложение *подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.*

Президиуме, кроме Коковцова, Зворыкина, Герсевича, Вишняка, — были еще Нольде¹, Дубасова (дочь адмирала), Лешерн, Болховитинов, Плансон, Алексинский, С. С. Ольденбург²; говоря об организации, фамилий, конечно, не называл, сказал, что она быстро растет, что предстоит ее широкое развитие в провинции. Положение соввласти изображал³ в мрачных красках, но тут я подробностей не знаю. Оба заседания носили деловой характер, ему предложены были вопросы, в чем больше всего нуждается организация и т. п. Он отвечал: в людях и в деньгах.

Отдельно стоит визит Платонова к Полю Буайе, у которого он виделся (познакомился и говорил) с представителем французского Генерального штаба, которого тогда же за такового и признал. Он был старик, генерал, фамилию Платонов сказал: Донну и Данну. Он мне об этом сказал и прибавил, что тот его спрашивал, а Буайе переводил, <не> но больше не⁴ о военных, а о политических вопросах, — сильно ли антисоветское движение? С кем раньше собирается воевать СССР — с Румынией или Польшей? Нельзя ли узнать фамилии лиц, посланных Коминтерном в Алжир и в Марокко? Платонов от себя, по своей инициативе спросил, может ли <только> будущая возрождающаяся национальная Россия рассчитывать на французскую военную помощь в борьбе против соввласти? Данну ответил, что, конечно, может, что он не сомневается в этом, но что помощь может быть деньгами, оружием и дипломатическим влиянием, а не посылкой войск. Даже полякам в 1920 году французы отказали в посылке войск, хотя те посылали умоляющие телеграммы, а помогли зато оружием и прислаивали разом огромный состав офицеров Генерального штаба, но не солдат⁵. То же самое они могут сделать и для антисоветских сил, когда начнется борьба.

Когда в 1929 году в разговоре с Краевичами я сказал им об этой беседе Платонова с Буайе и этим Данну, то они <даже> не только знали об этой беседе, но сказали, что было еще две по крайней мере, но

¹ В подлиннике фамилия Нольде вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике фамилия С. С. Ольденбург вписана Тарле без особой отметки.

³ В копии вместо изображал напечатано изобразил.

⁴ В подлиннике слова но больше не вписаны Тарле вместо зачеркнутого не без особой отметки.

⁵ В подлиннике слова но не солдат вписаны Тарле без особой отметки.

уж не с Данну, а с другим представителем Ген[ерального] штаба, что устроились эти беседы через Буайе, но что французы и помимо того знали о пребывании Платонова в Париже, потому что франц[узский] штаб имеет постоянную связь с Лохвицким, Кутеповым и военными, которые около них работают. И что эти беседы были у Платонова уже перед его отъездом из Парижа. Как теперь помню такие слова Платонова, когда я сказал ему, выслушав его краткий пересказ беседы с французом: «Вы, к концу, верно, догадались, кто он?» Платонов ответил: «С самого начала знал отлично». А Краевич (Над[ежда] Серг[еевна]), которой я эти слова передал, сказала, что ее отец говорил так, что он смотрит на борьбу против соввласти, как на борьбу против внешнего вторгнувшегося в страну завоевателя, против которого можно и должно призывать на помощь союзников, откуда угодно. Когда я (все во время этого последнего разговора с Краевичами в ноябре 1929), вспомнив при них рассказ Платонова о свидании с Данну, сказал, что мне показалось странным, что он с ним не говорил о том, что его больше интересовало, т. е. об отношении французов к возможному германскому вмешательству, то Н. С. Краевич сказала, что он говорил и об этом, но говорил уже перед отъездом в тех беседах, которые у него были. Один раз она сказала — Буайе заехал к ним днем и, не отпуская автомобиля, забрал Платонова и поехал с ним на одно из таких свиданий. Но об этих последних беседах Платонов мне лично уже <ничего> не говорил ничего, когда спустя несколько месяцев в октябре 1928 г. я вернулся в Ленинград (во время второй половины пребывания Платонова я уже не был в Париже, а лечился в Виши, а когда приехал из Виши, его уже не было, он уехал в Россию). Н. С. Краевич сказала мне, что в 1926 году была речь о поездке Платонова в Данию, для свидания с б[ывшей] императрицей Марией Федоровной, причем он должен был повезти в Россию от нее деньги, для раздачи ее пенсионерам, живущим в Москве, в Ленинграде, Киеве¹ и др[угих] городах и которые перестали от нее получать чтобы то ни было из-за арестов и пр[очего]. Но поездка не состоялась из-за болезни жены Платонова, бывшей тогда с ним вместе за границей. Марии Федоровне о Платонове дал знать Андрей Владимирович и мысль дать ему деньги для передачи в Россию возникла <не> у самой Марии Федоровны. Я спросил, почему же она просто не переслала ему деньги? Но Н. С. Краевич сказала, что она должна была прежде расспросить Платонова кто жив, кто умер, кто особенно нуждается, т. к. ничего о своих пенсионерах не

¹ В подлиннике слово *Киеве* вписаны *Тарле* без особой отметки.

знала уже долгое время. Н. С. Краевич сказала¹, что к ним приезжал Шебеко, который от имени <ее> Марии Федор[овны] и просил Платонова приехать. Но, во-первых, поездка должна была состояться позже, чем это удобно было бы Платонову, а, во-вторых, жена Платонова была больна хронически и просила скорее везти ее домой. Так что поездка к Марии Федоровне не состоялась.

Я спросил, между прочим, откуда Платонов знает пенсионеров Марии Федоровны. Н. С. Краевич ответила, что он их не знает, но она бы ему их назвала, и он мог бы тогда сообщить ей, живы ли они и как живут.

Евг. Тарле²

К разговору Платонова с Данну: Данну сказал ему, что маршал Фош и Гуро живо интересуются всем, что происходит в России, что они всегда были за активную поддержку антисоветского движения в России, но что препятствия внутреннего и дипломатического характера были таковы, что нечего было и думать о военном выступлении. Платонов добивался ответа, при каких условиях французы выступили бы, Данну ответил, что если бы война с Польшей или Румынией повернулась в удачную для СССР сторону и этим государствам грозила бы гибель. Но прибавил, что есть много других способов оказать поддержку всякой борьбе против соввласти. Спрашивал, какие командиры Кр[асной] армии особенно популярны в армии и в народе? Платонов назвал Буденного. Спросил, есть ли у платоновской организации какие-ниб[удь] намерения завести связи с одним из таких популярных командиров? Платонов ответил, что если это окажется возможным, это будет сделано. Решено было, что связь между Платоновым и Данну будет поддерживаться через Буайе и Краевичей. Платонов сказал, что в планы будущего восстания входит отправка парохода с людьми и оружием из какого-либо французского порта, и спросил, как бы франц[узское] правительство отнеслось к этому? Данну ответил, что, безусловно, будет разрешено, при соблюдении известных форм. Условились, что Платонов перед отъездом еще раз увидится с ним. Но

¹ В подлиннике слова Н. С. Краевич сказала вписаны Тарле без особой отметки.

² В копии подпись Тарле отсутствует, благодаря чему дополнения к предыдущим показаниям, написанные на отдельных листах, воспринимаются в копии как последовательно изложенное продолжение предшествующего текста.

увиделся он — это уж я знаю от Краевичей, не с Данну, а с другим представителем штаба (и тоже при посредстве Буайе), и тут было условлено, что Платонов будет через Буайе с ним сноситься в случае надобности.

Е.Тарле

Допросил:

Стромин¹

** - 1. К тому, что уже раньше было мною сказано о беседе с Милюковым, могу припомнить, что он предлагал свои услуги организации. Я сказал, что передал это. Он спрашивал, есть ли разветвления организации Платонова в Риге, в Эстонии, в Литве? Я ответил, что нет, но что Платонов желает завести там группы. Милюков настаивал, нет ли возможностей переправлять при помощи платоновской организации литературу (его газету) в СССР. Я ответил, что не знаю этого вовсе, но что скажу об этом, когда вернусь, членам организации.

2. Насколько я могу припомнить разговоры мои с Бенешевичем об унии, я не один раз, а много раз выражал полное недоверие к возможности успеха этой идеи, особенно в деревне. Однажды я высказал ему такую мысль, что прежде всего понадобились бы совсем особенно воспитанные духовные лица, потому что до сих пор, насколько мне известно, одной из основ подготовки русского духовенства служило именно противоположение православия католичеству и полемика против него. Бенешевич возражал, что в самом духовенстве замечается уже теперь тяга к унии. Он настаивал на том, что для русской церкви, совершенно беззащитной и жестоко преследуемой, получить покровительство Ватикана было бы таким благом, за которое можно было бы многим пожертвовать. Я спросил, как относятся католические руководители к этой идее? Он ответил, что они все это приветствуют и делают все от себя зависящее, чтобы облегчить введение унии. По мысли Бенешевича выходило, что уния может начать вводиться еще и теперь при совласти, которая так враждебна православию, что согласится на любое нововведение в церковной области, в надежде усилить этим раздор в церковной жизни. Но что, в конечном счете, совласть тут ошибется и уния укрепит позицию церкви и даст ей могущественную

¹ В копии подписи отсутствуют; местонахождение подлинника текста, отмеченного символами ** - и -** неизвестно; этот фрагмент публикуется по копии.

точку опоры. Что вообще выбора нет, и Рим это единственная надежда на защиту от гонений, направленных к искоренению церкви. Я помню сказал еще, что не знает ли он, как Евлогий отнесется к унии, которую он преследовал в Галиции, когда там стояли русские войска. Бенешевич ответил, кажется, что с этой стороны теперь брожений не будет. Я сказал, между прочим, что, конечно, политические выгоды от унии были бы очевидны, если бы само дело не казалось таким трудно исполнимым.

3. В Берлине Ионас и другие немцы того же направления (Гетча не поминали) имели (во время Недели русских историков, летом 1928 г.) совещание с Платоновым, в котором очень советовали ему вступить в сношения с Пилсудским и привлечь его к переговорам о вмешательстве. При этом выигрывалась бы, во-первых, помощь Франции, которая уже не смотрела бы подозрительно на все это дело, как она смотрит, пока речь идет только о немцах, и, во-вторых, легче было бы поднять соответствующее настроение в самой Германии, потому что, если бы полякам обещать территориальное возмещение в Белоруссии, то они бы согласились возвратить часть Польского коридора немцам, и при этих условиях общественное мнение Германии все целиком, кроме коммунистов, было бы за вмешательство. Они даже просили Платонова немедленно из Берлина ехать в Варшаву, но он решил все-таки поехать в Париж, а пока удовольствовался тем, что послал письмо для передачи Пилсудскому с просьбой о свидании. Он сделал это почти накануне отъезда своего в Париж и дал для ответа адрес Краевичей, у которых должен был поселиться.

4. Еще о рапортах Измайлова. Кроме изложенного в прошлых показаниях вспоминаю еще, что в этих рапортах говорилось, что по мере преследования инженеров, с одной стороны, очень падает уровень технической подготовленности армии, так как начинают на самые ответственные места сажать людей, с трудом кончивших даже средние учебно-образовательные техникумы, а, с другой стороны, среди настоящих специалистов растет озлобление и стремление к вредительству и саботажу. Указывалось, что технический персонал, обслуживающий армию, настроен оппозиционно в значительной своей части. Говорилось еще, что сов[етская] контрразведка поставлена очень хорошо именно на польской границе, где очень много польских солдат на постоянном жаловании сов[етской] контрразведки и несколько офицеров также. Что есть план перевооружения Красной армии, рассчитанный на

3 года, после чего возможны активные выступления СССР против Польши и Румынии.

5. О Дубасовой. Она дочь адмирала, б[ывшего] генерал-губернатора в Москве. В настоящее время играет большую роль в монархических кругах в Париже и Лондоне, а также в церковных делах в эмиграции. Близка к Кутепову, Лохвицкому, особенно же к барону Нольде. Она же близка Кириллу Владимир[овичу]. Она изредка бывала у Краевичей. Дубасова принята при английском дворе и поддерживает связь между английским двором и парижской белоэмиграцией.

6. Что немецкие офицеры действуют в Финляндии, в Латвии и у лимитрофов вообще, я слышал из нескольких уст, как в СССР, так и за границей. Слышал от Мерварта, от Платонова. Платонов говорил мне, что ему в Германии сказали, что финляндцы взяли на службу наилучших герман[ских] офицеров прежнего Ген[ерального] штаба и что все их усилия направлены на выработку плана кампании против СССР. По какому поводу сказал Мерварт о том же, я уж не помню. Помню, что он сказал, что только немцы избавили Финляндию от большевизма и что они же организовали финскую армию. Платонов собирался завести сношения с латвийскими государств[енными] людьми (кроме Тентеля) и по этому поводу сказал, что немцы облегчат ему это, так как немецкий штаб имеет прямую связь в Латвии. За границей (в самой Риге) я слышал от Л. К. Круглевской, что к немцам в Латвии относятся подозрительно, но что Рига заполнена английскими и французскими военным специалистами, которые устраивают морскую и сухопутную оборону от нападений со стороны СССР. О немецких офицерах в Риге она не говорила ничего.

7. О Мерварте. Что Мерварт немецкий агент — я не имел никакого понятия. Но я знал его резко антисоветское настроение. Раз, когда он жаловался на неполучение заграничного паспорта, я сказал, что он сам виноват, переменяв немецкое подданство на русское. Он ответил, что это было еще до революции, когда быть гражданином Российской империи было почетным, а теперь бы он этого ни за что не сделал. Он говорил много о своем долгом пребывании в Индии с женой и о том, что англичане относились к ним обоим в высшей степени подозрительно. Что потом они жили во Владивостоке, он говорил о разрухе, которую внесла революция в самых враждебных революции выражениях. У него были какие-то сношения с японцами, так выходило, по его же словам, но он не говорил, что был японским агентом (теперь я

думаю, что он именно в качестве такового там и был). С Платоновым он стал сближаться очень быстро и решительно в последние два года. Он заговорил со мной о Платонове и платоновском окружении так, чтобы продемонстрировать свою близость к ним, и Платонов, с своей стороны, при мне отзывался о Мерварте, как о своем человеке, говорил, что нужно ему дать перевести письмо в Германию (т. е. Отто Гетчу написанное).

Е. Тарле -**

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. 17.VI.30 г. почерком Стромана; подписи автографы. Т. 2. Л. 427–433 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 434–446.

71

Собственноручные показания Е. В. Тарле

21–22 июня 1930 г.

1. Кончая описание разговора, бывшего с Платоновым перед моим отъездом, я еще раз подчеркиваю, что он очень рекомендовал говорить с французами об организации как о серьезной величине. Я тут же замечу, что располагал в то время, основываясь на словах того же Платонова, некоторыми данными об организации, которые указывали на ее рост в течение 1927–1928 гг. Она зародилась в 1925 г., я сблизился с ней в 1926 г., и в течение 1926–27–28 гг. Платонов делал все усилия для ее увеличения. Он несколько раз, в разговорах со мною, мельком упоминал цифры, которые пояснял так: «Вот сколько сейчас около нас людей, на которых можно положиться», — или: «Я считаю, что мы теперь имеем столько-то друзей» (слово «друзья» он вообще употреблял, имея в виду членов организации). И вот цифры, которые в разное время он произносил при мне: в 1926 г. — 45, в 1927 г. — «под сотню подходит», в том же 1927 г. — «за сотню», и потом, в конце 1927 г. и в 1928 г. говорилось о 150. Все это давалось в таких вот круглых¹ цифрах, и когда было сближение с Ферсманом и расчеты на инженеров, то была и такая фраза сказана Платоновым: «Теперь, когда у нас скоро будет чуть не триста человек. . .». Я уже несколько раз говорил и еще раз настаиваю, что он без всякого особого раздумья начинал

¹ В копии вместо круглых напечатано крупных.

числить в организации людей, которые казались ему, во-первых, по настроению своему антисоветскими и, во-вторых, сколько-нибудь могущими быть полезными в настоящем и будущем.

2. Я уже сказал в¹ своих показаниях, что он в этом разговоре перед отъездом настаивал на том, что именно меня (и почему именно меня) Отто Гетч и немцы хотели бы видеть ведущим о них разговор в Париже. Опять прибавлю², что Платонов сказал, что для них, немцев, только с того момента, когда французы отнесутся положительно к их планам — все это дело перестанет быть авантюрой и станет серьезным и что тогда они уверены будут в общем сочувствии в Германии и, главное, что они не могут внезапно подвести свое правительство под неприятности и под окрики со стороны французов. А кроме того, говорил Платонов, если французы отнесутся положительно, то организация станет европейской величиной. И еще что-то говорил в том же роде. Когда я ему указывал на всегдашнее отрицательное отношение французов к идее немецкого действия в России, он сказал, что времена меняются и что уж то, что с ними заговорят об этом, будет очень существенно. Он между прочим сказал, что немцы очень давно уже домогаются, чтобы со стороны организации было об этом говорено в Париже. Он настаивал с своей стороны, что именно оттого, что у меня репутация германофоба и антантофила, что так отзывались о моей книге в печати («Европа в эпоху империализма»), мне особенно удобно говорить с французами, и он прибавлял, что таково именно мнение Отто Гетча, который ему об этом даже писал и передавал через Цейхлина то же самое³. Он стал вообще говорить о своей организации: как она растет быстро, как он надеется, что все партии, все оппозиционно настроенные люди к ней в близком будущем прямо или косвенно примкнут, как на ней кристаллизуется страшное раздражение и недовольство, царящие в стране, как «не нужно отпугивать» программными спорами, а думать пока только о борьбе против врага. Не нужно никакого

¹ В копии при перепечатке из-за расположенных в рукописи друг под другом двух предлогов в машинистка пропустила конец данного и начало следующего предложения настоящим и будущем. 2. Я уже сказал в, отчего предположение, не утратившее грамматической логики, стало бессмысленным по содержанию и уничтожило взаимосвязь между абзацами подлинника, т. к. из пяти пунктов показаний оригинала в копии упомянуто три пункта: 1, 4 и 5.

² В копии вместо прибавлю напечатано прибавляю.

³ В подлиннике слова и передавал через Цейхлина то же самое вписаны Тарле без особой отметки.

догматизма, говорил он. Важно, чтобы была в стране такая организация, которая могла бы говорить от имени всей антисоветской России, на которую так бы смотрела и Европа, и эмиграция. Он считал, что его организация вскоре так усилится, что начнет не только ждать событий, но и влиять на них. Он сказал, между прочим, такую фразу: «В провинции у меня есть такие корреспонденты, из которых каждый стоит целой группы по своей толковости и преданности делу» (см. на стр. 1-ой, § 5-ый).

3.¹ К тому, что я писал о разговоре с Пуанкаре, прибавлю, что он спрашивал в начале разговора — 1) об общем положении в СССР и 2) об организации и ее планах. По первому вопросу я сказал, что диктатура не подвергается, правда, никаким нападениям и все враждебные ей партии разгромлены, но все-таки налицо оставались трудности, которые подрывают уверенность в прочности господствующего положения. Я говорил о том, о чем слышал от членов организации: о недовольстве в деревне прежде всего. А так как деревня — это большинство, то значит, режимом недовольно большинство страны. Говорил о том, что даже по статьям советской прессы дело торговли с Европой (Внешторг) поставлено так, что содержание огромного аппарата обременяет товар, удорожает его и сводит к нулю очень многие возможности. Говорил о продовольственных затруднениях, сравнительно мало заметных, правда, в Ленинграде и Москве, но очень чувствительных в провинции. Рисовал общее положение в мрачных красках.² О том, что прежнее стремление заставить крестьянина давать городу дешевый хлеб и получать взамен от города дорогой товар, что это стремление продолжает существовать и что без насильственных мер относительно деревни не обойдется, а эти меры могут вызвать такой же насильственный отпор, причем нельзя предсказать, ни когда это начнется, ни чем кончится. Говорил, что Красн[ая] армия пока верна правительству, но что она — крестьянская по составу и как она себя поведет, если борьба с деревней разгорится — неизвестно. Он спрашивал о промышленности, я сказал, что есть заводы, о которых определенно говорят, что они очень хорошо работают, но рядом есть и такие, где производство происходит плохо, вяло, лениво, где во главе сидят совсем некомпетентные люди, выдвинувшиеся не по технической, а по политической линии. Что преследования инженеров разрушают дисциплину в

¹ В копии цифра 3 отсутствует.

² В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

копях, на фабриках и заводах, и хотя правительство уже несколько раз в печати хотело поднять престиж инженеров и поднять дисциплину, но это удастся плохо, инженерам не верят, рабочие подозрительно относятся к их указаниям и т. п. Он спросил о том, много ли немецких оружейных заводов в СССР, я сказал, что не знаю.

Разговор перешел на организацию Платонова. Он спросил, что такое эта организация, сильна ли она, каковы ее планы. Я отвечал, что она возникла несколько лет тому назад, что она объединяет в своих рядах представителей разных слоев и оттенков интеллигенции, анти-советски настроенной. Что в ней и вокруг нее сосредоточивается много людей, играющих видную роль в научной и экономической жизни России, и даже немало занимающих видные служебные положения. Он спросил о ее планах. Я сказал, что она агитацией, насколько таковая возможна в условиях СССР, стремится распространять и усиливать недовольство против соввласти, что она одновременно готовит кадры для будущих выступлений, что она разрабатывает планы таких выступлений, что она готовится к активной роли в момент, когда соввласть начнет гибнуть, и что ее глава и инициатор Платонов считает, что она будет ячейкой будущей России. Пуанкаре спросил, не была ли она создана Платоновым по прямому внушению из Берлина? Я сказал, что нет, но что отношения с немцами укрепились окончательно в 1926 г. и что влияние немцев, конечно, было. Он сказал, что каким образом немцы-националисты одновременно поддерживают самые дружеские отношения и с советским правительством, и с платоновской организацией. Я уж не помню, что на это ответил. Он заговорил о Коковцове и спросил, как он относится к организации. Я сказал, что сочувственно. Сейчас же после этого он назвал Тимашева и Лохвицкого. Я сказал, что, насколько мне известно, Лохвицкий в сношениях с Платоновым, а о Тимашеве не знаю. Он о Лохвицком говорил с похвалой, называя его истинным патриотом и превознося его умеренность¹ и умение считаться с духом времени и с политической обстановкой. Лохвицкий никогда не падает духом, сказал он между прочим. Просил сказать, как относятся члены организации к разным европейским державам, не смотрят ли они на них только через немецкие очки. Я ответил, что, по мнению членов организации, ближайшая задача внешней политики России — установление дружеских отношений со всеми и, прежде всего, между континентальными державами, Россией, Францией, Германией. Он

¹ В копии вместо умеренность напечатано умственность.

сказал, что знает бар[она] Нольде, который большой германofil, и спросил, какое он имеет отношение к организации. Я сказал, что он близок с Платоновым. Он спросил, близок ли Платонов к Кириллу Владимировичу. Я сказал, что он близок к Андрею Владимировичу, преподавателем которого он некогда был. Он спросил, знаю ли я Маклакова. Я ответил, что не знаю лично, что он в сношениях с Платоновым.

Вся эта часть разговора предшествовала той (самой главной), о которой я уже дал отчет в своих показаниях.

4. Была подобная же (но не совсем такая) предварительная часть беседы и с Брианом, и в дополнение к тому, что я написал об этой беседе, постараюсь вспомнить об этих предварительных фразах. Об общем положении он, правда, тоже спросил, но наскоро, бегло, и я тоже ответил общими фразами, < . . . >¹ указав на экономическую разруху, недовольство крестьян, дороговизну и т. п. Он стал расспрашивать о Платонове. Я ему рассказал (насколько сам знаю) политическую биографию Платонова, чем он был до революции, его связи с б[ывшей] династией, его настроения после революции. Он спросил, какие круги общества примыкают к платоновской организации. Я сказал, что главным образом интеллигенция, причем отметил, что монархический элемент несуществен для всех, кто входит в организацию, что существенно лишь антисоветское настроение, что же касается вопроса о монархии, то организация представляет это всецело разрешению будущего собрания нар[одных] представителей и вовсе не ставит непременным условием выбор именно этой формы правления. Он сказал, что он видел несколько времени тому назад Струве и что тот ему сказал, что теперь русским людям нужно выбирать одно из двух: большевизм или монархию — и спросил, участвует ли Струве в организации, я ответил, что не участвует. Он спросил, каковы силы, которыми располагает организация, и нет ли в ней представителей оппозиционеров-коммунистов. Я сказал, что коммунистов нет. Что же касается сил, то в ней соединено много представителей служащей интеллигенции, ученые, инженеры, техники и т. п., что она имеет особую группу, связанную с военными б[ывшими] специалистами, что она уже теперь заблаговременно готовится к организованным выступлениям. Он спросил, есть ли еще такие или подобные ассоциации в СССР. Я ответил, что, насколько мне известно, это единственная (NB: я забыл сказать, когда говорил

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

о разговоре с Платоновым, что он рекомендовал указывать при случае французам, что никакой другой аналогичной организации антисоветских сил нет и в помине в нынешнем СССР). Он спросил, как организована эта ассоциация. Я сказал, что во главе стоит Платонов, что некоторые члены организации, ближе к нему стоящие, собираются время от времени вместе; что далеко не все члены организации известны взаимно друг другу, хотя все они известны Платонову; что это обуславливается потребностями тайны и безопасности, что инициатива дел, поручения и пр[очего] — исходят от Платонова, который и беседует с потребным в данном случае лицом; что это лицо перед ним и отчитывается после исполнения данного ему поручения. Что организация ставит себе одной из целей — планомерную агитацию против советской власти. Что на заседаниях, на которые время от времени собираются члены организации, обсуждаются различные текущие вопросы, устанавливаются общие точки зрения и вырабатываются темы для агитации. Что организация, имеющая свои группы в Ленинграде и Москве, стоит накануне распространения своего по периферии, в провинции. Что стремление организации — охватить и включить в свои рамки все остатки разбитых антисоветских группировок, заставить их забыть разделяющие их несогласия и соединить их в одну антисоветскую силу. Бриан спросил, бывают ли на заседаниях организации немцы, связанные с Платоновым и его организацией. Я ответил, что не бывают, что они сносятся только с Платоновым, что я, напр[имер], даже незнаком ни с одним из них, никогда не видел ни одного из них. Тут он стал допытываться о том же, о чем спрашивал и Пуанкаре. Но Бриан гораздо настойчивее это¹ делал. Правда ли, что самая организация Платонова создана по инициативе немцев и на немецкие деньги?² Я ответил отрицательно, но он не удовольствовался и сказал, что от выяснения этого вопроса зависит и его отношение ко всей комбинации. Пока он не удостоверится, что инициатива шла от русских, до тех пор он должен смотреть на эту комбинацию, как на проявление одного из методов германской дипломатической практики. Я решительно опроверг мнение о том, что организация создана немцами, и сказал, что немецкая поддержка была очень важна для Платонова, в особенности же немецкие обещания насчет будущего вмешательства в русские дела. Он тогда сказал: если это была не германская инициатива, то почему же немцы первые узнали о ней и первые предложили свои услуги. Я

¹ В копии вместо это напечатано все.

² В копии это и предыдущее предложения объединены в одно.

ему рассказал о встречах на чествовании 200-летия Академии наук, о сближении с Гетчем, Ионасом, Эдуардом Мейером. Кстати, — когда я рассказывал об этом впоследствии Платонову, то он сказал: «Еще бы! Без немцев ничего бы и не было!»

5. Я <его> редко видел Платонова в таком состоянии, как тогда, перед моим отъездом. Он получил какие-то новые заверения от Гетча, которые очень его радостно взволновали: он говорил, что немцы предвидят громадные возможности для его организации, что приглашают его приехать, что он непременно поедет и т. д. Планы деятельности организации рисовались ему так: организация следит, критикует, публикует за границей, разоблачает действия и деятельность соввластей, заводит всюду филиальные отделения, готовит умы к мысли и неизбежности падения сов[етского] строя, устраивает систематически публикацию воззваний, сообщений, листовок и т. д. где-нибудь у лимитрофов, и безопасное доставление сюда. Я запомнил фразу, которую он, поясняя, повторил раза три: при деньгах все это очень легко, а деньги будут. «Людей, — повторил он, — достаточно, а теперь и денег будет более чем достаточно, о нас пекутся!» Это его точные слова. Я понял, что деньги ему обещаны из Германии, да он это и не скрывал уже.

(Конец разговора с Брианом, вчера не дописанный.) Он очень подчеркнул, что хотя в принципе у французов, в общем предположении о войне с СССР, взята такая установка, что считать с освобождением Польши свою миссию выполненной, но генералу будет предоставлена, в зависимости от обстоятельств войны и за пределы Польши. Что тут ничего предрешать нельзя, все решается в последующий момент. Если Красн[ая] армия отхлынет от Польши, то, м[ожет] б[ыть], не сразу остановится, и можно будет, идя за ней следом, без борьбы овладеть Ленинградом и Москвой. Что, словом, важно выступить, а уж если Франция выступит, то от такта и ума (*ésprit*) русских будет зависеть извлечь из этого выступления наибольшую пользу. Сказал, что знает Лохвицкого, о котором слышал лестный отзыв со стороны маршала Франшэ д'Эстре (о Лохвицком заговорил первый). Сказал с ударением: с того момента, как мы решим¹ послать вооруженную силу, мы предоставим абсолютно все полномочия генералу, который будет командовать отрядом. А официально мы опять возьмемся за это дело, лишь,

¹ В копии вместо решим напечатано решили.

когда генерал приедет с отчетом о своей <...>¹ экспедиции. Из слов Бриана выяснялась такая мысль: он был бы согласен принять участие в походе, если бы французам гарантировалось, что руководящая роль будет <вся> всегда принадлежать их генералу и ни в каком случае не немцам, и что все действия немцев и всей вообще коалиции будут под неослабным наблюдением, контролем и властью французского командования. Замечу, что, по существу, к тому же сводились и слова Пуанкаре, но у него было больше сдержанности в выражениях и больше условных фраз. Он усиленно подчеркивал, что пока инициативная роль предназначается немцам, до той поры французы будут в выжидательной и наблюдающей роли, готовые выступить на защиту своих интересов. Отсюда следовало, что инициативная роль должна была быть передана Франции и тогда Франция может выступить, <может начать> а чем именно кончится это выступление, решится уже в процессе борьбы под влиянием логики событий², борьба может окончиться не на польско-русской границе, но в Москве. Немцам отводилась роль: 1) в деле перевозки франц[узских] войск по прусской сети железных дорог от Кельна до Польши, 2) их небольшая, но прекрасно организованная армия должна была под французским высшим командованием принять участие в действиях.

В разговоре с Брианом шла речь еще (он заговорил) об установлении в будущем, в случае перемены строя, прочных экономических связей между Россией и Францией. Франция, сказал Бриан, теперь уже не та, которую вы знали до войны, она уже вывозит не только цветы, духи и шампанское, но все решительно товары, как текстильные, так и металлургические. И она может снабжать Россию ничуть не хуже, чем Германия. Я сказал, что не сомневаюсь, что в будущем будет заключен выгодный для обеих стран франко-русский торговый договор. О долгах и подписании обязательства их вернуть он говорил в разное время разговора, длившегося очень долго, но точного времени не помню, часа два, м[ожет] б[ыть], больше, причем сказал, что французы могут дать не только товары, но и деньги на их покупку, т. е. новые займы, но нужна уверенность в прочности и дружественности линии поведения России относительно Франции.

Он сказал, между прочим, что лимитрофные государства все будут «механически» втянуты в войну против СССР в случае войны СССР с

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано два слова.

² В копии вместо событий напечатано события.

Польшей. Лемуанон, сидевший тут же, сказал, что главные силы во всякой такой войне всегда будут направлены на Москву, а Ленинград может быть занят финляндцами. Что так выходило еще по старым планам 1918–1919 гг. Ни Пуанкаре, ни Бриан ни единого слова не скали по вопросу о положении церкви в СССР. Вообще особого любопытства по вопросу о внутренних делах СССР они не обнаружили.

По приезде я передал все это Платонову. Мой вывод был, что французы решительно ничего не хотят немцам дать или обещать за их выступление и что вся эта комбинация оказывается маловероятной вообще. Все ставится в зависимость от выступления самих французов, а это выступление мыслимо лишь в случае нападения СССР на Польшу. Платонов согласился насчет немцев, даже сказал что-то вроде: «Бедные наши немцы огорчатся». Но вообще мой рассказ произвел на него скорее ободряющее впечатление: он хотел истолковать заключительные фразы Бриана, принципиальное сочувствие¹ в устах Пуанкаре — как некоторое обещание² французского вмешательства. Все дело, повторял он, в войне с Польшей, а это неизбежно потому, что обе стороны этого хотят, не уступают друг другу ни в чем и кто-нибудь да начнет войну. Мало того, он хотел выработать особый план или пересчет, вернее, всех тех экономических благ, которые получит Франция от будущей России, и хотел, чтобы это составил Коковцов и сам бы отвез тому же Бриану или Пуанкаре. Даже лучше, прибавил он, Пуанкаре, чем Бриану, потому что именно Пуанкаре разрешил Коковцову в свое время громадный золотой заем за несколько лет до войны и они друг друга хорошо знают. Но, кроме того, Платонов утверждал, что даже и без выступления Польши, и без выступления Франции дело приобретает благоприятный для организации вид, важно, что до сведения французов доведено об этом проекте, что они видят, что от них не скрывают и что они не наложили формального veto на весь план. Я сказал, что и Пенго, и Пуанкаре, и Бриан — все вполне недоброжелательно высказывались о выступлении Германии. Но он настаивал, что Бриан сказал, что ни запрещать, ни позволять Германии они не могут ничего, но что будут выжидать и наблюдать. Я сказал, что это и есть дипломатическая форма отказа и запрета. Но Платонов стоял на своем: он говорил, что Пуанкаре или Бриан привыкли совсем по-другому разговаривать с Германией и если бы, в самом деле, не хотели, то про-

¹ В копии вместо сочувствие напечатано отсутствие.

² В копии вместо некоторое обещание напечатано некоторые обещания.

сто сказали бы: «не смей», как говорят ей это (они же) чуть не каждый день по разным поводам, и значит, напротив, такая вежливая и осторожная фраза показывает, что это замаскированное разрешение скорее, чем отказ. Спустя месяц, встретив меня, он сказал, что немцы (Отто Гетч) толкуют слова Бриана, как он, Платонов, а не как я, что он писал в Германию об этом и вот теперь получил ответ, и что они очень довольны. Он написал Коковцову, но не послал ему план экономических компенсаций для Франции, как сначала думал выработать здесь, а поручил ему самому же (Коковцову) выработать проект и отвезти Пуанкаре. Сделал ли тот это, я не знаю.

Подлинник; рукопись; автограф Тарле; заглавие Собственноручные показания Е. В. Тарле от 22 июня 1930 г. почерком Строминина; подпись отсутствует. Т. 3. Л. 1–8 об.

Копия; машинопись; дата 22.VI.–30 г. почерком Строминина. Т. 3. Л. 9–19.

72

**Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминным**

24 июня 1930 г.

В дополнение моих предыдущих показаний сообщаю, что вопрос о названии организации, возглавляемой С. Ф. Платоновым, обсуждался на наших заседаниях неоднократно, в особенности в 1927 и 1928 гг. Этот вопрос вызывал общий интерес, ему приписывалось большое политическое значение, т. к. необходимо было придумать такое название, которое, с одной стороны, определяло бы сущность стремления организации, а с другой стороны позволяло бы объединить возможно большее количество политических группировок под руководством единой организации.

При разрешении этого вопроса предлагались следующие названия: «Союз возрождения свободы и законности» — предл[агал] Богословский; «Союз возрождения Российской империи» — предл[агал] Любавский;¹ «Союз возрождения великой и свободной России» — предлагал я, Тарле; «Союз возрождения государства и церкви» — предл[агал]

¹ В копии слова «Союз возрождения Российской империи» — предл[агал] Любавский подчеркнуты красным карандашом.

Рождественский; «Союз восстановления права, свободы и собственности» — предл[агал] Платонов;¹ «Союз конституционных монархистов» — предл[агал] Измайлов; «Союз борьбы за право, свободу, монархию и собственность» — опять Измайлов и «Союз возрождения свободного государства и свободной церкви» — предложил также Богословский.

В конечном итоге, после ряда редакционных поправок, принято было название «Всенародный союз возрождения свободной России»², которое показалось наиболее целесообразным с вышеуказанных точек зрения.

Присутствовали на этом заседании следующие лица: Платонов, Лихачев, Рождественский, Измайлов, я и, может быть, Васенко и Андреев. Относительно последних двух у меня нет уверенности.

Название организации не получило широкого распространения среди членов организации и осталось достоянием узкого круга деятелей организации, как внутри СССР, так и за границей.

Уже после принятия этого названия некоторые члены организации, как, например, Богословский, Краевич и др[угие], высказывали сожаление по поводу отсутствия упоминания в названии организации о монархии, церкви и «Великой и неделимой», но слова эти не были приведены сознательно, т. к. они безнадежно скомпрометировали бы организацию. Нужно отметить, что германские единомышленники организации обнаруживали интерес, чтобы она имела определенное наименование, и отчасти под этим влиянием был ускорен выбор названия.

Обычно название употреблялось очень редко. Я лично разговаривая об организации за границей, назвал ее или группой Платонова, или «Союзом освобождения (возрождения) России (от коммунистов)». Между прочим, это название я привел в беседе с Бенешевичем перед его поездкой за границу весной 1927 г., т. е. тогда, когда еще не существовало определенного названия, а Бенешевич, изъявивший согласие

¹ В копии слова «Союз восстановления права, свободы и собственности» — предл[агал] Платонов *отчеркнуты красными чернилами двумя чертами.*

² В копии слова «Всенародный союз возрождения свободной России» *подчеркнуты красным карандашом.*

примкнуть к организации, заинтересовался ее названием. В правильности своих показаний подписываюсь.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромина; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 3. Л. 64–65 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 66–67.

73

**Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминным**

26 июня 1930 г.

В дополнение моих предыдущих показаний сообщаю, что еще в 1926 г. по предложению С. Ф. Платонова, член организации, эмигрант и быв[ший] уполномоченный Академии наук при Ватикане (член-корреспондент Ак[адемии] наук) Евгений Францевич Шмурло, ныне живущий в Италии, сделал доклад Папе Пию XI о бедственном положении русской церкви и о преследованиях со стороны соввласти. Папа выразил тогда принципиальное согласие помочь зависящими от него средствами православной церкви и гонимому духовенству. Об этом результате Шмурло уведомил сразу же Платонова, находившегося за границей.¹ Последствиями этого разговора было явное ухудшение отношения² Ватикана к СССР и враждебные заявления римской курии в итальянской прессе по поводу преследований церкви в СССР.

После вступления Бенешевича в организацию в начале 1927 г. Платоновым было решено использовать предстоящую поездку Бенешевича за границу для свидания с Папой Пием XI и руководящими деятелями Ватикана с целью усиления начатой Ватиканом после доклада Шмурло международной антисоветской кампании.

После предварительного, совместного с Платоновым обсуждения всех предположенных возложить на Бенешевича поручений на время

¹ В копии текст начиная от слов еще в 1926 г. до слов за границей подчеркнут, а фрагмент данного предложения от слов еще в 1926 до слов со стороны соввласти также и отчеркнут красным карандашом.

² В подлиннике слово отношения вписано Строминным без особой отметки.

его пребывания за границей (июнь-сентябрь 1927 г.), я передал лично Бенешевичу предложения организации, сводившиеся к следующему:

1) Связаться с Ватиканом и сделать в крайне осторожных выражениях сообщение о существовании организации.

2) Сделать подробный доклад о церкви в СССР и о продолжающихся преследованиях духовенства.

3) Выяснить мнение Ватикана о своевременности унии между римско-католической и православной церковью и на каких условиях это было бы возможно.

По возвращении Бенешевича из-за границы, он о результатах своих переговоров сообщил следующее: в Ватикане он беседовал по существу полученных поручений с кардиналами Пальмьери и Меркати. Он сделал им сообщение как о существовании организации, так и о положении христианских церквей и духовенства в СССР и о наблюдающихся в СССР стремлениях к церковной унии.

Доклады его вызвали очень большой интерес и сочувствие. Соответствующий доклад об его сообщениях был сделан затем Папе Пию XI, который настолько всем этим заинтересовался, что пожелал лично выслушать Бенешевича.

В продолжительной аудиенции у Папы Бенешевич вновь в весьма мрачных красках обрисовал положение церквей всех христианских исповеданий в СССР, о непрекращающихся гонениях духовенства, о росте в СССР интереса к церковной унии и о существовании организации, нуждающейся в материальной и моральной поддержке в своей борьбе за изменение в России государственного строя. По поводу всего вышеизложенного Папа выразил полное сочувствие, и в конечном итоге Бенешевичу было объявлено, что Ватикан думает возвысить голос против преследования духовенства в СССР и поднять широкий протест в мировом масштабе.

В отношении вопроса об унии церквей, соединение их признается в высшей степени желательным, и будут предприняты все меры к скорейшему осуществлению этого плана, выполнение которого на территории СССР частично возлагается на организацию.

Что касается помощи самой организации, Ватикан обещает ей полную поддержку, предоставляя ей необходимые средства для расшире-

ния ее деятельности в области агитации среди верующих и материальной поддержки гонимого духовенства.¹

Приблизительно в октябре 1927 г. глава организации Платонов был извещен через служащего польского генерального консульства в Ленинграде о переводе на его имя из Ватикана денег в сумме трехсот пятидесяти тысяч (350 000) руб[лей], которые впоследствии на протяжении пяти месяцев были ему лично переданы через посредство польского генерального консульства в Ленинграде в четыре приема и австрийского посольства в Москве — в два приема.

Как мне совершенно достоверно известно через Платонова, Бенешевича и Крачковского Игнатия Юлиановича, эти деньги были Ватиканом пересланы папским нунциям в Варшаве и Вене, после чего в Варшаве они были переданы нунциям для дальнейшей отправки в Ленинград через посредство архиепископа Варшавского, а в Вене деньги были переданы нунциям для отправки австрийской дипломатической почтой.² Выбор пути через Вену объясняется, как мне объяснил Крачковский, соображениями чисто конспиративного свойства, и, кроме того, отношения Австрии с СССР лучше, чем отношения с Польшей.

Платонов сообщил мне, что деньги, идущие через Варшаву, доставляются ему на дом чиновником польского генерального консульства в Ленинграде, а идущие через Вену он получает в Москве в австрийском посольстве, куда специально он дважды заезжал.

По вопросу о распределении этих денег в квартире Платонова происходили неоднократные обсуждения, на которых, кроме меня и Платонова, присутствовали Лихачев, Измайлов и Рождественский.

Мы пришли к заключению, что в первую очередь поддержка должна быть оказана лицам, входящим в категории:³

а) Семьи пострадавших от преследования (вдовы расстрелянных духовных лиц, семьи духовных лиц, находящихся в заключении и ссылке, а также лишенных прихода).

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

² В копии текст от слов Приблизительно в октябре 1927 г. подчеркнут и отчеркнут красным карандашом.

³ В копии текст от слов Платонов сообщил мне подчеркнут и отчеркнут красным карандашом.

б) Духовенство, принимавшее участие в белом движении в эпоху гражданской войны.

в) Духовенство, которое будет вести агитационную работу в духе идей организации, а также в пользу церковной унии.

г) Быв[шие] профессора духовных академий и преподаватели семинарий.

д) Духовенство и миряне, пострадавшие во время изъятия церковных ценностей.

е) Духовенство, ведущее активную борьбу с живой церковью.¹

На этих совещаниях намечено было распределение полученных сумм на поддержку означенных категорий духовенства в следующих городах:

1. Ленинград (сто тысяч руб[лей] (100 000))
2. Москва (сто пятьдесят тысяч руб[лей] (150 000))
3. Харьков (тридцать тысяч руб[лей] (30 000))
4. Киев (сорок тысяч руб[лей] (40 000))
5. Ярославль (десять тысяч руб[лей] (10 000))
6. Одесса (десять тысяч руб[лей] (10 000))
7. Новгород (десять тысяч руб[лей] (10 000))
8. Н[ижний] Новгород (пять тысяч руб[лей] (5000))
9. Н[ово] Николаевск (две тысячи руб[лей] (2000))
10. Новочеркасск (две тысячи руб[лей] (2 000))
11. Саратов (пять тысяч руб[лей] (5000))
12. Минск (тридцать тысяч руб[лей] (30 000))
13. Томск (три тысячи руб[лей] (3000))²
14. Тобольск (три тысячи руб[лей] (3000))
15. Чита (три тысячи руб[лей] (3000))
16. Тамань (две тысячи руб[лей] (2000))
17. Симферополь (три тысячи руб[лей] (3000))
18. Ялта (пять тысяч руб[лей] (5000))
19. Новороссийск (три тысячи руб[лей] (3000))
20. Воронеж (пять тысяч руб[лей] (5000))
21. Бердянск (две тысячи руб[лей] (2000))
22. Екатеринослав (три тысячи руб[лей] (3000))

¹ В копии пункты а–е отчеркнуты красным карандашом.

² В копии вместо три тысячи руб[лей] (3000) напечатано тридцать тысяч руб[лей] (30 000).

23. Житомир (три тысячи руб[лей] (3000))
24. Псков (три тысячи руб[лей] (3000))
25. Петрозаводск (три тысячи руб[лей] (3000))
26. Полтава (три тысячи руб[лей] (3000))
27. Нахичевань (пятнадцать тысяч руб[лей] (15 000))¹

В Нахичевань было ассигновано пятнадцать тысяч руб[лей] для армяно-григорианского духовенства² вследствие убеждения, что Папа им специально интересуется.

При ассигновании денег г[ороду] Воронежу было принято во внимание, что там духовенство пострадало в связи с изъятием мощей св[ятого] Митрофана Воронежского, гор[оде] Ярославлю, что там имеются пострадавшие и нуждающиеся со времени гражданской войны и восстания, а гор[оде] Тобольску, что там придется поддержать пострадавших за сочувственное отношение к семье Николая Романова.

Г[орода] Псков, Петрозаводск, Новгород и Вологда должны были быть удовлетворены из сумм, ассигнованных на Ленинград.

Г[орода] Ярославль, Воронеж, Саратов и другие <города> центральной полосы РСФСР — за счет сумм, отпущенных для Москвы.

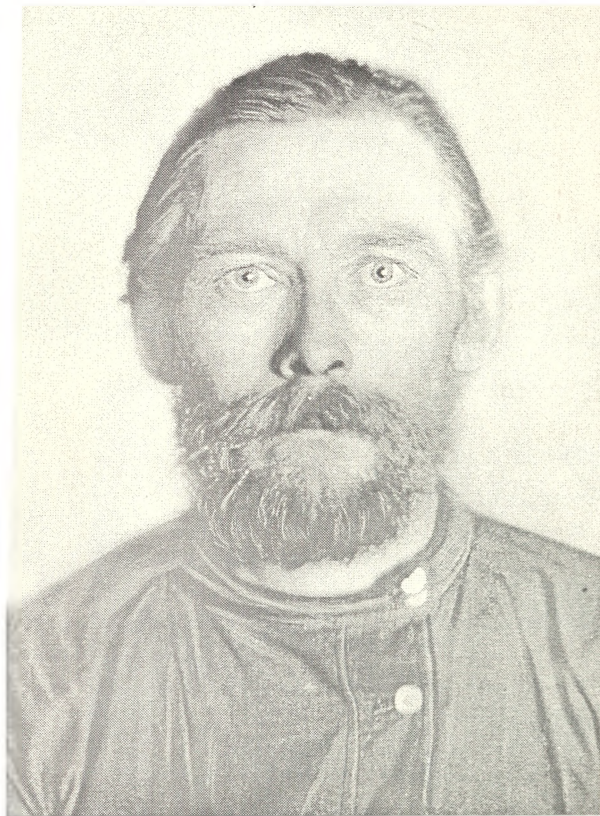
Для выяснения числа степени нуждающихся среди духовенства в Ленинграде должна была быть образована комиссия из молодежи, близко стоящей к организации. В Москве, по словам Платонова, такая комиссия уже начала работу. Из конспиративных соображений было решено для раздачи денег обратиться к посредничеству лиц, непосредственно с организацией не связанных. В Ленинграде было предположено <обратиться> прибегнуть к следующим лицам:³

- 1) Тураевой Елене Филимоновне, вдове акад[емика],
- 2) Султан-Шах, быв[шей] преподав[ательнице] Ин[ститу]та им. Герцена,
- 3) Мурзину Илье Петровичу, библиотекаря ЛГУ,
- 4) Добиаш-Рождественской Ольге Антоновне.

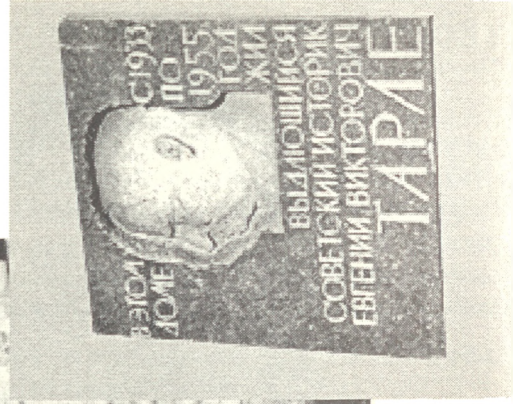
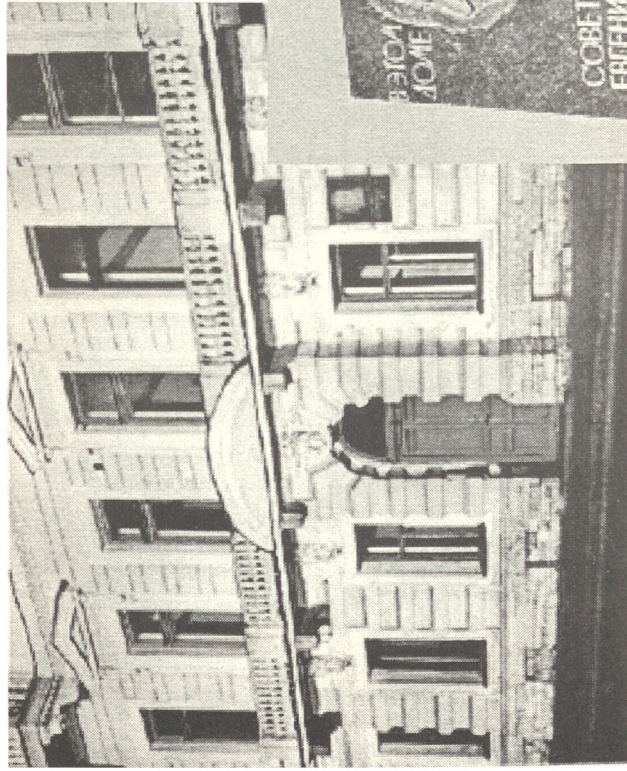
¹ В копии пункты 1–27 отчеркнуты красным карандашом.

² В копии слова В Нахичевань было ассигновано пятнадцать тысяч руб[лей] для армяно-григорианского духовенства подчеркнуты красным карандашом.

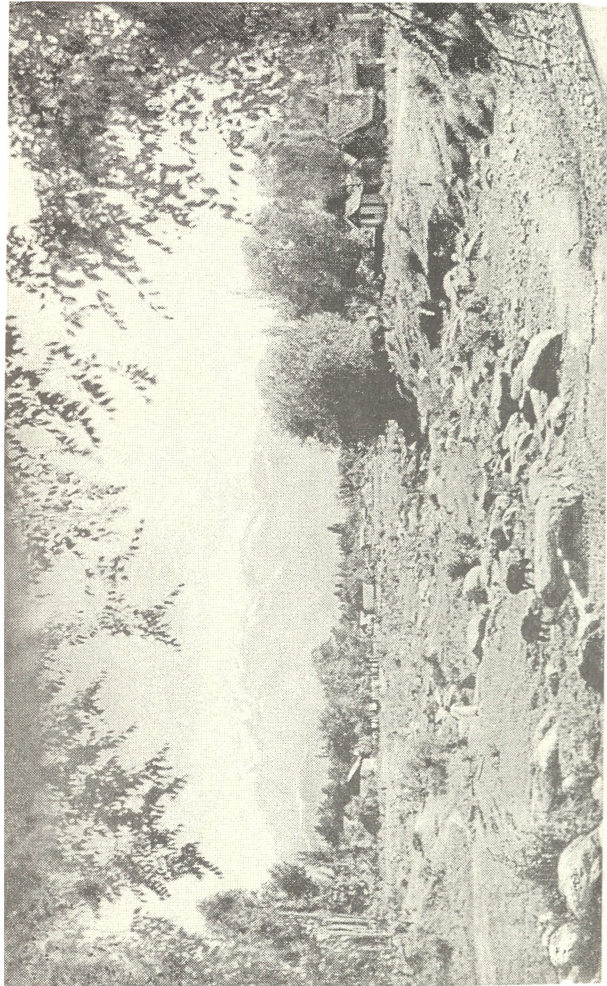
³ В копии текст всего абзаца подчеркнут красным карандашом.

Е. В. Тарле. Фотография из следственного дела.
Ленинград, 1930 г.

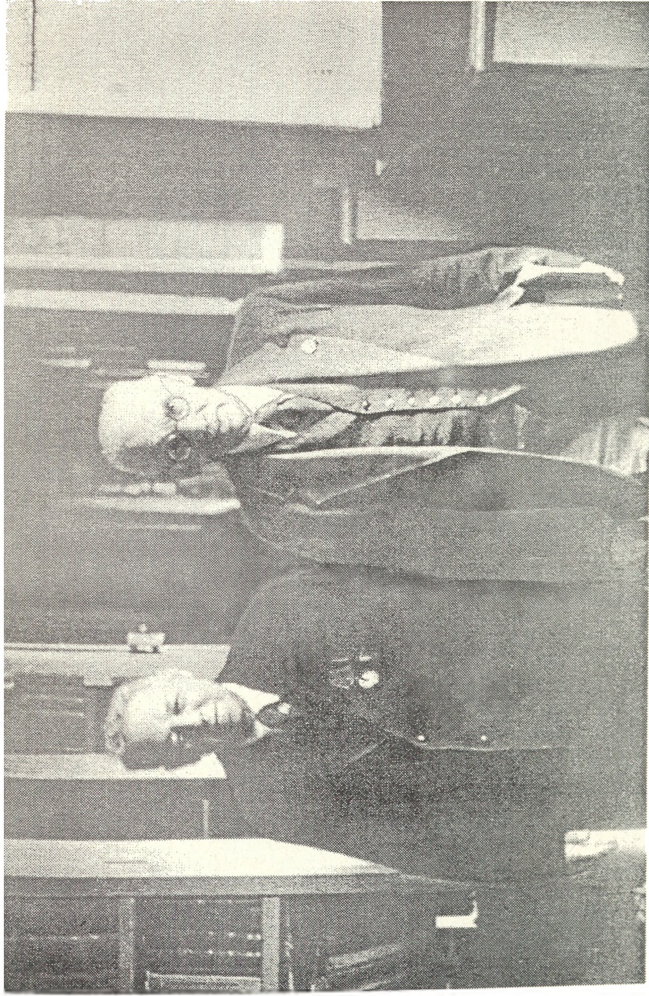
Дом на Дворцовой наб., 30. Здесь, в бывшей квартире графа С. Ю. Витте, жил Е. В. Тарле.

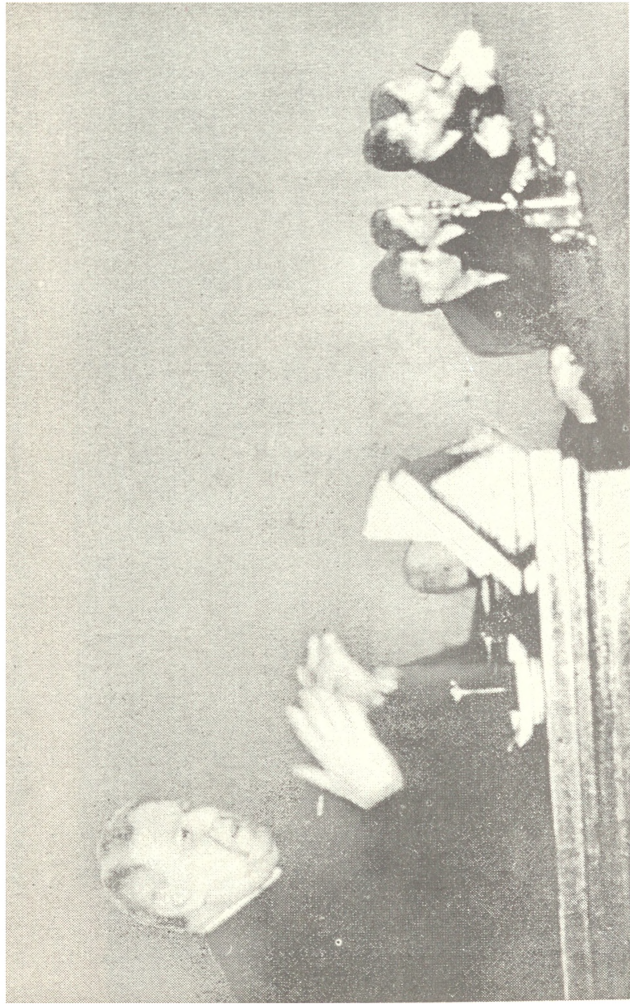
Дом на Побережной улице в Алма-Ате, где Е. В. Тарле жил в 1931–32 гг.

Е. В. Тарле.
Фотография подарена им Р. М. Плехановой-Боград.
1944 г.

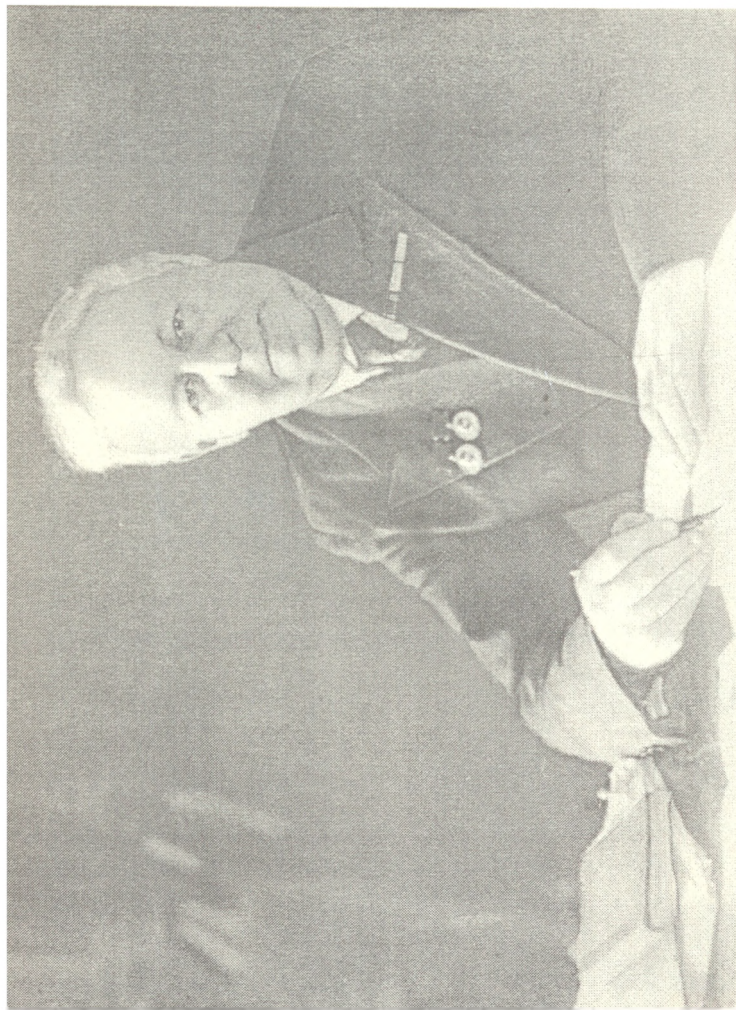
Академики Е. В. Тарле и И.И. Мещанинов в Библиотеке Академии наук СССР.
1945 г.

**Е. В. Тарле на заседании Ленинградского отделения Института истории СССР
Конец 1940-х — 1950-е гг.**

Е. В. Тарле и О. Г. Тарле.
1950-е гг.

Е. В. Тарле.
1950-е гг.

Помимо них, в Ленинграде должны были принять участие и члены организации:

- 5) Рождественский Сергей Васильевич,
- 6) Васенко Платон Григорьевич,
- 7) Дружинин Василий Григорьевич,
- 8) Гревс Иван Михайлович,
- 9) Чепурин Николай Викторович, священник,
- 10) Петров Александр Александрович (БЮК АН)¹.

Из лиц, кому деньги были выданы здесь, в Ленинграде, мне запомнились фамилии:

1) Кущевского	– было выдано 300 руб[лей],
2) Орлова (свящ[енник])	– « « 300 « ,
3) Вознесенского (свящ[енник])	– « « 500 « ,
4) Китаева (диакон)	– « « 300 « ,
5) Тураевой Е. Ф. (монахиня)	– сколько, не знаю,
6) Лященко (свящ[енник])	– было выдано 300 руб[лей],
7) Белавина (свящ[енник], г. Ижоры)	– « « 300 « ,
8) Парамонова (свящ[енник])	– « « 500 « ,
9) Черномский (свящ[енник])	– « « 500 « ,
10) Свящ[еннику] Дмитрию
(Введенская церковь)	– сколько, не помню,м
11) Семье свящ[енника] Орнатского	– выдано 1000 руб[лей],
12) Яковенко Александр
(свящ[еннику], Ростов н/Д)	– выдано 500 руб[лей],
13) Священнику храма «Всех скорбящих» и священнику и диакону
храма «Воскресение на крови»	– первому 500 руб[лей],
– второму 300 руб[лей] ²

Заранее было решено: в случае проявления интереса со стороны получающих деньги к вопросу об их происхождении — объяснять, что деньги получены путем добровольного сбора среди верующего населения.

На эти деньги, согласно желанию Ватикана, организация должна была приложить усилия к разысканию родственников трех расстрелян-

¹ В копии пункты 1–10 отчеркнуты красным карандашом.

² В копии пункты 1–13 отчеркнуты красным карандашом.

ных совластью в первые годы революции ксендзов, снабдить их надлежащей суммой денег и переправить нелегально за границу. Помимо того, организация должна была выяснить местонахождение библиотеки закрытой совластью Римско-католической академии, выкупить ее и также переправить за границу, в Польшу. Были ли выполнены эти просьбы Ватикана, я не знаю, т. к. в 1929 г. долго находился за границей и не был в курсе этого дела; во всяком случае, когда обсуждался вопрос о нелегальной переправе через границу семей и родственников расстрелянных ксендзов, Платонов информировал, что за переправой остановки не будет, лишь бы выяснить их местожительство. Он сказал по этому поводу, что нелегальной переправой через границу занимается целая организация, которая за большие деньги (тысяча руб[лей] с человека) безопасно проводит через границу и что в случае надобности он обратится к этой организации.

Деньги, полученные от Ватикана, были отчасти в советских рублях, а отчасти в американских долларах и германских марках.¹ Были ли розданы все полученные деньги, я сомневаюсь, вернее, по моему предположению, значительная ее часть не была израсходована. Вообще можно было констатировать, что Платонов вовсе не собирался истратить всю эту сумму на благотворительность; напротив, у него было стремление оставить побольше для нужд и целей организации.¹ Отчитаться за эти деньги он должен был в течение шести месяцев, причем, согласно условиям, отчет не должен был иметь подписи, подробных указаний и фамилий. Он должен был содержать только перечень статей расходов и сумм по каждой статье в отдельности.

Пересылаться этот отчет должен был через германскую дипломатическую почту. Хранились обычно эти деньги на квартире Платонова и отчасти в квартире Рождественского С. В.² Хранение в советских банках было признано невозможным и опасным.

Между прочим, сотрудник польского консульства, приносивший эти деньги, намекал Платонову, что время от времени из Польши могло бы специально приезжать духовное лицо для ознакомления с ходом распределения денег, но Платонов сразу запротестовал и признал при-

¹ В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

² В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

сылку каких бы то ни было «ревизоров» излишней.¹ Распределением денег в Белоруссии должен был отчасти заняться Евфимий Федорович Карский. В Харькове аналогичной работой должны были заняться Бузескул Владислав Петрович и Багалея Дмитрий Иванович.

Открывая счет для нашей организации, Ватикан не ограничил его определенной суммой.

Как Ватиканом, так и организацией эта помощь рассматривалась как первый шаг по пути к установлению отношений, при которых стало бы возможным соединение церквей.

Возвращаясь к вопросу о хранении иностранной валюты в квартире С. В. Рождественского, должен сообщить, что он дважды неофициальным путем получал деньги из-за границы (один раз от Маклакова, а другой раз от Гучкова) в сумме 350 долларов.

В дополнение к своим показаниям от 24 июня по вопросу о названии организации должен сообщить, что полным ее названием является не «Всенародный союз возрождения свободной России», а «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

В правильности своих показаний подписываю	Е. Тарле
Допросил:	Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромин; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 3. Л. 68–77.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 78–82.

74

**Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминим**

28 июня 1930 г.

В дополнение моих показаний от 26 июня с. г. по вопросу о связи организации с Ватиканом — должен сообщить, что забыл указать на

¹ В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

отношение к этому делу проживающего ныне¹ в Варшаве проф[ессора] Фаддея Францевича Зелинского.

Зелинский находился все время в постоянных сношениях с членом организации Владимиром Николаевичем Бенешевичем, который систематически снабжал его сведениями как о положении церкви и духовенства, так и положении интеллигенции и ученых. Эти сведения, в свою очередь, Зелинский передавал <сведения> польским государственным деятелям и в Ватикан, с которыми он в течение ряда лет <он> тесно связан.

Сравнительно незадолго до поездки Бенешевича в Рим в Ватикане побывал Зелинский. Он сделал там в соответствующем духе доклад о положении церквей в СССР и подготовил определенное мнение и благоприятную почву для приема Бенешевича.

Позднее тот же Зелинский сообщил Бенешевичу об ассигновании и высылке Ватиканом денег для организации и помощи духовенству.

Когда Бенешевич передал это известие мне и Платонову, он отметил, что Зелинский написал об этом по обыкновению иносказательно, назвав при этом Папу «Petrus», под именем которого он фигурирует постоянно во всей их переписке о Папе и Ватикане.

Между прочим, мне известен факт передачи Зелинскому ряда сведений через сестру жены Бенешевича, которая вместе со своим мужем, японским профессором, проезжала через СССР, направляясь к отцу в Польшу в 1924 г. Мне рассказывали об этом случае супруги Бенешевичи, причем было указано, что эти сведения касались следующих вопросов:

- 1) Обстоятельств, сопровождавших изъятие церковных ценностей.
- 2) Процесса церковных деятелей и верующих, протестовавших против изъятия этих ценностей.
- 3) Казни епископа Вениамина.
- 4) Роста религиозных настроений в народе по поводу имеющих место в разных районах Украины случаев «чудес» (обновления икон и куполов церквей).

¹ В копии вместо ныне напечатано после.

- 5) Характеристики деятелей «живой церкви», в частности Введенского.
- 6) Об антисоветской демонстрации на выставке картин, среди которых была картина, изображавшая «казнь священника».
- 7) О содержании патриарха Тихона под стражей.

О существовании организации Зелинский знал от Бенешевича, а отчасти и от Платонова. Платонов, стремившись завязать сношения с Пилсудским, первые шаги в этом направлении сделал через Зелинского, который в 1928 г. (июль м[еся]ц) передал его письмо с просьбой о свидании Пилсудскому. Что касается вопроса рассылки денег по отдельным городам, должен сказать, что допускаю, что не все города были мною названы. Я запомнил только те города, о которых говорилось при мне и относительно которых в обсуждении упоминались какие-нибудь особенности. Между прочим, деньги были также посланы в гор[од] Елатьма, являвшийся родиной члена организации Богословского. При распределении денег между городами придерживались следующих трех критерий, согласно которым в преимущественном положении должны были оказаться:

- 1) Города, особенно жестоко пострадавшие во время гражданской войны и изъятия церковных ценностей.
- 2) Города, где церкви отличаются особым историческим и художественным значением, и
- 3) Города, отличающиеся церквями в количественном отношении, и где имелось в виду оказать помощь как католическому, так и армяно-григорианскому духовенству.

К первой категории были отнесены: Ярославль, Киев, Одесса, Харьков и др[угие]. Ко второй категории были отнесены: Псков, Новгород, Москва, Воронеж, Ленинград и т. д. К третьей категории — Саратов, Петрозаводск, Минск, Житомир, Нахичевань и т. д. Перечисленные мною в прошлых показаниях города мне запомнились по следующим основаниям: Полтава — вследствие пребывания там В. Г. Короленко и родственных связей его с местным духовенством, Новочеркасск — вследствие того, что там находился мой быв[ший] товарищ по Юрьевскому университету, проф[ессор] Петр Ал[ексан]дрович Яковенко, отец которого священник; Томск, Ново-Николаевск, Чита,

Тобольск — именно потому, что этим сибирским городам была назначена помощь, несмотря на малое количество церквей, Тамань потому, что она пострадала во время гражданских войн и, кроме того, связана с названием знаменитого рассказа Лермонтова; Минск, Нахичевань, Житомир — потому, что там имелось в виду католическое и армяно-григорианское духовенство; Симферополь, Екатеринослав, Новороссийск, Бердянск, Ялта — вследствие того, что с ними связаны воспоминания о знакомых, живущих в этих городах, и того, что во время обсуждения об этих городах говорилось как о серьезно пострадавших во время гражданской войны. На одном из совещаний по этим вопросам по предложению Платонова было также решено выдавать постоянную ежемесячную пенсию, минимально в 75 руб., семьям расстрелянных духовных лиц, а также быв[ших] проф[ессоров] закрытых духовных академий, не имеющих заработка. Из последней категории имели в виду помочь семье быв[шего] проф[ессора] Киевской дух[овной] акад[емии] Завитневича и быв[шим] проф[ессорам] Петроградской дух[овной] акад[емии] Ивану Ивановичу Соколову и Бриллиантову. Других сейчас не помню. В правильности своих показаний подписываюсь.

Евг. Тарле

Допросил:

Стромин

Р. С. Когда Бенешевич рассказывал мне о результатах, достигнутых в Риме, он отметил, что вопрос о помощи духовенству был разрешен в положительном смысле без всяких затруднений и трений. Извещен об этом он был сразу же после свидания с Папой кардиналом Пальмьери.

Один из ксендзов, о родственниках которых справлялся Ватикан, был из Ленинграда, другие два из провинции. Насколько помню фамилия одного из расстрелянных ксендзов была — Болган или Булган.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромина; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 3. Л. 83–86 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 87–89.

Подписано к печати 1.VII. 98
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,14. Уч.-изд. л. 27,39
Тираж 1500 экз. Заказ № 93

* * *

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1)
Ротапринт РПМ Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1)